
Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2015

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Иван ЛЕОНОВ. Кары современной цивилизации	3
Валентин КАТАСОНОВ. «Русская тайна» или очередной блеф?	11
Алексей ШВЕЧИКОВ. Тоталитарная секта по имени США	137
Людмила КЕШЕВА. Возможен ли четвёртый рейх?	158
Людмила ФИОНОВА. От роста к балансу	181

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Провинция слёз. Роман	16
Михаил ЕСЬКОВ. Мать. Рассказ	163
Антон ЛУКИН. Первое апреля. Рассказ	194

ПОЭЗИЯ

Николай РАЧКОВ. В родных полях. Стихи	130
Александр ИВУШКИН. Шагну тебе навстречу. Стихи	134
Анна ПЕРЕВОЗОВА. Что тебе снится? Стихи	171
Борис ОРЛОВ. Чистые дороги. Стихи	177

Владимир МОЛЧАНОВ. Ранний полёт. Стихи	200
Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА. Свет одиноких фонарей. Стихи	205

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Ирина МЕДВЕДЕВА. Почему появилось так много психов?	208

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Максим БЫКОВ. Они это сделали: обрушили рубль	213
Людмила РЯБИЧЕНКО. Охотничий билет на человека ...	219

РУССКИЙ ВОПРОС

Владимир ТУРЧЕНКО. Остановить притеснения русских!	224
Марк ЛЮБОМУДРОВ. Размышления о Всемирном русском соборе	236
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Имя народа — знамя его	243

ПОДВИЖНИКИ

Нина БОЙКО. Стратег. Окончание	249

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

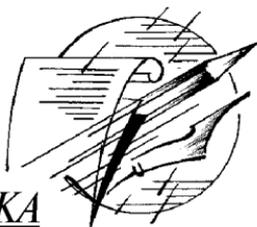
Валерий ХАТЮШИН. Четверть века с «Молодой гвардией»	281

КАРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кровавые события на Украине режут Русский мир по живому, не оставляя равнодушными никого по обе стороны так и не закреплённой до сих пор международным договором государственной границы между двумя братскими народами. Нет недостатка в оценках причин жесточайшей необъявленной войны в самом центре Европы, а также в прогнозах её последствий.

Не покидает чувство надвигающейся всемирной бури. Но также всё чаще слышим мы, что закончилась или заканчивается разруха в головах, наступает отрезвление от либерального морока 90-х годов, всё отчетливее ожидания возрождения России: экономического, политического, нравственного. А кто-то уже утверждает, что русские встали с колен. Россия больше не поражена духовной катастрофой. Перевернута страница истории.

Чтобы увидеть цельную картину, надо учитывать контекст. Только из мирового контекста можно понять тенденции, происходящие в стране и мире. Тем более, что вызовы или угрозы, перед которыми стоит Россия, кажутся, так или иначе, всего мирового сообщества.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Война на Украине — это не только война между малороссами, т.е. украинцами и преимущественно русскими Малороссии бок о бок с российскими добровольцами. Это не только война наследников нацистско-бандеровского отребья и антифашистов. Идёт война Запада с Востоком, между западной (сегодня уже антихристианской) цивилизацией и Русским миром, руками славян за неведомые им чужие интересы. Чьи это интересы — уже понятно, как и то, кто сценарист этой войны. Начался новый передел. Не окраин мира, давно поделенных между метрополиями, а самого его европейского сердца.

Не понимать причин этого, может быть, последнего внешнего вторжения, не противиться ему — значит проспять угрозу, не оценить ее опасность. При этом нельзя игнорировать слова Збигнева Бжезинского:

«Если русские будут настолько глупы, что попробуют восстановить свою империю, они нарвутся на такие конфликты, что Чечня и Афганистан покажутся им пикником».

«Мы уничтожили Советский Союз, уничтожим и Россию. Шансов у неё нет никаких». «Россия вообще лишняя страна».

«Россия — побеждённая держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздроблена и под опекой».

«Россия может быть либо империей, либо демократией, но не может быть тем и другим. Если Россия будет оставаться евразийским государством, будет преследовать евразийские цели, то останется имперской, а имперские традиции России надо изолировать. Мы не будем наблюдать эту ситуацию пассивным образом. Все европейские государства и Соединённые Штаты должны стать единым фронтом в их отношении к России».

В этих словах нет бахвальства или пустой угрозы. Это реализуемый сегодня давно разработанный план действий. Шаг за шагом Запад делает всё для наращивания конфронтации с нашей страной. Зачастую даже себе в ущерб. На что или на какие силы они рассчитывают?

Пора называть вещи своими именами. После вооружённого переворота на Украине, после «демократических выборов» президента «потрошенко» и депутатов-убийц в Верховную Раду, становится понятным, что без многолетней опоры на завербованную и прикормленную политическую элиту никакие конфетки-бараночки, щедро раздаваемые на Май-

---

дане заместителем госсекретаря США Викторией Нуланд, не могли бы столь быстро развязать братоубийственную кровавую бойню, где Украина лишь плацдарм для перенесения военных действий на территорию России.

Угрозы, ложь и лицемерие — неперменный инструментарий мягкой силы в публичной политике, а вот диапазон жесткого давления на противника и шантажа достаточно широк и используется кулуарно, с глазу на глаз. Слабого противника это делает сговорчивым.

Так, на выездном заседании Мюнхенской конференции в Москве, 22 октября 2010 года, выступая перед собравшимися, президент Медведев, в числе прочего озвучил идею, что мир нуждается в «новом мировом порядке». (Напомним, что идея «*нового мирового порядка*» как геополитическая цель была заявлена в 1991 году тогдашним президентом США Дж. Бушем в самый разгар перестройки). В частности, Медведев, не уточняя деталей, добавил: «В изменяющемся мире меняются и позиция России в Европе... Россия сохранит свои приоритеты, но кое-что изменится». Один из участников конференции, цитируемый выше Збигнев Бжезинский, в ответном слове, обращаясь к Медведеву, ободряюще сказал: «Вами восхищаются все в Америке... Особенно потому, что вы так откровенно и убедительно говорите о том, что модернизация России неразрывно связана с демократизацией. Эти два процесса идут рука об руку, и это тронуло сердца в Америке. Меня это вдохновляет: беседовать с молодым российским президентом, который создает исторические возможности».

Столь грубая лесть, как столь же подчеркнуто грубая двусмысленность, повергла тогда многих в изумление. Уж кому-кому, а политикам должно быть хорошо знакомо высказывание старого лиса Збига: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России».

Ещё несколько лет назад термин «пятая колонна» был табуирован либеральными СМИ, к нему относились с иронией как образцу конспирологии маргинальных блоггеров. Сегодня представители этой самой «пятой колонны» более чем откровенны. Они ощущают себя частью тех кругов, которые идут на открытую конфронтацию с Россией. И, например, Альфред Кох снисходительно рассуждает: *«Вот вы кричите: пятая колонна, пятая колонна... Это всё так, всё верно: национал-предатели, печенки, иностранные агенты... Только вы не забывайте, что та, реальная пятая колонна (в Испании) — она-то победила! Вы когда орёте, то этого факта не забывайте! Мало ли чего, жизнь длинная...»*

Любознательный читатель может самостоятельно ознакомиться с ключевой ролью Альфреда Коха под руководством американских кураторов по уничтожению суверенитета, развалу экономики, финансов, разграблению всенародной собственности некогда крупнейшей экономики мира.

На что или на кого собирается опираться ЭТА пятая колонна, кого она воспитала? Какими технологиями руководствуется по зомбированию народа?

Здесь уместно вспомнить янычар, насильно вырванных из родной среды с её традициями, культурой, цивилизационным кодом, которых сызмальства усиленно «раскодировали» и перевоспитывали как жестоких головорезов против своих родных и близких: православных грузин, сербов, болгар, казаков тогдашние властелины юго-восточной Европы. Сегодня этот метод духовного насильного перевоспитания молодёжи вышел на новый, более высокий глобальный уровень.

У многих приходит понимание (всё чаще приходится слышать и читать об этом), что мир охватила зараза пострашнее сеющего страх вируса Эбола. С помощью профессионалов высочайшего класса этот вирус внедряется в наше сознание, и он запускает в организме механизмы страха, безысходности и безволия, ненависти и ничем не объяснимой лютой жесткости.

Это так называемый информационный вирус, от которого происходит интоксикация всего организма современного мира. В сознании людей стираются границы и меняются местами привычные понятия добра и зла, патологии и нормы, истины и лжи.

Характерные симптомы заражения: на ранних стадиях — бездумное и безумное доверие средствам массовой информации и пропаганды. С течением болезни развивается нетерпимость к чужому мнению на фоне отсутствия собственного. В финальной стадии — агрессивность до умопомрачения в защите чужих неведомых интересов. Самая благоприятная среда для размножения этого вируса — атомизированное бездуховное общество.

Об этом состоянии всеобщего духовного недуга в IV веке предупреждал ещё Афанасий Великий — что верным чадам Церкви будут бросать в лицо: «Вы безумствуете, потому что не хотите разделять наше безумие, но мы заставим вас быть как все».

Об этих «вирусах» пророчествовал также и Достоевский во сне Раскольникова: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей.

Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые».

Как тут не согласиться с иереем Алексием Морозом, что трудно, не насилуя разум, поверить в то, что хаос, в который погружается мир, управляем из некоего человеческого «центра». За конвульсиями политиков и версиями политологов слишком явно уже слышен глумливый хохот из преисподней. Безусловно, есть деятели и влиятельные группы, заинтересованные в хаотизации мира, но большинство из них не ведают, что являются не субъектами (как им мнится), а объектами хаотизации.

Вспомним, может быть, самую важную часть поистине дьявольского плана США — высказывание Бжезинского в августе 1991 года: «После коммунизма главным врагом США становится Православие».

В последние десятилетия все силы, враждебные Русскому миру, и в первую очередь враждебные Церкви Христовой, направлены именно на то, чтобы расколоть единство Русской Православной Церкви, оторвать с кровью от неё огромную часть церковного народа — жителей Малой Руси, малой Родины всех русских. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что против Русской Православной Церкви на Украине начались открытые гонения, в том числе со стороны греко-католического священства. Это хорошо продуманная составляющая информационной войны — лишь часть духовной составляющей наступившей Третьей мировой войны.

«Пятая колонна», это не миф диванных *«политологов-конспирологов»*, это не толпа либеральных тётки с белыми ленточками, представитель культуры, шоу-бизнеса и инфантильных 30-летних «юношей» без царя в голове, которым нет никакого дела до защиты Родины — «этой страны». Настоящая «пятая колонна» — реальная сила, засевшая, растворённая в самых верхних эшелонах власти, цепные псы архитекторов «нового мирового порядка», тех, кто по указке своих зарубежных хозяев, без сопротивления покорно принимают втайне от народа сатанинские законы.

При попустительстве государства в средствах массовой информации, на телевидении, в Интернете, через систему образования, через принятие соответствующих законов навязываются главные признаки расчеловечивания человека — всеобщее растрение и пропаганда греха как нормы — на фоне толерантности как синонима равнодушия и охлаждения любви.

Каждый принятый антисемейный закон приближает нас к смерти духа и наполняется всё более зловещим, inferнальным смыслом. Семья — основа общества и государства. **Против семьи, семейного воспитания и образования во всем мире объявлена глобальная война.** Разрушь основу — рухнет всё здание государственности. Для этого в России законодательно закреплено изъятие детей из семьи по надуманным поводам, узаконена принудительная стерилизация, принудительные аборты по социальным показателям и фетальная терапия из абортивного материала, в том числе для омоложения, повышения потенции, потребностей косметики, производства вакцин, усилителей вкуса и проч.

Людмила Рябиченко пишет: *«Толерантное отношение к своим пародам, гордости содомитов, уже плавно перешло к реальным фактам официальной регистрации брака в государственных учреждениях России союзов содомитов: 7 августа 2014 г. — в Москве и 7 ноября 2014 г. — в Санкт-Петербурге. Никто не отреагировал на оба события и на всего лишь две статьи по принудительной ломке норм общественной морали и нравственности.*

Итак, содомиты в России уже правят бал. Они глумятся над принятым недавно законом о запрете пропаганды извращений несовершеннолетним, называют своё непотребство «традиционными семейными ценностями». Базовый механизм — ломка запретного, вызов общественной морали. Цель — уничтожение авторитета Церкви, её десаκραлизация».

А депутаты? Они не снимают с обсуждения проект закона о гендере — модельного закона о приоритете прав извращенцев. Депутаты ГосДумы противятся принятию закона о запрете пропаганды педофилии — не потому ли, что влиятельное мировое педофильское лобби уже объявило 22 декабря — канун «западного Рождества» — Международным Днем любви к детям, а от России требуют ставить либеральные права человека выше норм нравственности и морали.

Божественную тайну рождения превратили в выращивание детей из пробирки (in vitro) — ЭКО и суррогатное материнство, что уже закреплено законом. Использование спермы для этих манипуляций от одного донора для сотен и тысяч мечтающих о материнстве бесплодных женщин может привести к неконтролируемому кровосмешению (инцесту), что рано или поздно будет также легализовано. И уже узаконили «презумпцию согласия» на изъятие органов у умерших или не совсем умерших. «Презумпция согласия» на изъятие органов уже приводит к новым невиданным доселе формам организованной преступности —

государственной. «Чёрная» трансплантология становится яркой приметой локальных войн нового типа.

Итог всех этих законов — духовная катастрофа. Процесс этот координируется во всемирном масштабе. Законодатели рубят сук, на котором сидят. Ибо разрушение семьи означает не что иное, как разрушение самого государства.

Что касается судьбы России, то многое будет зависеть от нравственного состояния общества. И это состояние можно определить по отношению народа к уже принятым сатанинским законам, смыслом которых является принцип современной цивилизации — любые потребности суть права человека.

Наш век — век обмана и лжи. Когда ложь поставлена во главу угла, правда исчезает как понятие. Мы знаем, что отец лжи — это дьявол. Всякий человек, который лжет, является проводником демонической разрушительной идеи. И естественно, став проводником такой силы, человек уже не может не лгать, потому что ложь — это его суть. Наконец, он начинает обманывать сам себя и, в конце концов, перестаёт различать добро и зло.

Вот исповедь зомбированного украинского солдата-срочника, одного из современных янычар, решившего дезертировать после того, как он узнал о смерти в военном госпитале (!) легко раненного друга, которого вынес на плечах с поля боя. Если «локальная» война перекинется на нашу территорию нас ожидает то же самое:

«Я втик. Нас послалы вбивать. Цэ дуже страшно. Кожен день кров, трупы, куски м'яса. Нас вже не считают за людэй. Мы як тараканы. Но тэ, счо я побаячив и в страшному сну не побачишь. Привезла мэдицина з Парижу двух поцив, казалы, ликовать нас буде... Мэдики казалы, Костик помэр. Як помэр? Тила нэ маэ. Ещэ троих нэ маэ. А таких за всё время — десяткы... Грузовики з морозилками. Поци бигають, грузят. Кожен дэнь, кожен день. З чомоданами з операцывной выходят. Медик мнэ всё прояснил. Кажэ в таких чомоданах органи выносят. На нас зарабатуют. Яка цэ вийна? Нас всых ложать, разбирають. Все мы органи ходячи... Нас разбиорають. Як це? За що? Мы ж свои! Пусть сепаротях тих разбирають, их нэ жалко... Но мы-то захышыаем Родину... Нэчого, я выкручусь. А Костю я им нэ прощю».

При военном противостоянии важен духовный настрой каждого, вовлечённого в противостояние. За кем-то стоит Запад и его геополитическая мощь, финансы, средства влияния на сознание и мировоззрение человека, эффективные технологии разрушения нашей государственности и, как следствие, духовное перерождение — явление ныне распро-

---

транённое. Для духовного перерождения должны быть и соответствующие предпосылки. За организаторами необъявленной бойни на юго-востоке Украины угадываются неведомые тёмные силы. Поэтому эта война не обычная, против плоти и крови, а открытая война Света и тьмы. Истинная конечная цель этой вселенской духовной брани, её сверхзадача — победа тьмы над Светом и установление мирового господства.

Другим участникам уготовано духовное возрождение, самопожертвование, готовность живот свой положить за други своя. Их участь мученичество. Так погибла 16-летняя девушка с позывным «Красотка», которая, прикрывая отход товарищей, с тремя гранатами бросилась под танк. Говорят, она была действительно очень симпатичной девушкой из батальона «Юная самооборона». Их было 58 человек по 16—17 лет, из них — 9 девушек, все эти молодые люди из Лисичанска. В ополчение их не приняли как несовершеннолетних. Они не знали и не могли знать, что ополченцы оставили город. Выжили и добрались до Алчевска единицы. Наёмники Коломойского из батальона «Донбасс» видели, кто отступает, что это подростки. Но каратели шли убивать. Сдаться им не предлагали.

Вот лицо войны, в самом центре Европы, самой жестокой и самой кровавой войны за последние 70 лет, причины которой никто «не может» или не хочет объяснить. На деле это репетиция массового ритуального жертвоприношения во имя убиения духа России.

Эта развернувшаяся сегодня война — черновой набросок проекта «новый мировой порядок». Его лабораторные испытания в полевых условиях... Кто окажется победителем, кто побеждённым по земным меркам, пока сказать трудно. Может статься, что поражение ждёт обе стороны. А вот кто победит в духовном плане, уже известно — тот, кто на стороне Истины, даже в том случае, если его победа окажется поражением на поле брани.

Потому что это война не только против крови и плоти, но и против начальств, против властей, против мироправителей мира сего, против духов злобы — реальная в своей обнажённости духовная брань Света и тьмы. Сопротивление ополчения вооружённым силам киевской хунты — это Священная Война в самом прямом смысле.

И для каждого из нас, наблюдающих со стороны за жестокой кровавой битвой, не закрыт личный выбор между Светом и тьмой, идеей бессмертия и карами современной цивилизации.

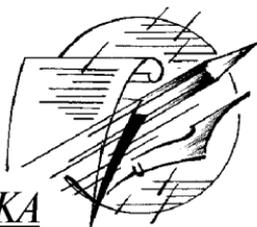
Валентин КАТАСОНОВ,
профессор, доктор экономических наук

«РУССКАЯ ТАЙНА» ИЛИ ОЧЕРЕДНОЙ БЛЕФ?

В конце 2014 года главной темой всех российских СМИ стал валютный и экономический кризис. Точкой отсчета кризиса можно считать «черный понедельник» и «черный вторник» (15 и 16 декабря 2014 года), когда произошел резкий обвал валютного курса рубля.

До этого времени наши власти были абсолютно невозмутимы. Еще 11 декабря на заседании правительства премьер Дмитрий Медведев был настроен оптимистично. По крайней мере, снижение курса рубля (которое началось еще с лета) премьер не считал критичным. Хотя уже в ноябре курс рубля уже начал резко падать, пробив планку в 45 рублей за 1 доллар США. Медведева это не смутило. Более того, он с гордостью отметил, что России удалось подойти к концу года со сбалансированным бюджетом и пополненными суверенными фондами. Начинаящийся кризис премьер-министр тогда определил всего лишь как «временные сложности».

В общем, валютный кризис власти проспали. Хотя есть и более жесткая версия: они этот кризис спровоцировали. С середины декабря, когда страну

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

хорошо «тряхнуло» в результате падения рубля, начались бесконечные совещания и заседания правительства (вместе с председателем Банка России Э. Набиулиной). Эксперты и журналисты еще в 2008 году подобного рода реакцию властей назвали переходом к «ручному управлению» экономикой. Вот, например, 22 декабря председатель правительства России Дмитрий Медведев провел совещание с вице-премьерами. Основной вопрос в повестке дня, как сообщили СМИ, — о «мониторинге продажи валютной выручки крупнейшими компаниями-экспортёрами». Д. Медведев на совещании оптимистично заявил, что Центральный банк при участии правительства принял целый ряд решений для стабилизации курса рубля. *«В том числе, — как отметил Медведев, — и по обеспечению более равномерного поступления валюты на рынок, что важно в любой ситуации, а тем более в ситуации повышенной волатильности, как принято говорить, которая сегодня существует на нашем валютном рынке. На прошлой неделе я встречался с компаниями-экспортёрами — это одновременно и крупные продавцы, и покупатели валюты, им средства нужны для обслуживания их долга, для закупки оборудования, для закупки комплектующих. И от того, насколько ритмично и прозрачно они проводят свои валютные операции, зависит поведение и других участников валютного рынка, которые ориентируются на то, каким образом это происходит. Баланс спроса и предложения, в конечном счёте, отражает динамику курса нашей национальной валюты. Поэтому вот такого рода работа с крупными экспортёрами должна быть продолжена. Конечно, нужно вовремя смотреть и адекватно реагировать и на откровенно спекулятивные действия — чем Центральный банк и занимается, и правительство ему в этом будет помогать».*

На заседании правительства 25 декабря президент РФ прямо заявил о включении режима «ручного управления». «Если потребуется, хотя кому-то это и не нравится, но в данном случае это абсолютно оправданно, нужно включать режим так называемого ручного управления. В данном случае ничего здесь зазорного нет», — отметил Владимир Путин.

Впрочем, президент РФ личным примером продемонстрировал, что такое «ручное управление». Еще до указанного заседания правительства он провел две встречи с представителями крупного бизнеса. Первая была с руководителями государственных компаний. Вторая — с владельцами частных. Кроме того, по некоторым косвенным данным можно судить, что Путин провел немало времени на телефоне, беседуя с нашими олигархами и начальниками бизнеса. В 1990-е годы

был у нас такой министр финансов Александр Лифшиц, который запомнился фразой, обращенной к бизнесу: «Делиться надо!» Можно предполагать, что нечто похожее говорил бизнесменам наш нынешний президент. Не буквально конечно. Шел индивидуальный торг с каждым олигархом. Каждый олигарх божился, что у него нет ничего лишнего, что все, что было у него из валюты, уже продал на рынке. Остались, мол, одни рубли, чтобы выполнить свой гражданский долг — в конце года заплатить все налоги. А также не оставить перед новогодним праздником людей без зарплаты.

В связи с той суетой, которая началась в правительстве, мне почему-то вспомнилась история судебных разборок наших олигархов в Лондоне. Опытные, бывалые, прожженные адвокаты и всякие прочие юристы Туманного Альбиона поначалу никак не могли понять хитросплетения российских финансовых и коммерческих интриг, которые описывались такими словами, как «крыша», «откат», «кинуть», «наехать», «подставить» и т.д. Сегодня эти национально-культурные нюансы английским юристам уже не надо объяснять. За несколько лет работы с нашими олигархами они вполне поднаторели в понимании «тонкостей» российской жизни, а слово «krysha» прочно вошло в английский юридический лексикон.

Но вот зарубежные финансовые и экономические эксперты до сих пор не могут понять, что такое «ручное управление». Им известно, что есть ручное управление в автомобилях для лиц с ограниченными физическими возможностями. А вот что такое «ручное управление» экономикой и финансами, для них полная загадка. У них возникает сразу целый ряд вопросов.

Чем (какой частью тела) наши чиновники осуществляют управление экономикой до возникновения кризисных ситуаций? Ногами, головой, голосом? Или, может быть, на время кризиса руки чиновников заменяют «невидимую руку» рынка, о которой еще почти два с половиной века назад писал «классик» политической экономии Адам Смит? Или, наоборот, речь идет о том, что во время кризисов в экономическую жизнь вмешивается «невидимая рука» рынка, обнаруженная английским политэкономом? Но если это так, то кто и с помощью чего управлял экономикой до кризиса? Может быть, ручное управление — синоним «административно-командной экономики»? Но тогда почему первые лица государства повторяют, что они окончательно порвали с «административно-командным прошлым» и клянутся в своем 100-процентном либерализме?

Одним словом, «ручное управление» что-то очень таинственное, что не может объяснить ни английская политическая экономия, ни теория «регулируемого капитализма» известного английского экономиста Джона Кейнса, ни марксизм-ленинизм, ни новейшие теории монетаризма и экономического либерализма.

Я ничуть не утрирую. Общаюсь с экономистами и финансистами разных стран; мои коллеги недоумевают, просят меня объяснить логику действий нашего правительства. А также ответить на вопрос: в рамках какой экономической парадигмы эта политика выстраивается? Задача не из легких. Я отшучиваюсь, приводя слова русского поэта Ф. Тютчева «Умом Россию не понять...» (*Russia cannot be understood with the mind alone...*). Имеющиеся в английском языке термины *hand control*, *hand operation*, *manual manipulation*, *manual control* и им подобные не могут адекватно отразить нынешний российский феномен «ручного управления» экономикой. Поэтому они уже пишут: *Ruchnoye upravlenie*. Наверное, этот термин со временем на Западе также прочно войдет в обращение, как «*krysha*». Пока же для подавляющей части иностранцев *Ruchnoye upravlenie* остается «русской тайной».

Никакой, конечно, тайны нет. Любой гражданин нашего «загадочного» государства, не отягощенный знаниями экономической теории, вполне доходчиво и лаконично может охарактеризовать «ручное управление» соответствующими терминами из словаря нового русского языка. Среди них: «кампанейщина», «аврал», «имитация бурной деятельности», «бестолковщина», «жизнь по понятиям», «выколачивание» и т.п. Но я не стал в переписке с моими зарубежными коллегами использовать подобные термины, поскольку они отражают иррациональную сторону русской жизни, объяснить их смысл иностранцам так же сложно, как и «ручное управление» экономики.

Здесь я, пожалуй, прерву филологическое исследование такого национально-культурного феномена, как «ручное управление». Перейду к финансово-экономической сути вопроса. Думаю, что в упомянутом выше «ручном режиме» нашему президенту, премьеру и членам правительства удалось все-таки наскрести с десяток-другой «зеленых ярдов» (в переводе с жаргона олигархов — миллиардов долларов).

Но, во-первых, эта валюта будет «спалена» (валютные интервенции) в короткий срок. Почему «спалена»? Потому что ни одна фундаментальная причина падения валютного курса рубля, несмотря на непрерывные заседания и совещания, не была ликвидирована. Отток капитала из страны продол-

---

жается, темпы не снижаются. Выплаты по внешним долгам будут производиться в ускоренном режиме (в силу вступают условия соглашений о займах и кредитах, которые называются «ковенантами»; они предусматривают погашение всей суммы долга при существенном ухудшении финансового положения заемщика). И все это на фоне снижающегося притока в страну новой валюты. К концу 2015 года, несмотря на титанические усилия власти в области «ручного управления», валютная кубышка страны может оказаться пустой. Наши власти никак не могут понять, что всё происходящее с нашим рублем — результат не «рыночной стихии», а целенаправленной экономической войны против России. Я об этом уже многократно писал и говорил, в подробности погружаться не буду.

Во-вторых, основные валютные «амбары» вообще остаются вне досягаемости руки нашей власти. Это сотни «зеленых ярдов», которые в финансовой отчетности наших олигархов не фигурируют. Наши клептоманы продолжают скрывать свои «зеленые ярды» в офшорах. Дождаясь, когда их конфискуют «последовательные борцы с офшорами» (в первую очередь США и Великобритания). Получается, что для борьбы с валютным кризисом нашей власти нужны длинные руки, которые бы дотягивались до Британских Виргинских островов и прочих экзотических заокеанских территорий. А они, эти руки, увы, крайне коротки. Наши власти даже до островов Туманного Альбиона теперь не смогут дотягиваться. Намедни власти Великобритании заявили главе Следственного комитета России Бастрыкину, что беглые капиталы из России и их беглых владельцев они нам больше возвращать не будут.

В общем, для того, чтобы осуществлять «ручное управление», как ни крути, в первую очередь, нужна голова. Голова, которая бы осмыслила тактику борьбы с валютным кризисом и стратегию экономического развития страны. К сожалению, мы видим, что пока руки двигаются сами по себе. Завораживая внимание публики, но не производя почти никакой полезной работы.

ПРОВИНЦИЯ СЛЁЗ

РОМАН

ПРОЛОГ

Надя заневестилась в тревожный и злой тридцатый год, когда Тоньшины переселились, уехав из Мотовки с великой обидой на людей и власть. В свои пятнадцать лет Надя ни на кого обиду не таила, но мать её Наталья — вдова с тремя детьми — оскорбилась не на шутку. Да и было из-за чего: в зажиточные их записали! А они сколько лет всей семьёй от зари до зари горбатились на своём наделе, с него и кормились. Сын Дмитрий с двенадцати лет начал работать. Бывало, идёт за сохой, а его, как былиночку, из стороны в сторону мотает... В пору слезьми облиться, да некогда жалостью исходить — надо от голода спасаться. Вроде спаслись, зато от тифа — не убереглись: полсемьи выкосил! Как ни горько было, но и это пережили. Дмитрий подрос, женился, за хозяина в доме стал. И всё бы хорошо, да пришла непонятная пора коллективизации.

Когда зимой начали создавать колхоз, Наталья сперва обрадовалась, но как только обобществители пошли по дворам описывать скот и инвентарь — задумалась, никогда не признавая этих болтунов и лодырей за людей. Особенно один ста-

ПРОЗА

рался, по прозвищу Кукуй. Всю голь мотовскую собрал. Не столько потом колхозу досталось, сколько по себе растащили. Тогда и родились в Наталье сомнения, поэтому и не приглашалась вступать в колхоз. В отместку обложили твёрдым заданием в тысячу рублей. Пришлось продать лошадь, плужок. Думала, на этом власти останутся, но пригрозили новым обложением... Но где взять денег, когда уж все, считай, продали?! А не внесёшь деньги вовремя — под суд отдадут! От греха подальше она отвела корову на общий двор. Отвела и совсем растерялась, не зная, как разобратся в напасти. Когда же поползли тревожные слухи о мужицких волнениях на востоке области, то твердо решила покончить с крестьянской жизнью, пока вместе с имуществом не успели отнять и обобществить их собственные души. Подыскала работу себе и Дмитрию в местном лесничестве и решила навсегда переехать в лесное Городище, соблазнившись обещанием готового жилья.

При оформлении в Пронске их вызвал начальник лесничества. Объяснив, какая предстоит работа, к кому обратиться за лошадьёю, чтобы перевезти вещи, он встал из-за грубого дубового стола, одёрнул суконный китель и, запустив пятерню в чуб, глухо сказал:

— Вы, очевидно, знаете, товарищи, что поступили на государственное предприятие? Жду от вас добросовестной, ударной работы! Понятно?

— Мы к работе привычные, — выслушав, отозвалась Наталья, едва сдерживая радость, и, поклонившись, пошла к двери, но шла гордо, зная себе цену.

Дмитрий хотел что-то сказать, но замялся, махнул стиснутой собачьей рыжей шапкой. На улице, забежав вперёд, укорил мать:

— Он барином смотрит, а ты гнёшься перед ним!

— Будешь гнаться... Он разве не понимает, что вместо колхоза мы в лесничество подались... — горестно отозвалась высокая, статная Наталья и не удержалась, скукожилась от слёз.

— Чего же в этом плохого?

— Может, и нет ничего, и у каждого начальника вроде бы своя забота, да только ответ-то все они держат в одном месте, а там, если партийный, сразу за вольности спросят!

Дмитрий хотел было ещё о чём-то сказать, но передумал, безнадежно махнул шапкой и натянул её на взлохмаченную голову, укрываясь от колючего снега. На ближайшем перекрёстке разошлись кто куда: Наталья, застегнув на верхнюю пуговицу ватник и укутавшись шальёю, отправилась в Мо-

---

товку собирать вещи, а Дмитрий заторопился в посёлок лесничества за лошадью.

На следующий день Тоньшины заколотили избу, подпёрли колом ворота риги на задах надела, теперь ставшим частью колхозного поля, и, перед тем как отправиться в путь, хотя и не дальний, но тревожный, поставили в сани сундук с одеждой, бросили узел кухонной посуды. Вместе с пожитками и сами разместились, укутались в шали: Наталья, Дмитрий с женой и дочуркой и младшие дочери Натальи — Надя и Люба (была ещё старшая дочь — Вера, но та уж девятый год жила замужем в соседнем селе). Напоследок Наталья перекрестилась и прошептала проклятья тому, по чьей вине покидала родные стены, а сыну сказала:

— Трогай, сынок!

Дмитрий поспешно стеганул лесхозовскую кобылу. От рывка заплакала двухлетняя дочь; она вырывалась из рук матери и некстати звала забытую кошку.

— Киська, киська, — жалеючи, лепетала девочка.

— Нюрка, чего губы развесила?! — цыкнул на жену Дмитрий. — Успокой её.

Когда выехали в поле, Наталья тронула сына за рукав зимнего полупальто, перешитого когда-то из отцовской шинели:

— Постой, Митрий. Надо бы найти кошечку. — И обратилась к дочерям: — Девки, сбегайте, посмотрите у сарая — она любит там мышей караулить... Животное разве в чём виновато.

Девчонки побежали к дому, путаясь в юбках, а кошка сама им навстречу, хозяев догоняет. Догнала, прыгнула в сани и на хозяйку смотрит, словно укоряет... Разревелась Наталья, да так, что до самого Городища не могли её успокоить.

Поселились Тоньшины в пустующей половине казённого дома: ни сарая при нём, ни садика... В первую же ночь на новом месте Наталье во сне явился муж. Как когда-то, Василий тихо вошёл в спящую избу, его подбородок и щёки, покрытые дорожной щетиной, белели инеем, а устало запавшие глаза счастливо улыбались и взволнованно блестели в неярком свете лучины. Огонь обжигал Наталье пальцы, а она всё смотрела и смотрела на своего Василия. Когда не осталось сил терпеть боль, выдохнула:

— Насовсем?

— Насовсем... — отозвался тот в сомкнувшейся темноте. — Навоевался, хватит!

Они долго стояли, обнявшись, не решаясь нарушить тишину, но, услышав на печке детское посапывание, Василий встрепенулся:

— Буди всех! Хочу на ребят посмотреть!

Наталья зажгла новую лучину, впопыхах опрокинула у печки чугунок, нервно засмеялась. От шума один за другим проснулись дети; кто спростонья тарашил глазёнки, кто с радостным визгом кинулся к отцу. Но вот все собрались, окружили. Младшая Надя сидела на коленях, старшая Вера, считай, невеста, стеснительно стояла за отцовской спиной, а средние, отталкивая друг дружку, пытались разглядеть, что достаёт из отцова заплечного мешка их единственный братишка — баловень и любимец семьи. Всем досталось по подарку, а Наталье самый дорогой — полушалок. Правда, Митя дороже оценил краснозвёздную отцову шапку, которую сразу прижал к груди, боясь, что сестрёнки отнимут чудо-шапку и глиняный свисток заодно.

Потом, когда ребяташки улеглись, Василий и Наталья встречали Новый год, двадцать второй от начала двадцатого столетия, встречали жиденьким квасом и картошкой, из экономии слегка посолённой.

Из госпиталя, где долгое время лежал с ранением груди, Василий вернулся больным. Когда выписывался, врач сказал: «Полноценно питаться, не курить, не пить!» Но можно ли нормально питаться, когда хозяйство за годы войн, революций и мятежей совсем захирело, а детей столько, что места всем за столом не хватало.

Поэтому в том же году выдали Веру замуж в Князево за Алексея Виноградова, сына угрюмого, с крепким хозяйством мужика. И хотя свадьбу сыграли весной, и Тоньшины лишились главной помощницы, Наталья радовалась замужеству старшей дочери. Плохо ли, хорошо ли, а она без куска хлеба сидеть не будет. На этом и закончились светлые мечты. Василию день ото дня становилось хуже, он кашлял, не переставая, пожелтел и высох. Приближалась жатва, а на его помощь она уж не надеялась: как перебивалась в германскую и гражданскую одна, так, видно, к этому шло и в этот раз. Но ведь у неё была целая бригада девок. Разве с ними пропадёшь?

Не знала тогда Наталья, что через месяц похоронит почти всех своих помощниц. В одну неделю пятерых. От сыпняка. Осталась лишь старшая Вера, и чудом уцелели самые младшие дети: Митя и Надя. Не выдержав горя, через неделю представился Василий. Похоронив его днём, вечером Наталья раньше срока родила в беспамятстве девочку. Когда после пятидневной горячки она увидела и взяла на руки крохотное существо, то беззвучно зарыдала; плакала и стоявшая рядом Вера, и ещё кто-то, кто именно — Наталья сквозь слёзы не разобрала... Выплакавшись, она прижала к себе дочку, что-то долго и непонятно шептала. Все думали, что тронулась

умом, но нет: стала дальше жить. Ради новорождённой Любашы и оставшихся троих...

От тяжёлого сна Наталья среди ночи проснулась и не сразу поняла, где находится, что с нею, почему окружают чужие стены... Она перекрестилась, вспомнила переезд, и пришедшее волнение не позволило более заснуть. Так и пролежала до рассвета с открытыми глазами, привыкая к голым стенам и прислушиваясь к дыханию детей, снохи и внучки.

Утром, когда все встали, долго готовила завтрак на новом месте. Русскую печку здесь заменяла маленькая голландка, по-местному — лежанка, и надо было успеть приготовить на плите, пока горели дрова. С горем пополам, но картошку пожарила, вскипятила чай. Завтракать сели молча, насупленно; Наталья скромное не ела — постилась, очистила себе несколько картофелин, сваренных отдельно, и попила чаю с заваркой из чабреца, собранного прошлым летом в лугах вокруг Мотовки.

Этот аромат потом весь день преследовал её, пока она вместе с лесхозовскими бабами увязывала колкую щепу, напоминал о прежнем житье, и становилось обидно до слёз за порушенную жизнь. Эта обида не проходила и день, и два, и неделю... А через месяц особенно стало не по себе, когда прошёл слух, будто колхоз распускают, а скот и инвентарь раздают назад... Наталья сразу отправилась в соседнее Князево, куда свели их корову и держали вместе с другими в открытом загоне, наспех огороженном корявыми жердями. Действительно: часть коров раздали, оставили только тех хозяев, которые по каким-то причинам не пожелали выйти из колхоза, и тех, у которых обобществляли по две-три. Наталья вполне могла вернуть своё, но её Зорька, как сказал мухортый скотник, околела две недели назад от бескормицы. Ещё и укорил:

— Сено-то надо было вместе со скотом сдать, а не продавать задарма... Да разве вас, хитромудрых, проймёшь! Вам бы только под себя грести!

Ничего Наталья не ответила. Вернулась в Городище ни с чем, а когда её спрашивали о корове, она лишь отмалчивалась: мол, нет и нету, и говорить не о чем.

Теперь, с приходом весны, ничего не оставалось, как изо дня в день работать в питомнике — выращивать саженцы сосны, дуба и берёзы. Крупных лесов вокруг Пронска нет, стоит этот городок среди лесостепи, вклинившейся с юга широким языком почти до Оки... Поэтому, наверное, и решили разводить в здешних местах леса, высаживая саженцы на пустошах и в лесополосах.

Вскоре после переезда и Натальина сноха оформилась в лесничество, стала работать в питомнике — лишняя копейка не помешает, а после первой полочки хотели и Надю пристроить. А что? Посмотреть на неё — никогда не скажешь, что шестнадцати нет, — хоть сейчас замуж выдавай! Правда, подумав, решили, что рановато ей впрягаться в серьёзную работу, пусть пока по дому помогает да младшую сестру домашнему обиходу обучает; опять же — за племянницей надо ухаживать. Она хотя и бегает всюю, но всё равно за каждым шагом следить и следить.

Решили по-своему, как всегда, и не догадывались, что приближается время, когда Надя сама начнёт распоряжаться собственными мыслями и перечить матери. Сперва слабо, но с каждым месяцем всё настырнее. Наталья не заметила, как дочь превратилась из худенькой, курносенькой девчонки в невесту, и произошло это за одну тревожную зиму, когда некогда было разглядывать и наблюдать: подросла она или нет. Её взрослость бросилась в глаза сама собой, когда пришла пора цветения садов, и все скинули зимние одежонки.

Когда же перед Троицей Наталья начала собирать Надю в гости к Вере, то сама едва узнала её... Ещё с того памятного двадцать второго года, когда дочь едва выжила после тифа, она всегда казалась заморышем, а в эту весну неожиданно расцвела: милое личико, недлинная, но густая коса, талия обозначилась, и плечи округлились, да и заметно подросла за последнюю зиму — не девка стала, а загляденье... Наталья всю жизнь берегла старинный сарафан, доставшийся от матери, а тут не удержалась, по такому случаю вынула из сундука и отдала подросшей дочери:

— Примерь. Глядишь, подойдёт!

Думала, откажется дочь от бабушкиного заветного сарафана, а она, как увидела красных вышитых птиц да затейливый орнамент с зелёными и синими вензелями — так и вцепилась, сразу переделась и быстрее к зеркалу:

— Теперь я буду носить!

Достала Наталья и атласную бежевую кофту с длинными рукавами и перламутровыми пуговицами. Кофта, правда, оказалась немного свободной, но не настолько, чтобы выглядеть в ней смешной. Наталья долго осматривала дочь со всех сторон и вдруг мягко прослезилась:

— Вот и ещё одна дочка выросла... Теперь, если уж так вырядилась, может, и жениха где-нибудь присмотришь!

— Не нужны мне женихи... Провались они! — Надя от материнских слов покраснела, заморгала, готовая вот-вот разреветься, и обиженно затопала.

Наталья ничего более не сказала, лишь усмехнулась в душе, понимая состояние повзрослевшей дочери и, не желая без нужды вводить её в краску, подумала: «Топай не топай, а если захотелось наряжаться, то недолго тебе осталось в девках ходить!»

Отправляясь к Вере, Надя более всего опасалась идти мимо землянки отшельника. Степан Васильевич вроде бы никому плохого не делал, но слыл сумасшедшим, а от такого, известное дело, чего угодно жди. Да и то верно: какой нормальный человек будет жить в землянке, носить одежду из барсучьих шкур, а питаться кореньями? Поневоле призадуматься. Пойдёшь мимо землянки, а вдруг схватит? Или ещё что учудит! Нет, от такого надо подальше держаться...

Но с божьей помощью пронесло, никого она у землянки не увидела, хотя обошла её стороной на всякий случай, и повеселела. До шоссе дошла и вздохнула: здесь лес расступился, началась лощина, краем которой петлял просёлок. Вскоре Надя увидела князевское стадо и совсем успокоилась: вот-вот и само Князево должно обозначиться соломенными крышами... Она представила, как удивится Вера, увидев её в нарядном сарафане! Наде было приятно ещё и то, что сарафан мать отдала ей, а не Вере, и для Любы не стала беречь.

От радостных размышлений, перескакивающих одно через другое, она отвлеклась, только когда услышала предостерегающий бунящий рокот... Сразу и не поняла, что это, но когда заметила косившегося пестрого быка, ковырявшего копытом луговину, то всё сердце оборвалось. Она огляделась, пытаясь увидеть пастуха, но его видно не было, а бык — вот он, почти рядом. И до леса саженой сто или двести, и, если даже бежать во всю прыть, — ни за что не спастись от громадного зверя. Правда, совсем рядом стояла одинокая молодая груша, и, не успев ничего сообразить по-настоящему, Надя метнулась к ней, споткнулась, испуганно вскочила и еле-еле успела зацепиться за нижние ветви. Думала, бык, потеряв её из виду, отстанет, но нет — он медленно, сопя и гулко порывкая, подступал к груше. Не спешил, словно был уверен, что девчонка никуда не денется и он сумеет сквитаться за то, что посмела мелькнуть перед глазами, подразнить красными птицами... Когда бык упёрся широким рогатым лбом в грушу, начавшую дрожать под натиском многопудовой туши, Надя вцепилась в корявый ствол и пронзительно, насколько хватало сил, начала звать на помощь.

Несколько минут просидела на дереве, но эти минуты оказались вечностью. Она не помнила, когда и откуда появился пастух, только услышала хлопанье кнута и, всё ещё не

веря в спасение, по-настоящему разревелась от выходявшего испуга и сквозь слёзы попросила, крикнув пастуху:

— Дяденька, спаси ради Христа!

«Дяденька», оказавшийся темноглазым парнем, несколько раз стрельнул кнутом, по-мужски грубо крикнул на быка, и тот нехотя отошёл, в отдалении продолжал ковырять землю, косясь теперь на пастуха.

— Слезай, он не тронет, — сказал парень, в котором Надя узнала Павла Савина. Она его и прежде иногда видела, когда князевские парни приходили на мотовские вечерки, но никогда не обращала внимания, да и он её особенно не замечал. А тут стоит и нахально улыбается шоколадными глазами, словно нарочно быка натравил...

— Отгони его подальше, — кивнула Надя на быка, — тогда слезу... И отвернись — чего уставился-то?! — пристыдила она и потуже подвернула подол сарафана.

Только после этих слов Павел узнал её.

— Это ты, что ли, Тоньшина? Как здесь очутилась? — удивлённо и обрадованно спросил он, будто давно хотел увидеть.

— Тебе какое дело?

— Да так я... Ты вроде бы в Мотовке должна обитать!

— Никому я ничего не должна...

— А сейчас откуда и куда?

— За Кудыкину гору! Чего пристал?

— Понятно, — видно, что-то вспомнив, радостно ухмыльнулся парень. — К сестре в гости спешишь... Тогда приходи вечером на улицу!

— Отстань... Быка отгони.

— Ну ладно, Тоньшина, вечером на улице увидимся! — уверенно, как о решённом деле, сказал пастух и теперь уж по-настоящему припугнул кнутом сопевшего в отдалении быка, а тот, почувствовав силу хозяина, охолонул и поспешил затеряться в стаде.

Когда пастух отогнал стадо, она спустилась с груши и без оглядки побежала в Князево. Чувства её в этот момент смешались: ещё не прошёл испуг от встречи с быком, но душу захлестнуло другое чувство — радостное и приятное, от которого не хватало дыхания. Она только-только поняла, что Павел, как настоящий жених, вызвал на свидание! Значит, он не считает её девчонкой, обратил внимание, значит, она стала совсем взрослой! От неожиданных мыслей Надя покраснела, глаза её заблестели необычно, дико, и этот блеск не пропал, когда она влетела в Верину избу. Исхудавшая и постаревшая Вера — только серые глаза молодо светились на курносом лице — занималась трехмесячной дочуркой и не

сразу заметила сумасшедший взгляд сестры, а когда увидела, то испуганно спросила:

— Ты чего такая? Или случилось что?!

— Да так... Бык гнался, чуть не забрухал, но пастух отогнал... Если бы не он, то я и делать что не знала, — пожаловалась Надя, но без испуга, вроде бы попутно к тому главному, что произошло с ней сегодня. Наде очень хотелось рассказать о Павле, о назначенном свидании... Но как скажешь об этом? Да тут ещё сестра начала ругаться на пастуха.

— Доверяют стадо неизвестно кому... Отец-то его сегодня в Скопин уехал, оставил сына за себя, а какой из него пастух, когда сопли не обсохли. Разве такой с быком справится, коли с ним не каждый мужик совладеет! Над быком-то власть иметь надо! — решительно сказала Вера.

Надя ничего не ответила, ей лишь сделалось обидно за Павла, когда Вера назвала его сопляком. Он совсем не такой, а взрослый, красивый и смелый. Когда шла в Князево, Надя хотела рассказать сестре о предстоящем свидании, но теперь, слушая её, поняла, что ни за что не расскажет, об этом теперь вообще никому говорить нельзя. Это теперь тайна... И знают о ней только она да Павел, при одной мысли о котором бросало в краску. Она не хотела думать о нём, чтобы забыть жгучие глаза, но не могла остановить себя, и, чем сильнее заставляла, тем сильнее заполняло душу отчаяние, тоска — она не находила себе места и не понимала, что с нею случилось. И почему именно сегодня, ведь она и прежде видела Павла? Правда, тот никогда не обращал на неё внимания, и она — тоже, но сегодня случилось что-то особенное, такое — о чём она всю жизнь мечтала и боялась одновременно. Ей и прежде хотелось побывать на князевской улице, но теперь, когда Павел пригласил, она ни за что не появится на ней. Ведь тогда он начнёт ухаживать, а это сразу все увидят — вот срамота-то будет!

Хотя спешить с возвращением в Городище было необязательно, но когда Вера подоила корову и, процедив, налила сестре бидон молока, Надя собралась уходить, сославшись на то, что завтра Троица, маманька собиралась пироги печь: хочешь не хочешь, а молоко надо вовремя принести... Надя, как могла, успокаивала себя и прогоняла мысли о Павле, и очень радовалась, что в обед, когда стадо пригоняли на дойку в село, можно будет безбоязненно проскочить домой. И не быка она теперь опасалась, а новой встречи с Павлом.

Возвращаясь, она остановилась у груши, вспомнила его... Как он подошёл, что сказал, как смеялся, будто радовался, что она забралась на грушу... И опять вспомнилось пригла-

---

шение на свидание. Она так и вернулась в Городище, заполненная мыслями о Павле, не глядя в глаза, отдала матери бидон и до самого вечера ходила сама не своя.

На следующий день они всей семьёй ходили в городской собор. Во время обедни Надя загадала желание: когда ещё увидит Павла? Теперь уж жалела, что не смогла вчера поговорить с ним по-настоящему. Она ругала себя, и казалось ей, что Павел быстро забудет её, найдёт другую зазнобу. Чтобы не забыл, надо бы ещё сходить в Князево, будто по делу, показаться ему, а там уж как Бог даст. Суждено будет увидеть — так тому и быть, если нет — ничего не поделаешь... Она представила, как встретится с ним и скажет что-нибудь, а потом они пойдут на улицу, но будут стоять в сторонке друг от друга, пока другие будут плясать, но всё равно все уже будут знать, что Савин пришёл на улицу не один... Размечтавшись, Надя не заметила, как закончилась обедня, машинально ткнулась губами в крест с распятием, обносимый среди верующих священником. Пока мать задержалась, чтобы взять просвирки, она вышла из собора на солнечный свет, где сразу все мечты бесследно улетучились. То, о чём так легко мечталось в храме, потеряло на улице всякую таинственность и задушевность и казалось несбыточной, мимолётной мечтой. Надя поняла, что никогда не сможет не только что-нибудь сказать Павлу, но даже подойти к нему, не сможет полусловом ответить, если он спросит о чём-нибудь при случайной встрече.

Она попусту изводила себя и день, и два, и три. А потом прошла неделя, вторая и подзабылась памятная встреча, теперь Надя не так остро переживала, даже чуть посмеивалась над собой, но когда смех проходил — всё-таки делалось невыносимо тоскливо. Вся жизнь проходила словно во сне: она что-то делала по дому, помогая матери, ходила в лес за ягодами, но эти заботы не трогали её, ей всё это время очень хотелось с кем-нибудь поговорить о Павле и, разговорившись, рассказать о своих тревогах. Ей очень хотелось поплакать, да так сильно и безутешно, чтобы кто-нибудь обязательно пожалел, успокоил и обнадежил. Но не оказалось рядом такой подруги или иного нежного человека, который смог бы понять. Мать, сноха Нюра — это все, конечно, близкие люди, но как открыть им душу. Да и поймут ли? Нет, уж лучше всё носить в себе, а уж тогда как Бог даст.

Прошёл, наверное, месяц или даже более, когда Надя услышала голос Павла... К этому времени все прежние волнения притупились и никак внешне не проявляли себя. Всё, что бы она ни делала, — делала по инерции, без живинки. Даже голос Павла однажды сперва никак не отзывался в ней,

---

словно она ослышалась или говорил не он, а кто-то другой — чужой и ненужный.

— Мамаш, а где ваша Надёжка? — услышала она однажды знакомую интонацию — залихватскую и насмешливую, которая могла принадлежать только ему (мать перебирала на крыльце малину, и это к ней обращался Павел).

— В избе должна быть, — отозвалась Наталья. — Сейчас позову... А зачем она тебе, молодой человек?! — подозрительно спросила после паузы.

— По делу я... Нарочно из Князева прискакал, — решительно отозвался Павел, словно действительно хотел сказать что-то важное.

— Ну, раз так... — стукнув тазом, мать, видно, поднялась со ступеньки, а Надя спряталась за штору и затаилась. — Надь, ты где? — крикнула она из коридора, ленясь пройти в комнату, но, не услышав голоса дочери, всё-таки прошла, огляделась, что-то шепча — Надя чуть не рассмеялась, глядя на неё через штору, — и вернулась к Павлу, вздохнула: — Нету её, должно, опять за малиной убежала... А ты, мил-человек, чей будешь-то? Что-то не признаю тебя!

— Чей надо! — не открылся парень и вскочил на лошадь.

Надя тем временем через окно выскользнула из дома, скрылась в лесу и долго не могла успокоиться, вспоминая разговор Павла с матерью. Эти воспоминания рождали новые мысли. Мысли волновали, заставляли думать о Павле ещё острее — так, словно их встреча перед Троицей была только вчера, хотя прошёл месяц, и весь этот месяц она думала о нём, не переставая, а он, значит, тоже не забыл её, приехал поговорить, увидеться... Надо бы радоваться, но Надю это пугало. Теперь она не знала, как вести себя, что сказать матери, не находила места от стыда.

Она час или два просидела в лесу, а вернулась и сразу услышала от матери то ли укор, то ли похвалу — сразу не поняла:

— Где пропадаешь? Тебя ухажёр из Князева разыскивал, да уехал ни с чем. Кто он?

Ничего она не ответила, только почувствовала, как сладко забилось сердце при слове «ухажёр». И сказано оно было не как ребёнку, а словно настоящей невесте.

— Чего молчишь-то, Надёжка? — не отставала мать и испытующе посмотрела в глаза, желая услышать от дочери признание и уже заранее радуясь ответу. — Ишь имя-то какое душевное ухажёр придумал!

— Нет у меня ухажёров, — ответила она так, словно действительно только вернулась из леса и ничего не знала о приезде Павла.

Наталья выпытала о нём через неделю, когда из Князева приходила в гости Вера. Она и рассказала матери обо всём: как сестра от быка оборонялась, как пастух спас её... Наталья не утерпела, расспросила о родителях ухажёра, и когда узнала, кто они, то в лице изменилась: мать-то обычная, а отец конокрад и разбойник. Такую семью надо за версту обходить, а не родство с ней водить.

— Так что, Вера, будет у тебя перед глазами этот Павел мелькать — гони его палкой, — перекрестилась Наталья. — Не нужны нам такие женихи — невеста ещё сопливая, хотя теперь и Надёжкой называется.

Вера не спорила с матерью, но явно приняла сторону сестры:

— Это не угадаешь... А Павлов-то отец давно угомонился. Нынешним летом общественное стадо согласился стеречь, чтобы в колхоз не записали, хотя, конечно, кто знает, что у него на душе.

При известии о том, что отец Павла не пошёл в колхоз, Наталья смягчилась, словно нашла заединщика, хотя насторожённость к возможным сватам осталась, и немалая.

— Сколько волка ни корми — он всё одно в лес смотрит... — сказала Наталья. — Так и ваш Григорий... Нашли кому верить!

— Какой он мой, — отмахнулась Вера, — коли я сама в чужом селе живу.

Разговор оборвался, и более к нему не возвращались: ни пока сидели за столом, ни когда расставались... Даже через месяц, уж в конце лета, когда Наталья сама поехала в Князево проведать маленькую внучку, то и тогда разговора о Савиных не заводили.

Зато Надёжка — так теперь полушутливо стали называть Надю в семье — всё это время места не находила, ругала себя, что не показала Павлу, когда тот приезжал в Городище, зачем-то пряталась от него и теперь жалела об этом. Ещё жалела, что не поехала с матерью в Князево, хотя она, испытующе прожигая глазами, звала с собой, но нет — не показала виду, что очень хочет увидеть Павла, о чём-нибудь поговорить с ним, — отказалась. И не знала: хорошо это или плохо. Хорошо, потому что не дала повода для расспросов, а плохо — потому что не знала, как дальше жить: не могла же она без причины отпроситься и сказать, что пошла к сестре ни с того, ни с сего. Ведь тогда — сразу подозрения.

Неожиданно на следующий день после поездки в Князево мать предложила:

— Сбегала бы, отнесла Вере маслобойку... Треснула она у них, а нам-то всё равно ни к чему, если коровы нет.

Надёжка согласилась, но не сразу, думала, может, мать ещё что-то скажет. Может, она нарочно говорит, чтобы проверить. Поэтому и виду не показала и не выдала заколотившегося сердца, даже стала отнекиваться. А когда мать нахмурилась, поспешно согласилась:

— Когда отнести-то?

— Когда хочешь, тогда и носи. Чем быстрее, тем лучше.

Она собралась сразу. Мать даже отговаривать начала: мол, дело к вечеру идёт...

— Я быстренько, — принялась успокаивать она её, — а если задержусь, то у Веры останусь, завтра вернусь. — Говоря так, Надёжка решила, что сегодня обязательно встретит Павла, раз уж такая удача подвернулась, поговорит с ним, а может, просто посмотрит. Ей бы и этого хватило, чтобы успокоить душу и перестать терзаться.

В одну минуту она собралась, перекинула через плечо маслобойку на верёвке и отправилась в Князево. Не шла, а летела, казалось ей. Мысли — о Павле, только о нём. Но когда дошла до груши — о быке вспомнила. Испуганно огляделась, а стадо в дальнем отроге пасётся — сразу на душе полегчало. Но вот завиднелись крайние избы Князева, и ей захотелось идти в село. И если не маслобойка — не пошла бы.

А пришла, и показалось, что Вера, всегда приветливая, мало обращала внимания, всё более занималась дочуркой да ворчала на семилетнего сынишку, сменявшего у тряпишника телогрейку на китайский шарик; телогрейка хотя и старая, но всё равно было жалко. Когда же пришёл из кузни Верин муж Алексей, из которого и вовсе слова не вытянешь из-за его сильного заикания, совсем почувствовала Надёжка неуютно у сестры. Надо бы возвращаться в Городище, но не хотелось уходить, не увидев Павла хотя бы издали. Поэтому, наверное, повертевшись в избе, взяла сумку и решила сходить за орехами — придумала повод, чтобы пройтись по селу... Она сама искала встречу с Павлом, но не знала, где он живёт, спросить у сестры стеснялась, и поэтому, когда пошла порядком к выгону и неожиданно увидела его у крайней избы, тесавшего у дровосека колья, — остановилась, замерла, хотела повернуть назад, но не осталось сил сойти с места... К тому же он заметил её, улыбнулся и шагнул навстречу, а Надёжка не знала, что делать.

— Здравствуй, — стеснительно сказал он, совсем не так, как разговаривал, когда отгонял быка. — Ты откуда свалилась?

— Откуда надо...

— А сейчас далеко собралась?

— За орехами... Пойдём вместе! — сорвалось у неё с языка неожиданное предложение, от которого тотчас покраснела, не ожидая от себя такого нахальства.

— Подожди, вот только уберусь... — Собрав колья, он скрылся за двором и через минуту вернулся. — Ну, пошли! — сказал будто бы бодро, а она заметила, как у него задрожал голос.

Они ушли за Барский сад, в заросший орешником овраг, называемый Павлом Змейкой, говорили мало, будто по принуждению, а когда Надёжка изредка смотрела на Павла, то он, как девушка, заливался румянцем и отворачивался. Это радовало её, она убеждалась, что он совсем не такой нахальный, каким казался прежде, а смешной и милый. Такой, что хотелось коснуться его руки, прижаться и закрыть глаза... Пока они ходили меж кустов, он немного рассказал о себе: работает в колхозе, стараясь выработать как можно больше трудодней, да помогает матери, пока отец управляется со стадом. Ещё сказал, что мужики ждут осени, когда колхоз рассчитается за сезон, — тогда уж и решат, как дальше жить: то ли остаться в колхозе, то ли выйти, хотя кое-кто и сейчас бы вышел, да остерегается властей.

Надёжка почти не слушала Павла. Её совсем не интересовали разговоры о трудоднях, хлебопоставках, коллективизации. Ей хотелось услышать от него какое-нибудь ласковое и нежное слово — такое, от которого бы дух перехватило... Когда же он вспомнил историю с пьяным милиционером, застрелившим человека в соседнем селе, а милиционера того оправдали, потому что был пьяным, она подумала, что Павел смеётся, и остановила его:

— Хватит об этом... Скажи вот что: у тебя залётка есть?!

Павел заморгал, покраснел и ответил тихо, боясь взглянуть ей в глаза:

— Ты первая...

Ответ Надёжку рассмешил и взволновал, и теперь её было не удержать — она могла спросить о чём угодно.

— Ты, что ли, не целованный?! — улыбнулась она.

— Не-а.... — Ещё сильнее покраснел Павел и умолял взглядом ни о чём более не спрашивать.

А она лишь вздохнула:

— Так я тебе и поверила...

— У кого хочешь спроси...

Надёжка рассмеялась:

— Хитёр... Кто же на людях целуется?!

Она всё-таки поверила, что он никого не целовал, и от этого стало легче на душе, показалось, что он с самого детства

ждал, чтобы первой поцеловать именно её. Ведь не зря же приехал в Городище, разыскивал. Ей бы ещё тогда надо было показаться, не тянуть время, но упущенного не вернёшь, зато сейчас она чувствовала себя с Павлом свободно, будто знала его с самого рождения... Радостные чувства распирали, она не знала, что бы сделать особенное; ей очень хотелось чего-то особенного. Когда он пригнул очередную ветку орешника, она, находясь словно в тумане, прижалась к нему, попросила:

— Поцелуй...

Надёжка боялась взглянуть на него и стояла с закрытыми глазами, наверное, вечность, как показалось ей, прежде чем почувствовала прикосновение его губ, от которого поплыла голова... Но упасть он не дал, обнял за плечи и поцеловал ещё. Долго-долго. Его вдруг проснувшаяся настырность показалась Надёжке лишней, она тряхнула головой, словно прощалась со сном, и, подняв с земли сумку с орехами, тихо сказала:

— Меня сестра ждёт... Не ходи за мной, а то люди увидят...

Кто-то, наверное, всё-таки заметил их, потому что вскоре всё Князево знало, что у Павла Савина появилась залётка. Теперь, если кто подначивал, он отговаривался: «Болтают люди!» Сам же с того памятного дня зачастил в Городище.

До самого снега Павел ходил к Надёжке, но в доме бывать стеснялся. Только когда призвали в армию Дмитрия — осмелел, помогать начал: воду носил, дрова колот — своим у Тоньшиных стал. Глядя на покладистого парня, Наталья перестала вспоминать о его «отце-разбойнике», называла Павла ласково зятком. «Зятек» вёл себя смирно, к Надёжке относился как к сестре, видно, помнил слова Дмитрия, сказанные им перед уходом в армию: «Смотри, тронешь сеструху до свадьбы — кишки выпущу!» И всё же не угроза сдерживала его, а отношение к ней, когда даже словом не хотелось обидеть. Он готов был выполнить любое её желание, даже прихоть, и не страдал от этого, а находил в собственной исполнительности особое удовольствие и выглядел не по годам мудро.

За всю зиму они ни разу не сказали друг другу слово «люблю», потому что и без этого заветного слова знали о своём чувстве, обоюдно берегли его, наслаждаясь им и до поры остерегаясь понять до конца.

Поженили их через год, когда Надёжке исполнилось семнадцать. Правда, сперва хотели дождаться демобилизации Дмитрия, чтобы он был за отца, но через год самому Павлу придёт повестка на службу. Так что всё сходилась к Надёжкиной радости. Хотя время стояло тревожное, голодное, но свадьбу сыграли не самую бедную. Два дня гуляли у Сави-

---

ных. Два дня у Надёжки гудела голова от счастья и внимания людей, а на третий, когда разошлись и разъехались гости, она вдруг поняла, что оказалась в другом мире. В её жизнь вошли новые люди: свекровь и свёкор. Акуля и Григорий теперь стали ей за мать и отца, и всё, что бы теперь ни делала, — всё делала с оглядкой на них: что скажут, как посмотрят. И почему-то по-особенному прониклась к Григорию, которого мать всегда прежде называла «разбойником», но он был совсем не страшный, а наоборот — добрый, отзывчивый, всегда защищал её перед Акулей, если та вдруг слишком усердно начинала чему-нибудь учить. Надёжка почти не помнила своего отца, ей всегда не хватало его, и теперь, неожиданно для себя, стала относиться к Григорию как к родному. А он, даже если иногда выпивал лишнего, всегда по-доброму относился к снохе. Широкий телом, внешне неуклюжий, он становился разговорчивым, суетился беспричинно, начинал учить всех уму-разуму, лез в бабы дела, и тогда приземистая, остроногая Акуля начинала стыдить его:

— И-и... Суёшься, куда тебя не просят! Как же, паразит, надоел. Хуже горькой редьки стал. Господи, когда же весна-то придёт?

Акуля знала, что весной Григорий начнёт пасти стадо и тогда, считай, до глубокой осени его в избе не будет: с утра до ночи при стаде, а спать пристроится в сарае — тоже благодать: под ногами не путается. Она всячески показывала, что не нуждается в муже, теперь у неё другая забота появилась — сноха! Надёжке было смешно и приятно наблюдать за ними, смотреть, как они стараются завоевать её расположение, хотя и не понимала, зачем это они делают, что за нужда льстить почти девчонке. Из-за сердобольности они её и на работу не посылали. Берегли.

Но через полгода или даже ранее старики, поначалу такие ласковые и заботливые, начали коситься. Она сперва не понимала, почему они так изменились, но вскоре догадалась, когда однажды услышала, как Григорий, напившись, выговаривал Павлу во дворе: «Ты это кого в дом привёл? Пустоцветку? Если к зиме она не забрюхатеет, то чтобы и духом её у нас не пахло!»

Тогда и записалась Надёжка в колхоз и вместе с бабами стала ходить по наряду. Когда в первый день её послали на переборку картошки в буртах, то некоторые бабы, каких она успела узнать за зиму, начали любопытничать:

— Тебе, милка, пора о пелёнках думать, а Павел на работу выгнал! — с намёком говорили они и ехидно переглядывались, словно знали что-то особенное, но до поры скрывали.

Надёжка отмалчивалась, а когда бабы допекали, вяло отговаривалась, догадываясь о причине их чрезмерного любопытства:

— Никто меня не выгонял — сама пошла...

Она хотя и отнекивалась, но мысль о будущем ребёнке всё чаще и чаще навешала, не давала покоя, и в конце концов так крепко засела в голове, что ни на минуту не пропадала. Ведь по срокам она давно должна бы забеременеть, но месяц шёл за месяцем, а она оставалась пустой. Вот стыдоба-то! В один из выходных она побывала в Городище, всё рассказала матери, нарвелась досыта, а как успокоилась, Наталья прижала её к себе:

— Чего же ты, глупенькая, ревёшь?! Не переживай раньше времени. Бог даст, всё обойдётся...

Слова матери запали в душу, и теперь Надёжка просыпалась и ложилась с молитвой к Николаю Угоднику, прося у него снисхождения и помощи. До самой осени просила, а как Павла призвали на службу, то и просить вроде стало ни к чему, если спать ложилась в холодную постель. В какой-то момент она не знала, как дальше жить, как вести себя со стариками, как убажить их какими-то особенными словами, чтобы отмякли они, стали замечать. Акуля-то ещё нет-нет да перекинется словом, а Григорий, круто изменив отношение, и на дух не переваривал сноху. Особенно тяжело становилось, когда он, перестав гонять стадо, днями сидел в избе и ко всему цеплялся, а когда Надёжка порывалась уйти в Городище и пожить у матери, пока Павел служил, всякий раз ехидно осаживал:

— Что, девка, лёгкого полёта захотела?! Нет, не затем ты в наш дом принята, чтобы хвостом вертеть. Мы его быстро прищемим!

Надёжка не отзывалась на слова свёкра, потому что тогда он совсем взбеленится, а всю горечь, обиду выливала слезами, когда одиноко лежала в постылой спальне, сделавшейся необыкновенно тесной, походившей теперь на клетку. Ей казалось, что не дождётся Павла, не хватит сил на это. А дожидаться надо было, во что бы то ни стало. Ведь когда он рядом, у неё и мыслей никаких не возникало. А то, чему старики придавали столько внимания, его совсем не волновало или он просто не показывал вида. По крайней мере, никогда не укорял, даже иногда посмеивался над отцом, когда тот излишне совался в их дела.

— Нам, бать, спешить некуда, — говорил Павел, когда отец прямо высказывал недовольство. — Нам ещё на вечерах погулять хочется, а в старики записываться рано.

— Не рано, — ерепенился Григорий. — Всё надо делать вовремя. А то в армию загудишь, а жена от безделья скурвится! Или я должен за ней контроль держать? Так меня сперва нанять надо!

Его никто не нанимал, но за те два года, пока Павел служил, свёкор надоел до невозможности. Во всём-то он видел подвох, измену сыну — шага не давал ступить без своего ведома, а если и отпускал, то прежде расспросами замучит: куда? зачем? когда вернёшься? И ладно бы хоть шутливо говорил, а то вполне серьёзно, да ещё и Акулю заставлял присматривать за снохой, когда сам отлучался. Поэтому, кроме работы и дома, Надёжка ничего не видела и не слышала все два года, а всё удовольствие — иногда сходить в Городище, поплакаться матери. Хотя та тоже не особо-то привечала и поддерживала. Скажет только: «Терпи. Бабыя доля известная!» — вот и вся забота, будто и не дочь родная голову склонила.

Оставалось ждать Павла и надеяться, что с его возвращением жизнь наладится. И когда через два бесконечно долгих года он вернулся, то у неё сразу прошла обида на свёкра, на скучную жизнь, на те печальные дни, когда не знала, куда деть себя. Теперь появилась забота, она ни на минуту не отходила от своего родного и любимого, за эти годы возмужавшего, окрепшего, ставшего настоящим мужиком, таким, что и в глаза-то взглянуть страшно. В первые дни Надёжка чуть ли не задыхалась от любви к нему, хотелось её всё больше и больше, только в эти сумасшедшие дни она поняла, что такое настоящая любовь, и надеялась, что скоро сможет обрадовать мужа сообщением, которого от неё все ждали, а более всех — она сама.

Но истёк месяц, второй, третий — опять никаких новостей. Опять она ходила печальная, словно неживая, и постоянно сравнивала себя с засыхающей ивой на плотине пруда. Вот, мол, живёт у воды, а всё равно чего-то не хватает...

Минул почти год после демобилизации Павла, прежде чем она поняла, что дождалась того, чего дождалась несколько тягомотных лет, но не стала сразу говорить ему об этом. Хотелось самой окончательно убедиться. И только на третий месяц, будто случайно, однажды шепнула перед сном:

— Люльку-то думаешь готовить?! — И радостно прильнула к нему, и от переполнивших чувств неожиданно разревелась слезами радости.

Другой бы на месте Павла посдержаннее встретил это известие, а он вскочил с постели да как гаркнет:

— Батя, вставай! Надёжке скоро рожать!

Григорий сперва ничего не понял спросонья, засуетился, зажёт лампу, но когда до него дошли слова Павла, осадил и себя, и сына:

— Чего выдумываешь раньше времени?! А если *причин* есть, то его обмыть полагается! — заблестев глазами, знающе сказал Григорий и подступил к Акуле: — Мать, бутылку гони! По такому случаю выпить надо!

В другой бы раз Акуля и слушать не стала объявившегося командира, а тут живо нырнула в подпол, достала пыльную бутылку самогонки и стала собирать на стол. Выпили мужики и пошли на улицу курить, хотя всегда смолили в избе. Сразу на глазах изменились, и не только в своём поведении, но и в отношении к Надёжке.

С того памятного вечера на неё смотрели как на царицу, боялись сказать грубого слова. Её это не могло не радовать, опять она стала разговорчивой, улыбчивой. Теперь смело глядела в глаза всей семье, не опуская глаз, не молчала растеряннo, когда нужно и не нужно. Как это, оказывается, хорошо, когда становишься сама собой и ни у кого нет повода укорить тебя, унизить. Теперь она и по селу могла пройти с гордой головой, пусть пока никто ничего не знает, но главное, что она сама уравнила себя со всеми. Скоро её тайна обнаружится, и тогда никто не посмеет косо посмотреть или посмеяться.

В эти дни Надёжка заметила, наблюдая за князевскими бабами, многие из которых тоже были беременными, что почти все они изменились, будто жили ожиданием чего-то необычного, которое вот-вот наступит. Теперь редко у кого высвечивалась на лицах прежняя тревога, захлестнувшая всех в первые годы колхозной жизни. От той растерянности, даже озлобленности, ничего не осталось, и не оттого, что они стали лучше жить, — голодные годы шли один за другим, — нет, просто что-то изменилось в настроении, в душах. Забыв обиды или, по крайней мере, загнав их далеко внутрь, все приспособились, научились жить по-новому, и никто пока не знал: хороша эта жизнь или не очень. Молодым, конечно, в ней проще, таким, например, как Надёжка: ничего не потеряла, жизнь впереди, а главное — молодость есть, сила, а теперь вот и вера в семейное счастье появилась. Много хуже приходилось старикам, привыкшим к собственному хозяйству и потерявшим его, работавшим прежде не по указке, а по необходимой разумности, основанной на опыте дедов и вобравшей из этого опыта лучшее. Теперь нет, теперь, случилось, какой-нибудь уполномоченный такой приказ из района привезёт, что впору ребятишкам животы надрывать от смеха, а всё равно исполняли, потому что никуда не денешься, не вот-то отмахнёшься, когда у всех был свежий пример с арестом лесничего, того самого, который принимал Тоньшинных на работу. И Тоньшины были не единственной такой се-

---

мьёй. Поэтому лесничего обвинили в пособничестве уклонистам, не пожелавшим вступить в колхозы, исключили из партии и, говорят, осудили.

И всё-таки жизнь налаживалась. Вернулись кое-кто из ранее выселенных семей, начали обзаводиться хозяйством, скотиной, и с каждым годом всё более прибавлялось общественное стадо. Грех было не завести тёлочку и Савиным, если с утра до вечера она будет под присмотром Григория. И завели, и назвали тёлочку Зорькой, по той Зорьке, какую Савины отвели пять лет назад на общий двор. Появлению животины Надёжка радовалась вместе со всеми, даже, может, более стариков и Павла, потому что знала: с коровой сами не будут голодными и тот, кто родится: мальчик ли, девочка ли — всё равно.

О будущем ребёнке она мечтала день и ночь, без устали высчитывала сроки, но работу пока не бросала — продолжала ходить по наряду с бабами, к этому времени знавшими о беременности Надёжки и теперь окончательно считавшими её своей, словно до этих перемен она и бабой не была. Со стороны необъяснимо, а вот поди ж ты... Завидным героизмом считалось среди колхозниц как можно дольше работать. Иные чуть ли не до родов таскались в поле, на фермы. Надёжка тоже вместе со всеми, хотя Акуля с Григорием ругались, всякий раз оставляли дома, но она продолжала упрямяться. И может, поэтому однажды утром, забившись в спальню и никого к себе не подпуская, за полчаса родила семимесячного мальчика — никто в семье опомниться не успел. Через неделю, при крещении, назвали новорождённого Александром. Сашка был маленький — в печурке помещался — но и такому все радовались, особенно старики.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вместе с алой зарёй на зелёные порядки Князева опустились тёплые нежные сумерки. Село неспешно засыпало, только в избе Савиных спать не собирались — ждали, когда Надёжка разродится вторым ребёнком. Павел томился на шербатовых ступеньках крыльца и пытался на руках укачать четырёхлетнего сынишку. Рядом с Павлом устроился отец. Григорий недавно пригнал стадо и теперь, бросив у крыльца кнут, курил. Оба молчали и косились на приоткрытую избяную дверь, из-за которой доносились приглушённые занавесками стоны и монотонный голос соседской старухи-повитухи.

— Потужься, милая, потужься! — раз за разом шепеляво подсказывала Елизавета, не поднимаясь с лавки.

От её слов легче Надёжке не становилось, но радовало желание помочь, хотя, кроме слов, оно никак и ничем не подкреплялось. «Вот и второй ребёнок! Сашка-то, огольцом вильнул, а этот-то ишь как тарашится — готов наизнанку вывернуть!» — тревожно думала она, едва сдерживая рвущийся из нутра крик... Чем невыносимее становилась боль, тем преданнее смотрела Надёжка на повитуху, но Елизавета, словно забыв о своих обязанностях, с безразличным видом расплалась на лавке, грузно облокотившись о стол и машинально поглядывая на приготовленные ножницы и чистую холстину с пучком суровых ниток.

Вскоре темнота окончательно осмелела, заполнила избу, и жиденький огонёк лампы не справлялся с ней, едва освещая тусклые оклады икон. Свекровь Акуля молчком прошла в кухню, начала счищать нагар с фитиля керосиновой лампы. Очистив — чиркнула спичкой, и на потолке заметалась угловатая тень. Придерживая пятилинейное стекло, свекровь вышла из-за перегородки, поставила лампу на стол и несмело под села к Елизавете. От лампы в избе повеселело, но свет далеко не проникал, а в углах и под столом, куда отступил сумрак, даже стало темнее и тревожнее.

Пересадив Сашку к отцу на колени, босоногий Павел подкрался к двери, осторожно заглянул в щель... Дверь скрипнула, выдав Павла, и Акуля сердито шикнула на сына:

— Что, как слепой, тычешься? Иди, иди — не мешайся!

— Шурку кормить надо... Засыпает он, — тихо, словно боясь кого-то спугнуть, виновато сказал Павел.

Акуля молча ушла в кухню, а вернулась с ломтём хлеба и махоткой сквашонки и сердито зашептала:

— Перекусите да в сарай идите, спать устраивайтесь, нечего под окнами слындать!

Павел в сарай не пошёл, а, опять усевшись на ступеньке, отдал сынишке хлеб, отцу — махотку. Сашка жевал лениво, и, подзадоривая его, дед куснул от ломтя и торопливо зачавкал.

— Не умеешь так! — сказал он внуку. — Маленький ещё!

— Умею, деда, — оживился Сашка, — вот смотри, как умею...

Надёжка слышала, как Павел подходил к двери и разговаривал с матерью, нерешительно топтался в сенях... «Ко мне поближе хочет быть, — подумала она, в очередной раз скручиваясь от боли. — Не послушала его, не захотела в больницу ехать, а там-то, говорят, родишь и не учуешь как. Да, поди, угадай, когда прихватит?»

— Акулин, — подошла Елизавета к хозяйке, — Надёжка, видать, не скоро ослобонится, пойду я пока к себе, поужинаю.

— И то верно, — согласилась Акуля, — чего пустым пузом тоску нагонять... — Спohватившись, добавила: — А то у нас поешь. Счас супу тебе из печи достану.

— Домой схожу, близко ведь, — настояла Елизавета. — Тяжело спускаюсь с крыльца, шепнула Павлу: — Ты, родимец, ежели что, за мной беги скорей, да не переживай. Бог даст, всё обойдётся.

Неторопливо перекрестившись, Елизавета ушла, и вскоре из темноты донёлся короткий звяк потревоженной фокинской щеколды.

Без опытной соседки Павел затосковал, не особенно надеясь на мать, но тут пришла свояченица Вера, и, разглядев её в темноте, он тревожно поделился:

— Надёжка-то извелась, уж не случилось бы чего...

— Верка, сделай дельце, — встрял Григорий, — корову подои, а то о ней все забыли!

— Это мы мигом, — легко отозвалась подвижная Вера.

Она шмыгнула меж мужиков, скрылась в избе и захлопнула за собой дверь.

Услышав знакомый голос, Надёжка приподняла подушку повыше, подалась навстречу, а Вера прикоснулась прохладными губами к пылающей щеке сестры, и у той обозначилась вымученная, но радостная улыбка.

— Ну, как у тебя? — спросила Вера, взяв руку Надёжки.

— Уж и не знаю, что думать, Верок.

— Потерпи, потерпи — на всё воля Господава... Теть Акуль, — окликнула Вера хозяйку, — где у вас подоинок, пойду-ка я к Зорьке, она ведь бессловесная — не позовёт!

— И то верно, — спохватилась Акуля. — Мы-то совсем затрюкались.

Вера тихонько вышла во двор, и скоро донесли её крики: «Да стой же ты, стой, непутёвая... Вот анчутка...» Акуля прислушалась к голосу Веры, воевавшей с Зорькой, — коровой своенравной, которая не сразу отдаст молоко чужому, — и по её печальному взгляду, по слезящимся, часто мигающим глазам было видно, что она боится оставаться наедине с рожаящей снохой и смотреть на её страдания.

— Маманька, — тихо, но требовательно позвала Надёжка.

Акуля встала с лавки, подошла к снохе.

— Побудь со мной, — попросила та и с такой силой вцепилась в руку, что Акуля поняла: недолго осталось ей мучиться.

Задев подоиником о дверь, вернулась со двора Вера, пришла и Елизавета. Женщины собрались около роженицы, своим присутствием подбадривая друг друга.

Устроившись на заскорузлых дедовых руках, Сашка давно спал, но от неожиданно прозвучавшего в избе крика встре-пенулся, вопросительно посмотрел на деда.

— Спи, милоч, спи, — Григорий погладил вспотевшую голову внука. — Братик теперь у тебя есть, ишь какой горлопан родился!

Сашкины веки медленно сомкнулись, он дважды чмокнул и снова задышал спокойно, немного посвистывая носом.

— Сам-то сядь, — сказал Григорий сыну, нетерпеливо прохаживающемуся под окнами.

Не обращая внимания на отцовы слова, Павел было заглянул в окно, но, ничего не увидав меж занавесок, направился в сени, поближе к двери. Приоткрыв её, замер, не решаясь двигаться дальше и слушая натужное пыхтенье Елизаветы: она что-то тихо говорила Вере, и слов её нельзя было разобрать... Но вот визгливо, взახлеб закричал младенец, и Павел отшатнулся от двери.

— Чего здесь толчешься, — выглянув, пристыдила Вера, — нос суешь в бабы дела? Мальчонка родился. Счастливым будет — весь в мать, курносенький. Ну, иди, иди отсюда!

— Верно я определил, — заметил Григорий, когда Павел сел на ступеньку, — парень и есть... Сынок, чего чуб-то свесил, когда веселиться надо! Беги за Вериним Алексеем, а я пока Сашку в сарай перенесу.

Не заставляя себя упрашивать, Павел сразу же шагнул в темноту. Григорий не успел выпросить у жены бутыль самогону, а сын уж вернулся.

— А где свояк? — спросил Григорий.

— Сейчас придет.

Вериного мужа долго ждать не пришлось. Скоро из темноты раздалось его заикание:

— ...Д-дать, с-с прибавлением вас... — сказал Алексей, лихорадочно затрясшись, и похлопал Павла по плечу.

— Наливай, бать! — с настроением предложил Павел.

Только когда во второй раз глухо прокричал петух на савинском дворе, а на востоке наклюнулась молодая заря, мужики успокоились. В этот рассветный час Акуля тихо сошла с крыльца, подняла у сарая бутылку, притворила ворота.

Чуть позже, придерживая низ живота, вышла на крыльцо Надёжка. Свекровь вынесла шаль и накинула на обострившиеся плечи снохи.

— Накройся, накройся, — ласково сказала Акуля, — к утру-то свежо стало.

— Спасибо, мамань, — благодарно кивнула Надёжка.

Оставшись на крыльце одна, вдыхая бодрящий утренний воздух, она чувствовала, как исчезает усталость, светлеет

голова, а на душе становится спокойно-спокойно. Она рассматривала разбегающиеся ряды села, вёстры у пруда, Барский сад, красного кирпича школу на дальнем пригорке, и ей сейчас казалось, что в Князеве прошла вся жизнь и здесь она родилась.

А вскоре Акуля затопила печь и позвала Григория завтракать. Съев яичницу, он долго макал блинами сметану и напился молока — прохладного вечерошника.

— Вот теперь можно и за кнут браться, — сказал, выйдя из-за стола.

Выгнав со двора скотину, Григорий зашёл в сарай, толкнул сына. Павел заворочался, но окончательно проснулся лишь от матюганий отца, воевавшего с запрявившейся коровой; та гремела пустым ведром из-под отрубей и не шла на выгон.

Павел в это время поднялся с попоны, тряхнул головой, прогоняя остаток сна, и скривился от боли. Кое-как спустился в погреб и зачерпнул из дубового ушата ковш перестоялого, с горчинкой, кваса. Напившись, зачерпнул и для Алексея. Тот тоже проснулся и протирал глаза кулаком, чесал заросший рыжеватой щетиной подбородок. Осушив ковш, Алексей улыбнулся:

— ...Д-дать, милое дело...

После перекура Алексей отправился домой, а Павел поднялся на крыльцо и осторожно заглянул в избу. В дверях задержался и ласково посмотрел на жену. Надёжка не спала, лежала поверх одеяла, по пояс укрытая полушубком. Павел подошёл,дохнул густым перегаром и всмотрелся в усталое, посеревшее лицо.

— Или не узнаешь? — улыбчиво спросила она.

— Чего не спишь? — нахмурился Павел и, стеснительно кашлянув, добавил поласковее: — Пospала бы, пока малец спокойный!

— Маманьк, — позвала Надёжка свекровь, — дай Пашке молока, ведь он всю избу провонял пьяным духом — у ребёнка головка разболится!

Павел улыбнулся:

— Клинь клином вышибают... Молоко тут ни при чём!

— С утра-то не дури, — подала голос Акуля, выглянув из кухни. — Садись есть да сходи до работы плетень подними, а то скотина заберётся — картошку перемесит.

От еды Павел отказался. Взяв топор, отправился огородам к ручью, где тянулся плетень, опоясавший картошку и разросшийся вишенник. Павел загнал в землю подгнившие колья, но неглубоко, и плетень стоял неровно. «Тот-то с ним, — ругнулся про себя, — постоит!»

Он присел на обрывистый берег ручья, закурил. Уже докуривая, разглядел под молоденьким ясенёчком веточку земляники с тремя кровавыми ягодками. Едва касаясь пальцами, стяхнул земляничины на ладонь, оглядевшись, заметил ещё несколько кустиков земляники и, когда обобрал их, набралась горстка невесомых, нежно пахнущих ягод. Заторопился в избу. В этот момент он смотрел на ягоды с тем трепетным чувством, с каким человек встречает первый снег или первую капель. Ему вспомнилась давнишняя ночь, когда они с Надёжкой гуляли по укромным уголкам Барского сада. Тогда и говорить-то серьёзно почти не говорили, а чтобы как-то поддержать разговор, приставали друг к другу: «Отдай платок!» — «Сперва кепку верни!» Когда в то утро рассвело, Надёжка разглядела в траве несколько земляничин. Забыв обо всем, они принялись разыскивать ягоды в росной траве, будто случайно целовались, искали ягоды и опять целовались...

Сейчас Павел сам радовался и хотел обрадовать Надёжку, но в избе кричал младенец, и жена, наклонившись над люлькой, возилась с ним. Помявшись, Павел ссыпал землянику на стол, и её тотчас облепили мухи.

— Где нарвал-то? — мельком взглянув на ягоды, спросила Надёжка.

— У ручья, — хмуро ответил Павел и вышел из избы.

Завернув в сарай, выдернул из-под стропилы косу, за двором сбил окосье и, окорячив «бабку», взялся за молоток. Изпод него сразу посыпались голосистые удары, и, услышав их, прибежала Акуля, зашипела, словно её могли услышать в избе:

— Ты что же, окаянный, делаешь-то? Нашёл время косу отбивать! Младенец только засыпать начал, а он бухать взялся... Перестань враз же!

Павел, будто не слыша слов матери, насупившись, продолжал стучать, и удары стали отрывистей, злей. Но Акуля зудеть не прекращала, и он остановил её, сказав не по-сыновьи грубо:

— Мать, не мешай...

Отбив косу, Павел насадил окосье и, примериваясь, тряхнул им. Решив проверить косу, спустился к ручью и жиганул по сочной, влажноватой траве. В скошенном рядке заалели несколько земляничин, но Павел посмотрел на них равнодушно. «Эка невидаль», — подумал он холодно.

Вернулся в дом угрюмым, не радовала и улыбающаяся Надёжка.

— Не принёс ещё ягодок? — заглянула она в глаза. — Вкусны — во рту тают!

— Может, и остались, да куры к ручью побежали — сейчас подберут, — усмехнувшись и не желая побороть недавнюю обиду, сердито ответил Павел.

— Нет, так нет, — просто отозвалась Надёжка. — В таком разе садись завтракать.

И во второй раз за утро появилась на столе яичница. Только теперь она не дымом пахла, а пыхала сухим печным жаром. Павел ел торопливо: обжигаясь и со свистом втягивая воздух. Позавтракав, что-то буркнул и поднялся из-за стола, достал из-за рамки с фотографиями замызганную бригадирскую тетрадку и карандаш: тетрадку в карман, карандаш плотницки — за ухо. Заглянув в люльку и подмигнув младенцу, Павел сдёрнул с гвоздя над дверью выгоревшую кепку и нырнул под притолоку.

С крыльца увидел Сашку. Тот стоял у сарая с сонно прикрытыми глазами. Одной рукой мальчишка опёрся о подсоху, а второй приподнимал рубашонку. Солнце пригревало, и он оправлялся, сонно прикрыв глаза. Подкравшись, Павел схватил сына поперёк и, подняв, звонко шлёпнул. Мальчишка испуганно вскрикнул, стал вырываться. Шлёпнув сына ещё разок, но уже не так сильно, приговаривая: «Сколько раз говорил, чтобы под носом не гадил?!» — поставил на ноги. Сашка убежал в избу, а отец ухмыльнулся:

— Вот так-то оно лучше будет!

С раннего утра светившее солнце высушило росу и разморило стадо: овцы сгуртились, а коровы разноцветными валунами застыли на лугу. Не выпавшийся Григорий тоже разморился: сидит на краю буерачины, сонно зевает и трёт глаза. А у подпаска Васька, которого зовут в селе Мать-Грунькой, свои заботы. Уткнулся он в траву и неожиданно попал в волшебный мир, в котором стебли трав — стволы деревьев, а земляные рыжие муравьи — огромные чудища. Заметил Васёк самого шустрого и наблюдает за ним, забывшись, вдруг голос Григория от буерачины:

— Мать-Грунька, а Мать-Грунька, Васятка!

— Чяго? — подняв голову, неохотно откликнулся подпасок.

— Сбегай к ручью за водицей — горло ссохлось!

— А к ребятам отпустишь карасей ловить? Карась нынче икру начал метать!

— Я тебе дам — «к ребятам»! Живо беги за водой!

Мальчишка молча направился к ручью и, заметив у родника свежую, размываемую водой коровью лепешку, осторожно утопил бутылку рядом с ней. Наполнив посудину, Васёк отнёс Григорию и, присев в сторонке, стал смотреть, как

он, дёргая кадыком, присосался к горлышку. Допив до половины, Григорий осмотрел бутылку на свет и, ни слова не сказав, заторопился к ручью. У воды резко повернулся, ища глазами подпаса, но тот уже перебрался на противоположный край стада, замелькал на взгорке отросшими волосёнками непонятного цвета и вылинявшей рубахой. «Погоди, постерел! Доберусь до тебя!» — только и подумал пастух.

Чем ближе к полудню, тем коровы тревожнее. Они поднимаются, призывно смотрят в сторону села. Некоторые потихоньку подвигаются, но после сиплого окрика Григория спешат вернуться в стадо. Только на фокинскую Краснуху сразу не действует окрик — той надо повторить несколько раз. Вот и сейчас, настырно мыча, Краснуха отделилась от стада. Заметив это, Григорий матюгнулся — не подействовало, тогда крикнул подпаску:

— Мать-Грунька, чего спишь, не видишь разве? Вороти её!

Васёк послушно вскочил — и наперерез корове, только лапы замелькали. Задержал.

— Не пушай, проучить её надо, — Григорий нехотя взял десятиаршинный кнут, у основания чуть ли не с руку толщиной, стал подходить к Краснухе с фланга. Корова заметалась, стараясь нырнуть в стадо, но Васёк не пускал её, ожидая пастуха. А тот, ещё издали изготовился и, набегая, пустил нахлестом кнут. Охвостник, рассекая воздух свильцом, хищно свистнул и обвился вокруг шеи Краснухи.

— Чего смотришь? — багровея, закричал Григорий. — Лупи, учить суку надо!

Мать-Грунька начал стегать корову своим коротким кнутишком, желая угодить Григорию, а тот поучал:

— По ляжкам, по ляжкам жги — так-то больней...

Вскоре Григорий запыхался, ослабли ремённые кольца на шее Краснухи, она вырвалась, хрипя, рванулась от пастухов.

— Теперь долго будет помнить тебя, Васёк, — похвалил Григорий. — Молодец, не растерялся, дай «петуха», настоящим мужиком становишься!

Довольный Васёк подал руку и сразу оказался на полусогнутом колене. Приговаривая: «А теперь твой черед пришёл, тебя тоже учить надо!» — Григорий трижды перетянул Ваську кнутовищем и поставил на ноги:

— В следующий раз будешь знать, как мешать воду с коровьей дрызгой!

Васёк обиженно посмотрел на Григория и косился до самого обеда. А в обед, пригнав стадо на стойбище, Григорий заторопился домой и поспел вовремя: за столом уже шебурился

Павел, был здесь и Алексей, и председатель колхоза — Константин Фомич. Среди увесистых Савиных — Алексей и вовсе увалень — председатель казался суетливым голубоглазым подростком, но почему-то именно такие — корявые и гоношистые — частенько оказываются в председателях. Павел выглядел пьянее всех, и, только взглянув на него, Григорий решил, что сын на работе толком и не был. Увидев отца, Павел подвинулся, освобождая место на лавке, мыкнул неразборчиво:

— Садись, батя...

Немного смущаясь, Григорий поздоровался и сел за стол. Константин Фомич сразу оживился, будто вспомнил что-то смешное. Когда выпили, Григорий, потянувшись к миске с квашеной капустой, неожиданно напустился на Акулю:

— Стоишь, глазами хлопаешь, а не видишь, что яиц на столе нет, и ветчина кончается, а лук-то, смотри, как прошлогодняя солома!

Едва скрывая обиду, Акуля подложила на стол закуску, стараясь придвинуть всё поближе к председателю, а он уже ни на что внимания не обращал — подсел к хозяину.

— Расскажи, дорогой Тимофеич, как с германцем воевал! — попросил Константин Фомич, по-вологодски окая и всем видом пытаясь показать, будто не догадывается о надвигающейся потехе.

— Как и все — не шатко и не валко, — отозвался Григорий, принимая игру.

— Больше, наверное, по окопам блох кормили? — подзадорил председатель.

— Всяко бывало... — хитровато сощурился Григорий.

— А германцу-то попадало от вас?

— Высыпали, как без этого, да германец-то не дурак, ма-нёвром спасался...

С очень серьезным видом Григорий рассказал непристойную историю из своего фронтového прошлого, от которой председатель захохотал, Алексей заулыбался, а Павел одобрительно застучал кулаком по столу:

— Так их, батя, так!

— Э-э, — укорила Акуля Григория, — как язык поворачивается говорить такое за столом? Бога постыдилась бы...

Высказавшись, она ушла в кухню, разговор затих, а тут ещё некстати начал кричать новорожденный. Константин Фомич, покачиваясь, поднялся и пожелал заплетающимся языком счастья младенцу, поблагодарил хозяйку за угощение. Павел же склонился к столу, желая устроиться спать, и Константин Фомич сказал ему:

— После обеда на работу не выходи, обойдёмся.

Простившись на крыльце с Григорием, председатель, стараясь идти прямо, скрылся за костром хвороста, а Григорий сказал вслед, нажимая на «о»:

— Работать надо, а он по дворам шляется...

В избе Надёжка никак не могла успокоить младенца, и под шумок Григорий с Алексеем приложились к стаканам... Осмелев, они захотели повторить, но тут подошла Акуля и с такой злобой взглянула на мужа, что тот сразу поднялся из-за стола.

— Пошли, Алексей, — не глядя на жену, сказал Григорий, — мне Васятку сменить надо.

— ...Д-дать... Спасибо за угощение, — скрасневшись, выговорил Алексей, торопливо выходя за Григорием.

— Не меня — Бога благодари, — ответила Акуля и легко вздохнула.

Выйдя из избы, Алексей отправился к себе в кухню, а Григорий на стойбище. Мать-Грунька сидел на плотине нахолившийся, словно выпавший из гнезда грачонок, и недружелюбно смотрел на сыто покачивающегося Григория.

— Отпускаю, — благодушно махнул тот рукой, — беги к обеду, а то, поди, заморился.

Оставшись один, Григорий улегся под ветлой. Незаметно задремал и, разоспавшись, не обращал внимания на кусачих навозных мух, роем вившихся над его потной головой.

Вернувшись и заметив, что Григорий спит, Васёк будить его не стал, а достал самодельный складной ножик... Первую пуговицу на дедовой ширинке Мать-Грунька отхватил ловко, а вот вторая, на исподнике, запала и не желала поддаваться. Васёк хотел уж отступить, но неожиданно, что-то бормоча, Григорий перевернулся с бока на спину, и красивая перламутровая пуговица оказалась как на ладони, сама просилась, чтобы её срезали...

Зашвырнув пуговицы в пруд, Мать-Грунька потихоньку, без обычного улюлюканья, поднял стадо и не спеша погнал на пастбище. Там, где пруд заканчивается мельчаком, Васёк поднялся на пригорок и стал наблюдать за плотинной. Скоро на ней показалась гундосая Аниска, шедшая полоскать бельё. Заметив Григория, она спустилась с плотины, чтобы разбудить. Что было дальше, Васёк не видел, но очень быстро Аниска выскочила наверх и, подхватив таз, без оглядки побежала по плотине назад.

А Григорий, поддерживая штаны и стыдливо пригнувшись, тем временем пробирался мелким оврачком к своей усадьбе. У ручья неуклюже взобрался на плетень и, завалив его, исчез в вишняке, начал продираться через захрустевшие заросли.

В избу проник через двор, снял в сенях штаны и отдал Акуле. Дожидаясь, когда она пришьет пуговицы, Григорий терпеливо отсиживался в чулане сеней. Глаза старика слезились от недовольства, он злился на медлительность жены, которая, как виделось ему, бестолково тычется по избе, разыскивая пуговицы. В другом случае Григорий накричал бы, но сейчас чувство своей вины и стыд перед снохой удерживали. От безделья он рассматривал чулан и заметил, как захламлён он: в каждом углу паутины и лежит всё как попало. «Две бабы в доме, а тут всё через пень-колоду! — злился он. — Хотя одна у печки с утра до вечера, другая в колхозе от темна до темна хрип гнёт!» Уныло посматривая в пыльное оконце, Григорий вдруг увидел, что к дому катит бричка. Едва успев разглядеть в подъезжающих сваху, Григорий в два прыжка оказался в избе и, выхватив из рук ошалевшей Акули штаны, едва не наступив в сенях на спящего Павла, метнулся во двор.

С брички тем временем легко спрыгнул светловолосый, высокий Дмитрий; по-хозяйски привязав нахрапистого мерина к яблоне-китайке, росшей перед окнами, он помог сойти пожилой женщине в строгой чёрной юбке, в коричневой сатиновой кофте в мелкий белый горошек, отделанной миткалевым воротничком и манжетами. Не успели они дойти до крыльца, а Надёжка уж навстречу.

— Маманька! — обрадованно выдохнула она.

— Будет вам, — прищипнул на них Дмитрий, — раскорячились, нашли место.

Из сеней выглянула Акуля, на ходу снимая заляпанный мукой передник. Она прищурилась, силясь разглядеть происходящее, и, сообразив, наконец, что к чему, потянула гостью за рукав кофты:

— Сваха, в избу проходите, чего тут колготиться, — приговаривала, словно пела, Акуля. Когда шли сенями, она сердито, но негромко шикнула на заворочавшегося сына: — Вставай, родимец тебя возьми, тёща приехала, а он и глазом не ведёт!

В избу вошли осторожно. Подойдя к люльке, Наталья бережно откинула полог, взгляделась в младенца, улыбнулась чему-то своему, сказала дочери:

— Весь в тебя, Надёжка, — счастливым будет, — и уступила место сыну.

Дмитрий резко нагнулся к люльке, раскачал ее, а Надёжка предостерегающе зашептала:

— Митя, что ты, как леший, ведь он же спит!

Дмитрий немного смутился, сказал, оправдываясь, подтвердил слова матери:

— Нашего покрою!

Пока разглядывали его сына, Павел стоял сзади всех, позёвывая и протирая шальные глаза. Не решаясь закурить в избе, он крутил набитую сигарку и, улучив момент, толкнул Дмитрия:

— Пошли на крыльцо, что ли...

Тот повернулся и согласно шагнул к двери. Мерин, увидев хозяина, замотал головой, но присмирел, когда Дмитрий прикрикнул.

— Ну, рассказывай, — подал голос Павел, устроившись на ступеньке и закуривая, — какие новости в лесу?

— Особых-то нет, — тоже взявшись за табак, с дымом выдохнул Дмитрий.

— Стоит лес?

— Стоит... Куда ему деться.

— Лесные воры не перевелись?

— Водятся ещё, скоро семь лет будет, как ловлю, а крайне-го не видать. Только воры-то нынче чудные попадают: как в лес запрут, так нороят всё увезти, а таких лес не боится; ему те опасны, кто поменьше носит, да почаще ходит.

— Не жалеешь, что к лесу пристроился? — спросил Павел, а у самого усмешка на губах. — Небось слышал, как у Красно-го Камня одного вашего брата об пенёк задком постучали...

— Чему быть — того не миновать! — резанул Дмитрий рукой по воздуху. — Как у вас дела?

— У нас-то? — переспросил Павел, развалясь на траве. — Мы люди простые: вперёд не суёмся и сзади не отстаем... Чем жизнь плоха? Едим, пьём, сыны рождаются... Как твои-то, растут?

— Растут, — глядя в сторону, ответил Дмитрий, — младшие всю шею бабке перепилили. А старшая-то, Люська, уж матери помогает... Ничего, глядишь, все на ноги поднимутся. Главное, чтобы какой-нибудь заварухи не вышло. В газетах-то только и пишут: то в одном месте неспокойно, то в другом агрессия.

— Пятого-то не думаете заводить? — ухмыльнулся Павел.

— Пятого?... Нет пока, хватит, а там как баба повернёт, от меня мало что зависит.

— Это точно, — согласился Павел, — наше дело не рожать...

— Мужики, пошли к столу, — выглянув из сеней, прервала разговор Надёжка.

Павел недовольно покосился на жену, но тут же радостно шлёпнул босыми ногами, подмигнул шурина и увлёк за собой в избу.

Когда расселись за столом, бабка Наталья поздравила дочь и зятя с новорождённым, положила «зубок» — что-то завернутое в платок, скорее всего, — деньги. Павел тещу почти не слушал, начал развлекать и первым взялся за стакан:

— Жаль, бати нет, ну да и ему оставим на опохмелку, — сказал Павел и стукнулся стаканами с Дмитрием.

Услышав о муже, Акуля хотела что-то сказать, но, взглянув на сваху, промолчала.

Наталья и Акуля ради приличия поднесли лафитнички к губам, поставили на стол и забыли о них. Зато сыновья их чувствовали себя запросто. Выпив ещё и едва закусив, Павел наклонился к Дмитрию:

— Всё хочу спросить, в этот-то раз согласишься крёстным моему сыну стать? Ладно, Сашка тебе чем-то не понравился, а этот-то вашенской породы, теперь уж никуда не денешься. — Взглянув на жену, добавил: — Верно говорю?

— Такой богатырь любому каждому приглянется, — отговорила Надёжка.

— Зачем нам кого-то, — шутиливо стукнув по столу, взъерошился Павел, — нам свой нужен... Так что, Митрий, сдавайся, не отстану. Семья наша, сам знаешь, не последняя в колхозе, а я бригадир всё ж таки! Ты — лесник, я — бригадир, что нам стоит помочь друг другу при случае!

Развеселившийся Дмитрий, находясь в бесшабашно-весёлом настроении, мельком взглянул на куражистого шурика и, к своему удивлению, увидел совершенно трезвые глаза Павла. Они, чуть прищуренные, цвета спелого жёлудя, были холодны, смотрели выжидающе и масляно, словно предлагали выгодную сделку.

Дмитрий отвёл взгляд, сказал неопределённо:

— Окрестить-то недолго, да мальчишка пока мал, чего загадывать...

Наевшись, напившись, мужики опять вышли покурить. Павел хотел продолжить застольный разговор, но Дмитрий остановил:

— Хватит об этом. Чего из пустого в порожнее переливать, скажи лучше, как с финнами воевал? Как попал-то туда?

— Как воевал-то? Как все, так и я... С переподготовки загудел.

— Куда был ранен-то?

— А вот! — Павел поднял мятую красную рубаху с разводами пота, оголив на груди лилово-синий рубец... — Врач потом сказал: «Тебе, товарищ Савин, повезло. Ещё бы на сантиметр пуля левой прошла, и каюк!» А пуля-сука, на моё счастье, об ребро срикошетила... Тебе когда-нибудь приходи-

---

лось ночью по льду ползать под пулями? — неожиданно спросил Павел. — Нет? А мне приходилось. Я весь Выборгский залив на пузе пропахал. И ночь ту, четвёртого марта, на всю жизньёшку запомню, когда наша 70-я дивизия Выборг окружила... Едва тогда не утонул, а с пулей-то после повстречался.

За разговорами не заметили, как солнце заплуталось в садах через дорогу. Вместе с вечерней свежестью, приползшей по лощинам из леса, на околице показалось стадо, и по порядкам Князева прокатился голос Григория. Оставив стадо на выгоне у пожарки и шлёпнув напоследок костлявого Мать-Груньку, с которым к этому времени успел подружиться, он заторопился домой. Перед избой проверил, крепко ли держатся на лычке штаны, и, коротко поздоровавшись с Дмитрием, ещё из сеней спросил у Акули:

— Мать, ужинать будем?

Когда на столе стояла жаренная на ветчине картошка, лежали яйца в миске, лук и толстенные ломты утрешнего хлеба, тогда появились Вера и Алексей.

— Мы знаем, когда приходите, — шутиливо сказала Вера и нежно обняла матушку свою, поцеловала и, застеснявшись собственной нежности, присела на лавку.

Григорий принёс из кухни две табуретки и взялся рассаживать гостей, затем, что-то задумав, вышел в сени и вернулся с запылённым семилинейным стеклом.

— Вот, накось, поставь, — сказал свёкор снохе, занимавшейся лампой, — это поярче пятилинейки-то...

После ужина разошлись не сразу. Поднимались из-за стола с неохотой: сказывался долгий июньский день. Дмитрий начал прощаться, но Павел с Григорием насели, отговорили.

— Оставайтесь. Сарай большой — места всем хватит, — повеселев после ужина, рассыпался Григорий, — да и не дело ночью через лес ехать — ноги мерину поломаете.

Махнув на всё рукой, Дмитрий согласился, а мать Вера увела к себе.

Оставшись одни, мужики закурили и сидели перед домом, попыхивая в темноте огоньками, прислушиваясь к «улице», разгоравшейся на пяточке у Барского сада — привычного места гульбищ молодёжи. Когда над засыпающим селом рассыпалось залихватское «Страдание», Григорий спросил у Алексея:

— Должно, твой Фёдор взялся девок веселить? Ишь, как наяривает!

— Он, — вместо Алексея ответил Павел, — скоро первым гармонистом будет.

А гармошка, на миг замерев, выдохнула плясовую, и над селом раскатился насмешливый девичий голосок:

---

*Ты ко мне не приставай,
Морда не умытая.
У меня в кармане есть
Мыло духовитое...*

— Кхе-кхе, — одновременно с окончанием частушки, раздалось притворное покашливание соседа Савиных. — Здравствуйте, мужики, — негромко поздоровался Фокин, почти незаметный в темноте.

— Здорово, Тимофей, — отозвался Григорий. — Присаживайся, покурим совместно.

— Не курить я пришёл — по делу!

— Что случилось?

— Дело-то вроде простое, да тебе от того, старик, легче не будет... Чего же за стадом плохо глядишь? У коровы нашей мухи червей насеяли на вымя, молоко с кровью идёт...

— Напоролась где-нибудь, разве за ней угонишься! Она у вас шальная, а такие всегда нарываються!

— А Мать-Грунька рассказывает, что ты по вымя-то кнутом, и не раз!

— Нашёл, кого слушать...

— Вот что, Григорий, хоть мы и соседи, да соседи, видно, хреновые. Мой сказ таким будет: если ещё раз с коровой что случится — хуже себе сделаешь!

— Дед, — перебил Павел соседа, — грозить, что ли, пришёл?! Языком не мели особо, а то прикусишь.

— Тебя не спрашивают — не встревай в разговор... А отец твой, знать, забыл, как в двадцать девятом годе ему печёнки отбили, — взъярился Фокин. — Он, знать, забыл, как полгода кровью с... Ведь кто-нибудь ловкий найдётся, может напмнить.

— Почаще напоминай своему сынку вислозадому, чтобы мимо нашего двора ходил с оглядкой, да и сам держи ушки остро, а то и тебя подучим, как с кровцой за плетень бегать!

— Ладно вам, — остановил Григорий сына, — иди, Кузьмич, спать, делить нам нечего, а корова твоя напоролась, сам видел, не верь Мать-Груньке, брехуну этому, он ещё не то наговорит!

— В общем, моё дело предупредить, — вместо прощания сказал Тимофей и растаял за сараем, словно и не было соседа.

После такого разговора мужики, ничего не обсуждая, затоптали сигарки и отправились в сарай, ошупкой разместились на ночлег. Григорий вместе с ними. Хотел сразу заснуть, чтобы забыть обидную перепалку с соседом, но в эту ночь не спалось. Стычка с Тимофеем обострила воспоминания, тя-

---

жестью легла на сердце — не вздохнуть глубоко, — сильней ныли отбитые почки, и чаще обычного старик ходил за сарай мочиться... Под утро он забылся коротким сном, и приснилось давнишнее время, когда знаясь с конокрадами из Скопина, и памятная осенняя ночь, после которой едва выжил.

От кого-то дознались тогда кисьявские мужики, что он навёл скопинцев, и нагрянули ночью. Выволокли за двор и били пока не устали. Три дня лежал Григорий без сознания, а потом ещё полгода жизнь его была на переломе. Только к седьмому месяцу он стал выбираться на улицу и даже пробовал шутить: «Если не я, когда ещё кисьявские лапотники в колхоз вступили бы? А теперь им без лошадей и деваться некуда!»

Сам-то Григорий вступать в колхоз не стал: сперва из-за болезни, а потом из упрямства. Ему пригрозили выселением следом за князевскими кулаками, хотя он был к тому времени бедняк-бедняком, и тогда, от беды подальше, он пристроился стеречь общественное стадо, хотя и стадом-то его было назвать трудно после того, как большинство скота отвели в колхоз.

Всё-таки задремав, Григорий на рассвете проснулся, прислушался, и от напряжения ему почудилось, что кто-то шорохается близ двора.

Тяжело поднявшись, пошёл к скотине. Убирая у коровы, разглядел за яслями хлебный мякиш... Разломил его, а в нём иголка блеснула.

— Нет, не помнилось мне, — растерянно шептал Григорий, — это Фокин в отместку подбросил, его серый хлеб.

Перед сенокосом Вере пришло письмо из Москвы, от младшей сестры Любы: она сообщала, что собирается в отпуск. В письме лежала фотография, и Вера побежала к Надёжке.

— Глянь, — радостно заулыбалась Вера, едва переступив порог савинской избы, — какие кудри Любаша навела — не узнать!

Надёжка взяла фотографию и засмеялась, увидев вместо кос смешные завитушки:

— Теперь к Любке не подступишься — как госпожа!

— Вот счастливая, — вздохнула Вера, — отпуск уже заработала! А мы всю жизнь никаких отпусков не знаем.

— Молодец, на нас, клуш, не посмотрела и правильно сделала... — Надёжка замолчала, на её лице высветилась гордость за сестру, интерес к городу, который она, Надёжка, ни разу не видела и представить не могла. Самым большим гордом считала Пронск, расположенный в километре от Князева, где, еще девчонкой, жила в няньках. А самым большим

домом на свете — двухэтажный дом Щербаковых, которых во времена нэпа по привычке величали господами.

К Щербаковым мать отвела Надю, когда ей исполнилось восемь лет. Пока вела, советов надавала, но запомнилось одно: «Тебя сперва проверять будут, — говорила мать. — Подбросят, к примеру, под половичок копеечку, перед тем как пол мести, а ты, если какую денежку найдёшь, отдай хозяевам, смотри, не осрами меня...» Так и жила Надя у Щербаковых, боясь осрамить мать. В конце каждого месяца её отпускали на денек домой. Отбежав немного от Пронска, она на первом же пригорке приостанавливалась и, сжав кулачок, грозилась:

— Вот тебе, город! — и вприпрыжку мчалась в родную Мотовку.

Выходной пролетал, и опять на целый месяц уходила она к Щербаковым. Два года жила у них и ни разу не слышала ласкового слова. Лишь когда мать пришла насовсем забирать дочь, старая Щербачиха раздобрилась и повела девочку в лавку на первом этаже.

— Какое бы хотела платье? — спросила дородная хозяйка, указывая на разноцветные отрезы, лежавшие на стеллажах. — Выбери!

Не взглянув на шерстяные и шёлковые ткани, Надя робко показала на самую нарядную — ситчик.

— Ребенок ты неразумный, — покачала головой Щербачиха.

Отрезав аршин ситца, столько же она отмахнула от тёмно-вишнёвого отреза шерсти.

— Это тебе, Наталья, — подала Щербачиха материал растерявшейся Надиной матери, — за послушную дочь.

Когда пошли домой, Наталья обернулась и осенила дом Щербаковых крестным знамением, пошептала:

— Спаси вас Христос!

Обо всём этом Надёжка вспомнила, слушая Любино письмо, в котором сестра расписывала удивительную городскую жизнь.

Вера ещё не закончила чтение, когда в избу вошёл Павел. Повесив кепку над притолокой, он нагнулся к люльке, от его прикосновения младенец запищал. Павел подозвал жену, сказал насуспенно:

— Перемени, мокро у него.

Когда Вера ушла, Павел не разговаривал, ходил по избе хмурый, злился на что-то. После ужина, едва старики улеглись, вызвал жену на двор.

— Чего звал-то? — спросила она, но, не успев и рта закрыть, осела на землю, пошатнувшись от резкого, без замаха, удара под дых.

Пнув сжавшуюся у ног жену, Павел процедил:

— Пока здесь подумай, зачем звал, а я за мальцом при-
смотрю.

Медленно приходя в себя, Надёжка смотрела не моргающими глазами на вспыхнувшую в небе звёздочку, хотела и не могла, боялась глубоко вздохнуть. Долго лежала она: уж и слёзы перестали блестеть, видно, высохли и не стали заметны в наступившей ночи, уж и всхлипывать перестала, а всё равно не могла успокоиться от обиды.

Второй час с Любаша не сводил глаз подозрительный тип в лихо сдвинутой на ухо кепчонке. Заметив его ещё при посадке в поезд, она так и натыкалась на большие серые глаза. Место ей досталось с краю, так же, с краю, через две перегородки, сидел и глазастый. «Видно, жулика в попутчики Бог послал, — подумала Любаша, крепче сжимая сумку с гостинцами. — Ишь как глазищи-то плутовские пялят, как бурами сверлит!» Несколько раз «жулик» выходил в тамбур, и тогда она боялась на него взглянуть и невольно прижималась к дородной соседке, у которой от духоты бисером выступил пот, а чернявые колечки волос прилипли ко лбу. Ей не нравилось, что кто-то ещё липнет, и, когда мимо проходил парень, она подталкивала молодую соседку к проходу.

— Не бойся его, — «гакая», говорила тётка, и её маленькие, заплывшие глазки смеялись, — нешто жулики такие бывают? Вот увидишь, милая моя, чем дальше, тем чаще он шлындать будет!

Высказавшись, женщина утёрла лицо уголком сползшего на шею миткалевого платка и, сонливо прикрыв глаза, тотчас уснула, а Любаша продолжала украдкой поглядывать на глазастого. И странное дело: когда парень замечал её взгляд, то будто невзначай отворачивался, всем видом говорил, что она ему совсем не интересна, но проходило какое-то время, и он начинал коситься, ловил взгляд попутчицы, а поймав, — отворачивался. Ей эта игра понравилась, потому что она одерживала в ней верх. И чем пристальнее смотрела на него, тем всё более казалось, что где-то видела его, даже, возможно, разговаривала.

Когда до станции Хрущёво остался один перегон, она пробралась в тамбур, чтобы занять место поближе к выходу. Застрав меж потных спин и загривков, Люба, покосившись, заметила, что и глазастый пробирается следом. И хотя в её душе не было прежнего испуга, но она почувствовала, как кровь задукала в висках. В голову полезли рассказы, которых наслушалась в общежитии. Да что там чьи-то рассказы,

---

когда сама видела, как соседка по комнате приехала из отпуска в слезах. «Какой-то нахальный вызвался корзинку нести, а в ней полпуда ветчины, пять десятков яиц да махотка сметаны, — недавно рассказывала Дуняшка, обмывая над тазом ободранную коленку. — Рот разинула от счастья, и корзины как не бывало... А я, дура, всю дорогу ему глазки строила!» — «Мы не таковские», — подумала Люба, но сумку на всякий случай зажала покрепче.

Из вагона сходили шумно, каждый норовил протиснуться вперед, и оттого создавалась ещё большая толчея. Когда Любаша спрыгнула с последней ступеньки, глазастый стоял уже в стороне. Был он налегке, с небольшим чемоданчиком: его явно интересовало, в какую сторону она пойдет. Люба сразу же направилась за полуразвалившимся пакгаузом, где обычно собирались пассажиры, добравшиеся до Пронска. Подойдя к пакгаузу, она оглянулась, но парня не увидела. «Отстал, леший его возьми!» — подумала обрадованно. И сразу навалилась новая забота: «Как уехать?» За пакгаузом собралось человек тридцать — все из дальних деревень — и все бегали от подводы к подводе, уговаривая возниц. Вместе со всеми и Люба пыталась счастье, но пристроиться не удавалось.

— Эй, девка, далече ехать надумала? — услышала она за спиной хриловатый голос и, оглянувшись, увидела старика в засаленном мятом пиджаке и кепке с протертым козырьком.

— Отсюда не видно, — хмуро ответила Люба и отвернулась.

— Ну, а всё ж таки? Любопытно!

— До Пронска мне, — сказала она и покраснела.

— А нам с тобой по пути, — оживился старичок. — Видишь, за сараем подвода стоит?.. Видишь? Во, во. Подходи, сейчас товар получим и тронемся в дорогу.

Обрадованная Люба пошла за стариком. Правда, лёгкость, с какой пристроилась, насторожила. Виданное ли дело, чтобы возницы бегали за пассажирами! Бывает, наперёд даёшь тройка — обычную плату до Пронска — так они нос воротят, стараются подыскать пассажира поденежней. Но как бы ни было, а она сидела на подводе и мечтала о том, что через три-четыре часа увидит маманьку. Скоро возница подогнал подводу к складу, грузчики уложили несколько мешков муки, а старик накрыл их стареньким брезентом. Поехали. Когда поравнялись за переездом с пересыльной тюрьмой, Любаша увидела, как из-за неё вышел глазастый и быстрым шагом двинулся наперерез подводе... Она обмерла.

— Дяденька, не сажай его, — зашептала, косясь на парня.

Возница хмыкнул, улыбнулся:

— Пушай едет, ныне дорога накатанная.

Люба хотела соскочить, но «дяденька» придержал:

— Чего переполошилась? Это свой парень, я его знаю.

Любин попутчик поравнялся с телегой, спросил уверенно, будто заранее знал маршрут:

— В Пронск едешь, отец?

— Туда, — согласно кивнул возница, — садись.

Приземистый коротконогий парень прыгнул на подводу ловко, словно всю жизнь только и делал, что на подводы прыгал. Он сел рядом с Любой и, будто нечаянно, толкнул.

«Всё, пропала, — затряслась она, — они, окаянные, сговорились!»

— Папаш, куришь? — поинтересовался парень, подавая вознице раскрытый портсигар, а Люба от этого вопроса совсем сбилась с толку.

«Сговорились ли они, нет ли, нужно раньше думать, — ругала она себя. — Теперь уж поздно кулаками сучить».

Закурив, парень начал расспрашивать старика о районных новостях, о хлебе, не начался ли сенокос... Слушая неторопливый разговор мужиков, Люба успокоилась; ещё более успокаивал размеренный ход телеги и редкое, незлобивое покрякивание возницы на мерина. Лишь изредка повозка пересекала неглубокую лощину, на выезде из которой возница сам спрыгивал с неё и попутчиков сгонял. И снова бесконечно тянулись поля с кое-где рассыпанными перелесками. Солнце стояло нежаркое, ветерок чуть волновал созревающие хлеба, и свежий воздух полей казался Любаше вкусным-превкусным. Целый год она не была в родных местах и теперь не могла надышаться и насмотреться.

В селе с чудным названием Соха напоили лошадь. Набрал в зелёную бутылку воды из колодезного ведра, возница тронул мерина, но за селом остановился.

— Вы как знаете, а мне обедать пора, — и начал ослаблять у лошади подпругу.

Старик достал из передка телеги застиранную тряпицу и, развернув её, разложил варёные яйца и хлеб. Хлеб был домашней выпечки, и, увидев это, Любаша невольно вдохнула знакомый аромат. Ловко стукнув яйцом о зуб и начав очищать скорлупу, старик перехватил её взгляд.

— Аль по хлебцу соскучилась? — спросил, улыбнувшись, предложил: — Бери ломоть, пробуй... У меня всегда, кто из городов едет, первым делом хлебцем угощаются... Смелей, смелей...

Любаша взяла ломтик, прежде чем надкусить, долго вдыхала ржаной запах.

— Одним духом сыта не будешь. — И обратился к парню: — А ты чего? Угощайся, не девка, чтобы уговаривать.

Глазастый, немного смутившись, тоже взял ломоть и так же бережно держал его, как и Любаша.

— Ой, — спохватилась та, — чего же я сижу — у меня ведь и колбаса есть, и селёдка имеется...

Торопливо развязав узел, она выложила продукты, а возница, взглянув на такое богатство, даже есть перестал.

— Не могу трескать всухомятку, так уж и быть — оставлю имущество на вас... Я скоро вернусь, только до магазина добегу.

Дедок соскочил с телеги, парень спрыгнул следом.

— Мы так не договаривались! — сказал он взволнованно и мельком взглянул на попутчицу.

— Мигом слетаю...

— Не бегай никуда, у меня есть. — Парень подошёл к телеге, раскрыл чемодан, достал со дна поллитровку. — Во, держи. Собирался с отцом за встречу выпить, да в Пронске ещё куплю.

Возница, увидев бутылку, просиял:

— Ах, и день у меня сегодня, понимаешь ли...

Откуда-то появилась кружка; плеснув в неё, парень подал старику. Тот было собрался осушить, но передумал:

— Это что же получается... Собираюсь выпить за ваше здоровье, а звать-то и не знаю как?

— Николай, — ответил парень. — Фамилия Мухин.

— А попутчицу нашу как звать-величать? — не унимался старик.

— Люба, — ответила та и, случайно встретившись с парнем взглядом, покраснела.

— Ну, а меня с малолетства Ксенофонтом кличут; если кто уважение хочет оказать, то Михалычем называют, понимаешь ли, — не обойдясь без своего «понимаешь ли», представился возница и, счастливо зажмурившись, одним махом выпил.

Когда мужики допили бутылку, разговор оживился. Повеселела и Любаша.

— Вы колбасу-то ешьте, не жалейте, — предлагала она, — у меня ещё есть.

— А вдруг не хватит родных угостить? — усомнился Николай и испытующе посмотрел на попутчицу.

— Хватит... — Она замолчала и исподтишка посматривала на парня, видно, хотела что-то сказать, да не решалась.

Наконец пересилила себя: — Теперь за колбасу спокойная, — и беззаботно улыбнулась. — А в поезде-то переживала, боялась, что сумку стянешь...

Николай и Михалыч засмеялись, а Любаша безобидно продолжала:

— Вам-то смешно, а кому ж хочется с добром расставаться... Как бы я домой без гостинцев заявила?

Вскоре лошадь снова тянула подводу, Ксенофонт начал позевывать и быстро задремал. Николай обрадовался этому и начал разговор с попутчицей. Через полчаса он уже всё знал о ней: и откуда родом, и где мать живёт, и долго ли будет в отпуске.

Не доезжая до Пронска километра два, Любаша начала собираться. Ксенофонт, по-лошадиному всхрапнув, проснулся, начал что-то говорить невпопад, а когда Любаша протянула ему три рубля за проезд, замахал руками.

— Да ты, девка, в своём уме? Я колбасы на десятку смолотил! — и, посматрив на Николая, добавил с хитринкой: — Наперёд всё уплачено.

Сойдя с подводы, Любаша торопливо зашагала по тропинке, но через несколько шагов оглянулась и, неожиданно для себя, помахала вслед удалявшейся подводе. Когда Николай махнул в ответ, она торопливо нырнула в заросли орешника, за которым начинался темный осинник, и через полчаса была в Городище.

С непривычным волнением она подходила к дому и представляла встречу с матерью... Почти год мечтала об этом дне, загадывая, как обнимет, расцелует её и будет долго-долго рассказывать. Даже во сне снилась эта встреча. И вот теперь она наяву очутилась в родных местах, где всё хожено вдоль и поперёк... Но прежде чем рассказать о себе, о том, как завербовалась в Москву, поехав в прошлом году на торфоразработки под Шатуру, сначала, конечно, узнает о сёстрах, брате, племянницах и племянниках.

Матушку увидела перед домом неожиданно: она сидела под разлатым клёном и перебирала луговые опята-говорюшки. Наталья подняла глаза только тогда, когда Люба остановилась совсем рядом.

— Вот и дождалась я дочку! Пойдём быстрее в дом — кормить тебя буду! — растерянно засуетилась Наталья, от радости прихлопнув ладошками.

Они обнялись, расцеловались, а когда уселись за стол, откуда-то сбежались ребятишки Дмитрия: окружили, повисли на руках. Люба раздала им гостинцы, усадила рядом, но дети сидели только до тех пор, пока тётя говорила о городс-

---

кой жизни, а как бабушка начала вспоминать мотовскую жизнь, переезд в лесхоз, то разбежались кто куда... А Люба, хотя и разворошила детские впечатления, всё равно считала, что по-настоящему выросла в жизнь именно здесь, в Городище, и теперь казалось, что и не жила более нигде. Она была единственной дочерью, жившей с матерью почти до последнего времени, с тех пор как Надёжку выдали замуж в Князево. Вместе с матерью да снохой Нюрой работала в лесхозском питомнике.

Осенью они собирали жёлуди, берёзовые серёжки, весной высаживали и сеяли семена в питомнике, летом пропальывали грядки с саженцами. Установленный природой черед работ Любашу не тяготил: она была с матерью, а та скучать не даст — что-нибудь расскажет, над чем-нибудь посмеётся. И только в летние месяцы Любаша рвалась к сёстрам в Князево, где собирались большие улицы. Вот только ныне ей не повезло: отпуск пришёлся на сенокос, а в эту пору особо не разгуляешься.

Готовятся к сенокосу, как ни к чему другому. Мужики загодя отобьют косы, окосья подгонят, украдкой жиганут по траве раз-другой. И только тогда, всё проверив, пойдут в луга. Там, волнуясь, поставят в «голову» самого опытного. Тот отнекивается: мол, поспоровистее косцы есть... Но мужики насадают, и, выбранный, затаив гордость, старательно начинает класть тугой рядок. Следом за первым вступают поочередно в работу и остальные, врезаясь в пласты душистого разнотравья; и луг оживает от звона кос, зацветает от россыпи рубах.

Накануне сенокоса Павел вечером обошёл свою Бутырскую бригаду. Побывал в каждой избе, с каждым мужиком поговорил. Вернулся домой улыбочивый и, подсев к ужиनावшей семье, аппетитно потянулся к миске с кашей. Был шутлив, обращаясь то к отцу, то к Надёжке; не забывал о Сашке и матери. И ко всем у Павла находилось доброе слово. Даже Надёжка, молчавшая неделю, впервые заулыбалась, услышав от мужа рассказ о том, как в Пронске семидесятилетний старик надумал развестись, а ему говорят: «Венчанных в церкви мы не имеем права разводить!»

В этот вечер в савинском доме был мир и лад, и каждый воспринимал это по-своему: Григорий гордился сыном, Акуля была рада, что сегодня в доме не пьют, Надёжка повеселела, почуяв сердцем, что Павел отмяк и несколько раз посмотрел с тем восхищением, которое замечала только она. Даже детям передалось настроение взрослых: Сашка ластился к отцу, а младенец — наречённый Борис — тихо спал, никому не мешая.

Поднявшись утром, когда ещё и солнышко не думало просыпаться, Павел долго возился с косой, привередливо выбирал брусок. Отобрав, вложил в подбрусник, пошёл поднимать людей. Чтобы не терять времени, начал с Фокиных. Соседи ещё спали. Постучав в окошко и кашлянув, Павел услышал недовольный голос старика Фокина. В эту минуту Павлу не хотелось торчать перед соседскими окнами, будто мог увидеть через подслеповатые побелённые рамы что-то непристойное, оскорбляющее достоинство и самолюбие.

Харкнув спросонья, завоzilся в сенях хозяин. Павел слышал, как он подошёл к двери, заглянул в дырку на месте выгнувшегося сучка и, убедившись, что стоит свой, приоткрыл дверь:

— Слышим, слышим, — хрипло отозвался Тимофей Кузьмич, — собирается Михаил.

— Скажи ему, чтобы не чухался, — не глядя на старика, буркнул Павел и зашагал к следующему двору.

Вскоре бутырские мужики — вторая колхозная бригада — вытянулись гуськом, направляясь в Максакову лошину. Пока шли, решили, что первый прокос сделает Фёдор Зубарев. Мужик он, хотя и языкастый, но в работе сноровист.

— Ну, так что, мужики, с богом, как говорится, — сказал статный, уверенный в себе Фёдор, когда пришли на место, взяв косу поухватистой.

— Давай, давай, становись, — загудели они, — солнце-то вон как поднялось, чего зря башку жечь.

Крякнув, Фёдор пригнулся и пошёл махать, кладя рядок поперёк лошины: сначала робко, но постепенно распаяясь. Следом за Зубаревым, так, чтобы не оттяпать соседу пятки, вступали в работу и остальные. Замыкал нитку косцов бригадир. Впереди Павла бил свой рядок Михаил Фокин. Его невысокая, по-бабьи широкая книзу фигура мелькала пред глазами Павла, потому что косил он вплотную за Фокиным. Тот слышал за собой громкое дыхание и жался к впереди идущему. Со стороны казалось, что работают неразлучные друзья.

Павел напирал неспроста: отстань он сейчас от Фокина, и тот тоже отстанет; эта прохладца передастся по цепочке, пока не достигнет «головой». Но Павлу не хотелось, чтобы его бригада считалась отстающей, и поэтому он будто приклеился к Фокину, даже косой ударял с ним в такт.

Не знал Павел, что эта горячность в работе выйдет боком. Когда окашивали промывину, заросшую калиной и осокой, Фокин, крикнув: «Змея!» — шархнул от кустов. Павел увидел перед собой ноги соседа в тот момент, когда коса не-

---

удержимо рвалась вперед, и он уже не мог остановить её... Удар получился сухой, словно полотно напоролось на прошлогодние будыля. Михаил по-заячи пронзительно вскрикнул и осел на луг, обхватив ноги. Он, видимо, пока не понимал, что случилось, почему меж пальцев кровь? Глаза его, выразившие в первое мгновение любопытство и удивление, тотчас в ужасе замерли, а кровь отхлынула от потного, разгорячённого лица.

Первым, оттолкнув ошалевшего Павла, к Фокину подбежал не по годам резвый Кузьма Карандеев. Он на ходу схлестнул подбрусник с ремённого пояска, попросил у мужиков второй и, подняв у Фокина расхваченные штанины, перетянул ремешками голяшки синевато-бледных ног, сдерживая кровь. Сорвав с себя не успевшую пропитаться потом рубаху и, распустив её на лоскуты, стал бинтовать Фокину ноги.

Павел стоял молча. Сгрудившиеся около Михаила мужики оттеснили его и на время забыли о своём бригадире. На лицах тех, кто был помоложе, отразился страх, но любопытство заставляло смотреть на страдания человека, невольно проникаться его болью, отчего лица их от волнения побледнели, а глаза блестели возбужденно, взволнованно, дико. Те, кто был постарше, отнеслись к случившемуся спокойно, будто каждый день видели, как режут ноги. А Кузьма Карандеев, прошедший три войны, пользуясь передышкой в работе, взялся за сигарку и, усевшись в сторонке, преспокойно курил. Когда послали в деревню за подводой самого молодого — Фёдку, сына Алексея, Карандеев, мусоля окурок, сказал, путив носом дым:

— Вот до чего спешка-то доводит... Нешто так можно...

Через полчасы Фёдор прикатил на разгорячённом правленческом жеребце. В дрожки настелили травы и уложили на неё Фокина. К этому времени с его лица сошёл первый испуг и с болью он стерпелся, и даже пробовал шутить, услышав чей-то призыв к осторожности:

— Теперь со мной можно смело обходиться — я живучий. Коли с первого раза не зарезали, то теперь не помру!

Фокина увезли в Пронск, а Зубарев, вспомнив обязанность «головы», сказал, не глядя ни на кого:

— Надо косить...

Через два часа притащился на милицейском мерине участковый, громыхая разболтанной двуколкой. Он записал свидетелей, долго расспрашивал Павла и под конец разговора хмуро указал на место рядом с собой:

— Придётся до отдела доехать, а там разберутся, на чём куга, а на чём мох растут!

В Пронске, у дверей двухэтажного здания милиции, участкового встретил Тимофей Фокин. Он протянул лейтенанту вчетверо сложенный листок и нервно резанул воздух зажатой в руке картузом:

— Сие примите во внимание!

Пройдя в свой кабинет и положив фуражку на стол, участковый усадил Павла напротив, развернул листок и про себя прочитал:

«Заявление

Довожу до сведения начальника милиции о зловердных действиях некоторых граждан из села Князева. Именно об отце и сыне Савиных. Имея за собой поганое прошлое, они и сейчас не успокаиваются. Савин-отец, дорабатывает век пастухом, вредит всячески, корове нашей вымя иссушил, отчего мы остались без молока. А теперь вот младший Савин ни за что набросился на моего сына с косой, а еще считается бригадиром в нашем колхозе.

По данному случаю требую расследования, потому как такое прощать нельзя.

Т. К. Фокин.

27 июня 1940 года».

Ночь Павел томился в милиции. Уснул на жёстком топчане под утро, когда в высокое маленькое оконце, затянутое решёткой, просочился рассвет. А с того момента, когда за ним захлопнулась дверь, Савин раз за разом вспоминал случившееся. Как только он оказался в отделе и участковый стал записывать его показания, в нём поселилось неприятное, знобкое чувство. Медленно рассказывая утреннее происшествие, с постоянным возвращением и уточнением деталей, Павел представлял картины одна мрачнее другой, хотя и не понимал, в чём его вина. Ведь он не виноват! Ведь сам же Фокин напоролся на косу, да и разве ему, Павлу, взбредёт в голову такое: броситься на человека с косой! Не лиходея же, в конце концов, он себе, у него второй сын только родился, его растить надо. Успокаивая себя, Павел начинал верить в хорошее, но опять напознали мрачные мысли, и деться от них было некуда. «Всё — отпрыгался, — говорил кто-то в Павле голосом Фокина-старика, — а то больно строптив стал... Всё ему нипочем. Бригадир, куда там — хвост трубой!» В такие минуты Павла придавливала тоска, а в груди жёстким комом жмыха застревала горечь, и мнилось невесть что.

Утром Павла вызвал старший следователь. Выглядел Павел хмурым. За одну ночь он постарел, на переносице запала

складка, появлявшаяся только в дни перепоя. В коридоре, шагая впереди милиционера, он пытался пригласить взъерошенные волосы, но хриплый голос милиционера остановил.

— Перестань махать, размахался! — услышал Павел за спиной.

В кабинет он так и вошёл взъерошенным, а чёрная щетина делала его ещё более угрюмым.

— Вам повезло, — немного приглядевшись к вошедшему и расспросив у него, кто он и откуда, сказал следователь, ещё совсем молодой, мягковолосый парень, — ваше счастье, что потерпевший оказался трусоватым и крикнул «Змея!». Этому есть свидетели, и это коренным образом меняет ситуацию, а заявление гражданина... — следователь заглянул в бумаги, — Фокина делает несостоятельным... Вы свободны.

Когда Павел растерянно приподнялся над столом, следователь спросил:

— Да, а что у этого Фокина с коровой?

— Напоролась где-то... Натырная она — вся в хозяина...

Неожиданно быстрое освобождение удивило Павла. Выйдя из милиции, он пошёл без оглядки; боясь встретить знакомых, отправился в Князево не городом, а Буграми: так и короче, и подальше от любопытных глаз.

Уже на подходе к своему селу Павел повстречался с Константином Фомичом. Председатель сердито нахлёстывал жеребца, но, заметив бригадира, заулыбался, резко осадил коня.

— Павлуха! — радостно крикнул Волочаев. — Отпустили?! А я, сознаться, волновался за тебя... Не поверишь — с женой поругался... Она всё твердит, что тебе этот случай даром не пройдёт, вот и верь после этого бабам.

— Где бригада? — спросил Павел.

— Там же. Лошину докашивают... Я пока вместо тебя Фёдора Зубарева назначил. Передай ему, что надобность в нём теперь отпадает... Ну, ладно, хоть в райком сейчас спокойно поеду.

Не заходя в село, Павел отправился на покос. Пока добрался до Максаковой лошины, солнце поднялось высоко, и бригада собиралась на обед. Косцы, завидев Павла, остановились, подошли, окружили, накинлись с расспросами. Павлу это не понравилось; встретившись взглядом с Зубаревым, он спросил:

— Как дела, Фёдор? — А в глазах читалось: «Как ты без меня бригадирствовал?!»

— Старались, — скупко ответил Фёдор и, застеснявшись чего-то, отвёл взгляд.

— Спасибо — выручил, — поблагодарил Павел, так же не глядя на собеседника, и, обратившись уже ко всей бригаде, добавил: — Идите, мужики, на обед.

Когда косцы пошли в село, Павел отстал, решив проверить, что сделали без него, но неожиданно поймал себя на нерасходной мыслишке, вдумавшись в которую, понял, почему не пошёл вместе со всеми: необъяснимое желание побыть одному заполнило его. Забывшись, он брёл по скошенному лугу, немного поблекшему под солнцем: оно жгло тугие рядки, настаивало воздух ароматом подсыхающего разнотравья. Случайно увидев пёструю толпу баб, шедших ворошить вчерашние рядки, Павел пригнулся, прячась от них, засеменя под бугор, торопясь скрыться с глаз. Забравшись в ещё не скошенный отрожек, Павел завалился в душновато-влажные заросли мышиноного гороха и опрокинулся навзничь... Над ним висело распаханное небо с единственным лёгким облачком-странником, и малая птаха — стриж ли, касаточка ли — кружила на белёсом фоне облака, и, казалось, птаха собралась долететь до белого тумана; и сил она не щадила, и непонятно для чего старалась... Глядя на неё, Павел представил, что это он бьётся в небе, но облако всё ещё далеко, и не достать его, не достать... «Вот и иной человек всю жизнь чего-то добивается, так же бьётся, и никому до него нет дела. Никто не заинтересуется, не спросит, почему на душе погано и жутко!» Мысли путались, удивляли, и, боясь потерять их, он пытался побыстрее найти ответ и не находил... Час назад встретившись с председателем, хотел поговорить с ним, развеять тревогу на душе, но тот, как всегда, спешил.

И это было действительно так.

По приходу Константина Фомича в райком партии о нём доложили первому секретарю, по чьему требованию вызвали председателя колхоза имени Калинина.

Когда Волочаев вошёл в кабинет Дмитрия Афанасьевича, тот резко разговаривал с кем-то по телефону. По тому, с каким раздражением он бросил трубку на рычаги аппарата, Волочаев понял, что Бирюков не в духе.

Так и оказалось.

Он сидел за широким полированным столом: тяжелый, массивный; плотный китель облегал его тугую фигуру, а бритая голова с прижатыми ушами придавала взгляду свирепость.

— Рассказывайте, дорогой Константин Фомич, что это во вверенном вам колхозе творится?! — сказал он, уколлов взглядом председателя и забарабанив пальцами по столу. — Я, при-

---

зняться, поражён вчерашним происшествием! Как могло случиться, что ваш передовой бригадир-орденоносец выводит из строя колхозника?!

— Несчастный случай: кто ж застрахован... — Волочаев, сказав это, поднял глаза, пытаясь отгадать реакцию Бирюкова.

— Знаю, что — несчастный, — продолжал тот. — Только это обстоятельство и выручило вашего бригадира. Но как бы там ни было, а от факта никуда не укроешься.

Волочаев, съёжившись, молчал, на некоторое время умолк и Дмитрий Афанасьевич.

— Мне кажется, — продолжал он после неловкой паузы, — что в этом случае есть и ваша доля вины как руководителя. Распустили вы людей! И это в то время, когда пол-Европы под сапогом Гитлера! Вы, наверное, знаете, обязаны знать как коммунист, что на днях не стало Франции; и фашизм на этом не остановится — всё идёт к тому, что войны и нам не избежать.

— Но ведь есть пакт о ненападении! — невольно вырвалось у Волочаева.

— Да, действительно, такой договор наша страна заключила... Но это ещё ничего не значит. Потеря бдительности...

Бирюков не договорил, встал из кресла; приподнялся над столом и Волочаев, но Дмитрий Афанасьевич жестом усадил его на место. Сам же подошёл к окну и стоял, раскачиваясь с пятки на носок, рассматривая что-то на улице.

— Так вот, — наконец он повернулся к Волочаеву, — так вот, — повторил задумчиво, словно освобождаясь от прилипчивых мыслей: — На ближайшем заседании правления вверенного вам партией колхоза рассмотрите вопрос о возможности пребывания в занимаемой должности бригадира Савина, а с вами мы ещё встретимся на заседании бюро райкома...

Волочаев тащился из Пронска в прескверном состоянии. Разномастные мысли шарахались в голове. Было обидно и досадно, что разгорелся сыр-бор именно в его колхозе. «Выгнать, надо думать, не выгонят, а строгача влепят!» — размышлял Константин Фомич, подъезжая к селу.

Павел же, отлежавшись в отроге, тем временем возвращался домой. Этот час, проведённый в лугах, сгладил, неожиданно вытравил из души недавнюю обиду, накопившуюся за долгую ночь, проведённую в милиции. Теперь на душе было легко, всё радовало: и жаркий луг, и зреющее поле ржи, и темнеющий неподалёку лес. Размечтавшись, Павел не заметил, как перед самым селом кто-то подкрался сзади и закрыл руками глаза. Павел хотел бросить шутника через себя, но, почувствовав на лице мягкие ладошки, оглянулся.

Перед ним стояла белозубая, ясноглазая Любаша, залившаяся смехом.

— Фу ты, — выдохнул Павел, — так можно и заикой сделать. Стану как Алексей дадакать — будешь мне пенсию за испуг платить.

— Герой называется, а ещё на финской был!

— Был, был, а вот ты откуда свалилась, ты вроде бы в Москве должна обитать? — удивился Павел.

— Вот из того леса вышла, — указала Любаша рукой за себя. — В отпуске я, письмо посылала, вы разве не получали?!

— Получали. Вера-преподобная читать приносила, — ответил Павел и нахмурился. — Ну да не в этом дело... Ты-то как в столице устроилась? Я ведь там проездом в апреле был, когда из госпиталя возвращался... А ты ещё годок поживёшь в Москве, тебя и не узнать будет.

Люба покраснела и ничего не ответила, а Павел более допытываться не стал.

— Ты к Вере сначала зайдёшь или сразу к нам? — спросил он.

— Пойдём к вам. Уж очень на малыша хочется посмотреть.

Около крыльца Павел гаркнул:

— Надёжка, принимай гостью!

Пока сёстры обнимались, а потом разглядывали в избе Борису, Павел вышел покурить. Подымив на крыльце, он вернулся, взял на руки сразу заверещавшего младшего и, подбросив его легонько, улыбочиво сказал:

— Вот какого богатыря жена принесла. Одно загляденье!

— Хорош, хорош, да только шибко крикливый! — тоже улыбнулась Люба.

— Это не беда. А что за мужик без доброго голоса?

В этот момент к Павлу подошла мать, дотронулась до руки и тихо сказала:

— Там тебя председатель спрашивает...

— Какие новости? — неохотно выйдя из избы, спросил Павел у Волочаева, едва удерживавшего вожжами жеребца.

— Плохие, — отозвался тот. — Ты вот что... Дела бригадирские сдай пока Зубареву, а на собрании это окончательно утвердим...

Князево, Большое Село, Погореловка, Соха... Эти большие сёла издавна собирают шумные «улицы». С наступлением темноты гуляет молодежь, но первой на пятачок приходит не она... Князевская мелкота собирается у Барского сада, едва в небе зажжётся первая звёздочка. Ребята задираются,

---

украдкой смолят сигарки, и улица для них обычно заканчивается набегом на чей-нибудь сад. Кто постарше, те шныряют по селу до рассвета: перетаскают кому-нибудь на крыльцо поленищу дров, устроят две-три стукалочки, а после начинают выслеживать влюблённые парочки. Найдут, дождутся, когда разомлевший ухажёр потянется к ненаглядной целоваться, и в этот момент какой-нибудь Пупырь или Волчок свистнет изо всех сил, и вся ватажка, подгоняя себя диким визгом и улюлюканьем, кинется врассыпную.

На следующий день после приезда, ещё задолго до сумерек, Николай Мухин вышел из дома в небесного цвета рубашке, наглаженных брюках и начищенных мелом парусиновых полуботинках. Отцу с матерью сказал, что пошёл к приятелю в Руднево, а сам незаметно направился в другую сторону, к Проне, где, разувшись и раздевшись, перебрался через реку, и, ориентируясь на геодезическую вышку, торчавшую над лесом, зашагал в Городище. Он знал: поселок где-то неподалеку от вышки, на которую ещё в детстве забирался с пацанами и раскачивал её, пытаясь свалить...

За большаком Николай обошёл стороной село Ёлшино, отрогом лошины вышел к лесу. Мухин торопился и сдерживал себя одновременно, рассчитывая добраться до Городища в сумерках, когда можно подкараулить Любашу без опасности быть кем-то замеченным.

У крайних домов лесного посёлка Николай оказался всё же засветло. Он присел на оставленную кем-то лесину, закурил, отгоняя комаров. Ему не верилось, что совсем рядом ходит она, из-за которой не может найти себе места. Ведь и она ждёт его. Должна ждать! Он помнит, как она позавчера смотрела на него, когда соскочила с телеги... Много ещё о чём думал Николай, но вдруг все мысли покинули его. Он спиной чувствовал, что сзади кто-то стоит... Николай покосился и, заметив за спиной человека, вскочил, непроизвольно готовясь отразить нападение, но никто не собирался этого делать. Мухин ругнулся в душе, увидев узкоплечего, бледного человека, заросшего бородой и длинными волосами, собранными ремешком. На ногах у незнакомца были лапти, брюки из выцветшей парусины, а на плечах подобие куртки из шкуры барсука. Человек стоял шагах в пяти, и Николай удивился: почему не услышал, как подошло это привидение?

Рассматривали они друг друга секунду или две, после чего незнакомец повернулся и неслышно скрылся в лесу. Николай вытер вспотевший лоб, потянулся за папироской и, закурив, заметил, что трясутся руки. Более в лесу он оставаться не мог. Вышел к домам и, увидев девочку лет десяти, спросил:

— Где живёт Любаша, приехавшая вчера из Москвы?

— У нас она живёт... Только тёти Любы сейчас нету. Ещё вчера она в Князево ушла.

— Князево — это село, что ли? — поинтересовался Мухин, припоминая название.

— Ага... Оно за шоссе. Если идти вон по той дороге, — девочка показала за небольшой пруд, куда уводила дорога из посёлка, — так прямо и придёте.

Она начала рассказывать, как лучше пройти, но Николай заметил, что за ними наблюдает старуха, и поторопился расстаться со словоохотливой девчонкой.

За прудом Мухин остановился, не зная, что делать: возвратиться или идти в это самое Князево, которое, надо думать, километрах в четырёх-пяти, а он уже чувствовал, что ноги гудят с непривычки... А возвращаться... где-то в лесу этот, в барсучьей шкуре.

Пока Николай раздумывал — стемнело, лишь дорога выделялась светлой полосой, словно приглашая, и он зашагал по ней, стараясь меньше шуметь. Вскоре дорога привела в то место, где он расстался с Любашей, и ему сделалось веселей, будто встретился со знакомым человеком.

После шоссе дорога запетляла опушкой, а с другой стороны к ней подступило сероватое в наступающих сумерках хлебное поле. И уж совсем приободрился Николай, когда увидел впереди редкие огни и слышал голос гармошки. Правда, когда он ступал незнакомым селом, то пожалел, что так далеко забрался от дома. Улицы Князева казались голыми, широкими, и поэтому он пробирался вдоль изб тихонько, невольно прячась за сараями и кострами хвороста. И когда дошёл до пятачка и вроде бы смешался с толпой, — всё равно чувствовал себя чужим и постоянно натёкался на чей-нибудь удивленно-задиристый взгляд. Он знал по своему селу, как неуютно чувствует себя чужак на улице, а если, не дай бог, начнёт ухаживать, пусть и за какой-нибудь невидной малолеткой, — быть ему битым.

Но унылые мысли забылись, когда Николай заметил Любашу. Вот только пришла она с каким-то чернявым, смуглость которого была заметна даже в наступившей ночи... Не зная, как подступиться к ней и дать знать о себе, Николай отошёл в сторонку под вётлы и, зло затагиваясь, курил. А улица шла своим чередом: девки и подвыпившие парни плясали, пацаны в стороне пели матерщинные частушки, а на луговине Барского сада уже ладилась играть в «руччйк». Но эта спокойная игра скоро приелась. Кто-то крикнул: «Давай в «пустое место»! А то все заснули!» Когда встали в круг, Любаша оказалась

рядом с чернявым, желающего водить не нашлось, и тогда, сплунув окурок, поднялся с травы Мухин:

— Я буду водить, с меня начнём...

По правилам игры, для того чтобы встать рядом с Любашей, надо было осалить стоявшего рядом с ней чернявого, обежать круг и занять его место, если, конечно, получится. Николаю так хотелось оказаться рядом с Любашей и коснуться её руки... Ведь она его заметила, узнала по голосу.

Николай прошёлся за кругом и будто случайно толкнул чернявого. Тот тихо сорвался с места, и, обегая круг, они понеслись друг на друга, спеша занять освободившееся — пустое — место. На противоположной стороне круга Николай увидел, как парень мчится навстречу, и прижался к спинам играющих, думая проскользнуть между ними и противником, но тот думал так же... Не успев увернуться, Николай врезался лбом противнику в лицо. Они на мгновение отскочили один от другого, но тут же, не замечая боли, сцепились, как кошка с собакой. Сопение, девичий визг, крики разнимающих — всё смешалось. Растащили дерущихся, только когда Люба кинулась на Павла, верхом сидевшего на Николае.

— Пашка, Пашка, — вцепилась она в жёсткие волосы деве-ря, — ты что же делаешь?! Это же Мухин, Николай... Знаю я его!

— Он, змей, мне резец выбил, — прохрипел Павел, и они опять клубком покатались по траве. И не понять было: кто нападает, а кто защищается.

Любаша уже точно знала, что с Павлом сцепился тот самый Мухин, с которым она ехала из Хрущёва. Она сразу, как только узнала Николая, вспомнила обед в пути, разговор с Николаем и как он посмотрел, когда расставались... Она вновь кинулась разнимать дерущихся, а парни, наблюдавшие, как их, деревенский, дубасит чужака, неохотно помогли ей. Наконец-то растащили. Павел продолжал материться и вырывался из державших рук, а Николай молча заправлял изодранную в клочья рубашку.

— Пойдём со мной, — подойдя к нему, позвала Любаша, — тебе умыться надо.

Они пошли наискось от Барского сада, под бугор, туда, где ручей вбегал в пруд. Пока Николай умывался, она хотела постирать рубашку, но стирать оказалось нечего... Как вчера Николай, так теперь Любаша донимала его вопросами, а главное, чему Мухин удивлялся более всего, — не ругала и не стыдила за драку, а, похоже, была довольна, что Николай не уступил Павлу, а уж тот драчун известный.

— Вот что, — сказала она Николаю, — подожди меня здесь, я схожу к сестре. Не будешь же ты в одной майке красоваться, когда вот-вот рассветёт.

Любаша собралась идти к Вере, но, увидев в избе у Надёжки свет, повернула к Савиным и, дождавшись, когда улёгся разбушевавшийся Павел, взяла у Надёжки Павлову же чистую рубашку и отнесла Николаю. Он сидел на ольховой валежине, и его трясло.

— Что с тобой? — спросила Люба. — Замерз?

— Нет вроде... — и добавил, заставив себя улыбнуться: — Испуг выходит...

И вправду, все ночные приключения казались Николаю теперь смешными, и, улыбаясь чему-то своему, он спросил:

— Куда рубашку-то принести?

— В Городище... Приходи завтра к вышке.

— То есть — сегодня, — уточнил Мухин.

— Нет — завтра, а сегодня хорошо, если у тебя хватит сил до дому доплестись.

На том и расстались.

Любаша вернулась к Надёжке и хотела поспать, но Григорий не дал. Он был пьяный и точил нож. Акуля раз за разом подходила к нему: то шёпотом уговаривала, то вполголоса ругалась, но Григорий её не слушал. Как только она начинала что-нибудь говорить, он, теранув ножом по загнетке, выходил из кухни и кричал на всю избу:

— Счас всё начальство пойду перережу, мать их в кривую ногу! Сына моего с бригадирства сняли! За что?.. Первым зарежу Волочаева, а вторым Зубарева, чтоб нос не совал, а потом и до района доберусь...

— Иди, иди — куда хошь иди, только дай нам спокойно заснуть, — говорила Акуля без всякого зла. — Младенец из-за тебя весь извёлся.

— И пойду!..

— Давно бы пора... В сарае места полно, а ты к избе привязался, покоя не даёшь!

— Что мне сарай, если мне за сына обидно! Пойду сразу в Пронск, к Бирюкову!

Григорий выходил из избы, гремел, спотыкаясь, в сенцах вёдрами, а Любаша испуганно шептала Надёжке:

— Чего же вы лежите-то? Его остановить надо!

— Никуда он не денется, сейчас плетень помочит и вернётся, — всякий раз успокаивала Надёжка сестру.

И правда, Григорий вскоре возвращался и принимался точить нож.

Любаша незаметно привыкла к ругани Григория и уснула. Вот только не выспалась и проснулась с тревогой на сердце. Ей казалось, что с Николаем что-то случилось в дороге. Поэтому, наверное, она и сорвалась из Князева, как только за-

---

кончила с Надёжкой стирку. Развесив белье на кольях, Люба-ша вытерла влажными ладонями лоб, стеснительно сказала:

— Ну, я пойду, что ли?

— Что это с тобой, девка, случилось? Видно, залётка пришёлся по душе! Откуда он? — спросила Надёжка.

— Говорит, из Давыдова.

— С Павлом-то из-за чего они схватились?

— Случайно столкнулись, когда в «пустое место» играли.

Люба неловко замолчала и сказала, не глядя на сестру:

— Ну, я пошла... Как-нибудь ещё приду — из Городища всегда прибежать можно — не дальний свет.

Надёжка собрала гостинцы для матери, с Любашей дошла до Веры, но ни самой хозяйки, ни мужиков дома не было — ещё не вернулись с покоса. В избе только младшие: Варя и Маша, а с ними какой разговор, когда одной три годика, а другой едва одиннадцать исполнилось.

Попрошавшись с Надёжкой, Любаша вышла на большак, по которому утром прошёл Николай. Она искала на пыльной дороге его следы, словно могла найти их. Незаметно дошла до Пушкарской слободы и, спохватившись, повернула в Городище. Она теперь жалела, что отговорила Николая от сегодняшнего свидания. День только начинался по-настоящему, а ещё и завтрашний впереди... Перед лесом её догнала повозка. Поравнявшись с Любой, лошадь остановилась.

— Здравствуй, девка! Садись — подвезу, — услышала Люба мужской голос и узнала в вознице Ксенофонта Михайловича, того самого Понимаешь ли, с которым ехала из Хрущева.

Любаша улыбнулась:

— Спасибо, пойду. Пешком быстрее получится.

— Садись, говорю! Сегодня по старой дружбе бесплатно. Я ведь помню, как ты колбасой накормила — посейчас икается.

Люба неохотно забралась на подводу: дребезжанье пустой телеги отвлекало от мыслей, а так хотелось думать о Николае, представлять, что он сейчас делает.

— Я тебе вот что скажу, — услышала она голос Ксенофонта, — если тогдашнего попутчика упустишь, то всю жизнь будешь тужить. Парень он смышлёный, за таким горя знать не будешь.

— И счастья, наверное, тоже, — задумавшись, вслух сказала Люба и, спохватившись, покраснела.

Только возница не заметил её смущения и не мог отгадать мыслей попутчицы.

— Это смотря как понимать счастье, — сказал он, словно самому себе. — У одной счастье — это когда ничего делать не надо, только бы по улице с ридикюлем шататься, у другой —

кубышку серебром набивать, а у третьей счастье — просто жить, детишков растить... Мне-то Бог не дал детишков, один всю жизнь бобылюю. А, думаешь, я не был молодым? Был! Ещё каким. Без меня ни одна улица не обходилась. А гармонь такая была, что под Пронском заиграю, а в Хрущёве слышать... Да только гармонь моя замолчала в ту пору, когда Дарьюшки не стало. Угорела она под Рождество — у меня пальцы отнялись. Не то чтобы по-настоящему, а так, что играть вроде бы могу, а как вспомню, что Дарьюшки нету... А потом войны пошли: японская, германская, гражданская — на всех я побывал и всё молил, чтобы поскорей с Дарьюшкой свидеться. Себя не жалел, а вот, видишь, до старости дожил... Никому я теперь не нужен: детишков нету, родственники, какие померли, какие поразъехались, а какие и знать не хотят. И правильно делают — чего со старого взять... А мне иной раз так поговорить с кем-нибудь хочется, ну так хочется...

Ксенофонт задумался, что-то вспоминая, вдруг спохватился:

— Только не подумай, что потому я тебя подсадил, что покалякать захотелось. Нет. Это я вроде как по знакомству кой-чего рассказал... И ещё... Когда ты шла, мне почудилось, что это Дарьюшка куда-то торопится... Эх, старый я, совсем старый стал...

Любаша молчала, не зная, что говорить, да и нужны ли были слова. Она и чувствовала себя неловко, будто по её вине нет у Ксенофонта его Дарьюшки... Они уже подъезжали к повороту на Городище, когда вдруг ей сделалось стыдно покидать Ксенофонта Михайловича, будто этим могла обидеть.

— Ну, вот, девка, — остановил лошадь Ксенофонт, — ты, кажись, приехала... Передай парню-то, когда будет возвращаться в Москву, — пусть на меня надеется — говорю на полном сурьёзе.

Не дождавшись ответа, Ксенофонт беззлобно стеганул лошадь, и та побежала под уклон вроде бы нехотя, но резво.

Любаша проводила взглядом телегу и свернула с большака на тропинку, но перед Городищем зашла в березняк и стала собирать землянику. Ягоды прятались в высокой траве, а самые спелые таяли в руках, когда Любаша пыталась достать их. Полакомившись, она решила набрать букетик земляники для матери, и это обрадовало, заставило позабыть и бессонную ночь, и переживания. Люба связала пучок земляники, начала собирать второй и увидела Степана Васильевича — точнее — барсучью шкуру на его плечах. Он шёл крадучись, по пояс скрытый травой, а прямые полосы звериной шкуры сливались с лучами солнца, пробивавшимися сквозь листву.

Любаша решила напугать отшельника. Она, дико завизжав, выскочила из травы навстречу ему, а пока он что-то шептал, опустившись на колени, она хохотала, но вдруг замолкла.

— Степан Васильевич, простите! — покаялась Люба совсем по-детски. Хотела ещё что-то добавить, но отшельник медленно поднялся с коленей и пошёл в глубь леса, не сказав ни слова.

Когда он беззвучно скрылся, Любаша насторожённо оглянулась и минуту стояла неподвижно. И чем дольше стояла, тем сильнее одолевал страх. Сначала тихо-тихо, но постепенно всё торопливей она пошла березняком в Городище. В одном месте споткнулась, и уже не могла идти спокойно и побежала. Бежала, не оглядываясь, и ещё долго мелькало меж белых берёз ее красное развевающееся платье...

До самого вечера Люба не могла избавиться от непонятно тревожного настроения. Осталось оно в душе и на следующий день, когда пошла на свидание с Николаем.

— Почему такая грустная? — спросил он, увидев её у вышки.

Она ничего не ответила, а он затоптал папироску и стал насвистывать фокстрот, пытаясь развеселить, а Любаша будто и не слушала.

— Тебе это ничего не напоминает? — загадочно улыбаясь, спросил Николай.

— Что «это»? — не поняла Любаша.

— Мелодия...

— Ты о чём, Коль?

— Так, значит, не помнишь, как мы с тобой танцевали...

Ну, вспомни тот вечер накануне 8 Марта? Тогда ещё делегация с автобазы была в гостях в вашем Доме культуры текстильщиков!

Любаша неопределенно пожала плечами, потому что она тогда со многими танцевала, а запомнился только один: высокий такой, голубоглазый, с волной русых волос. Она даже имя его запомнила — Виталий... И вдруг вспомнила сейчас, да так ясно, будто всё было вчера, и захотелось ещё раз увидеть... Неожиданно Любаша покраснела, припомнив, что и с Николаем танцевала — самый первый танец. Даже моргнула ему, пока говорили ораторы, а когда начались танцы, — он пригласил. Такой видный и интересный, когда сидел в зале, он, оказалось, был ниже её ростом. На чуть-чуть, но ниже. Этого она не ожидала и едва дотанцевала... Николай ещё раз или два приглашал, но она отказывала и шла танцевать с Виталием. В конце вечера он обещал проводить, но неожиданно пропал. Пропал тогда и Николай...

Сейчас он сидел перед ней, и Любаша, вконец смутившись, прислонилась спиной к ясеню и мыском туфли теревала реденькую траву.

— Значит, вспомнила? — спросил Мухин и полез в карман за папироской. — И моего друга вспомнила?

Она молчала и ещё сильнее краснела. На какое-то время установилась тягостная тишина, но, докурив, Николай сам же нарушил её.

— Пойдем, прогуляемся! — предложил он.

Любаша молча повернулась и пошла едва заметной тропинкой. Николай шёл рядом. Когда вышли на поляну, он заговорил:

— Когда мы с Виталькой вернулись с того вечера, то не знали что делать: драться нам было не с руки — родились и выросли в одной деревне, и койки в общежитии рядом стоят, бороться — несерьёзно. Тогда решили канаться. Чей верх будет, тому ты и достанешься. Вышли во двор, оторвали от забора штакетину, кинули на пальцах, кому начинать, и так получилось, что я схватил штакетину за самый верх... А потом пошли в гастроном, взяли белую головку и обмыли это дело... После я у вас на фабрике разузнал, что у тебя отпуск в июне, а как вспомнил, что у самого в ноябре, то и скис. День хожу сам не свой, два — Виталька спрашивает: «Что с тобой?!» А я молчу, знаю — у него отпуск тоже в июне. Так и молчал недели две. А потом говорю: «Ты что же в отпуск-то не собираешься? А то Люба вот-вот уедет!» Он, раз такое дело, заявление в отдел кадров: мол, желаю с обоюдного согласия поменяться отпуском с Мухиным. Так и проводил меня, даже на вокзал поехал — боялся, что передумаю и не захочу ехать с тобой.

Откровение поразило Любашу.

— Значит, вы меня как в карты разыграли?! — возмутилась и надула она губы. — Я-то думала, что по-настоящему понравилась тебе!

— Всё так и есть. Я ещё тогда влюбился. А Виталик... Он месяц назад женился. Он не пропадёт!

Хотя Люба ничего более не сказала, словно пропустила мимо ушей последние слова, но ей сразу стало приятно слушать Николая, радостно смотреть на него и знать, что он рядом. Это чувство радости сохранилось и в последующие дни, а через две недели, когда закончился отпуск, — им уже казалось, что знают они друг друга всю жизнь.

Уезжали они со знакомым возницей, в назначенное время выйдя к шоссе.

— Ксенофонту Михайловичу! — ещё издали поздоровался и поклонился вознице Николай, подходя к подводе. — Вы, наверно, ждались нас!

— Только припылил, — поскромничал Понимаешь ли, хотя попутчиков ждал около получаса.

— Тогда поехали...

Николай посадил Любу на телегу, а сам пошёл рядом.

— До самого Хрущёва будешь вышагивать? — спросил у него старик.

— Пройдусь немного...

Километра через полтора, когда Николай уже сидел рядом с Любашей, она неожиданно прыгнула, указав на толпу баб, направлявшихся разбивать сено.

— С ними же Надёжка! — обрадованно ойкнула Любаша и побежала навстречу сестре. — Подождите меня.

Николай стеснительно посмотрел на возницу, будто попросил извинения.

— Да уж чего там, — успокоил его Понимаешь ли, — ныне дорога накатанная.

— Ведь только вчера виделись, — проворчал Николай. — Вот бабы!

Увидев Любу, Надёжка, впервые после родов вышедшая на работу, отстала от баб, остановилась.

— Ты что же не бережешь себя? — пожурела Люба старшую сестру.

— Так надо, Любань. Пашка послал: говорит, скоро будет общее собрание, и хочет, чтобы я в передовиках ходила, тогда, глядишь, его в бригадиры вернут... Хоть успокоится малость, а то от него сейчас житья нет, да ты сама вчера видела...

Надёжка продолжала говорить, что-то спрашивала у Любашаши, а та её почти не слышала: перед глазами стояла вчерашняя сцена, когда пришла к Надёжке попрощаться перед отъездом. Едва сели за стол, как Павел подозвал к себе жену и, ни слова не говоря, выплеснул миску супа ей в лицо. Хорошо, суп был не особенно горячий.

— За что же ты её так, паразит? — не сдержалась вчера Любаша.

— А чтобы прокисший суп мужу не подавала, — ответил Павел, не обидевшись на Любины слова, и ухмыльнулся.

— Так суп-то твоя мать на стол ставила — вот и плеснул бы в неё!

— Ты ещё будешь учить в моём доме?! — цыкнул Павел на Любашу и крикнул Акуле: — Мать, давай мне кашу, а суп сами ешьте...

— Я бы, будь на твоём месте, сегодня на работу не пошла! — сказала Любаша Надёжке. — Он будет издеваться, а ты тер-

---

пи... То две недели согнувшись ходила, а теперь вот вся щека как говядина красная. Сегодня же сходи в сельсовет — пускай разберутся!

— Да не пойду я никуда — он тогда совсем лютым станет, — сказала Надёжка и отвернулась, всхлипывая.

— Надь, не плачь — слезами не поможешь. — Любаша обняла сестру. — Жаль уезжаю, а то бы я ему показала...

— Обойдётся... — вздохнула Надёжка.

Любаша оглянулась на подводу, посмотрела на сестру и, словно попросив извинения, тихо сказала:

— Ну, я пойду, что ли, ждут меня...

— Иди, конечно, иди, — ещё раз вздохнула Надёжка. Сестры расцеловались, и когда Любаша заторопилась к подводе, Надёжка крикнула: — Напиши, как доедешь...

Она ещё некоторое время стояла, глядя вслед удалявшейся подводе, и, вспоминая разговор с Любашей, думала о Павле. Ей только сейчас, впервые за все годы совместной жизни подумалось о том, что она никогда не принимала к сердцу все Павловы тычки, болячки, какие он делал бессчётно. Была только обида. Но она всё прощала ему. Не могла иначе, потому что, даже когда Павел бывал в самом жутком настроении, знала, что это только до того момента, когда они лягут спать. Тогда Павла словно меняли: он становился ласковым, шептал что-то ласково, и она забывала и грубость его, и жестокость — всё плохое. Оставалось только хорошее и он сам. В тот вечер, когда он избил её во дворе за Бориску и она хотела удавиться, казалось, её терпение лопнуло, но едва он тихонько вышел из избы и на руках отнёс в дом, она все забыла...

Надёжка спохватилась, когда подвода была едва заметна, а бабы уже спускались во Фролову ложину, и поспешила за ними. Пока те подвизывали косынки, опускаая на лоб, она первой начала разбивать рядок. Бабы становились следом, образуя пестреющую сарафанами цепочку. Покос был вчерашний, и трава наполовину высохла, но внизу рядка ещё зеленела свежестью, а местами, где он был потуже, сохранила ночную росистость. Надёжка соскучилась по работе, и грабли так и мелькали в её руках. Она уже не жалела, что оставила Бориску на Акулю. Та не первого поднимает, считай, и Сашка на её руках вырос, а у Надёжки одна забота: как побольше трудодней выработать. Если бы не ребёнок, то она и в этом году в передовиках ходила, а теперь ей не сравняться с другими бабами, так хоть поработает сейчас для души, чтобы потом никто не мог укорить... Работала она так, что и жары не чувствовала, потому что, чем жарче раскалялось солнце, тем духовитей становилось на лугу. От запаха

подсыхающего чабреца воздух казался таким густым и вкусным, хоть чай им заваривай.

Надёжка первой начала работу, первой и закончила.

— Ой, бабоньки, сил моих больше нету, — опустилась она на рядок, — душа спеклась.

— Знамо спечётся!

— От тебя хоть прикуривай...

— Так ты расскажешь, кто тебя кипятком ошпарил? — загалдели бабы.

— Это дурновские толстопятки, — знающе сообщила Аниска. — Надёжк, это правда, что тебя к их мужикам водили?... А то вчера сидим, обедаем, а мой-то и говорит: «Вон Надьку в Дурное повели... Там мужики мосластые, зубастые — нашим не чета. Гляди, наши-то вдвоём Надьку едва на растяжках удерживают...»

От Анискиного сказа по лугу прокатился голосистый смех, а Надёжка, стеснительно улыбаясь, встала.

— Так понравились дурновские или нет? — допытывалась Аниска.

— Конечно понравились, ещё как! Вот собралась к ним ещё сходить, да Пашка не пускает... — Надёжка взглянула в сторону и увидела спускающегося в лошину Павла. «Уж не случилось ли чего!» — подумала она, но переживания скрыла, сказала по-прежнему шутивно: — Видите — за мной идёт, боится, что дурновские перехватят.

Над лугом, во всю ширь лощины опять раскатился хохот, но Павел быстро успокоил баб. И тут какая-то из них сказала:

— А он нас и не боится... А ну, девушки, окружай его, лови...

Павел приостановился.

— Ну, кто первая желает? — спросил он с прежней бригадирской твёрдостью и снял брючный ремень. Крутанув, намотал его на руку: — Кто первая, спрашиваю?

Мало-помалу бабы умолкли и обиженными гусынями пошагали в село. Савины отстали.

— Ты чего пришёл-то? — насторожённо спросила она.

— Собрание сегодня будет... — немного помолчав, сказал Павел. — Из райкома приехал уполномоченный, ходит с утра по дворам, народ расспрашивает да в тетрадку записывает... Мать сказала, что и у нас был. Интересовался, как я себя дома веду... Ну, не пью ли, не обижаю кого... Не вздумай ляпнуть чего-нибудь, а то... — Павел не договорил, но Надёжка и без слов поняла это многозначительное «а то».

В Афанасовой лошине они спустились к роднику. Надёжка напилась, умылась. Сразу забылась и жара, и усталость, чему-то веселясь, она зацепила пригоршню воды и обрызга-

---

ла насупившегося Павла, сидевшего в сторонке. Тот сердито замахал руками, а когда Надёжка ещё плеснула, поманил пальцем, нагнувшись к земле.

— Ты чего? Обиделся, что ли?..

— Иди, что покажу...

— Чего там нашёл-то? — приподнялась она, а Павел поторопил:

— Оттуда в траве не увидишь... Иди быстрее, а то убежит!

Надёжка торопливо подошла к Павлу, и он молча поднял её. Она было запротивилась, но высокая перевитая трава мешала вырваться, сковывала, и Надёжка вдруг обмякла: ничего больше не видела и не слышала — только Павел был рядом, да где-то далеко кричала иволга...

На колхозное собрание Павел опоздал и появился в избечитальне, когда выбирали нового бригадира второй бригады. Едва Волочаев объявил этот вопрос, бывший в повестке дня вторым (первым значился вопрос о сенокосе), как бригада загудела: бабы начали поправлять платки, мужики, стоявшие в дверях, закурили, а уполномоченный, промокнув платком вспотевшие залысины, взглянул на сидевшего рядом председателя сельсовета и что-то записал в рябую колленкоровую тетрадку.

Когда Волочаев сел на место, поднялся Тимофей Фокин, до этого сидевший тихо. Сорвав с головы картуз, он указал на Павла:

— Пускай нам Савин расскажет, как он сына моего родного, который до сего дня государственные харчи в больнице ест, едва не зарезал...

В это время кто заулыбался, кто продолжал шептаться с соседом, но все посмотрели на Павла — кто прямо, а кто украдкой: мол, что скажет бывший бригадир! В том, что он уже бывший, никто не сомневался, а сейчас, после вопроса Фокина, перестал в этом сомневаться и сам Павел. Сам собой возник вопрос: «А зачем ему бригадирство? Ведь это лишние хлопоты и лишняя ответственность!» Так-то оно так, только сделалось как никогда обидно. Не виноват же он, что подлюка-змея выбрала именно фокинского сына... А может, и не было никакой змеи, а лишь шевельнулся под косою полусгнивший палый сук, какие частенько попадают среди кустов.

Павел поднялся со скамейки, не взглянув на Фокина, на секунду замявшись, повернулся к президиуму:

— Я где нужно уже рассказал о том случае и более не желаю воду в ступе толочь... — Павел молча протиснулся к выходу, рас-

---

толкал в дверях куривших мужиков и выскочил на улицу; ему не терпелось побыстрее уйти от насмешливых взглядов сельчан.

У плетня на задах своей усадьбы он приостановился. Домой не хотелось... Оврагом вышел за село, покурил в Максиковой лошине у того куста, где подрезал Михаила, и в неглубокой буерачине заметил изогнутую, заплесневелую валежину. «Вот она, стерва, жизнь мне испортила!» — подумал Павел и, как гадюку, раздавил каблуком.

Решил сейчас же идти в Городище и поговорить с Дмитрием. Вдруг удастся устроиться в лесники! Тогда он ни дня не остался бы в Князеве: переехал в Городище или на кордон — уж тогда бы прижал князевских мужиков, живших воровством леса и продажей его в Пронске и безлесных слободах, окружавших его. Первого бы согнул Фокина, потом Зубарева и того, кто сегодня подставил ножку в избе-читальне. Об этом он, Савин, обязательно дознается.

Недалеко от Городища увидел Степана Васильевича, пробиравшегося с ведром воды от родника. Увидев воду, Павел захотел пить.

— Не позволишь к ведёрку приложиться? — спросил у отшельника.

— Испей, — не отказал тот.

Павел сделал глотка три, и заломило зубы.

— Ух, ядрёна водица! — сказал он и весело посмотрел на вспотевшего Степана Васильевича: — Тебе не жарко в барсучьей шкуре по жаре таскаться?

— Да я нараспашку...

— Ведро-то донести?

— Если не в тягость, — согласился Степан Васильевич.

Павел донёс ведро до землянки, одним махоньким окошком едва выглядывавшей из травы, поставил ведро на пенёк, вкопанный вместо лавки у входа.

— Вот ты и дома, — сказал Павел, — а я дальше пошёл — надо Дмитрия застать.

— Если только к нему идешь, то и не рвись — нет его, — сообщил Степан Васильевич. — Вчера в Монастырском делянку открыли, теперь его недели две не увидишь... А ты по какому вопросу? Может, чем помогу?

Павел замаялся:

— Да так я... По-родственному.

— Наверное, работу идёшь искать? С бригадиров-то тебя турнули — вот ты и заезжил...

«Откуда ему известно? — подумал Павел. — Живёт в лесу почти безвылазно, только в Пронск раз в месяц за хлебом ходит, а всё знает. Вот хорёк!»

— Что молчишь? — спросил Степан Васильевич.

— О чем говорить-то... Ну, я пошёл...

— Да погоди, успеешь ещё в моих словах удостовериться. Послушай сперва о том времени, когда ты голопузым бегал. Я-то в ту пору уже в академии связи науки хватал. Время, я тебе скажу, было... Только революцию сделали, от Антанты отбились, по всей стране стройки намечались — инженеры в ту пору шли нарасхват. Мечтал я тогда: закончу академию — буду главным инженером или директором крупного завода, почёт и уважение, речи с трибуны, персональный лимузин... Только учеба мне трудновато давалась, не то чтобы я ленился, а вот бывает так с человеком, когда он не за своё дело хватается или не с того конца. Мне бы ослабить усердие, а я нет: не получается что, так мы, пролетарии, всё равно добьёмся своего. А харчей-то в ту пору, считай, не было — чаёк да ломоть хлеба — вот и попал я после госэкзаменов в психбольницу. Год лечили, потом на учёт поставили, инвалидность дали, пенсию назначили. Куда ни пойдёшь, все смотрят как на сумасшедшего. Считай, сразу из жизни вычеркнули, и диплом мой никому не нужен. Мне поупорствовать бы, да разве что докажешь, если ты на учёте в психической — никто ничего слушать не хочет. Уехал я из Москвы, поселился у родственника в Пронске, да только родственник через месяц умер, а я зарегистрироваться у него не успел — меня и попросили из казённой комнаты... Вот уж скоро пятнадцать лет, как здесь живу, — Степан Васильевич кивнул на землянку, усмехнулся. — А ты зачем-то суетишься, чем-то недоволен. Э-эх, люди, куда вас несёт?..

— Тебе хорошо говорить, а у меня семья... И ещё: ведь мы всю жизнь последними людьми в селе были. Отец — конокрад. Мать — темнота забытая. Но как я с финской вернулся, и назначили бригадиром, люди-то по отчеству стали меня называть... А то с самого малства я не Павлом Григорьевичем был, а Гринькиным сыном, а теперь идёшь вдоль порядка, а каждый дед перед тобой картуз снимает! Это, думаешь, не приятно? — Павел вздохнул, рубанул кулаком в воздухе, словно грозил кому-то.

Степан Васильевич поднялся с травы, взялся за ведро и, прежде чем направиться к землянке, сказал:

— Не забывай, что я сегодня доложил... Тебе первому рассказал.

Павел невразумительно мыкнул и всё-таки заторопился в Городище. У крыльца свояка увидел тещу, перебиравшую в корзине свинушки.

— Дмитрий-то дома? — спросил Павел и, не дожидаясь ответа, поднялся на крыльцо.

— Нету его, нету, — сердито сказала Наталья, не поворачивая головы и продолжая чистить грибы: — Как там у вас моя Надёжка поживает?

— Сегодня на работу вышла.

— Синяк-то прошёл у неё?..

— Да... — не сказал, а чуть ли не выдавил из себя Павел, и ему больше ни о чем не хотелось говорить с тещей. Не спросиво Дмитрии и ничего более не сказав, он отправился в село, ругая себя за сегодняшнюю суетню, за все эти разговоры, советы, вопросы. Когда подходил к Князеву, увидел шедших навстречу мужиков, подумал: «Пропади вы все пропадом! Как хорошо теперь без вас!»

Когда же поравнялся с Зубаревым, тот строго сказал ему:

— Догоняй — мы в Сыром отроге будем докашивать.

— Догоню, догоню, — сказал Павел и подумал: «Спешу и падаю!»

Придя домой, он молча похлебал квасу, молча же взял косу и отправился косить. Мужики при его появлении не проронили ни слова. Фёдор Зубарев, словно командир в строю, косил впереди всех, и Павел пристроился к веренице косцов. Но косил не как раньше — впритык к впереди идущему, а отстав, без всякой охоты. В перекурах он сидел в стороне, а когда стемнело, не пошёл вместе со всеми в село и никто не звал его, словно Павел перестал существовать.

Он выбрался из отрога на пригорок, выбрал нескошенный клочок, прилёг. Павел смотрел на поднимавшуюся из-за гречишного поля красноватую луну, слабо освещавшую притихшее пространство скупым зеленоватым светом. Этот робкий свет боролся с отсветом вечерней зари, не успевшей угаснуть за лесом, пока не одолел её, и после этого луна неожиданно стала ясной-ясной, и пришло такое ощущение, что это и не ночь наступила, а настал новый большой день.

Из зелёной ночной дали к Павлу пришли слова песни, которую слышал от ефрейтора Татарчука в ту памятную ночь, когда лежал на льду Выборгского залива. Татарчук погиб, а сейчас Павел так ясно слышал его голос, будто весёлый этот ефрейтор был сейчас где-то рядом. Вспомнив начало песни, Павел мучительно вспоминал, какие слова он пел дальше, но так ничего и не припомнил, только мотив и две строчки — протяжные, тоскливые, зовущие — ожили в душе:

*Дивлюсь я на небо
И думку гадаю...*

Запрокинув голову, Павел смотрел в глубокое небо. Ему казалось, что оно шевелится, звезды букашками ползают с

места на место, а Млечный Путь дрожит и плывёт, словно дым от костра. Павел едва не оглох от тишины и внутреннего напряжения, с каким всматривался в бездну. Незаметно он заплакал, и две блестящие дорожки на щеках выдавали плачущую душу; он не стеснялся своих слез, и чем пристальнее вглядывался в мерцавшее пространство, тем сильнее ему хотелось плакать, плакать и плакать...

С этой ночи Павел не чаял, когда закончится ставший ненавистным сенокос... Только в первый день жатвы он вздохнул во всю грудь, желая и надеясь в новой работе забыть недавние нерадостные события, развеяться в вольном хлебном поле.

Он ехал с женой в одной телеге, заигрывая, толкнул локтем, а она украдкой покосилась на сидевшую к ней спиной Аниску. Та недовольно проворчала:

— Ты чего это, девка, егозишься?

— Да меня будто кто обнял сейчас!..

— Это тебе дурновские мужики вспоминаются, — знающе сказала сидевшая рядом с Надёжкой Катя Пономарёва, а дочь её — темноволосенькая, глазастенькая Галя — засмеялась, но после хмурого материнского взгляда покраснела, стала поправлять на лбу платок. Катя Пономарёва забыла о Надёжке и за её спиной шептала дочери: — Сопливая ещё, чтобы встревать в бабьи разговоры! Сидишь, уродина, ухмыляешься.

Галя исподлобья глянула на мать, отвернулась и тихонько заплакала, и никто её не останавливал: к слезам её все давно привыкли. Уже лет пять, как Галя плачет. Сначала плакала от боли, когда её, одиннадцатилетнюю, мать била скалкой за пропавших гусей; то ли настоящая лиса их утащила, то ли рукастая позарилась, только двух почти выросших гусей недосчитала Катя Пономарева в тот день, когда дочь пасла выводок на жнивье... Тем летом от Кати ушёл муж, и, наверное, зло и обиду она сорвала на дочери — уж очень случай и момент были подходящими, а к зиме у девчонки стал расти горб. Сначала был не особо заметен, но к годам пятнадцати, когда у её сверстниц кофточки на груди распухли, Галю уже дразнили Горбаткой. Она всё-таки окончила в Пронске семилетку, хотела поехать учиться на бухгалтера, но мать не отпустила. «Нечего на чужих людях срамиться — в колхозе работы хватит!» — сказала тогда Катя дочери, и та побоялась послушаться, только поплакала за двором... Как хорошо, когда человеку можно поплакать! На душе ведь легче делается, и обида проходит, а если кто-нибудь пожалеет, то и вовсе неплохо.

— Ты чего это, малина-ягода, слёзы теряешь?! — громко спросила Надёжка у Гали. — Мать, что ли, обидела? Так ты на неё не смотри — о себе лучше думай да жениха приглядывай. А сама не приглядишь, так мы тебе такого сосватаем, что все девки от Хрущёва до Пронска от зависти треснут. Провалиться мне на этом месте!

«А что его искать, — подумала Галя, — вон он, Федька Виноградов, рядом на подводе едет». Галя не помнила, с каких пор стала поглядывать на Фёдора не так, как смотрела с детства. Её удивляло и радовало, что и Фёдор иногда косился на неё, а раз даже пригласил плясать. В тот раз Галя убежала с улицы, решив, что он хотел посмеяться над ней. Не ходила и после, пока он как-то не сказал, словно попросил:

— Сегодня-то приходи...

Встретилась Галя с ним, когда он нёс воду от колодца. Она стояла к нему лицом, чувствуя, как краснеет, и после, когда Фёдор заторопился к дому, долго смотрела ему вслед, стыдясь повернуться спиной... Дождавшись, когда мать легла спать, она пошла на улицу, но, подойдя к Барскому саду, остановилась, прошла липовой аллеей в глубину сада и просидела там до рассвета. Когда возвращалась домой, то услышала в ложбинке чей-то тихий говорок, замерла, опустила на холодную траву, жадно слушая, о чём говорили в ложбинке. Слушала с таким интересом, что не заметила, как рассвело. Забывшись в заросли ежевики, она с завистью смотрела, как её сверстница Глаша Кузина целуется с Фадеем Никушиным... Это мученье продолжалось так долго, что Галя устала смотреть на чужое счастье, задремала, а когда, вздрогнув от мимолетного сна, раскрыла глаза, то ложбинка оказалась пустой, и только примятая трава говорила о том, что кто-то здесь был... С того рассвета Гале очень хотелось, чтобы и Фёдор когда-нибудь её поцеловал. Хотя бы раз. И чем больше она так думала, тем больше боялась его, такого веселого, сильного, красивого. Она мысленно ставила себя рядом с ним, и ей становилось обидно, стыдно и страшно. Казалось, что её никто никогда не будет целовать, обнимать, как обнимали Глашку, потому что она не такая, как Глашка, не такая, как все. Она — Горбушка, она — обиженная судьбою. И ей не хотелось жить. Только существование Фёдора, Феди заставляло забыть всё плохое. Сознание того, что он есть, помогало, а его веселость и красота передавались ей, стоило только увидеть его... Вот и сейчас она украдкой взглянула на него, и на душе легче стало, и колкие слова матери сразу забылись.

Подводы неторопливо спускались с пологого увала, за которым до самой Прони стояла притихшая пшеница. С од-

---

ной стороны, врезавшись в поле, уже стрекотали пароконные жатки, оставляя за собой волнистые хлебные валки. Бабы разошлись по полю вязать снопы, мужики грузили снопы на подводы и везли в риги. Когда подвод не хватало, чтобы не стоять без дела, бабы складывали снопы в копны. Снопы казались маленькими, копны большими, а поле таким огромным, что люди виделись крошечными, и не верилось, что они одолеют его. Это ощущение не проходило и от их неистовства в работе и изматывавшего напряжения. Напряжения непонятного на первый взгляд, но такого ясного, когда поле постепенно начинало пестреть родинками-копнами, выроставшими словно из-под земли. Будто кто-то невидимый, подобно трудолюбивому кроту, выталкивал их одну за одной на свет божий.

В полдень на поле приехал Волочаев. Спрыгнув с дрожек, он двинулся вдоль копён, постукивая кнутовищем по голенищу пыльного сапога. Когда остановился около баб, то хмуро сказал:

— Плохо работаете... Копны по вилюшкам стоят, будто с похмелья, да и мало сделали.

Бабы недовольно загалдели, а Надёжка сказала Волочаеву, хитровато взглянув на товарок:

— Вовремя вы, Константин Фомич, к нам прикатили — покажите, как нужно работать, а то мы действительно раскрылились здесь... — Она подала председателю свясло: — Подайте личный пример, Константин Фомич...

— И покажу!

Волочаев подошел к валку, скрутил сноп и торопливо направился с ним к копне. Уложил — и за следующим. Бабы молчаливо продолжали работу, но когда, направляясь к копне с третьим снопом, председатель неожиданно споткнулся и упал, они залились смехом.

— Это тебе не с бабой обниматься!

— Кусается с непривычки...

— В правлении-то спокойней сидеть! — понеслось по полю, пока Волочаев поднимался и отряхивал галифе.

Он сконфузился, но смеялся вместе со всеми. Когда смех немного поутих, спросил:

— Кто мне ножку подставил?

— Не было такого, — сказала Надёжка. — Сам, Константин Фомич, споткнулся. Видно, не туда смотрел. Кать, — обратилась Надёжка к Пономарёвой, — ты чего же это: то подмигивала председателю, а теперь за наши спины прячешься?! А ну, покажись Константину Фомичу. Он сегодня, видишь, какую рубашку-то форсистую натянул! — Опять над

полем громыхнул смех. Проезжавший мимо на жатке Павел не утерпел, остановил лошадей. Подойдя к председателю, спросил:

— Что, Фомич, обижают?.. В компании-то они сильны, только успевай отмахиваться...

Волочаев, увидев Павла, нахмурился, перестал улыбаться и заговорил о другом.

— Вы обедали или не успели? — спросил он у баб.

— Тебя ждали — думали, пампушками накормишь, а не дождались, придётся свои узелки доставать, — сказала Аниска и бросила сноп на землю.

Захватив узелки с едой, бабы направились к Проне, а Волочаев, отряхивая вышитую сорочку, пошёл к дрожкам. После того как, поговорив с Зубаревым, он скрылся за увалом, жнецы следом за бабами спустились к реке и расположились в сторонке на пологом берегу. Сперва распрягли лошадей, купали их и сами наплавались вволю. Потом обедали: еда почти у всех одинаковая — ломоть хлеба, два яйца да бутылка скисшегося к обеду молока. Павел сидел в сторонке и ел сумрачно. Он вспоминал, как посмотрел на него Волочаев, когда подъехал к нему. Председатель почти не взглянул, всем своим видом давая знать, что Павел перестал для него существовать.

К жатчикам мало-помалу присоединялись возвращавшиеся из риг подводчики. Они тоже распрягали лошадей, сидели охлупкой на потные спины и по-детски радостные бросались в бодрящую воду.

Когда все пообедали и начали запрягать лошадей, Фадейка Никушин, дурачась, подставил Фёдору ножку, и тот, споткнувшись, неловко упал, стукнувшись лбом об оглоблю. Прочедив через зубы: «Это тебе не Пашке втихаря ножку ставить!» — Фёдор, выпрямляясь, саданул головой противника, и Никушин, раза два перевернувшись, по-кошачьи встал на ноги. Сделав выпад и нарочно целясь Фёдору ниже пояса, Никушин уловил момент, когда Фёдор, невольно заслоняясь, опустил руки, и почти без замаха ударил его в челюсть. Фёдор удивленно вскинул голову, как будто впервые увидел солнце, и осел на траву, но через мгновение поднялся и, как расвирепевший бык, кинулся на Никушина, подмял его. Мужики, до этого равнодушно смотревшие на возню парней, подошли к ним и стали растаскивать. Только Павел не шелохнулся. «Жаль народу много, а то бы и я тебя угостил, — подумал он о Никушине, зная теперь, кто ему подставил ножку в избе-читальне. — Чтобы, оголец, на будущее охоты такой не водилось».

Подошедшая вместе с бабами Надёжка подумала, что парни борются, и смеха ради подставила племяннику ножку и толкнула его плечом. Покраснев от неожиданности, Фёдор растянулся на земле.

— Тётка Надь, чего тебе? — испуганно спросил он, и от его вопроса захохотал даже поднявшийся на ноги Никушин.

— А ты ей тоже ножку сделай, — насмешливо подсказал Павел Фёдору. — Не знаешь, как с бабами обходиться?

Посмеявшись, все стали расходиться, принялись за дело и работали более споро, чем до обеда, и всё чаще над полем проносился протяжный мужичий мат, осаживающий распалённых лошадей, которых всё больше донимали разогревшиеся на жаре слепни.

Когда грузили снопы на полок Фёдору, Галя Пономарёва подошла к нему и, потупившись, подала зеркальце.

— Приложи ко лбу, а то синяк большой будет, — сказала она и заботливо взглянула из-под надвинутой на глаза козыньки.

Он, взяв из её рук тёплый кусочек стекла, от неожиданности растерялся и не знал, что сказать. Ему сделалось неловко, даже стыдно оттого, что Галя на людях заботится, но другое чувство — чувство благодарности вдруг заставило Фёдора посмотреть на Пономареву по-особенному. И от этого «особенного» взгляда Галя смутилась больше Фёдора и, ничего более не сказав, торопливо отошла. А он, повертев зеркало, опустил его в карман и весь день, пока кроваво-мутное солнце не ушло за холмы, а на поле не села роса, возил с собой, боясь случайно раздавить.

Фёдор хотел вернуть зеркало Гале вечером на улице, но она почему-то не пришла, и поэтому у Фёдора не было в этот вечер настроения. Он и не играл почти, а отдал гармонь Никушину, с которым успел обмыть мировую. Тот хоть и фальшивил, но играл старательно, и Глаша вдруг павой заходила возле него, никого не таясь.

...Галя сидела на крыльце и слышала, как Фёдор заиграл «Страдание», а потом перестал играть и отдал гармошку кому-то другому. Пономарёва не знала, кто заменил Фёдора, но когда новый гармонист заладил «Барыню», получавшуюся лучше всего, она догадалась, что играет Никушин: она не раз слышала, как он пиликал на своей драной шуйке. Галя не слушала гармонь, а думала о Фёдоре. Ей казалось, что он специально ушёл с улицы, чтобы увидеть её и отдать зеркало... В какой-то момент ей сделалось стыдно своих мыслей и казалось, что Федя мог подумать, что она хотела заманить его.

Фёдор зеркало разбил. Когда ему надоело слушать чужую игру, он, забыв о нём, резко поднялся с бревна, подошёл к Никушину. Тот понял его без слов и подал гармошку.

*Эй, ты, Глаша, запевай
Мне не запеваётся.
Съел я курицу живую
В животе копаётся...*

запел Фёдор, и сразу улица стала шумной, привычной, как всегда. Услышав, что он вновь заиграл, Галя заплакала и, боясь, что всхлипывания услышит мать, закрыла лицо одеялом, пытаясь заснуть.

После окончания уборочной Князево поскучнело. Ночи набухали свежестью, к утру выпадала густая роса. Приблизился сентябрь, а когда в начале его на неделю прекратились дожди и наступило бабье лето, — в селе выкопали картошку. Хозяйственные мужики перепахали огороды, убрали в садах антоновку, и усадьбы опустели.

В конце сентября неожиданно заболела Надёжкина мать. Надёжка в этот день с утра уехала на мельницу и поэтому прибежала в больницу после Веры. В больнице Надёжку встретила сноха Нюра.

— Маманька третьего дня ходила в Болотово псалтырь читать, — шёпотом сказала она в деревянном коридоре терапии, — и под дождь попала... В ходьбе-то мама ловкая, бывало, вся раскраснеется, когда издалека придёт, а тут в дом вошла и дрожит — зуб на зуб не накинёт. И говорит: «Чтой-то так холодно сегодня!» А какой там холодно, когда я печку истопила! К вечеру-то мама от горячки сознание потеряла...

Внимательно и настороженно слушавшая сноху, Надёжка будто от какого толчка поднялась со скамейки, подошла к двери, ведущей к палатам.

— Сейчас не пустят — врач обход делает, — виновато напомнила Нюра.

— А Вера у неё?

— Нет. Пошла подавать телеграмму Любаше... Сиделка сказала, что мама не выживет... — Нюра заплакала, а Надёжка прищыкнула на неё:

— Замолчи, не говори так, чтоб у тебя, окаянной, язык отсох!..

Пока Надёжка с Нюрой томились перед дверью, вернулась с почты Вера. Увидев сестру, она начала всхлипывать, обхватила голову.

— Не надо, перестань, — остановила её Надёжка.

— Чего врачи-то говорят?

— Да что они скажут... На все воля Господняя... — ответила Нюра, а Надёжка так глянула на неё, что та сразу осеклась.

Чтобы не оставаться в неведении, Надёжка оставила Веру и сноху, открыла дверь и вошла в коридор, где увидела высокого, пожилого врача, шедшего в сопровождении медицинской сестры, спросила:

— Доктор, скажите, что с маманькой?

Врач поморщился, взглянув на разбитые лапти посетительницы, ответил вполголоса, будто боялся, что его кто-нибудь услышит и обвинит в неискренности:

— Случай тяжёлый, но, — он замялся, — надежда есть...

Не оглядываясь, он пошёл по коридору, а Надёжка, едва ступая, зашла в открытую палату, где — она будто знала это — лежала мать. Тихонько подошла к ней и взяла её горячую руку. Наталья, почувствовав прикосновение, чуть открыла глаза, долго невидящим взглядом смотрела в потолок, а потом, чуть-чуть покосившись, словно бы нехотя взглянула на дочь:

— Это ты? Вера где?

— Сейчас позову, мамань...

Надёжка на цыпочках вышла из палаты, так же, на цыпочках, прошла по коридору и осторожно выглянула в дверь, махнула сестре. Вера вошла в коридор, а Нюра поднялась со скамейки, но так и не решилась пойти следом.

Когда Вера оказалась в палате — мать шептала какую-то молитву. Закончив шептать, хотела взглянуть на дочерей, но глаза не послушались, продолжали смотреть в серый потолок.

— ...Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, — едва слышно произнесла Наталья, задержав свистящее дыхание. — Сия есть первая и наибольшая заповедь... Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя... — Она ещё пыталась что-то сказать, но ей не хватило воздуха, и она лишь судорожно раскрыла рот.

Вошедшая санитарка молча указала сёстрам на дверь и, взглянув на больную, вышла следом за ними, сказала в коридоре:

— Покой ей нужен, а вы тормошите...

Вера вышла в дощатый тамбур к Нюре, а Надёжка осталась в коридоре, недалеко от палаты. Ей казалось, что ленивая санитарка нарочно выгнала их от матери, чтобы не стоять рядом. Сейчас она сидела в кабинете медсестры, и На-

---

дѣжка видела, как она гладит икры своих толстых ног. Саму санитарку за дверью видно не было, а на мелькавшие мертвенно-белые руки Надѣжке вдруг стало страшно смотреть, будто руки и ноги жили сами по себе...

— Вера... — услышала Надѣжка слабый отрывистый голос матери, донѣсшийся из палаты. — Вера... — повторила она.

Надѣжка выбежала в тамбур и, выглянув в дверь, увидела плачущую сноху и сестру, уговаривавшую её. Надѣжку это удивило, но сейчас не было времени разбираться, и она обрадованно окликнула:

— Маманька опять зовѣт...

На этот раз, когда сѣстры вместе с Нюрой вошли в палату, санитарка из кабинета не вышла и продолжала чесать ноги.

Услышав дочерей, Наталья слабым жестом подозвала их.

— Вас Господь уберег в двадцать втором от тифа, — сипя лёгкими, прошептала она. — Неспроста это — в вас он самых терпеливых увидел... Я помру скоро — так пусть вам — Надѣжка и Люба — Вера будет за мать...

После таких слов замолчали даже Натальины соседки по палате. А сѣстры были не в силах произнести ни слова. Состояние матери передалось им, они боялись шелохнуться и глубоко вздохнуть. Когда Наталья замолчала и сомкнула глаза, судороги пошли по её лицу, через минуту сделавшемуся чужим. Они терпеливо ждали, что она ещё что-нибудь скажет, не понимая того, что матери у них уже нет...

Наталья ушла, так и не поняв до конца, зачем переселилась в Городище, где ни денечка не отработала в охотку. Не могло образумиться в голове простое обстоятельство: зачем растить деревья, когда они сами растут в лесу? Зачем проливать пот над саженцами, если не успеешь узнать: вырастет ли что-то из них или нет? Иное дело — поле! Весной посеял, осенью снял урожай, и от того, каков он, строилась вся жизнь: то ли обновок детишкам закупить, то ли животы подтянуть.

Когда по терапии разнеслись женские причитания, по коридору забегали санитарка и медицинская сестра. Через полчаса пришѣл давешний пожилой доктор, по одной вывел сестер на воздух и вернулся в палату.

— Перенесите тело в морг, — приказал он медицинской сестре, ещё раз посмотрев на зрачки усопшей, и устало вышел в коридор.

За ночь в лесхозе сколотили гроб, Дмитрий утром привѣз его в больницу, где к этому времени Наталью обмыли и одели. Уложив её в гроб, Дмитрий повѣз мать домой. Вера заказала панихиду и тоже вернулась в Городище. Около дома

Дмитрия она увидела Любу с незнакомым парнем, и когда, проходя мимо, взглянула на него, он стеснительно отвернулся.

— Поди ко мне! — негромко позвала Вера младшую сестру.

Люба, что-то шепнув парню, подошла.

— Иди в дом, бесстыжая... Так-то ты по матери горюешь?! — пристыдила Вера Любу.

— Это Николай, — несмело возразила Люба.

— Пока он тебе никто, а нам тем более...

Вера ушла в дом, а Люба закрыла лицо руками, начала всхлипывать. Николай от неловкости стал очищать перепачканные глиной брюки, не зная, как успокоить её.

— Ну, зачем ты приехал?! — то ли укорила, то ли пожалела Люба Николая, в который уж раз за сегодняшнее утро, с того раннего часа, когда они добрались до Городища. — Может, тебе назад уехать? Так лучше будет. Или родителей бы своих навестил...

Люба вроде бы сердилась на Николая, но в душе была довольна, что не бросил, не оставил её вчера. Они ведь расписываться собрались, Николай с цветами приехал, всё общежитие высыпало провожать их, а пока колготились — почтальон телеграмму принес. Вместо загса — на вокзал пришлось ехать...

— Без тебя я никуда! — настырно сказал сейчас Мухин. Он хотел еще что-то добавить, но на крыльцо вышла Вера.

— Люба, иди, что скажу! — позвала она.

Люба нехотя подошла, и по мере того, как Вера ей что-то говорила, она всё меньше всхлипывала.

— Поедешь с мужиками могилу копать? — спросила Люба, вернувшись к Николаю.

— Поеду! — поспешно согласился Мухин, словно боялся, что Любины родственники передумают.

Вскоре на крыльцо вышли Павел и Алексей: Павел направился к мерину, мотавшему головой у привязи, а Алексей собрал лежавшие у крыльца лопаты. Когда мужики были на подводе, Николай подсел к ним. Павел сказал:

— Откуда ты такой ловкий выискался?.. Первый раз вижу, чтобы ехали копать могилу в галстук... Дали бы во что парню переодеться, — сказал он вышедшим на крыльцо Вере и Нюре.

Николай ушёл в дом и минут через пять, страшно смущаясь, вернулся в старой одежке Дмитрия: стоптанные башмаки без задников, брезентовые, прожжённые на колене брюки и хлопчатобумажный пиджак с подвёрнутыми рукавами. Эти рукава больше всего и смущали Николая. Ему казалось, что весь поселок сбегался посмотреть на чучело огородное.

— Ну вот, — сказал Павел, когда Николай сел на повозку, — теперь другое дело. Теперь ты работник, а то был как наш Волочаев, аж неловко делалось... Чтой-то, парень, твоя физиономия мне будто знакомая? — спросил Павел, когда Городище скрылось за осинником. — Уж не с тобой ли я дрался на Князевской улице?!

— Было дело... — нехотя отозвался Николай, сумрачно уставившись на дорогу.

— Гляди, — Павел оскалил ровные зубы, — полрезца нет, и не вырастет теперь никогда — твоя работа!

Николай ничего не ответил, чувствуя, как пропадает наладившееся настроение. Но как ни странно, а Мухина сейчас не пугала возможность быть побитым этими мужиками. Он чувствовал, как тело всё больше и больше обмякало, согревалось в соломе, ему уже стало безразлично, что еще говорил летний противник. Но, невольно улавливая смысл разговора, Николай понял, что Павел разговаривает не с ним, а с молчаливым мужиком, кивавшим головой, от которого услышал только одну фразу: «...Д-дать, невысокие в драке самые ловкие...» Следом за этими миролюбивыми словами Николая одолел странный полусон, в котором он продолжал слышать скрип шкворня и видел себя и Любашу будто со стороны: вот они в сумерках сошли в Хрущёве с поезда и долго не могли уехать до Пронска, а когда надоело ждать — пошли пешком... Вот на рассвете увидели крыши Городища, ближе подошли, а оказалось — Хрущёво... От этого сна Николай проснулся... Павел по-прежнему разговаривал с Алексеем. Когда подвода подъехала к Буграм, где находилось приходское кладбище, Павел с Алексеем прыгнули с подводы. Николай — тоже. Алексей привязал веревкой заднее колесо, чтобы мерин не разнес телегу под крутой бугор, — и они шли пешком почти до самого кладбища.

Земля была песчаной и копалась споро, но на Николая навалилась непонятная тоска, неудобство, будто душа его не понимала: зачем и почему он оказался здесь, среди этих холмов, рассеченных оврагами и скрытых от чужого взгляда в обширной котловине. Создавалось ощущение, что кто-то огромный наступил на край плоскогорья, оставив когтистую яму-след, пятой своей проваливавшийся в Проню. Из пальцев-оврагов, заросших ольхой, вытекали ручьи и собирались в речушку, подтачивавшую обрывистую гору. За склон горы цеплялись кривые берёзки, своим видом они напоминали Николаю приполярную Карелию, где он служил в пограничниках. Вспомнились гранитные тропы, частые тревоги и финские дозоры по ту сторону границы.

— Что это за гора? — спросил Николай у мужиков, когда устроили перекур.

Алексей посмотрел на Павла, но тот ответил не сразу: глянул, ухмыльнувшись, на Николая, а сказал будто не ему — в сторону:

— Гневной называется... Старики сказывали, когда на Русь пришли татары и завладели Пронском, то нашелся удалой богатырь-воевода, не убоился их, забрался ночью на эту гору и от гнева великого так дунул, что всю татарву выдул из города и в Проне утопил...

— ...Д-дать, после этого по Проне до самой Оки нехристи утопные плыли, — не утерпел Алексей.

«Как же они могли плыть, если дело было зимой?!» — подумал Николай, вспомнив историю, но переспрашивать не стал.

Растягивая перекур, мужики начали ещё что-то вспоминать, но тут пошёл мелкий дождь и, сказав: «А еще говорят, что в Саратове кур доят!» — Павел поднялся с земли. Николай хотел первым прыгнуть в могилу, но Савин не пустил.

— Оставайся наверху, — сказал он. — Будешь землю откидывать, а мы с Алексеем сами выкопаем. Так побыстрее будет... Лопаты у нас с коротким черенком — тебе несподручно будет.

Николай ничего не ответил на скрытую насмешку. Вида не показал, что понял Павлов намек на свой невысокий рост. Хотел, правда, сказать Павлу, чтобы работал поаккуратней: могила узкая — можно мосластые руки посшибать, но не сказал. Не стал связываться. Так молча и докопали. Потом достали с повозки булькающую четверть и закуску. Алексей хотел спуститься к ручью, но Павел остановил:

— Там сырость одна. Давай под телегой устроимся, чтобы ужак не жильнул...

Умяв припасы и оставив немного в четверти Григорию, Павел с Алексеем собрались домой. Николай думал, что его завезут в Городище, но они, только кивнув на прощание, разом махнули в Князево. Мухин сначала вроде бы не увидел в этом ничего особенного, и только долгий смех Павла, раздавшийся с отъезжавшей повозки, заставил Мухина посмотреть на себя со стороны. Ему сделалось и смешно, и обидно до слёз от того зрелища, которое представил. Обойдя стороной Пушкарскую слободу, он до сумерек просидел в осиннике, не решаясь показаться на людях в обносках. Всё это время, хоть и был сильно выпивши, старался не шуметь, вспоминая летнюю встречу с лесным отшельником.

Мухину всё же немного повезло, когда, подойдя в Городище к нужному дому, первой увидел именно Любу: окликнув

её из кустов орешника, попросил вынести одежду. Только переодевшись, Николай осмелился зайти в дом, где в изголовье покойницы горели яркие свечи, а ёлшинская богомолка готовилась читать псалтырь.

Вера завела Николая в кухню, налила ему миску щей и пододвинула ломоть надкусанного хлеба. Когда он поел, давась от близости покойницы, Вера проводила его в сенной сарай, а он, не осмелившись послушаться и выйти на улицу, чтобы ещё раз увидеть Любашу, незаметно уснул, стараясь не вдыхать затхлый запах овчинного полушубка.

Утром, когда увезли покойницу в церковь, Вера послала сына на кладбище — узнать, не обвалилась ли могила. Фёдор вернулся через полчаса. Остановив взмыленного мерина у крыльца, он вбежал в дом. Вера, увидев растрёпанного сына, прихлопнула руками:

— Никак, обвалилась?!

— Обвалиться не обвалилась, — сбиваясь, сказал Фёдор, — только выкопали её не там, где дедушка похоронен...

— Напутал ты что-нибудь, малый, — усомнилась оказавшаяся рядом Надёжка. — Откуда тебе знать? Когда он умер — тебя на свете-то не было.

— Тётка Надя, я знаю, где дедушка Василий похоронен — сколько раз на Пасху у него бывал... Ведь могилка его на краю, недалеко у ручья, а новую выкопали почти там, где часовня раньше стояла!

— Надь, собирайся, — сказала Вера, — езжай с Фёдором и... этого, Любкиного, возьмите с собой. Он ещё в сарае спит. Фёдор, сходи разбуди его... А нам пора в церковь.

Николай разоспался, и ему снилось, что умерла не Любашина мать, а она сама. Сон был по-настоящему правдивый, и когда Николай очнулся от толчка Фёдора, у него в глазах стояли слёзы. А после слов, услышанных от высокого рыжеватого парня: «Собирайся, поедем новую могилу копать...» — и вовсе ошалел. Пошатываясь, Мухин вышел из сарая и вправду увидел, что Любашина сестра запрягает мерина, кладёт в повозку лопаты; Фёдор сбегал на двор и принес ещё одну — совковую. Страшась что-либо спросить, Николай сел рядом с Фёдором, Надёжка стеганула мерина, и все трое затряслись на голой телеге, не успев ничего постелить. Николай даже не переоделся и тупо смотрел на полуботинки, не понимая, почему они жмут. Только когда телега понеслась под уклон, в Бугры, он сообразил, что полуботинки надел на разные ноги... Мерин всё выше задира лоскаленную желтозубую морду, всё сильнее приседал, сдерживая шлейй рвущуюся вперед повозку, и не выдержал, шлея на нём повисла,

---

а сам он, возбужденно икнув, галопом понёс под бугор. Надёжка с Фёдором что-то кричали, а Николай, сжавшись в комок, молча смотрел на вырастающую за телегой гору. За недолгое время, пока повозка словно проваливалась в яму, он не успел испугаться или что-то придумать, чтобы помочь попутчикам. Наконец мерин сам сбавил ход, и Фёдор с такой запоздалой силой рванул вожжи, что, поддаваясь рвущей губы боли, мерин крутнулся почти на месте, подвернул передок телеги — спицы хрупнули, словно и не было их, а ступица, пропахав по лугу борозду, ткнулась в землю. Приехали! Благо хоть до кладбища оставалось недалеко. Не обращая внимания на суетившихся людей, мерин дотащил перекосившуюся телегу до ближней кладбищенской ветлы и остановился.

— Вот криворукие-то, вот разеватые! — начала причитать Надёжка, ругая Павла и Алексея, когда увидела, что могилка выкопана не там, где нужно. — Ребятушки, золотые, вы уж постарайтесь — успеете к полудню, — стала она просить Николая и Фёдора. — Ведь могилку-то нужно вот где копать! — И она показала на место рядом с оплывшим, заросшим травой холмиком и выбеленным солнцем и дождями крестом, под которым лежал её отец.

Парни взялись за лопаты, а она, подумав, что сегодня здесь будет лежать и мать, заплакала. Плакала не по-бабьи — почти беззвучно, а Николай с Фёдором делали вид, что не замечают её слёз... Выплакавшись, она тихо сказала:

— Ну, я побегу в церковь, что ли?!

— Ступай, тётка Надя, — махнул рукой Фёдор, — одни управимся.

Ему хотелось поскорее остаться с незнакомым парнем, которого лишь мельком видел вчера, и не слушать тёткины всхлипывания. Когда она скрылась за ближним косогором, Фёдор сказал Николаю:

— Угости папироской... А то у отца самосад, а мать на курево денег не даёт.

Николай выбил из пачки мятую папиросину, Фёдор торопливо прикурил и так же торопливо затянулся, но, докурив до половины, затоптал окурки.

— Самосад крепче, — сказал он разочарованно и взялся за лопату.

Николай в душе улыбнулся, но ничего не сказал.

— А правда, что ты детдомовский? — спросил через некоторое время Фёдор.

— С чего это ты решил?! — удивился Николай, и ему стало смешно.

— Мать с дядькой меж собой говорили, что только детдомовские по привычке в одних пиджаках до морозов ходят... Им только к Октябрьской шинель выдают!

Тут уж Николай рассмеялся, хотя и место было неподходящее. Но он ничего не мог с собой поделать, потому что у него было отменное настроение, явившееся взамен страшных догадок о Любашке, навалившихся спросонья, и как хорошо, что он ничего преждевременно не спросил о ней.

— Верно говорят, что если какой детдомовец получит двойку, то ему есть не дают? — не унимался Фёдор, а Николая начинало сердить его любопытство.

— Нет, если двойку получишь, то только коленками на горох ставят, — начал придумывать он, — а уж если сразу две схватишь, то тогда два дня никакой тебе еды. Одна вода. Только когда есть хочется, на воду-то и смотреть тошно...

— Значит, приходилось терпеть?! — искренне присвистнул Фёдор. — Я в школе тоже плохо учился... Хорошо, что у меня родители есть, а то в детдоме я бы с голоду умер... А где твой?

Николаю надоело отшучиваться, и он серьёзно ответил:

— Недалеко от Пронска живут, по ту сторону реки, в Давыдове. Может, слышал?

Но Фёдор не поверил:

— Если бы рядом жили, то ты не стал бы здесь вертеться...

— А вот так мне захотелось! Берись за лопату, а то мы что-то разболтались...

Тем временем, выйдя из Бугров, Надёжка пересекла Пронск, спустилась к Проне и перебежала по мосту на противоположный берег. На подъёме некстати привязался бородастый мужик, тащивший наперевес два мешка шерсти.

— Голуба, — остановил он Надёжку, — подскажи, где здесь вальщик Горюнов живёт?

— Чего? Какой ещё вальщик?! — ничего не могла понять она.

— Обыкновенный, — осерчал мужик, — который валенки катает...

— Не знаю, дяденька, — развела руками Надёжка и быстрее, быстрее в церковь.

На отпевание она всё-таки опоздала. Когда подбежала к паперти, то мужики уже выносили гроб из церкви. Впереди шёл Павел с Алексеем, а сзади двое лесхозовских объездчиков, помогавших Дмитрию в похоронах. Сам Дмитрий ступал за гробом, чуть отстав от Веры с Любашей, переставлявших ноги из последних сил. Рядом шли его жена Нюра со старшей дочерью и Натальина племянница из Князева —

Густя. Была тут и читалка из Ёлшина, Натальина подружка, и Акуля шурила подслеповатые глазки, и перешёптывались другие незнакомые старушки в чёрном одеянии... Мужики поставили гроб на телегу, от бабьего крика белолобая кобыла прынула ушами и нервно переступила, а мужик, державший её под уздцы, тихонько говорил, успокаивая: «Ты-р-р-р, милая, ты-р-р-р...» Запыхавшаяся Надёжка в этот момент подбежала к сёстрам, и все они, словно по команде, вновь запричитали.

Когда телега, а за ней и вторая выехали на большую дорогу, вопли поутихли. Поутихли до того часа, когда процессия прибыла на кладбище, где стало ещё больше толкотни. Прибежали ребятишки из Мотовки, стуча посошками, добрались до кладбища самые древние старушечки, с молодости знавшие Наталью, и теперь, быть может впервые за последние год-два, а то и три, рискнувшие на далёкое путешествие, в душе радуясь выпавшему случаю поклониться родственникам и ещё раз взглянуть на место, куда сами скоро придут насовсем.

К тому времени, когда собрался на кладбище народ, Николай с Федором выкопали новую могилу, засыпали старую и теперь сидели на лугу, подложив под себя черенки лопат. Николай не обращал внимания на костюм, перепачканный землей. В эти минуты хотелось одного: увидеть Любашу. Он понимал, что не нужен сейчас никому, даже ей... Ну что же, он потерпит, дождётся момента, когда можно будет поговорить или хотя бы обмолвиться словечком. Ведь за последние двое суток в мыслях его было одно: видеть её, быть рядом, мысленно всё обдумав... Вот вырос над могилкой холмик, вот его обстучали, и Алексей черенком лопаты выдавил на холмике восьмиконечный крест. Дело сделано — вопли и причитания сами собой утихли, лесхозовские мужики сложили на подводу лопаты и верёвки, на другую подводу усадили самых дряхлых мотовских старух, собравшихся в Городище на поминки; остальные нестройной толпой пошли за подводами.

Сёстры плелись последними, когда они, перешагивая бугорки, вытянулись гуськом, Николай подошёл к Любе и молча взял под руку. Молчала и Люба. Только когда показались крайние дворы слободы, она произнесла чуть слышно:

— Пойдём быстрее, а то и так отстали...

Но Николай не спешил... Он умышленно хотел отстать от её родственников и, когда они вышли на слободскую улицу, остановил Любу:

— Где-то здесь должен быть сельсовет?

— Зачем он тебе? — удивилась она и впервые за этот долгий день посмотрела на Мухина.

— Да так, нужно кое-что узнать...

— Коля, некогда сейчас, потом узнаешь, что нужно.

Николай чуть заметно улыбнулся, ещё не надеясь на выполнение того, что задумал.

— Потом будет не интересно, — сказал он, — нужно сегодня, сейчас.

— Иди один... Видишь, через два дома крыльцо с флагом...

Мухин понимал: одно неосторожное слово может всё испортить, и боялся случайно сказать что-нибудь не то.

— Пойдём вместе, — предложил он. — Вдвоём веселей!

Люба, в эти минуты почти ничего не соображавшая, послушно пошла за Николаем, не зная куда, зачем и почему идёт за ним, словно беспризорная собачонка.

На крыльце сельсовета сидел замшелый мужичишка, скупающий от безделья и лениво оглядывавший из-под надвинутой на глаза кепочки сонную слободу.

— Председатель у себя? — спросил Николай у крыльца.

— А на кой он вам?! — отозвался мужичишка и начал рассматривать обгоревшую спичку, которой только что исследовал ухо.

— Нужен по делу... Так он у себя?

— Я председатель... А что вы хотели?

Николай замешкался, соображая как бы половчей сообщить о своём деле, но пока собирался с мыслями, тот повторно спросил:

— По какому вы вопросу, товарищи?

— Нам бы записаться... — несмело сказал Николай.

— То есть, как я понимаю, зарегистрировать брак? — уточнил председатель и, не дожидаясь ответа, соскочил со скамьи, обрадовавшись подвернувшейся работёнке.

— Идите за мной... — произнес он торжественно, словно вводил в храм.

Николай ступил следом, но Любаша заупрямилась, беззвучно зарыдала, будто её собрались выставить на всеобщее осмеяние. Мухин ухватил её за руку, увлёк за собой в полумрак коридора, шепча на ухо:

— Всё хорошо будет, вот увидишь, всё будет хорошо...

— А документы у вас есть? — спросил председатель, когда они вошли в сельсовет — просторную рубленую избу.

Николай положил на стол паспорт, а Любаша замаялась:

— Нет у меня его с собой, в Городище остался...

Услышав это и не дожидаясь, что ещё скажут молодые, председатель закрыл несгораемый ящик.

— Без документов не положено! — властно объявил он.

— Олег Никодимыч, — неожиданно сказала Любаша, — Тоньшина я из Городища, неужели не знаете меня?!

— Тебя, гражданка, припоминаю, а этот гражданин мне незнаком, а раз так, то в моём сознании возникло сомнение: вдруг он неволит тебя?

— Да что вы, — вздохнул Николай, — какой там неволю... Сами же говорите, что знаете Любу, да и сама она согласная.

— Но документа у неё нету... Может, она несовершенно-летняя, а в каком она году родилась — не помню!

Они ещё что-то доказывали председателю, но тот заупрямился — ни в какую. Даже схватился за телефон и для остротки крутанул ручку аппарата:

— Может, мне милиционера, граждане, вызвать?!

Николай кивнул Любаше на дверь и сказал:

— Выдь пока...

Когда дверь захлопнулась, Николай достал три червонца и протянул председателю.

— Вот, отец, выпей за наше счастье, а расписаться нам надо! Понимаешь — надо, — повторил Мухин и жалостливо посмотрел на мужичишку.

Ловко запрятав деньги, тот вернулся к несгораемому ящику и буркнул Николаю:

— Ладно, зови свою ненаглядную.

Николай выбежал на крыльцо, но Любы не было: увидел её через три дома. Догнал и, как ребёнка, повёл за руку обратно.

— Пусти меня, пусти, — упиралась Люба, — не позорь...

Когда Николай и Люба вошли в сельсовет, Олег Никодимыч уж заполнял свидетельство, громко стучая пером в мраморную чернильницу и осматривая его на свет, как недавно разглядывал спичку. Взяв паспорт Мухина и списав с него данные, он спросил у Любаши год рождения, потом сделал запись в амбарной книге, выписал свидетельство и отдал документы Николаю.

— Объявляю вас мужем и женой, — слишком уж серьёзно сказал Олег Никодимыч, возбуждённо поправил на голове кепчонку и добавил, усмехнувшись: — Аминь...

Едва новобрачные ступили на крыльцо, Олег Никодимыч вышел следом, накинул на дверь замок и отправился в чайную.

Николай с Любашей направились пустующей усадьбой к зяблевому полю и краем его пошли в Городище. На полпути, завернув к копнам ржи, Николай сказал:

— Пойдём, посидим, а то ноги гудят... — от волнения Мухин поперхнулся, закашлялся и вдруг тихо улыбнулся, обнял Любашу и прошептал: — Жена ты моя...

Они сели у копны. Мухин долго теребил её пушистые завитушки и вздыхал, не зная, что сказать. Не заметил, как осмелел, и обнял, поцеловал. Но она не ответила на ласку, а её холодность только распалила Николая. Кто-то словно нащёптывал ему: «Чего ты теряешься, она жена тебе или нет?!» Как ночная птица на свету, Люба забилась в его жестких объятиях, стала что-то сбивчиво говорить, но он уже ничего не понимал. Только одно дошло до его сознания, но быстро забылось.

— Ненави-ижу, — ослабнув, вскоре хрипло прошептала она, впившись застывшим взглядом в хмурое, низкое небо...

Шли до Городища потом молча, а сразу после поминок собирались в Москву, а один из объездчиков, по просьбе Дмитрия, собрался довезти их до станции.

Засобирались и остальные поминальщики. Князевцы ехали на одной телеге. Павел что-то говорил Алексею, правившему меринном, и тот согласно кивал, не решаясь или не желая поддерживать разговор. Вера сошла у своего дома и дочурок ссадила, а Акуля с Надёжкой и Густей слезли с телеги на другом конце порядка. Хотели и Павла ссадить, но он вызвался отогнать с Алексеем лошадь в конюшню. Они попытались попутно подвезти Густю, но она постеснялась ехать с мужиками.

— Если так будешь бояться нашего брата, то быть тебе вековухой, — крикнул ей Павел и, что-то шепнув Алексею, захохотал.

— Да не обращай внимания на зубоскалов! — сказала Надёжка покрасневшей Густе и, взглянув на её пунцовые щеки, вспомнила, какая пришла Люба с похорон: на сестре лица нет, а ухаждёр, что масляный блин, от счастья лоснится.

— Ты что же вместе со всеми не пошла? — спросила тогда Надёжка у Любы, а она смешалась и, не глядя на сестру, тихо сказала:

— Ногу подвернула... — Аврать-то не умеет — покраснела.

«Оно и видно, — подумала Надёжка, — платье-то будто жевал кто!» Она хотела расспросить сестру, но за хлопотами не успела, а теперь уж точно знала, что правильно сделала, ничего не спросив: Любаша все равно ничего не сказала бы, даже если и было о чём сказать.

Пока Надёжка размышляла, на крыльцо выбежал Сашка и кинулся к ней. Всхлипывая, стал жаловаться:

— Когда наш дед умрёт? А то заставил меня Бориску качать, а сам весь день нож точил!

Она прижала к себе сына, взяла на руки, а он всё всхлипывал и всхлипывал, но постепенно успокоился и по-взрослому вздохнул.

Следом за Сашкой на крыльце показался Григорий: босой, рукава подвёрнуты, будто тесто месил, а его оторвали от работы.

— Ах, мать вашу, — ругнулся Григорий, — заявился, залётные, на весь день укатали, а тут колупайся с ними. Этот ещё ничего, — указал он на Сашку, — а вот тот, в избе, без ножа зарезал... Аж пот от него прошибать начал.

— Ну, хватит, дед, — осадила мужа Акуля, — небось не переломился... Сам захотел... Теперь чего же кулаками сучить.

Григорий хотел что-то сказать, но только отмахнулся от жены, как от назойливой осы, и ушёл за сарай.

Надёжка, не дослушав разговора свекрови со свёкром, нырнула в избу, взяла на руки мокрого Борисуку и, пока меняла у него постельку, всё приговаривала: «Потерпи, мой хороший, потерпи — с нашего деда какой спрос?!» С улицы в сумрачную избу никто не возвращался, и она, начав кормить сына, невольно косилась в тёмный угол около перегородки, где, казалось ей, кто-то спрятался. И чем чаще смотрела туда, тем сильнее ею овладевала гнетущая, пугающая мысль. Ей казалось, что в тёмном углу сидит умершая мать, облокотившись подбородком о подставленный кулачок. Вздрогнув, перестала смотреть в пугающий угол, нарочито внимательно начала разглядывать чмокавшего сына; на минуту это помогло, но голова сама собой поворачивалась, глаза искали то, от чего душа замирала... Когда показалось, будто мать тихо сказала: «Что же, уж и воды подать некому?!» — Надёжка оторвала сына от груди, выскочила с ним на крыльцо и, как подкошенная, упала на лавку.

— Мать твою в кривую ногу! — выругался Григорий, куривший на ступеньке. — Напугала, аж селезёнка заскрипела!

— Где Сашка? — стуча зубами, спросила она.

— Пошёл с бабкой корову искать... Сегодня Мать-Грунька без меня стерёт — теперь до полночи будут коров собирать!

Успокаивая захныкавшего Борисуку, Надёжка хотела дать ему грудь, но постеснялась Григория, а в избу возвращаться боялась. Только свёкор, похоже, и не обращал на неё внимания: он молча и сосредоточенно курил, и не курил даже, а стиснул в зубах затухшую сигарку. Со стороны казалось, он спит, но она-то видела: о чём-то думает, молча шевелит губами, словно разговаривает с кем-то, и тот, с кем он говорит, так близко сидит, что Григорий раз за разом вытягивал вперед руку, словно хотел обнять кого-то невидимого.

— Папань, ты чего это? — спросила Надёжка и прижала к себе сына.

От вопроса Григорий пришёл в себя, выплюнул забытую сигарку и, тяжело поднявшись, пошёл в избу. Он забрался

на печь, и за весь вечер не подал ни единого слова: ни когда вернулась в избу сноха, ни когда пришла Акуля с Сашкой. Григорий будто перестал существовать. Только после ужина не утерпел, накричал на Павла, когда тот вернулся домой и спьяну начал перечить матери.

— Заткнись, шенок, и спи, — сказал ему с печки Григорий, и Павел неожиданно затих, словно услышал в отцовских словах некий тайный смысл, известный им двоим.

Григорию казалось, что этой ночью он умрёт, особенно после того, как задремал и приснился ему старший сын Иван. Давно он не снился, с самой весны, когда последний раз побывал у него на могилке, а тут как живой привиделся и всё спрашивал: «Когда, батя, приедешь?» Этот вопрос Григорий истолковал по-своему: ему казалось, что сын зовёт навсегда, и ему, старому, пришла пора помирать. Поэтому решил рассказать Акуле, где лежит их Иван, которого он собственноручно похоронил двенадцать лет назад. Вспомнив, как давно это было, Григорий невольно удивился: ему все эти годы казалось, что будто на днях присмотрели они с Иваном чалого жеребца в деревне под Скопином, два вечера выслеживали, выжидали случая. Всё обдумав, дождались, когда хозяин спустил кобеля и тот унёсся вдоль порядка. Прикармливая жеребца сахаром, Григорий вывел его за ворота, и тут темноту ночи вспучил неожиданно хлёткий удар выстрела. «Бежим, батя!» — истошно крикнул Иван, а Григорий, спеша увести жеребца от двора, прыгнул на него и поскакал в ближайшую ложину... Правда, через полчаса, так и не дождавись сына в условленном месте, вернулся в деревню, наполовину проснувшись. Увидев хозяина, заржал отпущенный жеребец, а Григорий опустился на колени перед распластанным на земле сыном. Нашупав на его спине кровь, прижался ухом к груди — сердце молчало, и понял Григорий, что сын мертв.

— Ну, вот теперь мы и квиты... — глухо сказал кто-то из окруживших мужиков. — Пошли по домам...

Бесшумно, по-воровски мужики быстро разошлись, будто каждый из них чувствовал свою вину в смерти этого парня, недвижимо лежавшего на земле и белевшего в темноте растрёпанной головой.

Григорий взял сына на руки и понёс за деревню. Не жаловавшийся раньше на силу, он в тот момент чувствовал, как дрожат руки. Хотел переложить сына на спину, но не получилось: так и нёс — часто опуская на землю. Опустив — вставал перед ним на колени и молча плакал. Слёзы высыхали — брал сына на руки и шагал куда-то, шагал. Когда затихли и

отстали потревоженные псы, Григорий присмотрел — насколько это было возможно в темноте — подходящее место на пологой луговине и начало копать могилу. Земля оказалась чернозёмной, мягкой, но у Григория, кроме складного ножа, ничего не было, и он копал до самого рассвета. Могила получилась неглубокой, надо было ещё подкопать, но тут совсем рассвело, запели в поднебесье жаворонки. Под их песню Григорий и похоронил сына. Чтобы лучше запомнить место, прикатил из ручья камень-валун и положил на могилу. Из предосторожности Григорий не стал делать холмика: ему казалось, что мужики этой злой деревни могут вернуться, найти могилу и обезобразить.

Народившийся день Григорий пересидел в ольшанике около ручья, изредка выглядывая из лощины. Он стерег могилу, но за весь день к ней никто и не подошёл, и, когда наступили сумерки, он покинул это страшное место.

Вернувшись в Князево, притворно спросил у Акули:

— Иван-то не появлялся?

Сердцем о чем-то догадавшись, Акуля закатилась в истерику, а Григорий всю ночь уговаривал её, не особенно веря в то, что сможет развеять подозрение. Дня через два Григорий пошёл в Пронск искать Ивана, который, как старался он всех убедить, запьянствовал с цыганами. В Пронске, конечно, Григорий никого не нашёл, да и не искал, а весь день сидел в чайной, вернулся домой вечером пьяный и начал точить нож. А ещё через неделю кто-то научил Акулю и она, послушавшись совета, пошла и заявила в милицию. Там её выслушали, помогли написать заявление, под которым она вместо росписи из-за неграмотности поставила крестик. Через некоторое время Григория вызвали для объяснения, грозилась посадить, но ничего не добились и на том дело закрыли. Обиднее всего тогда Григорию было то, что кто-то донёс на него, и его подозревали в убийстве собственного сына. «Вот до чего додумались-то, погонники!» — крестил матюками Григорий милицию. В Князеве тем летом ещё время от времени поговаривали об исчезновении Григорьева сына, но через год-другой началась коллективизация: вспоминать какого-то Ивана-конокрада не было времени — хватало забот и без этого. И редко-редко с тех пор вспоминали мужики о нём, да и то обычно за картами, в которые он был мастак играть. А в семье так и вовсе не говорили об Иване, чтобы не бередить души.

Но с того лета, как приходила Троица, Григорий собирал котомку и отправлялся на могилу к Ивану, домашним же говоря, что ездит к дружку, разбитому параличом. В первый год

Григорий едва отыскал ту деревню по названию Чирки. Изошёл страхом, пока шатался вокруг неё, отыскивая могилу, но ещё через год даже покуривал с местными мужиками, притворившись побирушкой. И странное дело: ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь вспомнил о том случае, будто ничего тогдашней ночью не произошло, будто не убивали его сына мужики, угошавшие теперь самосадам. Порою казалось, что они и не способны на такое: послушает их, так уж кажется, что они боятся отрубить голову курице.

Много ещё о чём Григорий передумал за ночь, хотел уж собираться в эти самые Чирки, когда Акуля завозилась у печи, но так и не осмелился. Утром, как обычно, погнал стадо. Только обедать не пошёл: день стал коротким, стадо пригоняли рано, да и не хотелось Григорию домой, словно там могли спросить, о чём это он всё думает.

Два дня Григория заботило одно: как бы попасть к Ивану. Григорий настолько измучил себя мыслями, что ему уже казалось, что не съезди он к сыну, то уж никогда больше не съездит. Не доживёт до весны. Ещё после той ночи, когда собрался помирать, он знал, что Всевышний смилостивился и отпустил ещё чуток жизни только для того, чтобы повидаться с сыном. И если он, Григорий, не воспользуется посланным благом — гореть ему в аду.

Как отправиться в путь, ещё с вечера, Григорий предупредил Васятку, что день или два ему придется стеречь одному.

— Да ты не кисни, — подбодрил он накануне подпaska, — день ныне стал с напёрсток, отстережешь и не увидишь как... А за это я тебе конфеток привезу. В Скопине есть страсть какие сладкие. На палочке такие...

— Знаю, — насупленно отозвался Васятка, ещё не веря, что Григорий и вправду купит конфет.

— Ну и хорошо, что знаешь! Ты же у нас не промах! — похвалил он подпaska и отправился домой с лёгкой душой.

Ввалившись в избу, сразу вспомнил о сапогах и решил их размять, потому что всё лето проходил в лаптях, но теперь не тот сезон, чтобы отправляться в них в дорогу. Достав из сундука кожаные сапоги, которые берёт более всего на свете, хотя в последние годы появились у мужиков дешёвые кирзовые сапоги, которые с настоящими, конечно же, не сравнишь, аккуратно надел их и до самого сна ходил по избе, прищёлкивая каблуками. Акуля пыталась выпытать, куда это муж собрался, но не посмела. А он не спешил оповещать, потому что сам до конца не был уверен, что завтра решится отправиться в поход. Может, от этой неуверенности ночь прошёл в тревоге, почти не спавши, и поднялся раньше Акули.

Когда же она затапливала печь, он уж твёрдо собрался в дорогу, но, не зная, что сказать жене, замялся на пороге, а она всё-таки не утерпела и сама подозрительно спросила, насто-роженно оглядев мужа:

— Куда это ты, старый, сколготился?!

— В Скопин поеду, к дружку... Ты уж слыхала про него...

— Ты же на Троицу всегда ездешь?..

— Сказывают, плохой он стал. Не сегодня завтра помрёт...

— Кто тебе сказывал-то?.. Чего мелешь!..

Но Григорий лишь отмахнулся, не стал ничего объяснять. Теперь, когда сообщил, что едет к другу, то и на душе полегчало, будто заручился необходимым благословением, без которого нельзя трогаться в путь. То, что он в какой раз наврал Акуле, его не заботило: для него это была святая ложь, шедшая от правды, известной только ему одному. С этой правдой, подсказывавшей, что нельзя забывать родного человека, Григорий и вышел на крыльцо. Он тихо сошёл по ступенькам, хотел идти порядком, но, увидев у Фокиных свет, передумал, спустился усадьбой к ручью, перебрался на другой берег и двинулся лощиной, из которой хоть и виднелись избы Большого порядка, но свет в окнах был слабый, отдалённый пространством и не тревожил Григория. Выйдя лощиной за село, он распахнул тесноватое суконное полупальто, когда-то перешитое из красноармейской шинели, смахнул бараньей шапкой пот с лица и долго вглядывался в густое, тёмное небо, пытаясь угадать: будет ли дождь или нет? Вокруг было туманно и тихо, и в набухшей тишине Григорию чудилось что-то необычное. Ему казалось, что кто-то огромный, наблюдая за ним, затаил дыхание, вот-вот зашевелится, навалится...

Григорий не заметил, как добежал до Пушкарской слободы, и когда выбрался на мощёный большак, справа и слева от которого вереницей теплились окна, чуток успокоился, но всё же оглянулся, желая убедиться, что тот, огромный, отстал. Проходя мимо тёмных окон дома, где жили монашки, Григорий зачем-то перекрестился, а через минуту рассмеялся над собой. С этого момента им овладела привычная походная расчётливость, будто он снова стал конокрадом. Он даже и ступать стал мягче, перестал бухать сапогами по бульжнику, а потом и вовсе пошёл мягкой тропинкой, вившейся вдоль большака.

Рассвет Григорий встречал у въезда в Пронск. Спустившись пониже базара, старик стал ждать попутную подводку. Прождал, наверное, час, но никого не дождался и тут неожиданно увидел поворачивающую из Пронска райкомовскую

«эмку». На всякий случай нерешительно махнул — машина остановилась. Не успел шофёр что-либо спросить, как Григорий ловко дёрнул ручку двери и уселся с ним рядом.

— В Скопин? — спросил Григорий.

— А ты, дед, откуда знаешь?

— Как не знать! Дорога только туда ведёт — в сторону не свернёшь — грязь кругом.

Шофёр удивленно присвистнул, картинно надвинул на глаза кожаную кепчонку и удивлённо выдохнул:

— У вас тут все такие?

— Да уж какие есть, — проворчал Григорий. — Чего стоишь, трогай своего коня, раз посадил.

Ничего более не сказав, шофёр включил передачу. Посчитав дело сделанным, молчал и Григорий. Когда проехали Проню и слободы, он неожиданно доложил:

— К сыну вот еду...

— Служит, что ли? — спросил шофёр.

— Не угадал... На могилку...

Шофёр насупленно вцепился в руль двумя руками, а Григорий, словно по писаному, продолжал:

— За Советскую власть погиб... По деревням Советы устанавливал, а молодой был, неопытный — вот и не устерёгся. Подкараулили его... Тогда не чикались: или ты, или тебя... — Григорий искоса взглянул на шофёра, надеясь по его лицу узнать: поверил или нет? Он был не из местных, и поэтому Григорий легко сочинял, не боясь быть разоблачённым. Как ему хотелось поговорить о сыне, выговорить то, что скопилось в душе! Григорий несказанно радовался случаю, сведшему с этим незнакомым и неразговорчивым парнем: молчит да глазами хлопает. Когда Григорий вдоволь наговорился, парень тихо и стеснительно сказал, не глядя на попутчика:

— У меня тоже отца примерно тогда же... Поехал от завода по подразверстке и пропал... Даже могилки не знаю...

От слов шофёра Григорию сделалось неловко, неуютно рядом с ним, будто он знал правду о его сыне и до поры до времени помалкивал. Поэтому, не доезжая Скопина километров десять, заметив в ложине притулившуюся к ручью деревушку, Григорий попросил:

— Останови. Приехал я...

Пытаясь побыстрее выбраться из машины, грузный Григорий и вовсе замешкался, застрял и, рванувшись, едва не вывалился на дорогу. Он торопливо шагнул через кювет, а когда машина скрылась за косогором — вернулся на шоссе, в душе ругая себя за длинный язык, которым без нужды намолол бог знает что.

Северный ветер подталкивал в спину, но Григорию не хотелось идти. Ничего не хотелось. Ему вдруг показалось, что он не знает, зачем отправился в этот поход, и вся лавина неустроенных чувств, тяготивших в последние дни, с прежней, разрывающей сердце силой навалилась на него. В этот момент он был готов вернуться, ибо после встречи с молчаливым шофёром, обжёгшим своим откровением, знал, что пути в этот раз не будет. Григорий машинально шагал по булыжному шоссе, даже не пытаясь подсесть на редкие подводы, обгонявшие его, потому что не особо спешил. Поезд, на котором он обычно ездил, уходил из Скопина под вечер, а до вечера было ещё ой как далеко.

На станции Григорий оказался в полдень. По старой привычке заглянул в буфет, выпил стакан водки, но она не принесла облегчения, лишь муторней стало на душе и хотелось плакать. По кому или о чём — он не знал, только слёзы набегали сами собой, и он начинал часто моргать, стыдясь их. Григорий ушёл из буфета в зал ожидания и сел в углу на засаленный диван, уткнувшись подбородком в грудь. Причудливые видения заполнили его. Он видел себя то молодым, то разбитым параличом стариком, а то и вовсе превратился в гнедого жеребца, которого взял под Рязском в двадцать пятом году. И вдруг, как живой, рядом оказался Иван и начал запрягать Григория, своего отца, в пролётку...

Сколько времени спал, Григорий не знал. Он проснулся так же незаметно, как и заснул, и сразу вспомнил о поезде, но увидев, что в зале полным-полно народу, — успокоился. Правда, на всякий случай спросил у сидевшей рядом бабы, усердно лузгавшей семечки, шелуха которых бородой свисала с нижней губы и делала бабу похожей на юродивого, давно не бритого мужика.

— Эй, как тебя! — толкнул бабу Григорий. — Поезд на Рязск не проходил?

Баба смахнула «бороду» на пол и недовольно сказала:

— Есть мне когда за твоими поездами смотреть...

— Зачем тогда сидишь здесь, — плюнул Григорий. — Чтoб тебе, рогатка секеринская, поперхнуться...

Он вышел на перрон: было ветрено, ветер гонял меж луж серые листья, а низкие облака, казалось, вот-вот снесут водокачку. Станционные часы показывали без четверти три: до поезда им ещё стучать и стучать, и Григорий вернулся в буфет и стал коротать время, прислушиваясь к разговорам мужиков. Лет десять назад он часто бывал здесь, много встречал знакомых — по полдня, бывало, угощались, а теперь все куда-то спешат, бегут, чай пить и то не умеют толком: обяза-

---

тельно обожгутся. И водку пьют не лучше — чуть ли не украдкой, будто кто гонится за ними. Посетители менялись, только Григорий не спешил, и буфетчица стала подозрительно поглядывать на него. Он пересел на другой стул, к ней спиной, но и затылком чувствовал её сексотские взгляды и не выдержал, поднялся и вышел из буфета, грохнув дверь.

На перроне по-прежнему гулял ветер, но Григорий терпеливо дождался поезда, и когда, тревожно фыркая, он появился в самом конце убежавших вдаль рельсов, у Григория полегчало на душе.

В поезде его нагнали сумерки, и опять заскребло на душе, а тут, некстати, заломил низ живота — стало совсем невозможно. В другой раз Григорий не задумываясь отправился бы в тамбур, а сейчас не мог пересилить себя. И чем сильнее накапывала боль, тем безжалостней подступал стыд: хоть криком кричи. Как ни крепился Григорий, но всё-таки не утерпел, сошёл на одну станцию раньше. Когда же сбегал за ближайший сарай, и сразу полегчало, то начал ругать себя за стеснительность. Да и как было не ругать, когда до нужной станции оставалось шесть или семь добрых километров... Делать нечего — прошёлся вдоль линии, а когда тропинка закончилась, — оказался в чистом поле и шагал от столба к столбу, прислушиваясь к гудящему в проводах ветру. Когда, едва различая в темноте местность, Григорий добрался до молодой лесопосадки, крылом прилепившейся к железной дороге, он сообразил, что по ней можно дойти почти до самых Чирков, только нужно вовремя свернуть, чтобы попасть за деревню, где и была заветная луговина с могилкой Ивана. Темноты и малознакомой местности Григорий не боялся: за долгие годы ночных скитаний он научился легко ориентироваться, иногда полагаясь на одну лишь интуицию, и не было случая, чтобы заплутал. Вот и сейчас никто не мог ему подсказать дорогу, хотя, когда взошла поздняя кособокая луна, он повеселел и обрадовался её скупому красноватому свету. Сразу похолодало. Через некоторое время захрустела под ногами подмерзающая отава. Далеко разносившийся хруст мешал Григорию, чуть-чуть пугал даже, хотя пугаться было некого. Вскоре он решил, что пора сворачивать, и, хотя не хотелось, но пришлось идти зябью, по шиколотку проваливаясь в мягкую пахоту. Слабая корка подмёрзшей земли не держала, а только мешала, и Григорий быстро вспотел и, остановившись, долго стоял среди поля, остывая. Он невольно радовался тихому лунному пространству, душою сознавая, что скоро будет у Ивана, поговорит с ним... Знал Григорий, что не утерпит, обязательно поплачет на могилке — не было

такого, чтобы не плакал, не получалось, — но всякий раз слёзы помогали ему: душа смирялась, успокаивалась, а жизнь потом продолжалась.

Когда закончилась пахота, Григорий вышел на клевера: по ним шагало легко, споро, и ещё издали он заметил застывшие в ложине Чирки. Светлые крыши изб, казалось, стоят на тёмных постаментах, до которых не добирался лунный свет, и эта темнота, скопившаяся под крышами, насторожила Григория, напомнила, зачем он пришёл сюда. Тихо, даже не потревожив деревенских псов, он стороной обогнул деревню и направился к заветной луговине, где покоился Иван. Григорий шёл краем низины, блестящей серебристыми изгибами ручья, и чувствовал, что все дорожные хлопоты и заботы отступают. Да и не было сейчас времени думать о чем-то другом. Только в какой-то момент Григорию показалось, что идёт он слишком долго, а пахота, заканчивавшаяся прежде в километре за деревней, перешла в глыбастую зябь взбуробанной целины. Вспотев от недоброго предчувствия, Григорий перевернул пласт земли и увидел перепутанную траву, слипшуюся, словно волосы утопленника... «Луговину распахали!» — кольнула сердце мысль. Ноги сами собой подкосились, Григорий опустил на зябь и зачем-то снял шапку. Он не знал, как теперь быть и что предпринять. Мёртвой, застывшей глыбой темнел на поле, и ничто не выдавало присутствие живого человека.

Григорий не знал, сколько времени просидел на зяби, но, наверное, долго, потому что луна незаметно поблекла, заслонилась мутной занавесью наступающих облаков, а потом и вовсе исчезла, и по сырому зябкому ветру Григорий определил, что погода меняется: теперь то ли дождя жди, то ли снега. Старик поднялся с земли и почувствовал, как заломило в крестце. Подволакивая ногу, словно парализованный, он поплёлся вдоль ручья, всё-таки надеясь узнать место, где положил камень на сынову могилу и где когда-то отсиживался в ольшанике. Григорий несколько раз прошёлся вдоль ручья, но ничего не узнал, только почувствовал, как заливаёт душу безудержная злоба к тем людям, которые распахали луговину и убрали мешавший камень... Сознание того, что он навсегда потерял родную могилку, будто опрокинуло Григория. Ему казалось, что он идёт вниз головой... Не помня себя и не соображая, что делает, Григорий оказался у крайней избы Чирков. Той самой, около которой когда-то убили Ивана... Спички не хотели гореть на ветру, а когда одна, прикрытая ладонями, занялась ровным пламенем — Григорий поднёс её к соломенной пелене, но, потушив огонь и испугав Григория, из пелены выпорхнул чиль, и старик на минуту задумался над тем, что делает...

Но замешательство длилось недолго. Он снова чиркнул уже пучком спичек и терпеливо наблюдал, как нехотя разгорается волглая солома. Когда Григорий ощутил пыхнувший в лицо жар, он невольно отступил от избы, пошёл прочь, наступая на свою огромную тень, становившуюся всё отчетливей и черней. Словно любопытный ребёнок, сел за околицей, наблюдая, как разгорается пламя. Злорадство торжествовало в нём, и только услышав из наполовину объятаго огнём избы страшный женский крик, он пришёл в себя, будто очнулся от долгого сна, оказавшегося явью. Он видел, как метались вокруг огня женская и детская фигурки в легких одеждах, и почему-то вдруг стал задыхаться, неожиданно зарыдал, полез в карман за портсигаром, но не нашёл его и начал ломать спички, чувствуя, как дрожат руки.

Через некоторое время сбежались на пожар мужики: изба к этому моменту почти сгорела, и теперь полыхал соломой же крытый двор, и жутко ревели испуганная корова, привязанная к берёзе напротив сгоревшей избы.

Григорий сидел в каких-нибудь ста метрах от пожарища, но не боялся быть замеченным, хотя и знал: увидят мужики — быть ему в огне. Но нет, никто не заметил Григория, а тут ещё посыпал сверху колкий снег, отдалил бегавших вокруг огня людей, постепенно переставших суетиться. Вскоре многие разошлись по домам, а какие остались, расхаживали возле пожарища неторопливо, будто исполняли привычную работу. Только не успокаивалась хозяйка, метавшаяся вокруг огня и пытавшаяся спасти хоть что-нибудь; детей её видно не было — кто-то приютил из соседей, — не видел Григорий и хозяина, видно, что-то случилось в их семье, раз жила баба без мужика. Сознание того, что он оставил без крова ни в чём не повинных ребятишек перед самой зимой, горячей, удушливой волной перехватывало дыхание, и он не находил слов, чтобы запоздало раскаяться хотя бы перед самим собой. Содрогаясь от душевной горячки, Григорий покинул Чирки. Все чувства и переживания смешались в нём, он не соображал, куда идёт, и очень удивился, когда на рассвете вышел к железнодорожной насыпи, черневшей рельсами среди молодого снега.

Вечером Григорий добрался до Пронска и зашёл в чайную, взял водки и студня на закуску. Запьянев, начал всех угощать, раздал купленные внукам конфеты и не помнил, кто привёз в Князево... Когда поздним вечером в окно савинской избы постучал Понимаешь ли, то Акуля начала спрашивать, где он подобрал Григория, но так ничего и не добились.

— Скажи спасибо, что доставил, — сердито ответил Ксе-нофонт Михайлович, помогая Павлу перенести Григория из

саней в избу. — Дорога-то ныне сама знаешь какая: ни на чём не проедешь... Все копылья у саней посшибал!

До утра Григорий проспал на полу, а к утру, замёрзнув, перебрался на печь и нелюдимо просидел на ней несколько дней, не желая ни с кем разговаривать.

В эти морозные, звонкие дни, сменившие слякоть, все спешили покинуть сырые избы: больше всего, конечно, радовались снегу ребятишки, но и мужики не отставали. Особых работ ни по хозяйству, ни в колхозе не стало, и дома сидеть не хочется — в компании веселее. Разговоры всё больше о войне: будет или не будет?! Этот вопрос никого не оставлял равнодушным и делил спорящих на два лагеря. Рассядутся на крыльце конторы те, кому не хватило работы, и ну языки чесать. От бесконечных споров устанут больше тех, кому выпало возить к ферме корма да навоз на поля тягать. Спорили, в основном, молодые мужики. Пожилые отмалчивались или посмеивались, а когда надоедало слушать бесконечные споры, говорили:

— Идите к Павлу Гринькиному... Он всю позицию знает. Бывалый парень!

Как-то послали к Савиным Мать-Груньку:

— Беги, Васёк, спроси Павла! Если он дома, вели к нам прийти!

Отвыкший за лето от людских разговоров, подпасок охотно подхватился и — к Савиным. В избу вошёл — тишина, только кто-то в люльке посапывает да на печи ворочается.

— Эй, кто здесь есть? — пугливо спросил Васёк.

На печи заворочались сильнее, но быстро всё затихло, будто кто замер. И тут Васёк ошалело застыл, увидев, что Григорий нацелился на него поленом. Мать-Грунька что-то испуганно мыкнул, закрыл лицо руками и услышал, как старик рассмеялся.

— Лезь ко мне! — позвал он Васятку. — Лезь, кому говорю!

Подпасок послушно забрался на верхнюю приступку, испуганно спросил:

— Дядь Гринь, чего звал-то?

— Как бабка-то поживает, не померла ещё?

— Нет, не померла — она живущая...

— А помрёт, чего делать будешь?

— В город пойду, сейчас ФЗО открывают... Там кормят бесплатно!

— Кто это тебе сказал такое? Беспла-атно... Бесплатно тебя, милок, и вошь кусать не станет — всё какую-то выгоду ищет. А ты говоришь... Живи уж до армии в Князеве, а воз-

---

мужаешь, тогда видней, какую тропинку выбрать... Мать-то не нашлась? — помолчав, спросил Григорий.

— Не-а... — мотнул головой Васятка.

— Я ведь хорошо помню, мать-то твою... Она что придумала-то: за семечками к хохлам съездить! Там мешка два купить, а здесь — в Пронске ли, в Скопине ли — продать. У хохлов-то семечки дешёвые, а в наших местах подороже идут... Сам понимаешь, барыш бы она имела. Тебе порточки, глядишь, какие купила, себе полушалочек, да и мать бы свою, наверное, не забыла. Желанная она была, да несчастная — на мужиков ей не везло... Ну да ладно... Мать не помнишь, поди?

— Чуть-чуть... — вздохнул Васёк. — У неё волосы светлые, как пучок соломы.

— Да, не вернулась тогда твоя маманька, пропала где-то, а где — никто не знает... Ты, должно быть, слышал, что у меня ещё сын был... Иваном звали... Ведь тоже сгинул и никто не подскажет, где он сейчас... Эх, кабы знать...

— Дед, — шепнул Васятка, — чего плачешь-то? Не плачь. Видишь, я-то держусь!

Григорий прижал к себе Мать-Груньку и, задыхаясь от слёз, спросил:

— Чего пришёл-то, малец?

— Мужики велели Пашку вашего позвать. Хотят спросить у него: будет война али нет?!

— Иди, скажи им, что такие дураки, как они, случись заваруха, первыми головы потеряют.

Васёк послушно слез с печи, надвинул на глаза шапку, хотел выскользнуть за дверь, но Григорий задержал его.

— Вот, возьми — рублик у меня завалялся. Конфеток купишь. А то обещал тебе из Скопина привезти, да не привёз, совсем закружился.

Обрадованный Васёк выскочил из избы, сбежал с крыльца и хотел пуститься к правлению, но передумал и, покрепче зажав в руке тёплый рубль, заторопился в магазин.

Домой возвращался с папиросой в зубах. Шёл по Князеву, никого не боясь, только перед самым домом, увидев выглядывавшую в окно бабку, выплюнул окурочек.

Курил Мать-Грунька и на следующий день.

— Ты чего это, Васёк? — удивился Павел, выйдя из правления со справкой в руке.

— Нельзя, что ли? — по-взрослому усмехнулся Мать-Грунька и ловко плюнул с правленческого крыльца.

— Мал ещё, чтобы при народе курить-то.

— А я — безотцовщина! Мне можно.

— Как это безотцовщина?

— А вот так: без отца родился...

— Такого не бывает. Отец даже у каждой несчастной баушки есть, а у человека тем более... Другое дело, что... — Павел не договорил и посмотрел на мальчишку так, будто перед ним сидел собственный Сашка. — Но ты всё равно брось это дело. Не привыкай, а то потом захочешь бросить, да не получится.

Подпасок нарочно втянул щёки, затягиваясь, и искусно, будто курил сто лет, пустил дым из ноздрей. Павел хотел у него спросить: «А из ушей-то не наловчился ещё?» — но не спросил, не до того было сейчас. В кармане у него лежала справка о том, что он является членом колхоза, и это обстоятельство позволяло по-иному смотреть в будущее. Ещё летом, когда сняли с бригадирства, он решил на зиму уйти с отходниками. Глядишь, что и заработаешь, а тогда можно и двор поднять, и крышу перекрыть, и заменить в избе балку, под которую ещё летом поставили подпорку.

В этот же день Павел ходил в Большое Село, к Родину — армейскому другу, манившему в артель. С ним он лежал на льду Выборгского залива, и только поэтому отец Родина согласился взять в артель новичка. Когда Павел пришёл, Родин крошил колуном узловатый пень.

— Вот последний добиваю, — сказал раздумавшийся, чернобровый однополчанин подошедшему Павлу. — Мать на всю зиму теперь обеспечили... Ты-то собрался? А то на днях уезжаем.

— Топора путёвого нету...

— Надо было раньше думать! У отца есть запасной, да только он не любит свой топор отдавать: не от жадности, а потому, что плотник с чужим топором — не плотник. Ты бы ходил к своему шурина в Городище... У объездчиков этих топоров — прорва. На любую руку подобрать можно... Может, и наш ещё цел. Со старым клеймом и топорище из клена. Посмотри.

Они ещё о чем-то говорили, но Павел не вникал в смысл болтовни: у него из головы не выходили слова друга о плотнике с чужим топором... Пока Родин складывал в поленицу разбитый пень, он решил сейчас же идти в Городище. Так и сказал:

— Хорошо, что подсказал, я-то и ни к чему.

— Зашёл бы — бражка у нас есть... Балуемся пока с отцом, а то скоро не до этого будет.

— Некогда... Верно ты про топор-то сказанул.

Когда Павел появился в Городище и нашёл Дмитрия, разговор с ним был коротким. Сообразив, за чем пожаловал Павел, шурин отвёл его в чулан и кивнул в тёмный угол. Ос-

---

мотревшись, Павел увидел десятка три топоров: и ржавые, и блестящие, и острые, и шербатые — глаза разбегаются.

— Бери смелей, — подбодрил Дмитрий, — теперь они ничьи — конфискованные... В какие края поедешь-то?

— Мужики сказывают, куда-то под Егорьевск... — отозвался Павел.

— Тогда и вовсе хорошо... Хозяева этих топоров — местные, никто тебя не узнает, можешь даже два взять...

Только после этих слов Павел понял, что Дмитрий издевается, и хотел ему сказать что-нибудь такое... Но сдержался, промолчал и вышел из чулана с пустыми руками.

— Ты чего это?! — усмешливо удивился Дмитрий, а глаза его говорили: «Эх, ты, гольत्याпа, топора своего не имеешь!»

Павел засуетился, сказал, не глядя на шурина:

— Не нашел подходящего... Свой наострю.

— И то верно, — согласился Дмитрий. — Со своим-то инструментом надёжнее и спокойнее, что ни говори...

Расстались холодно. Павел не думал, что у него может вспыхнуть такая злость на шурина, который, собственно, и плохого-то ничего не сделал... А вот поди ж ты! Проходя мимо землянки отшельника, Павел увидел Степана Васильевича.

— Савин, зайди, — окликнул тот, — дело есть.

— Некогда, — отмахнулся Павел.

— Надолго не задержу... — сказал Степан Васильевич и нырнул в землянку.

Через минуту вернулся и подал Павлу истрепанную, тяжёлую книгу.

— Это — Библия, — напомнил отшельник Павлу, — занеси Вере. Она давно просила почитать.

Вернувшись в Князево, Павел к Вере не зашел, а книгу отдал Надёжке.

— Отнеси сестре, — сказал он, — пускай читает.

Как ни устал Павел от дальних концов, а, наскоро перекусив, взялся за топор. Заворочавшись на печи, Григорий подсказал:

— Напильником ничего с ним не сделаешь. Топор надо в кузне оттягивать, чтобы жало звенело, и наждаком потом до ума доводить. Потерпи уж до утра, а утром Алексей за полчаса тебе всё сварганит.

Совет отца пришёлся кстати, только ждать Павлу было некогда. Подхватил топор — и в кузню. Вышел из дома, а навстречу Алексей.

— Стой! — остановил его Павел. — Дело есть. Видишь, — сунул он топор кузнецу под нос, — отец к тебе послал.

— ...Д-дать, завтра приходи, — заупрямился Алексей, — горн уж остыл...

— Сегодня надо сделать, — настойчиво и в то же время умоляюще сказал Павел.

Алексей повернулся и молча зашагал назад. Так же молча раздувал огонь, грел топор и дубасил его на наковальне. Закалив напоследок, он вынул из ушата с водой чёрную, исходящую паром железяку и отдал Павлу. Подумав, достал из-под крыши берёзовый закоптелый обрезок, сказал:

— ...Д-дать, возьми — новое топорище заодно сделаешь...

Алексей никогда не отказывался от угощения, поэтому Павел хотел и сейчас добыть выпивки, но тот не поддержал его:

— ...Д-дать, невелика работа, — сказал он равнодушно и пошёл домой.

Удивительно, но и Павлу в этот вечер не хотелось бражничать. Желание сегодня же иметь готовый инструмент подгоняло его, и когда он расстался с Алексеем, то, придя домой, зажг в кухне лампу, принёс из чулана кусок наждачного камня и начал точить. Павел понимал, что занялся этим в неурочный час — все уже спали, но упрямое желание было сильнее его, и он точил и точил.

Первой не выдержала Акуля.

— И долго будешь швыркать? — спросила она вполголо-са. — Замену отцу сделал? Тот всю жизнь ножи точит, а ты за топор взялся!

— Замолчи, ведьма! — зашипел с печи Григорий. Хотел ещё что-то сказать, но только плюнул и затих.

Павел слов матери будто не слышал и, чувствуя, как всё чаще и чаще она вздыхает, продолжал своё дело. Наконец Акуля не выдержала, тихо подошла к сыну и огрела подвернувшимся веретенном.

— Чего тебе, мать, неймётся-то? Дети и те спят, только ты одна чем-то недовольна. Сказал, пока дело не сделаю — не успокоюсь.

Павел с ещё большим усердием начал скрипеть бруском, словно кто подгонял его, но долго не проработал. Он не услышал, как подошла Надёжка и положила руку на плечо. Павел было дернулся, желая освободиться, но вдруг застыл, взглянув на жену. Если бы она что-нибудь сказала, то он и слушать бы не стал, а то молчит, словно немая... Павел для вида повертел перед глазами блестящий топор, пальцем попробовал лезвие и положил на пол.

— Ладно, — сказал Павел жене таким тоном, будто оправдывался перед ней, — топорище завтра сделаю.

Когда легли спать, Надёжка начала всхлипывать.

— Чего плачешь-то? — спросил он.

От его вопроса она ещё сильнее задрожала, обняла, прижалась к нему мокрой щекой.

— Не уезжал бы, Паш, — чуть слышно пролепетала она. — Вот уедешь, а вдруг война начнётся, и не увидимся больше... Волочаев говорил, что немцы силы копят, не сегодня завтра нападут... У тебя и в уме-то не было куда-то ехать. Тебя дружок большесельский подбил, а ты и послушался его, только не подумал о нас.

Надёжка затряслась в беззвучном плаче. Павел молча обнял её, как маленькую, погладил по голове и не знал, что сказать.

— Ну, хватит, Надёк, не мокрись, — с трудом подбирая ласковые слова, попытался он успокоить её, — сама же говорила, что потолок надо перебирать, а без денег разве это делаешь. Одни балки во сколько станут, досок сколько нужно, да и простенок обновить не мешало бы — кулак над окном проскакивает, хорошо хоть мать глиной на зиму замазала.

— Скоро зерно получим на трудодни — продадим, обойдёмся как-нибудь.

— Ловко придумала: зерно на базар, а самим на картошке сидеть?.. Это не дело — ребятишек морить.

— А вдруг война начнётся, — не успокаивалась Надёжка.

— Перестань голову забивать! — Он прижал её к себе и затих, задумался, потому что сам-то не особенно верил в то, что говорил. Даже больше: он знал, чувствовал, что войны с немцами не избежать, и поэтому он должен ехать. Просто обязан, чтобы быть спокойным, случись какая заваруха.

На второй день Октябрьской Павел собрался в путь. Встав затемно, он побрился, быстро позавтракал, проверил вещи и залез на печку покурить на дорожку с отцом. Обычно Акуля выгоняла мужиков курить на улицу, когда они собирались вдвоём, но тут терпеливо молчала, только открыла до конца задвижку у трубы. Надёжка вела себя в это утро так, будто Павел никуда не уезжал: помогала свекрови по дому и занималась Бориской. Накормив, уложила в люльку, покачала немного и пошла за перегородку к разоспавшемуся Сашке, вечером помогавшему отцу собрать в дорогу мешок. Она присела к сыну на кровать, напряжённо дожидаясь, когда Павел докурит, и когда он, шумно поцеловавшись с отцом, спустился на пол, вышла к нему, припала к плечу и, как недавно ночью, зарыдала.

— Да будет тебе, девка, — подошла к ней свекровь, — авось не на смерть провожаешь... Бог даст, всё ладно сложится.

— Ну, хватит, хватит, — успокаивая, обнял Павел жену, потом подхватил у порога мешок — и в сенцы.

На крыльце задержался, торопливо поцеловал Надёжку, выбежавшую за ним в одном сарафане, и ласково, будто обиженного сынишку, похлопал по плечу:

— Беги, беги в дом, а то застынешь...

— Письмо напиши, как доберёшься до места! — напомнила она и уткнулась в фартук.

К рассвету совсем растеплилось: ветер гнал с юга низкие тяжёлые тучи, и, когда Павел выбрался за Князево, зачастил мелкий, острый дождь, съедавший снег на глазах. Дорога сразу раскисла, и Павел запетлял вдоль вётел, росших на обочине большака.

К вечеру снег растаял, в избу потащилась грязь, и без нужды на улицу никто не выходил — всяк коротал время по-своему. Без Павла сделались молчунами: и в этот день, и на следующий. Редко когда Акуля перекинется словом со снохой, а так всё молчком и молчком. Про Григория и говорить нечего: за весь день не услышишь его голоса, только спичками шуршит. Лишь Сашка пользовался отсутствием отца, насколько хватало сил: что-то двигал по полу, раскачивал лавку, садясь на неё верхом, а когда под родительской кроватью устроил тайник, то большую часть дня проводил в укрытии. Правда, на третий день не утерпел — накакал — и был с величайшим позором осуждён Акулей к аресту и однодневной ссылке под личный надзор деда. Первое время наказание Сашку тяготило, но потом он освоился с положением осуждённого.

— Деда, а почему ты спичками перестал греметь? — спросил он у Григория, заметив, что тот не обращает на него внимания.

— Надоело, — равнодушно ответил дед, но через секунду, что-то придумав, оживился: — Хочешь, научу считать? А то скоро в школу пойдёшь, а счёта не знаешь!

— Угу, — обрадованно кивнул Сашка и подсел к деду.

Григорий взял коробок, показал внуку одну спичинку, спросил:

— Сколько спичек у меня в руке?

— Одна.

— А сейчас?

— Две.

— А сейчас?

— Три...

До трёх Сашка считал правильно, а когда Григорий показал сразу четыре спички, то внук упрямо твердил, что в руке много спичек, и как Григорий ни объяснял — ничего не помогало.

— Домовой и то, наверное, смекалистее тебя! — в сердцах сказал Григорий.

Внук удивлённо посмотрел на деда и робко спросил:

— Деда, а где он живёт?

— Известно где — за печкой! Слышишь, прялкой балуется.

— Врёшь ты, деда... — обиделся Сашка.

— Чего это мне врать. Слышишь? — спросил Григорий и незаметно царапнул ногтём по стене.

— Слышу, — испуганно пролепетал внук и прижался к деду, боясь пошевелиться. Только когда вернулась со двора Акуля, он осмелел и сказал: — Баба, тихо — у нас домовый живёт!

Акуля взглянула на улыбающегося Григория и тоже улыбнулась.

— А ты кормил его сегодня?

— Не-а, — неуверенно ответил внук, поглядывая на улыбающуюся бабушку и пытаясь угадать: всерьёз она спрашивает или шутит.

— Чего же ждёшь-то — когда мать с работы придёт?

Акуля пошла в кухню, вынесла ломоть хлеба и молока в черепушке.

— Вот, накось, отнеси ему, — сказала она внуку, а тот на радостях чуть ли не кубарем скатился с печки.

— Он не цапнет?!

— А ты за печку-то не лазь, а поставь у занавески.

Сашка осторожно опустил на пол блюдо и положил хлеб. Учув молоко, тотчас откуда-то появилась кошка, но Сашка моментально поймал её и безжалостно швырнул за порог.. Когда же после обеда он уснул, Акуля впустила кошку в дом и она, шевеля загривком, быстро вылакала молоко и съела хлеб.

Проснувшийся через час Сашка первым делом побежал взглянуть на оставленную еду и, увидев, что её нет, начал терзать Акулю.

— Баба, дай ему ещё молока, — приставал он.

Когда допёк, она начала втолковывать:

— Да он только раз в день ест... Ведь он маленький, меней тебя, как старичок игрушечный. На голове у него шутовской полосатый колпак, кафтанишко пыльный, бородка красная, нос-курнос и туфли стоптанные... Живёт он лишь в тех домах, где мир и лад, а ты видишь какой неугомонный, разве он уживётся у нас?

Удивлённый Сашка умолк и стал ждать следующего дня, когда, пересилив страх, опять можно будет накормить домового. И так Сашка свыкся с мыслью о живущем за печкой невредном и таинственном старичке, на которого и взглянуть-то страшно, что, помимо обеденного молока с хлебом,

---

постоянно его чем-нибудь подкармливал: то кусочек пирога отнесёт, то морковку положит, то горстку семечек насыплет...

Когда же через месяц Надёжка получила от Павла первое письмо и собралась съездить к нему, Сашка не отходил от матери, приставая с одним и тем же:

— Привези ему колбаски!

— Кому «ему-то»? — будто не понимая, переспрашивала Надёжка.

— Домовому, — прикладывая палец к губам, шептал Сашка.

Она смеялась, обещала привезти колбаски и для домового, и, вздохнув, думала: «Не на что колбасу-то покупать. От Акули денег не дождёшься — на смерть бережёт, а своих-то кот наплакал — на дорогу едва-едва».

Будь на душе поспокойнее, Надёжка и не поехала бы, да приснилось ей перед тем, как письму прийти, будто Павла бык закатал... Когда письмо получила, вроде бы успокоилась чуток, да ненадолго: с Акулей посоветовалась, а она:

— Сашка-то ладно, а с этим, — кивнула на люльку, — чего я буду делать? Ему сиську подавай!

Согласись свекровь, Надёжка, может, и не поехала бы, а после её слов будто кто толкнул. Не по себе стало.

— Мам, да большой он уже, я его кашей кормила, — сказала Надёжка так уверенно, что Акуля только вздохнула, и вздох её говорил: «Что с тобой, девка, поделаешь. Знать, и вправду соскучилась по мужику».

Наутро, уложив в холщовую суму три фунта масла, два круга замороженного молока, меру сушёных яблок, нарядившись в павлопосадский платок, накинув его поверх шали, и белые валенки, взятые у Густы, Надёжка стала ждать попутную подводу. Ходить далеко не надо: как установился зимник, дорога из Пронска в Хрущёво проходила мимо крыльца, только не зевай. Надёжка ждала Ксенофонта Михайловича, но он что-то не появлялся, и она договорилась с почтой, чему даже обрадовалась — через два часа в Хрущёве будет!

Когда усаживалась в санки, увидела проходивших мимо Тимофея Фокина и сына его: они, заметив Надёжку, рассмеялись, а Фокин старший крикнул:

— Никак сухари повезла на подкормку! — и, надтреснуто кашлянув, засмеялся пуше прежнего.

Она отвернулась и сделала вид, будто не слышала обидных слов, подумала: «Погоди, пень замшелый, вот новую избу поставим — по-другому запоёшь!»

— Дяденька, — обратилась к сонному, цыганисто-чёрному вознице, — ты уж не морозь меня — побыстрей довези, а то я мороза пуше всего боюсь.

Выехав за Князево, Надёжка сразу забыла сомнения и заботы, мучившие до последнего часа, когда не знала: оставлять ли детишек на Акулю или попросить Веру? Всё это теперь позади, впереди дорога, встреча с Павлом и немного пугающая неизвестность. Она никогда не ездила на поездах, и теперь, раз за разом вспоминая наставления Григория, представляла, как купит билет, как дождётся поезда, обязательно спросив, её ли это поезд... Она всё так и сделала, и потом, замирая сердцем, поднялась по ступенькам в вагон, села на место, указанное проводником, и чуть ли не через каждые десять минут спрашивала у попутчиков, скоро ли будет Колонна? А когда приехала, то узнала место, откуда можно добраться до Егорьевска-города.

До Егорьевска доехала быстро, в кабине грузовика, а вот там уж набегалась: у кого ни спросит — никто не знает, где селение Островцы. Совсем отчаявшись, она зашла в железостобяной магазин погреться и случайно услышала от бородатого пожилого мужа слово «Островцы». Сразу прицепилась. Мужик приехал за гвоздями для колхоза и долго с продавцом таскал на весы ящики, не обращая на Надёжку внимания. Когда же, рассчитавшись, стал собираться, она жалобно спросила:

— Возьмёте с собой?

— Ящики поможешь грузить?

Надёжка словно ждала этого вопроса:

— Чего ждёшь-то? Берись!

Мужик, как на полоумную, посмотрел на стоявшую перед ним цветасто наряженную бабу и растерянно выдохнул:

— Свят, свят... Да ты после такого ящика рожать не будешь!

— Мне и двоих хватит. Ныне не старое время.

Когда Надёжка подняла с мужиком ящик и понесла к дверям, то сразу примолкла. Бросив ящик в сани, она тяжело разогнулась, а мужик язвительно сказал:

— Это тебе не снопы вязать!

Погрузив ящики, запыхавшаяся Надёжка поспешила сесть в розвальни и прижала к себе суму, а попутчик, понукнув мерина и вытерев подкладкой шапки вспотевший лоб, начал кого-то ругать. У Надёжки в этот момент было отменное настроение, и она не удержалась, спросила, улыбнувшись:

— Кого ругаешь-то, дед?

— Кого, кого... Плотников нынешних... Понаехали косопузики какие-то, топора держать не могут! Гвозди им подавай, без гвоздей у них всё разваливается.

— Уж не наших ли ругаешь? — спросила Надёжка.

Мужик удивлённо покосился, что-то соображая:

— А верно сказать — ваших. Так же, как и ты, о чём ни спроси их, всё «чяво» да «чяво»... Ты к какому едешь-то? Их там шестеро, один одного чуднее.

— Я знаю к какому, — сдержанно ответила она, обидевшись на попутчика, а тот продолжал, почувствовав, что попал в цель:

— Да ты не волнуйся. Нашим девкам и своих парней хватает. Ваш-то один чуть сам себя насмерть не зарубил. Как заморский кенгуру, второй день по бараку сигает. — Мужик от смеха прослезился, будто то, что сам рассказал, только услышал.

— Какой он из себя?

— Чернявый из себя... Ловченный — прыжки метра на два делает, а зовут, кажись, Павлом. Старшой сильно ругается на него. Говорит, что зря взял с собой... — Возница продолжал веселиться, и Надёжку это заело:

— Чего смешного-то нашёл, старый пустомеля!.. Да, видно, у вас тут все таковские.

— А чего мне не смеяться: два трудодня заработал — оно и дай сюда. — Немного подумав, добавил: — А ещё раз так скажешь — пешком пойдёшь!

До самого места больше не говорили. Дорога кружила в заснеженном ельнике, и этот непривычно угрюмый лес действовал на Надёжку угнетающе. Она хотела спросить у молчавшего попутчика, что с Павлом, но не осмелилась, да и не позволила гордость, и она решила: «Если что-то серьёзное — в больницу бы увезли».

Островцы показались неожиданно: дорога вынесла из леса в чистое поле, а за ним — дома. Над одним — дым над трубой.

— Вон их барак, — указал возница кнутовищем. — Весь день дрова жгут, — добавил он укоризненно и остановил лошадь. — Ну, беги, чего ждёшь-то. Мне кладовщика искать надо.

Надёжка и вправду удивилась дыму над трубой, а когда, робко постучав в дверь барака и не дождавшись ответа, вошла в сырое, прокуренное помещение и увидела на плите ведерную кастрюлю, то удивление пропало.

— Есть тут кто? — негромко спросила она.

На дальней кровати кто-то шевельнулся, скинул с себя полушубок.

— Пашка! — вырвалось у Надёжки и, опустив на пол суму, она кинулась навстречу.

От неожиданности Павел с минуту молчал и испуганно тарасил глаза, а потом, убедившись, что перед ним его жёнушка, заулыбался и обнял её.

— Как ты меня нашла? — спросил он, хлопнув себя по щекам, и смешливо завсхлипывал, будто заплакал.

— Так и нашла — по адресу, — ответила Надёжка и покосилась на его замотанную тряпками ногу. — Что с ногой-то сделал?

— Пустяки, — отмахнулся Павел, давая понять, что на эту мелочь не стоит обращать внимания, особенно сейчас.

— Покажи! — пристала она.

Её настойчивость показалась Павлу лишней, и он ответил совсем не так, как говорил только что:

— Ну, топором тюкнул, когда дрова для печки колол... Как там ребята, мать с отцом?

Надёжка хотела спросить: «Кроме тебя тут и дров наколоть некому?» — но не спросила.

— Слава богу, никто не болеет. Дед на печке сидит, а Сашка... А Сашка-то домовым забавляется.

— Каким домовым?

— Дед ему нагородил, что, мол, за печкой домовый поселился, а Сашка теперь забыл обо всём на свете.

— Слушай, — неожиданно сказал Павел, — как Алексей поживает? Мужики хвалят, как он топор закалил... — После этих слов Павел вдруг посмотрел на жену шальным взглядом, зачем-то стал рассказывать о председателе местного колхоза, говорил и ещё о чём-то и всё невпопад, и Надёжка ничего не понимала. Потом он поднялся с койки и, подпрыгивая на одной ноге, направился к двери. Накинув крючок, вернулся. Глаза его блестели.

— Паш, — обо всём догадавшись, прошептала она, — у тебя же нога болит! — но Павел её уже не слушал...

Когда стемнело, в барак вернулись артельщики. Будто не замечая гостей, они говорили шумно, не стесняясь в выражениях.

— Ты ровно знала, что Павел ногу-то рассадил! — сказал Надёжке Родин, знавший её. — Как там наше село?

— Что ему подделается... Сегодня проезжала мимо — на месте стоит... — нехотя ответила она, и на этом разговор оборвался.

Кроме Родина, мужики были незнакомы, смотрели исподлобья и каждый ощупывал взглядом. Когда их взгляды надоели, она подумала: «Уж побыстрее бы вы укладывались спать!»

За ужином сюсявый мужик, видно, старшой, коверкая слова, спросил у Павла:

— Цаво си-то насолил?

— Ешьте, ешьте — получше попьёте, — отшутился тот.

Его никто не поддержал. Только когда принялись за кашу, сваренную Надёжкой на молоке и сдобренную свойским маслом, тот же мужик, довольно сопя, похвалил:

— Вот каса, так каса — объеденье! Оставайся, хозяйка, у нас касеварить — в обиду не дадим.

— Меня детки ждут, — уклончиво ответила она, боясь сказать что-нибудь не так.

— И то верно, мы не для того сюда прибыли, стобы на баб пялиться...

Перекутив после ужина, не обращая внимания на гостью, мужики раздевались и ложились спать. Перемыв посуду, Надёжка задула лампу и, натываясь на кровати, пошла к Павлу. Сняв верхнюю юбку, она залезла под волглое и сальное домотканое одеяло. Этим одеялом накрывалась, наверное, не одна артель отходников, и, представив, что кто-нибудь накрывал им чёрные, растрескавшиеся пятки, она боялась дотронуться до одеяла. Даже почувствовала, чем оно пахло, и её вдруг затощило. Едва сдерживая себя, она надела валенки, накинула шаль и выскочила из барака. Вернулась минут через пять, дрожа от холода. Павел сидел на кровати.

— Ты чего? — спросил он чуть слышно, чувствуя, что мужики ещё не спят.

— Голова что-то закружилась, — шепнула Надёжка. — Как ты только под этой лохмоткой-то спишь?!

Павел закатился беззвучным смехом, прижал к себе дрожавшую жену.

— А днём-то ты под другим одеялом, что ли, лежала? — шёпотом спросил он и опять засмеялся.

В эту ночь она почти не спала: сперва не могла заснуть, прислушиваясь к ворочавшимся мужикам, а когда они всё-таки угомонились, Павел начал прижиматься... Потом он сразу уснул, а она ещё долго слушала, как он во сне тоненько скулит, словно незаслуженно обиженная собачонка, и вытягивает больную ногу.

Поднялась Надёжка раньше всех: затопила печь, напекла две горки блинов, вскипятила чугунок чаю. Мужики блины нахваливали, а когда наелись и напились и стали подниматься из-за стола, сюсявый сказал:

— Спасибо тебе, добрая дуса, за блины, но болей к нам не приезжай... Средь нас такой уговор был, стобы здесь бабы ночами не водились, не в обиду будь сказано...

Надёжка промолчала, а Павел покосился на сюсявого и напряженно прищурился, но никто его взгляда не заметил, мужики дружно пошли на работу, а она начала собираться.

— Приедешь, ничего матери с отцом про ногу не говори, а то будут с ума сходить... Ребят поцелуй за меня, и вот, — достал

из кармана сотенную, — купи им гостинцев... Дал бы ещё, да нету. Вот к весне разбогатею, тогда другой разговор будет.

Напоследок Надёжка перебинтовала мужу ногу, а когда собралась уходить, в барак вместе с облаком морозного пара ввалились вчерашний мужик-возница.

— Ваши артельные послали, — стеснительно сказал он и сел на краешек лавки у входа, но тут же поднялся и мельком взглянул на супругов: — Пока на улице покурю, собирайтесь.

Когда Павел вышел проводить Надёжку, она неловко прижалась к нему:

— Паш, может, вместе поедем?.. Брось ты это дело. Если уж сразу не повезло, то теперь хорошего не жди!

Павел замотал головой:

— Да меня в селе засмеют... Хотя не боюсь этого, боюсь, но пока буду туда-сюда шалтаться, — зима кончится, а если сейчас не заработаешь, то когда?

На том и расстались, и Надёжка, пока пересекали поле, всё смотрела на Павла и махала ему, пока он не слился с бараком. До самого Егорьевска она молчала, а когда добрались до городской окраины, спросила у возницы:

— Сегодня-то, наверное, уж три трудодня выпросишь?

Тот оглянулся, прошипел:

— У, язва!.. — Проехав ещё немного, остановил лошадей. — Слезай! Хватит на дармовщинку кататься.

Надёжка будто этого и ждала: спрыгнула с саней, кинула за спину пустую суму и, веселясь, пошла к центру. Накупив по пути детишкам подарков, она неожиданно оказалась перед железоскобяным магазином и увидела недавнего попутчика, что-то укладывавшего в сани, и ехидно крикнула ему:

— Дядя, помочь? А то надорвёшься — грыжа надуется...

Мужик что-то забормотал и поспешно скрылся в магазине, а Надёжка пошла дальше и вдруг поймала себя на мысли: «Чего же это я веселюсь, чему радуюсь-то?!»

До Коломны она добралась быстро и в поезд села скоро, а вот в Хрущёве застряла: приехала засветло, но попутных саней, как на грех, не было, и ей вспомнилось, как она потешалась над мужиком. «Вот за это меня Бог-то и наказывает!» — думала она, коченея на морозе. Несколько раз возвращалась на станцию и, немного отогревшись в буфете, снова шла к пакгаузу, но до самой темноты уехать так и не смогла.

Окончательно обосновавшись на станции, Надёжка села в угол у печки, не зная, что делать, хотя всё ещё надеялась на чудо, когда кто-нибудь зайдет в зал и, хлопнув рукавицами, спросит: «До Пронска есть кто?» Так иной раз бывало, когда кто-нибудь запоздало возвращался домой и искал себе по-

---

путчика для компании. Но такого никого не нашлось. Пока работал буфет и сновал народ, она особенно не переживала, но когда он закрылся, а позже захлопнулось окошко кассы и в зале ожидания никого не осталось, — сделалось тревожно. «Хоть бы какой завалящий милиционерешко появился!» — мечтала она. Но милиционером и не пахло, а вместо него откуда-то появился бельмастый мужичишка в надвинутой на глаза бараньей шапке. Он подошёл к Надёжке и посмотрел на неё так, будто она заняла его место:

— Подвинься! Расселась тут... — и, не дожидаясь, когда она подвинется, навалился.

От страха не зная, что сказать, она поднялась с дивана и перешла в другой угол, немного успокоилась, но через четверть часа в зал вошли ещё двое, а следом явился и четвёртый. У мужиков появились карты, и они стали играть, крикливо споря, хватая друг друга за грудки и, казалось, не замечали её. Только когда чуток успокоились, пересдавая, тот, в бараньей шапке, встал с дивана и подошёл.

— Чего везёшь-то, купчиха? — спросил он и кивнул на суму.

— Да так... Гостинцев ребятишкам, — еле слышно ответила она, боясь взглянуть на мужика.

— А ну покажь!

Не дожидаясь хозяйки, он полез в суму, выхватил круг колбасы и батон горчичного хлеба. От такой наглости у неё перехватило дух, и, не помня себя, она набросилась на мужика, колотя его кулаками. Картежники засмеялись, а мужик, увернувшись, незаметно, будто и не бил вовсе, ударил Надёжку коленом в живот, и она, не поняв, что случилось, медленно осела на пол. Мужики захохотали, потянулись к добытой колбасе и снова начали спорить.

Отдышавшись, она поняла, какую глупость совершила, набросившись на грабителя... Их же четверо, этих мошенников, хорошо, что у них настроение, как перед большой поживой. Это и спасло. Будь по-другому, они бы избili до полусмерти и суму совсем отняли... Подумав обо всем этом, она продолжала сидеть на холодном полу, боясь пошевелиться и напомнить о себе. Только когда совсем отмерзла лодыжка, она поднялась и, не дыша, села на диван... Вскоре, услышав подходящий поезд, компания снялась; мужик в бараньей шапке хотел что-то сказать, но его окликнули и, выходя, он лишь погрозил ей, показав непристойный жест. Через минуту в зал заглянул железнодорожник в чёрной шинели, осветил фонарём тёмные углы и, заметив Надёжку, спросил:

— Какой поезд-то ждёшь?

— Мне до Пронска...

— А-а-а, — махнул железнодорожник фонарём и вышел на перрон.

Она осталась одна и вдруг почувствовала, что очень хочет пить. Налила из стоявшего рядом бачка полную кружку, но выпила лишь половину: вода оказалась очень холодной и неприятно пахла углём.

Рождение Яблони

Напившись, она не заметила, как задремала, — хотя не собиралась спать, боясь, что стащат суму с остатками гостинцев, — и приснилось ей широкое снежное поле с цветущей яблоней от горизонта до высокого, синего неба. С каждой минутой она становилась всё красивее, Надёжка заметила, что ствол её из золота, цветы — хрустальные и тихонько звенят, когда на них садятся пчёлы. Цветы на яблоне были розовые, синие, жёлтые, они переливались, нестерпимо искрились в лучах солнца, прятавшегося меж ветвей. Ей казалось, что солнце вот-вот опалит цветы, сожжёт их, но вспомнив, что вокруг много снега, что сейчас зима, она успокоилась, как вдруг новая мысль обожгла. «Мыслимое ли дело, чтобы яблоня зацвела в декабре?!» — дивилась она, начиная сознавать, что всё это не к добру, когда в природе зима перепуталась с летом. И действительно: приглядевшись, она увидела зелёную розь под снегом, цветущую в снежных грядках картошку, своего босоногого Сашку, пытавшегося залезть на яблоню. Но Сашка был маленький, яблоня большая, и он не мог допрыгнуть до нижних ветвей, а топтался и топтался на снегу, поджимая красные ноги. Надёжка стала что-то кричать ему, но тут где-то, совсем рядом, громыхнул гром.

Вздрогнув, она проснулась, открыла глаза и увидела у печки давешнего железнодорожника, разбивающего смерзшийся ком угля.

— Всё спишь? — насмешливо спросил железнодорожник.

Его вопрос окончательно привёл Надёжку в себя, и, мелко вздрагивая от холода, она встала, взяла суму на плечо и вышла на улицу. Над Хрущёвом светлела жёлто-серая заря, а над трубами барачков и пересыльной тюрьмы столбами поднимался непривычно едкий угольный дым, обещая погожий день... На этот раз повезло: она быстро договорилась с колхозником из соседней с Князевым деревушки, привозившим родственников к поезду.

Пока ехали, не выходил из головы увиденный сон. Стоило только закрыть глаза, как сразу возникала цветущая яблоня... Надёжка не заметила, как доехала, хотела отдать возни-

---

це оставшийся трёшник, но тот не взял, сказав, что не последний раз видятся. Сойдя с саней, она едва удержалась на затекающих, дрожащих ногах и едва-едва выбралась на перевал. Тут, правда, дорога пошла под уклон, да и она разошлась, разогрелась, и ноги понесли сами собой.

От Мостка, где ссадил мужик, до Князева два километра, и она прошла их очень быстро, но крайним порядком — Отрубамми — пошла медленнее, чтобы не привлекать внимания. У Барского сада услышала чей-то крик, оглянулась, — а это Мать-Грунька вдоль лип бежит, а за ним племянник Фёдор гонится. Догнал, сшиб подножкой в снег, приподнял за грудки и, прицелившись, — в нос ему. Мать-Грунька заверещала, а Надёжка не удержалась, побежала к дерущимся, оттолкнула Фёдора.

— Ты что же это, дубина стоеросовая, маленького обижаешь? — начала она стыдить племянника, вытирая снегом разбитый Васяткин нос. — Ишь до чего додумался! Тебя бы так... За что ты его?

— Он знает за что, — по-бычьему уставившись под ноги, басовито ответил Фёдор.

Васятка вновь залился безудержными слезами, а Надёжка принялась успокаивать его.

— Что случилось-то у вас? — спросила она.

— Он Галю горбатенькую в риге целовал, — покосившись на Фёдора, всхлипывая, вздохнул Васёк.

— У, беда какая!.. Для того и девок Бог создал, чтобы целовать их.

— Так он и шупал её... — совсем расквасился Васёк.

— С тобой, малый, не хочешь, да рассмеёшься! — улыbnулась Надёжка. — А ты чего кулаками сучишь? — прицыкнула она на Фёдора. — Иди домой. Нашёл ровню!

Фёдор вразвалочку пошёл вдоль порядка, а Надёжка повела Мать-Груньку к суме, приговаривая:

— Пойдём-ка, я тебя угощу чем...

Вытерев на Васяткином лице размазанную кровь, она дала ему два бублика, и подпасок вздохнул, успокоился.

— Сейчас куда пойдёшь-то? Хочешь, пойдём к нам — с Сашкой поиграешь.

— Не, тётка Надь, домой побегу. Меня бабка с утра не видала.

— Ну, беги, беги, да Фёдору больше не попадайся, а то ещё наподдаст.

Сказав это, Надёжка пожалела, потому что Васёк согнулся, видно, опять заплакал.

— Её и так Бог счастья лишил, — крикнул он сквозь слёзы, — да ещё этот верзила лапает...

Она больше ничего не смогла сказать Ваську и, вздохнув, отправилась домой. Едва вошла в избу, как выскочивший откуда-то Сашка повис на шее, Акуля тоже радостно закурилась, начала собирать обед, а Григорий даже слез с печи и сел на лавку, широко расставив ноги, словно боялся упасть. Когда сноха разделась, спросил:

— Как там Павел?

— Как все, так и он, — ответила Надёжка скороговоркой, боясь проговориться.

Такой ответ не понравился Григорию, и он едва сдержал себя, чтобы не накричать:

— Расскажешь толком-то или тебя за язык тянуть надо!

— Папань, всё хорошо у него. Работает, вам привет передавал, а ребятам гостинцев прислал...

Но и такой ответ Григория не обрадовал, и, более ни о чём не спросив, он полез на печь, скинув оттуда подвернувшуюся кошку. Тут уж Акуля не выдержала:

— Что ты ко всем пристаёшь-то? Как за водой сходить — тебя не допросишься, а тут мигом слетел... Не видишь, с дороги она, устала — щёки-то как горят!

За обедом Надёжка почувствовала, что действительно устала, даже есть не хотелось. Заметив это, Акуля сказала:

— Сейчас поешь и ложись поспи, дел-то особых нету.

Она, соглашаясь, кивнула, но после обеда оделась и пошла к колодцу за водой, надеясь увидеть цветущую яблоню. Вот только Равкино поле, где жила яблоня, из низины видно не было, это огорчило, и она, еле-еле переступая и сгибаясь под коромыслом, тяжело возвращалась к дому. А на полпути встретившись с Верой, даже не обрадовалась сестре.

— А я к тебе иду, — сказала та. — Люба письмо прислала... Знаешь, что пишет?! — Вера загадочно взглянула на сестру и слишком уж торжественно сообщила: — Она ведь замуж вышла! Уже три месяца как живёт!

— Что же раньше-то не сообщила? К маме на поминки приезжала — могла бы и похвалиться!

— Я так думаю, что она вышла по-новому, без венчания, вот поэтому и молчала, боялась, будем ругать.

— Её и стоит... Что она ещё-то сообщает? — спросила Надёжка и, поморщившись от накотившей слабости, перекинула коромысло на другое плечо. Вера это заметила и ответила вопросом на вопрос:

— Что это ты, девка, больно румяная?.. Не заболела ли! Дай-ка лоб потрогаю...

Вера губами приложилась ко лбу и всплеснула руками:

— Ты что это делаешь-то? У тебя жар... Давай-ка воду понесу.

Сняв коромысло с Надёжкиного плеча, Вера пустила сестру впереди, приговаривая:

— Ты что же это себя не жалеешь? Разве так можно?

Надёжка не отвечала, её сознание вдруг застлала приятная туманная пелена, приглушавшая голос сестры, и, казалось, что она говорит из дальнего далёка. Слова казались расплывчатыми, доносились словно из тумана, убеждали, что, да, она заболела, ей нужно лечь в постель и долго-долго лежать, закрыв глаза. Надёжка чувствовала, что слабость всё сильнее опутывает, давит, сделала ноги и руки ватными. Кое-как она дошла до дому, разделась и, не отвечая на Акулины вопросы, залезла под холодное одеяло. Сразу появился озноб, она накрылась с головой, не в силах сдержать дрожь. Поверх одеяла её укрыли двумя полушубками, и когда она немного согрелась, то ощутила приятную сонливость, сквозь которую, словно из соседней комнаты, различала слова Веры и Акули, не понимая и не желая понимать их смысл.

Это состояние жило три дня, пока держалась температура. Три дня Вера поила сестру отварами трав, давала горькие порошки, прописанные приходившим из Пронска доктором, а Надёжке в эти дни хотелось одного: чтобы оставили её, не тревожили, дали возможность побыть одной. На четвёртый день она проснулась от тишины. Было утро. За окном разгорался погожий день, солнце недавно взошло и, пронизав голый вишнёвый куст, тугими лучами чуть-чуть грело руку. Сноп лучей будто проколол избу посередине, и в нём, кувыркаясь и шевелясь, словно живые, летали невесомые ворсинки. Они кружились в невидимых потоках воздуха, волнами наплывали из сизого полумрака избы, и, исполнив замысловатую фигуру, вновь пропадали, становились невидимыми и превращались в обычный воздух. Это открытие так удивило и обрадовало, что она приподнялась на кровати, пытаясь поймать в ладони летающие ворсинки, но только взбудоражила их, и они, подобно волнам на воде, кругами растеклись в разные стороны, создав живую полосу, упирающуюся в наполовину замёрзшее окно.

Услышав, что Надёжка пошевелилась, за перегородку заглянула Акуля, внимательно посмотрела на сноху.

— Дайте что-нибудь поесть! — попросила она, а Акуля, обрадовавшись просьбе, побежала в кухню.

— Счас, счас тебе супчику горяченького налью, — весело запричитала она и нет-нет да поглядывала на сношеньку, будто проверяла себя: уж не ослышалась ли?

Судорожно лоя ложку, обжигаясь, та съела полмиски и, вспотев от слабости, повалилась на подушку.

— Это ничего, это хорошо, — приговаривала Акуля, — вот отдохнёшь и ещё поешь, теперь дело на поправку пошло.

— Чего ты суп-то в неё пихаешь, — подал с печи голос Григорий, — молока ей сейчас парного попить нужно!.. С парного молока душа отмякает.

— Ей нужно горячего, с салом, а парное не поможет, да и где его взять, если корова вторую неделю не доится!

— К Верке сбегай! Тебя учить всё надо... — Бушуя от негодования, Григорий смачно плюнул и опять замолк.

Акуля ушла за молоком, а в избу тотчас прибежал румяный с мороза Сашка. Он словно ждал, когда матери полегчает, и теперь, обрадованный тем, что с ней можно поговорить, спросил:

— Когда отец придет? А то обещал ножик привезти, а всё не везёт!

— Потерпи, мой хороший... Видишь, солнышко какое жаркое стало, скоро оно снег растопит, тогда и папка вернётся, и будешь ты в ножички на сухом бугорке играть...

Сашка не стал ждать, что ещё скажет мать, и — быстрее за порог. После его исчезновения Надёжка сразу заснула, проспала весь день и ночь проспала, а утром стала помогать свекрови, начав со стирки Борискиных пелёнок.

Через неделю она совсем оклемалась, только по-прежнему мучил кашель, и Акуля сказала однажды:

— Завтра с утра много не ешь, после обеда лечить тебя буду!

И правда, на следующий день, как остыла печь, Акуля настелила в неё ржаной соломы, обрызгала солону мятным отваром, а чугунок с остатками поставила в печь.

— Теперь, голуба, раздевайся до рубашки, — ласково сказала она снохе, — полезай в печь и сиди там, пока терпенья хватит.

Надёжка нерешительно посмотрела на свекровь.

— Да там жарко... — то ли пожаловалась, то ли оправдываясь, сказала Надёжка Акуле, а та осмелела:

— Конечно, жарко! Холода можно и на улице нахвататься!

— Лезь, лезь, кому говорят, — поддержал Акулю Григорий, — если не хочешь чахотку заработать.

Уговорили всё-таки. Приготовившись, поставила Надёжка табуретку к печке, пригнувшись, села на загнетку и бочком-бочком протиснулась в печь. Сразу обдало знойным жаром, влажная солома вкусно пахла мятой, и в первую минуту или две было приятно, даже зябко, как в бане после холодного предбанника. Но это ощущение быстро прошло, и неудержимый пот залил глаза. Она повернулась, чтобы вытереть лицо, и взбила плохо выметенную золу, хватанула полные лёгкие щекочущей пылью и зашлась в кашле.

— Хорошо, хорошо, — доносились Акулины слова, — на пользу идёт, на пользу.

Надёжка не могла ничего ответить, зачерпнула пригоршней мятного отвара, чтобы сполоснуть горло, и подняла новую волну золы.

— Всё, не могу больше терпеть, — закричала она, но до Акули её крик не дошёл. Она слышала сплошное «бу», «бу», «бу», и накрыла ватником снохе голые пятки, чтобы пропотела сноха, так уж пропотела!.. Брыкнувшись, Надёжка скинула с ног ватник и начала пятиться из печи, но бёдра не пукали, и она забилась, как застрявшая в калитке овца.

— Маманька, за ноги тяни! — донёсся до Акули истошный крик снохи, и старая вцепилась в скользкие от пота мозолистые пальцы. Стоявший в стороне Сашка вдруг испуганно завизжал, ему подсобил откликнувшийся из люльки Бориска.

— Ну, завыли, — подал голос и Григорий.

— Иди быстрее, помоги: девка в печи задыхается! — сипло крикнула мужу Акуля, а тот слезать не спешил.

Наконец спустился на пол, подошёл к печи.

— Чего тут у вас? — недовольно спросил он, а Акуля подтолкнула:

— Тяни, тяни, хрен старый. Уставился, бабу, что ли, ни разу не видел.

— Да её разве вытянешь, толстенную! Её и болезнь не берет, как отъелась!

Надёжка не слышала, о чём говорили свёкор со свекровью, лишь почувствовала, как стали тянуть за ноги. Отталкиваясь локтями, она помогала старикам и, не помня себя, вывалилась из печи, поползла к двери.

— Да ты в своём ли уме, — заголосила Акуля, — ещё больше протынешь! Лезь на печку!

Надёжка, как шальная, крутила потной головой, и, опустившись у порога, лежала, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Акуля укутала её одеялом и полушубком, терпеливо дожидаясь, когда она отдышится, приготовила корыто, ведёрный чугунок горячей воды и заставила сноху вымыться. Затем напоила чаем с малиной и уложила в постель.

На следующий день, как по волшебству, кашель почти прошёл, а если и кашлялось, то легко, даже чуть приятно. Только с лица, опаленного жаром, не сходила краснота, и когда Надёжка через четыре дня вышла на работу, бабы смеялись:

— Это кто же тебе щёки-то надрал? Ты уж небритых-то не подпускай!

— А мне Пашка разрешает с небритыми побыть, только недолго.

В первый в новом году выход на работу она напросилась на снегозадержание. После болезни ей хотелось на вольный воздух, хотелось поработать в широком поле, находиться до усталости... И ещё была причина, быть может — главная, из-за которой она пошла в поле: все дни, после возвращения от Павла, её не оставляла надежда ещё раз увидеть цветущую яблоню. Это видение приходило к ней почти каждую ночь, и теперь она тосковала о нём, сожалея, что чудо-яблоня является лишь во сне. А ведь она видела её и днём, когда добиралась из Хрущёва, и хотя, как теперь понимала, была уже больна, но ведь не настолько, чтобы не помнить, что было!

Отработав до обеда, она, отстав от баб, пошла за лес, на Равкино поле, где видела яблоню. Ей казалось, что если уж невозможно разглядеть её издали, то хоть вблизи можно будет что-нибудь увидеть, ей так хотелось этого... Дойдя до большого, она заметила катившие сани и заслонила молоденьким, кудрявым дубком, шуршавшим на ветру медными листьями. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь видел её на Равкино поле, тем более знакомый. А по большаку ехал Ксенофонт Михайлович — какие-то кули из Хрущёва вез. Рядом с ним кто-то сидел. Когда сани проезжали мимо, Надёжка обмерла... В санях был Павел!

— Пашка! — крикнула она на весь лес, и эхо побежало, откликаясь: «Ашка, ашка, ашка!»

Возница остановил лошадь, мужики начали вертеть головами, а она, уже не сомневаясь, что в санях действительно Павел, забыв обо всём, побежала к нему.

От неожиданности он покраснел, что-то забормотал непонятно и стал повторять одно и то же: «Ну, вот, видишь как... Ну, вот, видишь как...» Они пришли в себя, когда только стали подниматься из ложины к Отрубам. Надёжка, счастливо заглядывая Павлу в глаза, спросила:

— Насовсем или на время?

Павел заворочался и с превеликой неохотой выжал из себя:

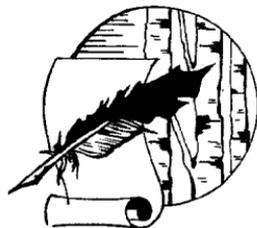
— Насовсем... Нога, стерва, не заживает!

Нерадостное известие кольнуло, напомнило, что Павел, получается, зря мечтал и надеялся поправить хозяйство, но она сразу забыла об этом, не хотела думать, прижалась к мужу и поцеловала его в холодную, колючую щеку, покосившись на моргнувшего Понимаешь ли.

Пока ехали Князевом — молчали. А перед самым домом Надёжка, успокаивая Павла, а более, наверное, себя, шепнула:

— Ничего: всё обойдётся... Вот увидишь, всё обойдётся...

Продолжение следует

Николай РАЧКОВ

В РОДНЫХ ПОЛЯХ

* * *

Это только в России издревле осталось,
Чтобы плакала радость, а горе смеялось.

Это только в России, на подвиги громкой,
Вечно ходит надежда с сиротской котомкой.

Это только у нас смастерили царь-пушку
Не для дела, а так, напоказ, как игрушку.

И такой изготовили колокол медный,
Чтоб и рта не раскрыл он, царь-колокол бедный.

За такое могли только мы лишь и взяться...
Но зато все другие стоят и дивятся.

Все другие глядят и завистливо судят:
Никогда-то у них вот такого не будет...

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВЕНЬКА

Я иду по траве, в эти годы ни разу не кошенной,
Наблюдаю, как шмель пьёт из клеверной чашечки мёд.
Может быть, кто-нибудь в деревеньке вот этой
заброшенной,
Может, кто-то живёт, может, всё-таки кто-то живёт?

Мох зелёный, густой по краям у дорожной обочины,
Кто же трепетно сложит в молитвенном жесте персты,
Если окна крест-накрест давно были здесь заколочены,
А на кладбище ветхом кресты, и кресты, и кресты?

Голоса, голоса... Я их слышу как будто по радио.
Позабуду ли вдов с горькой думой на чистом челе
И кураж мужиков, искалеченных фронтом, израненных?
Это был мой народ, тот, который растаял во мгле.

Только небо звенит над сиреневой тихой окраиной,
Только пруд заглушили осока и грозный аир.
Кто вернётся сюда?
Кто откроет с душою раскаянной
В эти дали калитку, как в светлый затерянный мир?

* * *

В твоих полях я снова молод,
Ты многое напомнишь мне.
Люблю я ивняковый холод
Твоих оврагов по весне.

Люблю я месяца сиянье
Над снежной россыпью берёз.
И расстоянье, расстоянье —
Ослепшее от слёз и гроз.

Кому-то — синих гор верхушки...
А мне милее всё равно
В твоей полночной деревушке
Слезой сверкнувшее окно...

ГРИБНОЙ ДЕНЬ

В речке — щуки да налимы,
В роще — мох как мягкий мех...
Я в берёзовые ливни
Нынче спрячусь ото всех.

Паутинок белых нити
Осторожно развяжу:
— Извините, не звоните, —
Колокольчикам скажу.

Много тут малины спелой...
Но сегодня на дыбы
Под берёзой, белой-белой,
Встали белые грибы.

Это память,
это связь времён.

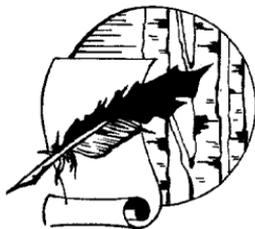
В мелочах забот житейских роясь,
Забываем, где добро, где зло.
Поле — это, братцы, наша совесть,
Посмотрите, вон как заросло...

* * *

Он говорил, что видел Барселону, —
Испания! Страна сплошных чудес...
А я глядел, как медленно по склону
Спускался к долу порыжевший лес.

Он о Париже говорил с тоскою,
А здесь сплошная серость, мол, и сырь...
А я глядел, как светит над рекою
Неугасимо белый монастырь.

А я глядел, как полз туман к воротам,
А я всё слушал около пруда,
Как плачут журавли перед отлётом...
И не хотелось ехать никуда.

Александр ИВУШКИН

ШАГНУ ТЕБЕ НАВСТРЕЧУ

АПРЕЛЬ

Апрель катился, торопясь,
чтобы насытить звон капели,
чтобы проталины успели
ручейную наладить связь.

Чтобы подснежников семья
нашла укромную лужайку
и расселилась яркой стайкой
у кромки талого ручья.

И чтоб побегами трава
из-под сухой листвы сочилась
и чтобы радостью лучилась.
И чтоб — кружилась голова...

И чтобы наполнилась земля
всем тем, чего так не хватало...
И было дней апрельских мало
и счастья для, и песни для.

КАРА НЕБЕСНАЯ

Снова горе с бедой ходят парюю.
Словно времени разрушится счёт.
И с высоких небес Божьей карюю
то — течёт, то — нещадно печёт.

То — морозы и ветры свистящие
мне шагнуть не дают за порог.

То — дожди ледяные звенящие
гнут деревья и валят их с ног!

То — водой подмывает поместия,
то — огнём выжигает леса.

И от страха святого возмездия,
в чёрном небе кричат голоса.

ОСЕННИЕ КАЧЕЛИ

Осенние качели
в ключинах скрипели,
повизгивали жалобно,
    быть может, оттого,
что мы на них качались —
как будто в небо мчались,
как будто в небо мчались
и — падали в него.

Промокшие качели —
как будто песню пели,
как мать мне в детстве пела,
    качая колыбель.

Но почему так грустно,
сжав поручни до хруста,
качаться в этой зыбке
    в осеннюю капель?

Рискуя с них сорваться,
мы брались целоваться,
но под ногами шатко
    качался шар земной.
Предел непостоянства —
качанье, словно пьянство,
где страх паденья чувствуешь
    то — грудью, то — спиной...

Остановлю качели!
Да что я, в самом деле!
Неужто в самом деле —
    себя не одолеть?
Свиданья час не вечен.
Шагну к тебе навстречу,
чтоб тоненькие плечи
    в объятиях согреть!

В ЯРОПОЛЬЦЕ

Что забыл я в этом барском парке,
и брожу — ни свет и ни заря! —
там, где на парадной старой арке
проступает древний герб дворян?..

Мнится мне — за каменной оградой,
продолжая прежней жизни счёт,
звёздный свет мерцающей лампадой
по аллее липовой течёт.

Трав белёсых ровное шуршанье
слышится в остывшей тишине.
Видится — покой и послушанье
старый пруд качает на волне.

Кажется — кувшинки раздвигая,
у косматой ивы на виду,
не луна, а женщина нагая
плавает в русалочьем пруду.

Белых рук неспешные движенья,
белых плеч округлые черты!..
И уже на грани искушенья
дух соблазна был со мной на «ты».

Даже леший зло и обалдело
вдруг затряс в корягах бородой.
Пруд парил, владея женским телом:
мне хотелось стать его водой!..

Чтобы на руках волны неслышной
вынести её из темноты.
Но она сама на берег вышла —
дивным изваяньем красоты.

Наготы от глаз моих не пряча,
встала вся, как есть, на берегу.
Что же не ловлю я миг удачи?!..
Что же ей навстречу не бегу?!..

Что же я застыл у этой грани,
где сочтут, быть может, дураком?!..
Ну а как бы умные дворяне
поступили в случае таком?..

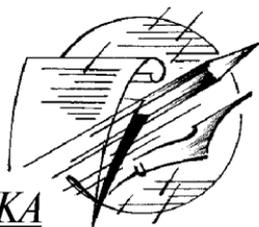
Алексей ШВЕЧИКОВ,
доктор философских наук

ТОТАЛИТАРНАЯ СЕКТА ПО ИМЕНИ США

Методологическая установка

В 1492 году Колумб открыл Америку. В Европе это событие не могло не вызвать неподдельного интереса, потому что в ней к этому времени стала ощущаться явная нехватка земли для наделения ею всех желающих, и борьба за неё стала приобретать всё более жестокие и разнообразные формы. Началась вдохновенная колонизация Америки европейскими народами. В 1614 году было создано некое государственное образование под общим названием — Новая Англия, куда вошло шесть штатов. Так зарождались будущие Соединенные Штаты Америки, хотя эти штаты находились тогда полностью под контролем Англии и считались собственностью английской короны.

Исследовать более или менее обстоятельно все стороны возникновения и развития США в рамках одной статьи невозможно, поэтому мы ограничимся только духовной стороной этого процесса, исходя из того, что именно она является определяющей в развитии любой социальной системы. Мы исходим также из того, что сущностной основой духовной

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

стороны всякого развития является религия, а также разделяем позицию тех философов и историков, которые считают религию основой формирования, развития и умирания цивилизаций. Выдающийся британский историк XX века Арнольд Тойнби называл религию «куколкой цивилизации». Он считал, что формирование новой цивилизации происходит на базе уже сформировавшихся религиозных идей, покоривших умы и сердца основной массы населения данного региона, готовой биться за торжество этих идей и положить, если потребуется, за них свою жизнь. В последующем эта религия становится духовной основой этой цивилизации, обеспечивая её функционирование и развитие. Когда же в силу внешних или внутренних причин (или тех и других одновременно) позиции религии начинают ослабевать, начинается разрушаться и цивилизация.

Джон Блэк утверждал: «Сколь далеко бы вы ни заглянули, основой любого великого государства, любого общества всегда служила религия. Будь то Индия, Китай, Палестина, Греция, Карфаген, Африка или цивилизации Южной и Центральной Америки, везде происходило одно и то же: цивилизации возникали из религии, а когда традиционные верования по тем или иным причинам перестали оказывать влияние на общество, нации погибали».

Исходя из исторического опыта возникновения, развития и гибели мировых цивилизаций, мы можем, с высокой степенью объективности, утверждать, что продолжительность жизни мировых цивилизаций напрямую зависела от качества их духовной жизни, т.е., прежде всего, от состояния их религиозности. Попытаемся определить роль и место религиозного фактора в становлении и развитии США — современного лидера Западной цивилизации, а также понять то, как он повлиял на формирование знаменитого, благоденствующего «американского образа жизни» и как подвел сегодня США к тоталитаризму и фашизму.

Явление американского мессианизма

Мессианизм явление религиозное. Он возник внутри иудаизма на базе сопротивления еврейского народа римской оккупации. Главным смыслом его бытия и национальной целью стало освобождение от власти завоевателей. Они упорно просили своего Бога послать им Мессию (второго царя Давида), под мудрым руководством которого сбросят чужеземное иго и обретут желанную свободу. Самыми активными проводниками этой идеи были *фарисеи* — секта, образовав-

---

шаяся внутри иудаизма. Когда же на земле иудейской появился посланец Бога — Иисус Христос, т.е. желаемый иудеями Мессия, и начал, вместо призывов к борьбе с оккупантами, проповедовать новую религию, они отвергли Христа и распяли Его.

Нельзя проигнорировать тот факт, что болезнью фарисейства страдали *пуритане*, составившие духовное ядро первых переселенцев из Европы в Америку. Они, как и фарисеи, верили в свою богоизбранность и в свою мессианскую роль на «новой земле» и под «новым небом», будучи убеждены, что Бог открыл им эту землю и поселил их в ней для того, чтобы создать здесь земное царство Божие — «город на холме». «Пуритане, — писал американский историк Артур Шлезингер (младший), — не просто отправлялись за океан, чтобы поселиться на необжитых землях. Они отправлялись за океан, ведомые высочайшей, с их точки зрения, идеей создания «града на холме», нового общества, создаваемого «с чистого листа» на основе единственно верного учения. Пуритане сплошь и рядом были настроены весьма фанатично, но именно эта узость взгляда обеспечивала им бешеную энергию, невиданный напор в достижении поставленной цели». Главную и конечную цель своей божественной миссии они видели в спасении человечества, развращённого грехом и идущего к неотвратимой гибели.

Святую цель поставили перед собой пуритане. Но святая цель может достигаться только праведными средствами. Именно здесь и начинались серьезные перекосы в обеспечении единства и соответствия цели и средств. Пуритане убедили себя в том, что святость и величие целей и задач, поставленных перед ними самим Богом, позволяют им использовать любые средства для их достижения. Они посчитали, что во имя достижения святой и великой цели сам Бог благословил их на вседозволенность. И здесь вольно или невольно напрашиваются вопросы. Мог ли, например, Бог благословить пуритан, и вообще пришлых европейцев, на зверское уничтожение коренных жителей Северной Америки — индейцев или изуверское отношение к рабам, вывезенным из Африки, когда для христианского Бога нет ни «ни эллина, ни иудея» и все народы — его дети, и все равны перед Ним. Все люди — братья. Вот христианский принцип устройства отношений между народами, независимо от их положения в мире и цвета кожи. Возникает также вопрос и о том, с чего взяли пуритане свою убежденность о возложенной на них Богом миссии строителей земного рая, когда никому христианский Бог этого земного рая не обещал, а говорил только

о Царстве Небесном. И, наконец, самое главное: когда, где и при каких обстоятельствах, через каких святых или пророков Бог назвал пуритан «избранным народом» и уполномочил их на строительство Царства Небесного на земле и управление другими народами земли? Это всё — не более чем бредовые мечтания протестантских проповедников и учителей, которые недопустимы, ибо они противоречат христианской эсхатологии. Уравнивать эти мечтания с пророчествами Ветхого и Нового Заветов — кощунство. Поэтому мессианизм и богоизбранность, которые приписали себе пуритане, есть элементарное самозванство и богохульство, присущее всякому сектантству, а пуритане — одна из сект кальвинизма. Отсюда идет их агрессивность и напористость.

Трагедия США как самостоятельной цивилизации заключается именно в том, что она стала строиться на ложной духовной основе. Этой основой стало извращенное христианское учение одной из протестантских сект под названием — *пуританство* (или пуританизм). Почти два столетия оно господствовало на духовном поле США, пока не распалось на множество дочерних сект, как правило, ещё более обманных и амбициозных, чем оно само. Это пагубно повлияло на развитие американской национальной культуры, христианской теологии, философской и политической мысли США. В духовном плане длительное духовное лидерство пуританства с его сектантской идеологизированной и политизированной теологией привело к духовной национальной деградации и превращению США в самую сектантскую страну христианского мира. Оно закрепило и гипертрофировало в сознании американцев обманную и авантюрную идею мессианской роли США в мире и права США не только на мировое лидерство, но и на господство над всем земным миром. Особенно прочно две эти идеи закрепились в сознании американских политиков и общественных деятелей.

Воистину нет числа высказываниям по этим вопросам различных американских деятелей в разные эпохи. Отношение к нему стало неким мерилom американского патриотизма. Приведем хотя бы некоторую часть из них, но сначала заметим: уже пуритане были убеждены, что Новая Англия — «это то место, где Господь сотворит новое небо и новую землю», что в процессе этого сотворения людям, верующим во Христа, предстоит выдержать величайшие страдания во имя великой цели. Они были убеждены в том, что Бог хранил эту землю до тех пор, пока ветер религиозной Реформации не очистил церковь, а Господь не указал путь к истинной вере. На этот путь и встали избранные Богом люди-пуритане.

Здесь мы наблюдаем, как идея мессианизма плавно переходит в идею богоизбранности определенной части людей, которые отмечены Божией благодатью. Заметим также, что на основе мессианизма и богоизбранности рождается идея водительства (лидерства) американского народа по отношению к другим народам мира, которая постепенно перерастает в идею единоличного руководства Соединенными Штатами Америки всеми странами и народами мира, т.е. в идею мирового господства этой страны.

Пуританские идеи о мессианизме и богоизбранности Америки и её народа из религиозной (духовной) сферы постепенно перешли в область политики и идеологии. В результате чуть ли не каждый американский президент считал необходимым высказаться по этой проблеме. Первый президент США Д. Вашингтон утверждал, что сохранение в мире священного огня свободы и справедливости, а также республиканской формы правления «справедливо считаются зависящими от эксперимента, доверенного рукам американского народа». Нельзя не обратить внимание на то, что по мере того, как Америка набирала силу и своё влияние в мире, мессианизм и богоизбранность Америки и её народа начинают переходить в идею её безусловного лидерства в мире, а потом и в идею мирового господства.

Президент США начала XX века В. Вильсон был однозначно категоричен в вопросе видения исторической роли и предназначения США: «Мы пришли, — заявлял он, — спасти мир, дав ему свободу и справедливость». В его понимании, стало быть, речь должна идти о США не просто как о некоем мировом лидере, а как уже о спасителе мира. Ему вторит президент Г. Трумэн: после окончания Второй мировой войны, заявляет он, судьба «возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром». В конце XX столетия идею американского руководства миром, несколько приглушенную периодом «холодной войны», стал активно возрождать президент США Р. Рейган. Он настойчиво навязывал мировому сообществу веру в то, что США не случайно оказались на Американском континенте, а по Божьему Промыслу. Поэтому на США «лежит ответственность гаранта свободы и мира». Америка и её народ, по мнению Рейгана, это источник и воплощение добра, которому противостоит «империя зла». Этой империей зла Рейган провозгласил существующий тогда СССР.

Идеей священного Богом права Америки на руководство миром были заражены не только президенты, но и все слои американского общества. Этот дух мессианизма, господству-

---

ющий в американском обществе, знаменитый американский писатель XX века Герман Мелвилл выразил так: «Мы, американцы, особые, избранные люди, мы — Израиль нашего времени; мы несём ковчег свободы миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих душах. Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас... Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришел политический мессия. Но он пришел в нас».

Необходимо заметить, что в последние десятилетия мессианские настроения в американском обществе значительно активизировались и нашли выражение в публичных выступлениях политических и общественных деятелей США. Претендент на пост президента США на выборах 2012 года от республиканской партии Митт Ромни (член секты мормонов) в одном из своих предвыборных выступлений заявил: «Бог создал эту страну не для того, чтобы наша нация следовала за другими. Судьба Америки не в том, чтобы быть одной из нескольких одинаково сбалансированных мировых держав. Америка должна возглавлять мир, или это сделает кто-то другой. Без американского руководства, без ясности американских целей и решимости мир станет более опасным местом, а свобода и процветание, несомненно, падут одними из первых» («Русский вестник», №22, 2011 г.).

Одновременно с этим усилился и агрессивный характер мессианских настроений. Так, гуру американской внешней политики Генри Киссинджер в одном из своих интервью для печати выступил с угрожающим заявлением: «Мы построим новый мировой порядок; останется лишь одна супердержава, и она будет мировым правительством. Не забывайте, у Соединенных Штатов лучшее оружие, у нас есть такие штуки, которых больше нет ни у одного государства, и мы познакомим мир с этим оружием, когда наступит время...» («Завтра», №36, 2013 г.).

Вот чем заканчивается религиозная идея мессианизма и богоизбранности. Сектантски обработанная и доведенная до абсурда, она теряет всякий религиозный смысл и становится чисто светской политической идеей, опасной для человечества. К сказанному надо добавить то, что на формирование американского мессианизма оказало большое влияние американское масонство, которое расцвело пышным цветом уже при отцах-основателях США, а сегодня стало неотъемлемым элементом американской внутривнутриполитической и духовной жизни. Как пишет О.А. Платонов в своей книге «Россия и мировое зло», к середине XX века число членов масон-

---

ских лож и организаций в США составило около 50 млн. человек. Внешнюю и внутреннюю политику США делают сегодня люди, принадлежность которых к масонству обязательна. Американские масоны считают США «масонским государством», «великой масонской сверхдержавой».

Пуританизм и провинциализм

Мы рассмотрели пуританизм и масонство как методологическую основу духовной жизни США от её начала до современности. Теперь возникает необходимость исследования его сущности. Пуританизм (от лат. *puritas* — чистота) — одна из тоталитарных протестантских сект. Она возникла в Англии во второй половине XVI века. В 1603 году в связи с конфликтом, возникшим между руководством секты и английским королём Яковом I по вопросу отношения к папизму, она была изгнана из страны в Новую Англию, бывшую тогда колонией английского королевства. Базовой религиозной основой пуританизма стал кальвинизм, поэтому, естественно, основные положения теории и практики пуританизма были взяты из учения Жана Кальвина — второй по значимости (после Лютера) фигуры религиозной европейской Реформации XVI—XVII вв.

Обозначим наиболее значимые положения идей кальвинизма, которые были взяты на вооружение пуританизмом. К ним необходимо отнести в сфере *религиозной*: безусловное и точное следование требованиям Библии; непримиримая вражда к католицизму; бескомпромиссная борьба с суеверием и язычеством; отказ от епископата; выборность клира; нетерпимость к инаковерию; отделение церкви от государства, свобода церкви; устранение церковных привилегий и т.д. В сфере *нравственной*: моральные принципы и нормы кальвинизма вытекают из учения Кальвина о Божественном Предопределении. Кальвин считал, что папизм умалил силу Божию и исказил истинное понятие о Боге. Воля же Божия господствует во всем и везде. Бог, по Кальвину, сам определяет тот узкий круг людей, которые предназначены к спасению, но знать об этом они не могут. По каким принципам Бог определяет эту группу людей, нам неизвестно, поэтому любой верующий может оказаться в этой группе. В то же время несомненно, что творящий зло будет наказан Богом и исключен из списка спасаемых, если он в нем раньше состоял. Но и добрые земные дела не гарантируют спасения, потому что добрые и злые дела людей служат только для исполнения Божьих предначертаний.

Мораль кальвинизма аскетична и рационалистична. Воин Христа, по мнению одного из проповедников пуританизма Джона Мильтона, должен быть человеком строгим и важным, он должен остерегаться легкомыслия и болтливости, стремиться к полному самообладанию, проявлять воздержание во всем. Он должен ненавидеть роскошь и лень, быть прямойлинейным, жестоким и нетерпимым к своим врагам. В своей жизни пуритане руководствовались и другими кальвинистскими принципами и нормами: осуждением праздности и расточительности, культом трудолюбия и трудового успеха, упорством в осуществлении поставленной цели, стоическим отношением к жизненным трудностям и неудачам, надеждой на поддержку Провидением веры и земных дел пуритан. Однако вместе с этими позитивными принципами утверждались и поощрялись и иные жизненные установки: стяжательство и стремление к обогащению; вседозволенность действий сильного и богатого, т.е. господства грубой силы и денег; лицемерие, прикрываемое рассуждениями о свободе, демократии и справедливости; понимание культуры как товара, который покупается за деньги; презрение к европейской культуре как культуре не народа, а аристократии; отвержение аристократии как класса бездельников и тунеядцев (отсюда следовал вывод — нам нечему у них учиться и незачем им подражать).

В сфере *политической* пуритане, следуя кальвинистским установкам, осуждающим папизм, выступали за отделение церкви от государства и категорическое невмешательство государства в дела церкви. Столь же категорически пуритане отвергали монархическую форму правления и отдавали предпочтение республике. В выборе формы правления в США позиции пуритан вполне совпадали с позициями отцов-основателей Америки, хотя последние пуританами не были и вообще особых симпатий к религии не испытывали. Томас Пейн, например, считал, что религия, независимо от её учения, служит средством угнетения и орудием деспотизма. На аналогичных антирелигиозных (а точнее сказать, антицерковных) позициях стоял и другой отец-основатель — Томас Джефферсон. Будучи страстными сторонниками естественного права и противниками всякого насилия, они считали религию орудием духовного насилия над человеком, хотя наличие Бога и не отвергали. В отличие от Кальвина, делившего людей на предназначенных к спасению и не предназначенных к нему, отцы-основатели считали всех сотворенных Богом людей равными в правах. Их идея равноправия, на реализации которой они так яростно настаивали, нашла

отражение в Декларации независимости, принятой конгрессом США в 1776 году. В ней, в частности, было сказано: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью». Наверное, Пейн и Джефферсон пришли бы в ужас при виде того, что творят сегодня их одичавшие потомки под сенью этой Декларации.

Пуритантизм стал духовной основой многих изъянов в американском мировоззрении. Он породил, в частности, специфический американский *провинциализм*, который существенно повлиял и влияет до сих пор на все основные сферы жизни США. В Древнем Риме провинциями назывались удаленные от столицы (Рима) территории, завоеванные Римом. Каждая из этих провинций имела свою специфику и претендовала на особое к себе отношение митрополии. В этом мы можем убедиться на примере древней Иудеи, провинциализм которой проявлялся наиболее наглядно и приводил к напряженным отношениям с Римом. Провинциализм — это местечковая идеология, рожденная удалением от главного ценностного центра и претендующая на свою оригинальность и самостоятельность в религии и культуре. В Древнем Египте, например, в каждой из сорока провинций (номов) была своя столица, свой местный фараон (номарх), свой главный храм и свои боги. По пути провинциализма и изоляционизма пошли сначала Новая Англия, а затем и США.

В области *духовной* пуританизм выступил с претензией на роль главного защитника чистоты и истинности христианства. Главным врагом истинного и непорочного христианства пуритане объявили католицизм (папизм), развративший и разложивший, по их мнению, христианство изнутри. Поэтому одной из основных жизненных задач пуританина объявляется жесткая и непримиримая борьба с католицизмом. Кроме ненависти к католицизму пуританин должен формировать внутри себя неприязнь ко всему чужому. Призванный строить «новую землю под новым небом», пуританин не может использовать старые нормы и принципы жизни, заведшие человечество в тупик. Пуританин должен помнить, что он принадлежит к «избранному народу», выполняющему определенную Богом миссию по строительству Царства Божьего на «новой земле». Он не обычный человек, а избранник Божий, Его верный слуга и защитник, проводник Его воли. На старой земле, где он жил прежде, всё было неправильно и греховно. На новой земле всё должно твориться только по воле Божьей и под Покровом Божиим. Всё, что

мешает осуществлению этой воли, должно быть безжалостно отброшено: погрязший в грехе европейский мир должен быть отвергнут и забыт, дикие племена индейцев-язычников, занимающих «священную землю», должны быть уничтожены, тяжелую и грязную работу, унижающую «избранников Божьих», должны выполнять вывезенные из Африки рабы-язычники. Новое христианство должно быть очищено от всякой грязи и приведено в соответствие с Божественным замыслом.

Пуританские идеи вышли за рамки религии и оказали значительное влияние на формирование государственной идеологии США и её провинциализма. Вслед за пуританизмом она отвергла монархическую форму устройства государственной жизни, которая была принята в то время в большинстве европейских государств. Но, даже избрав республиканскую форму правления, отцы-основатели США и здесь проявили присущий пуританизму провинциализм. Они объявили о том, что их республика не будет копировать своих исторических предшественников, а пойдет своим путём и будет строить лучшее в истории государство. Сегодня мы имеем возможность убедиться в «совершенстве» этой «лучшей» республики. О.А. Платонов вынес ей такой приговор: современная «Америка — это не государство и не нация. Это просто большая территория, где временно проживают выходцы из разных стран. Главное в том, что Америка лишена фундаментальной основы прочной государственности — национального ядра, государственного народа». Возможно, отцы-основатели США именно отсутствие этого ядра и посчитали главной новизной в истории республиканизма или же они просто проигнорировали основополагающие принципы государственного строительства. Но, так или иначе, мы видим сегодня, как Америка ведет себя во внешней политике: не как ответственное государство, а как взбунтовавшаяся и неуправляемая провинция. Если представить земной мир как одно большое государство, то современная Америка очень похожа на эту неуправляемую провинцию.

Пуританский провинциализм, перешедший в государственную идеологию Америки, оказал пагубное влияние на формирование и развитие американской культуры. Игнорируя католицизм, он неизбежно игнорировал европейскую культуру, развившуюся на христианских ценностях. Испытывая откровенное пренебрежение ко всему чужому, протестантизм проявил острую неприязнь к европейским элитам, а особенно к аристократии, которую он посчитал паразитическим классом, тунеядцами и бездельниками. Между про-

---

чим, один из таких «бездельников и тунеядцев» французский аристократ Алексис Токвиль в середине XIX века побывал в США, а потом написал книгу «О демократии в Америке». Сегодня является общепризнанным фактом: никто ни до, ни после него не проник так глубоко в суть явления американской демократии, её плюсов и огрехов, её состояния и перспектив. Сегодня ни один маститый американский политолог или социолог не обходится без того, чтобы не процитировать мысли этого аристократа о неаристократической Америке, в которой аристократию заменили денежные мешки и голливудские «звезды».

Ясно одно: провинциализм и здесь сыграл над Америкой злую шутку — не позволил создать культуру, достойную великой страны, которой она стала в XX столетии. Святое слово «культура» американцы превратили в бранное слово «маскульт». Здесь они преуспели и задают тон, доказывая миру еще раз, что истинной культурой может быть только национальная культура, а не её суррогат. И еще: культура не товар, она не покупается за деньги, как посчитали американцы, а создается веками силой народного духа, горячего сердца и творческого порыва. Этого процесса Америка не прошла, не выстрадала. Став великой страной в области экономической, социально-политической и военной, Америка не стала страной великой культуры, а ограничилась лишь отдельными прорывами в её различных направлениях. Повинна в ограниченности американской культуры и та духовная среда, которая формировалась под воздействием сектантской религиозности и сектантского провинциализма, а также потребительской идеологии.

Негативное воздействие на развитие культуры оказала и та система образования и воспитания, которая сложилась в США. «Американская система воспитания и образования, — пишет О.А. Платонов, — плодит духовных идиотов. Ни в одной другой стране не увидишь столько тупых, бессмысленных лиц, как в США... Американцы — самые скучные собеседники, их интересы почти всегда вертятся вокруг четырёх вещей: деньги, покупки, машины и секс. Почти половина американцев, окончивших среднюю школу, функционально неграмотны, т.е. не умеют нормально читать и писать». Таковы плоды той провинциальной установки, которая гласит: «Мы, американцы, лучше и выше всех по определению, потому что мы — граждане самой лучшей, самой успешной и самой могучей страны земного мира, и нам всё позволено». Но с такой идеологией можно сломать себе шею, что, очевидно, и произойдёт с Америкой в обозримом будущем.

Христианство или антихристианство?

Основатели американской религиозности — пуритане были убеждены, что они утверждают на земле Америки самое чистое, неизвращенное, истинное христианство. Эта убежденность в непорочности и совершенстве своего учения и благочестии религиозной практики пуританизированного христианства глубоко вошла в религиозное сознание сначала первых переселенцев, а затем и граждан образовавшегося здесь государства по имени Соединенные Штаты Америки. Убежденность в том, что американское христианство есть самое правильное и совершенное на планете, сомнению со стороны американцев не подвергалось никогда и держится до сих пор, как и то, что американцы — самый религиозный в христианском мире народ. В начале наступившего XXI века знаменитый американский социолог и политолог Самюэль Хантингтон писал: «...Американцы — один из самых набожных народов на Земле; уж во всяком случае, они значительно превосходят в этом отношении жителей других промышленно развитых стран». Здесь же он сообщает, что от 80 до 85 процентов американцев идентифицируют себя как сторонников христианства. Всё это, считает Хантингтон, дает основания для того, чтобы считать США самой верующей страной христианского мира.

Сначала христианской была объявлена Новая Англия, а затем и США. Для того чтобы христианский характер этого государства имел не только религиозный смысл, но и правовую основу, в 1892 г. Верховный суд США объявил: «США — это христианская страна». В последующем американские президенты считали своим долгом подтвердить этот факт. В 1911 г. президент США Вудро Вильсон заявил, что Америка родилась христианской страной и её задача — подавать пример ревностного соблюдения заповедей, изложенных в Священном Писании. Америка, утверждал Франклин Рузвельт, зиждется на христианских принципах. Гарри Трумэн считал, что американский народ — это христианский народ. Рональд Рейган был убежден, что Бог создал Америку самой благородной страной на свете, потому что в ней живут самые свободолюбивые люди.

Даже пронизательный и глубокий мыслитель Алексис Токвиль был немало удивлен религиозностью американцев. «Первым, что меня поразило по прибытии в Соединенные Штаты, — писал он, — была религиозность страны; и чем дольше я здесь находился, тем более отчетливо выдвинулись мне грандиозные политические последствия подобного положе-

---

ния вещей». К сожалению, Токвиль не уточнил, что он имел в виду под грандиозными последствиями. Мы же видим сегодня эти последствия воочию, и они не внушают ни восторга, ни оптимизма.

Образ США как самой христианской страны в мире и американского народа как самого религиозного народа христианского мира навязчиво рекламируется и пропагандируется американскими средствами массовой информации в целях создания видимости глубокой религиозности современного американского общества и, следовательно, его высоких нравственных принципов и шкалы жизненных ценностей. Для подтверждения и удержания этого «религиозного образа» в глазах мирового сообщества, а также собственного народа, в США регулярно различными исследовательскими центрами проводится замер состояния религиозности среди населения. Исследования, проведенные в начале этого века, выявили следующую картину: 90% американцев верят в существование Бога, около 60% признают религию основой жизни, более 60% верят в загробную жизнь, 65% — прихожане различных церквей и синагог, 37% бывают в церкви не менее одного раза в неделю, около 30% посещают церковь только несколько раз в году, около 20% церковь вообще не посещают, 10% населения США объявляют себя атеистами.

Но всё ли так безоблачно в этой «религиозно-образцовой» христианской стране с христианской религиозностью? Многие консервативно настроенные американцы бьют тревогу по поводу того, что Америка расхристианивается пугающими темпами. Показательна в этом отношении книга бывшего советника президентов США Никсона и Рейгана, кандидата в президенты США от республиканской партии на выборах 1992 и 1996 годов Патрика Дж. Бьюкенена. Он считает очень тревожным, что опрос, проведенный в США на стыке XX и XXI веков, показал: 62% молодых людей признали, что религия теряет влияние на американское общество. Еще более неутешительным стало то, что только 42% опрошенных считают христианство единственно истинной религией. И еще один очень важный показатель: 62% протестантов и 74% католиков заявили, что для них все религии одинаково значимы. Тревожным, по мнению Бьюкенена, является и то, что набирает темпы стремление протестантских и католических священнослужителей соединить христианство с массовой культурой. В своей книге Бьюкенен приводит массу фактов выдавливания религии (христианства) из сферы образования, правового поля и культуры. Он считает, что особую активность по расхристианиванию Америки враждебные ре-

---

лигии силы стали проявлять после выхода в свет в 1973 году так называемого «Гуманитарного манифеста», сочиненного либералами. Одной из главных причин торжества творцов «Гуманитарного манифеста» Бьюкенен считает возникшую в американском обществе тенденцию уступать без боя религиозное поле врагам христианства во имя достижения каких-то узко практических целей и задач.

И здесь возникает вопрос: а, собственно, что защищать-то? Да и вообще христианскую ли веру призывает защищать Бьюкенен? Не подделкой ли под христианство является то, что в течение нескольких веков исповедовали американцы? Поэтому в начале необходимо выяснить, что представляет собой современное «американское христианство», каковы его сущностные основы, а затем посмотреть на реальные плоды реализации этих основ. Тогда мы и получим более или менее объективную картину религиозного состояния современного американского общества и сможем судить о том, насколько она соответствует провозглашаемому лозунгам о том, что Соединённые Штаты — самая верующая страна в христианском мире. Во что же и как верит эта самая верующая в мире страна и её народ?

Исследователи американской идентичности едины в том, что Америка — это протестантская страна от первого до сегодняшнего дня, ибо и сегодня более 60% населения идентифицируют себя с протестантством. Что же такое протестантизм? Это отколовшееся от католической церкви в процессе религиозной Реформации в Европе в XVI—XVII веках течение, извратившее основы христианства и представляющее собой конгломерат многочисленных сектантских объединений, объявляющих себя христианскими. Большинство этих сект по своему характеру, целям и задачам имеют деструктивный, тоталитарный характер и опасны для общества. В мае 2001 года во Франции был принят новый закон о религиозных сектах, в котором перечислены основные признаки этих псевдохристианских организаций и суть их деятельности. Согласно этому закону для них характерны следующие признаки:

- дестабилизация сознания вовлеченных в организацию людей;
- навязывание своим адептам необходимости разрыва всех связей с прежним окружением;
- покушение организации на физическое здоровье своих членов;
- вербовка и вовлечение в свою организацию людей детского возраста;

-
- антиобщественные призывы, обращенные к своим адептам;
  - нарушение существующего общественного порядка;
  - нарушение правовых и этических норм, установленных в обществе;
  - финансовые махинации, уход от налогов;
  - попытки проникновения во властные структуры.

Я бы добавил к перечисленным в этом законе признакам деструктивных, тоталитарных сект еще такие существенные признаки, как: формирование рабской преданности секте и её руководству; душение любых попыток проявления инициативы без одобрения руководства секты; полное исключение членов секты из процесса общественной жизни; воинственная неприязнь к другим аналогичным организациям и их адептам; полное изменение сознания и поведения своих членов и превращение их в верных рабов секты.

Если наложить перечисленные признаки деструктивных тоталитарных сект (а это вполне логично, учитывая то, что США — протестантская страна, а протестантизм есть конгломерат многочисленных сектантских объединений) на внутреннюю и внешнюю деятельность государства, именуемого Соединенными Штатами Америки, то мы обнаружим их безусловное сходство. Их объединяет фактическое тождество методологии, основополагающих принципов и используемых методов обработки как отдельных субъектов, так и целых обществ. Методы подготовки и осуществления так называемых «цветных революций» один к одному повторяют методы вербовки и обработки сознания людей в тоталитарных религиозных сектах. Методы те же, разница только в масштабах их применения. Едино и их цели: изменение сознания адептов (или целых сообществ), полное отторжение их от порядка и ценностей прежней жизни и социальной среды, формирование враждебного отношения к прошлому и фанатической преданности к сектантскому настоящему как единственно верному и достойному образу жизни. Приложите всё это к современным трагическим событиям на Украине, организованным и руководимым Америкой, и вы убедитесь в их сектантско-провинциальном характере.

Большая тоталитарная секта по имени США попыталась сделать такую же секту из Украины, но наткнулась в ней на активное и упорное сопротивление православного русскоязычного населения и спасовала перед ним, пока отступила. Этот факт говорит о том, что США не извлекают уроков из своих прежних просчетов. В лихие 90-е годы прошлого века они попытались сделать нечто подобное с Россией. На нас

были брошены сотни и тысячи закордонных религиозных миссионеров, многие десятки всевозможных сект американского и восточного происхождения. Их цель была совершенно понятна — разрушить, растащить по бесчисленным сектам духовное поле России. Продажная российская власть того времени делала все, чтобы помочь духовным оккупантам России осуществить эти цели. Однако русский православный народ, ведомый своим духовным наставником — Русской Православной Церковью, не позволил осуществить эти преступные планы. Эта атака на Россию была отбита, а вместе с ней была похоронена и идея цветной революции в России. Расколотая украинская церковь оказалась не в состоянии остановить процесс нагнетания антиправославных тенденций и оголтелой русофобии в украинском обществе, что и привело сначала к военному перевороту, а затем и к гражданской войне на Украине.

Анализ духовного состояния современного американского общества и трагедия Украины еще раз подтверждают веками и тысячелетиями проверенный духовным и историческим опытом человечества факт: какова религия, такова и цивилизация, каково состояние национально-государственной религии, таково состояние общества и человека. Духовно-религиозное состояние современного американского общества без всяких натяжек можно назвать катастрофическим и опасным не только для него самого, но с учетом того, какую роль в современном мире играют США, опасно для всего мира. Оно вдвойне опасно потому, что американская элита на словах неколебимо убеждена в святости своих политических целей и задач и непорочности своей плюралистической религиозности. Верить в искренность этой убежденности невозможно, ибо лицемерие и обманная духовность заложены в сами основы религиозной жизни Америки пуританизмом, одной из наиболее воинственных и непримиримых протестантских сект. Главным фактором и причиной духовной трагедии США стал *протестантизм*.

Рождение протестантизма нанесло поистине нокаутирующий удар по западному христианству, который привел к опротестаниванию и либерализации католицизма. Протестантизм — не христианство. В лучшем случае — это лишь его тень, его внешняя сторона, да и то не вся, а лишь какая-то её часть. Что касается души христианства, т.е. его внутреннего устройства, его сокровенных глубин, его культа, то здесь протестантизм произвёл революционные изменения. Под маркой бескомпромиссной борьбы с папизмом и превращением католической церкви в земного бога, протестантизм отка-

---

зался от церковного Священного Предания, от монашества и почитания святых и икон, от постов, от преемственности христианской традиции, от многих других составляющих христианского культа, т.е. обескровил христианскую веру, убил её душу, опустошил христианский культ, который есть основа всякой религии.

Знаменитый русский ученый, философ и богослов П.А. Флоренский дал такое определение религиозного культа: «Культ есть совокупность святынь, т.е. вещей священных, таковых же действий и слов, — включая сюда реликвии, обряды, таинства и т.д., — вообще всего, что служит к установлению связи нашей с иными мирами — с мирами духовными». Протестантское оскопление христианского культа Флоренский назвал актом, враждебным христианству. «Нет ничего враждебнее религии, как протестантствующие попытки подстричь её орлиные когти, отрезать орлиные крылья и заграмиривать под добрую старушку...»

Стремление протестантства радикально реформировать христианский культ и сделать из воинствующего христианства «добрую старушку» привело к изгнанию из него религиозного чувства и утвердило безраздельную монополию разума в религиозной вере. Но рационализированная, бесчувственная религия есть уже не религия, а идеология. Одним разумом Бог не постигается. Об этом предупреждал А.С. Хомяков в своем знаменитом сочинении «Церковь одна». «Дух Божий, — писал он, — глаголящий священными писаниями, поучающий и освещающий священным преданием вселенской Церкви, не может быть постигнут одним разумом. Он доступен только полноте человеческого духа, под наитием благодати. Попытки проникнуть в область веры и в её тайны, преднося перед собою один светильник разума, есть дерзость в глазах христианина, не только преступная, но в то же время безумная. Только свет, с неба сходящий и проникающий всю душу человека, может указать ему путь; только сила, даруемая Духом Божиим, может вознести его в те неприступные высоты, где является Божество».

Не только путь человека к Богу извратили протестанты, но и смысл его христианской жизни. Великий православный святой Серафим Саровский провозгласил, что главной целью жизни христианина является стяжание Духа Святого Божьего. Для протестанта этой целью является достижение делового успеха. Бесчувственный, рационализированный протестантизм, толкающий человека на достижение делового успеха, формирует в нем индивидуалиста. Он порождает затем, на базе индивидуализма чувство исключительности,

---

а за ним и вседозволенности. На базе двух последних чувств формируется убежденность в особой ценности своей личности и умалении ценности других личностей. Раздутое представление о самоценности порождает безжалостность к другим. Перечисленные чувства и убеждения при единстве веры могут приобретать национальный характер и становиться опасными для других народов и стран.

Именно этой болезнью, привитой протестантизмом, и болеют претенденты на мировое господство — Соединённые Штаты Америки. На почве протестантской секты эта болезнь родилась, укрепилась и стала национальной идеей Америки — страны, которая, обладая огромной экономической и военной мощью, а также большим политическим весом, сегодня попирает все нормы международного права, сметает неудобные ей политические режимы, безжалостно душил своих конкурентов экономически.

Под непосредственным руководством администрации США был совершен государственный переворот на Украине и развязана гражданская война. Мир еще раз смог убедиться в том, что там, где появляется антихристианская сектантская Америка, начинается разрушение традиционных устоев жизни, литься большая кровь под циничным лозунгом установления свободы, демократии и прав человека. Ложь, фарисейство, двойные стандарты и безжалостное насилие стали визитной карточкой современной Америки.

Что дальше?

А дальше — полный отказ от лицемерно провозглашаемого христианства — сатанизм и фашизм. Уже сегодня, считает известный политический деятель США Патрик Бьюкенен, «Америка швырнула за борт этический компас, по которому республика держала путь в течение двухсот лет, и теперь плывет наугад. Курс прокладывает только разум — Божественным откровением мы пренебрегаем. Отцы-основатели предупреждали, что это — мост в никуда. Ни одна страна не может оставаться свободной, если она лишается добродетели, а добродетель не может существовать в отсутствие веры». Дополним Бьюкенена в том, что Америка уже швырнула за борт не только этический компас, ни и международное право, а завтра может объявить об окончательном разрыве с христианством как с религией, не отвечающей требованиям времени. Тревожит Бьюкенена и то, что духовное поле США давно утратило целостность и единство и представляет собой сегодня конгломерат протестантских сект, а вместе с

ними: католиков, иудеев, мусульман, индуистов, буддистов, даосистов, синтоистов, сторонников «нью эйдж», вуду, агностиков, атеистов, гуманистов и сатанистов. При такой духовной полифонии невозможно вести речь о каком-то духовном единстве нации, которой, по большому счету, и нет. В Америке не было и нет государствообразующего народа, духовно сплоченного единой религиозной верой.

Правящая элита США не может не понимать ущербности социальной и моральной консолидации общества в отсутствие или слабости её религиозной (духовной) составляющей и пытается решить эту проблему, опираясь на духовный опыт Востока, т.е. создать некое учение, религиозное по форме, но безрелигиозное по содержанию, такое, например, как буддизм или даосизм. Созданием именно такой религии занимался, начиная с 60-х годов прошлого века, профессор-социолог Калифорнийского университета США Роберт Белла. Плодом его трудов стала идея создания в США так называемой «Гражданской религии». Вот как понимает эту религию сам Р.Белла: «Гражданская религия» — это религия, объединяющая всех членов американского общества, независимо от их вероисповедания и профессиональной принадлежности на основе институционализированных символов и ритуалов, в которых нашли выражение как публичные, так и частные взгляды. Это религиозное изменение американского образа жизни, проявляющееся в «системе верований, символов и ритуалов», в богоизбранности американской нации и «укреплении национальной солидарности», утверждении общенациональных ценностей». Белла претендует на то, что в этой религии ему удалось объединить библейскую и республиканскую традицию.

Другой американский социолог, симпатизирующий идее «Гражданской религии», — С.Хантингтон, утверждает, что её несомненным достоинством является то, что она соединяет религиозность с американским патриотизмом, что придает ей особую силу. «Гражданская религия, — пишет он, — позволяет американцам совмещать секулярную политику и религиозное общество, «бракосочетаться с Богом и страной», придаёт религиозную святость патриотизму и национальную легитимность вере и тем самым примиряет потенциально конфликтные лояльности и преобразует их в лояльность религиозной стране. Этой религии придерживаются все американцы без исключения, вне зависимости от того, какую веру они исповедуют, христиане они или нехристиане, или агностики, как некоторые из отцов-основателей».

Эта новая для американцев религия зиждется на четырёх основных принципах: во-первых, на том, что американская

система управления основана на религии и апеллирует к Высшему Существо; во-вторых, американцы — богоизбранный народ, «новый Израиль», обладающий боговдохновенной миссией творить добро среди людей, ибо судьба Америки отмечена Божественным перстом; в-третьих, в политической жизни Америки, в её ритуалах и церемониях доминируют религиозные аллюзии и религиозные символы; в-четвертых, национальные праздники США обладают «религиозной аурой» и выступают отчасти как праздники религиозные. Одним словом, всё в Америке пронизано религиозным духом, и вся жизнь наполнена религиозностью. Более изощренного фарисейства, воистину, не сыщешь в целом мире. Но даже фарисейство не есть окончательная оценка «Гражданской религии». Она должна быть названа откровенным кощунством, порочащим религию в её классическом понимании.

Поскольку «Гражданская религия», по замыслу её творцов, надконфессиональна, то она, естественно, стоит и над христианством, но сохраняет якобы его содержание, идеологию и смысл, но при этом «не использует в своих церемониях, символике и атрибутах двух слов — Иисус Христос». И все становится понятным: «Гражданская религия» — это «высшая форма» протестантизма, которая открыто отвергает присутствие Бога в религии, а в христианстве — Христа.

Если учесть тот факт, что Белла творил новую безбожную религию не по личной инициативе, а по заказу правящего класса США, то становится ясно, чего хочет добиться этот класс в области духовной жизни современной Америки. Его главной, публично не объявленной, но тайно решаемой задачей является изгнание Бога из духовной жизни современного американского общества. Эта цель обнаруживается не только в поисках неких новых, якобы более совершенных и современных религий типа «Гражданской религии» или Нью-Эйдж, но и в повышении внимания со стороны правящего класса Америки к деятельности всевозможных оккультных организаций, враждебных религии. Это проявляется прежде всего по отношению к тайным обществам и сатанизму. Политика открытой поддержки этих враждебных христианству сил особенно активно стала осуществляться с 60-х годов прошлого века. В эти годы начинается активную легальную деятельность «церковь сатаны». В 1970 году её принимают на правах полноправного члена в Национальный совет церквей США. Это дало ей возможность не только получить официальную государственную поддержку своей деятельности, но также право открытой пропаганды своей идеологии и её принципов.

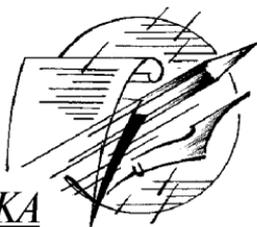
Трагично и опасно то, что сатанизм стал пользоваться особой популярностью у молодежи США. Она стала ударной силой американского сатанизма в проведении ритуальных убийств и прочих уголовных преступлений, творимых сатанистами. Однако несмотря на тяжелые уголовные преступления сатанистов, власть США даже на уровне президента продолжает оказывать поддержку этой преступной организации, мотивируя эту поддержку тем, что значительная часть населения симпатизирует сатанизму. Очевидно, что это не случайно. Современная идеология и политика США по своему духу и практике не имеет ничего общего с христианством. Это идеология и политика сатанизма, обернутого в тоталитаризм и фашизм. Кровавая бойня на Украине, организованная под непосредственным руководством США, убедительно подтверждает это. Они отвергли Бога и хотят занять Его место, но мы знаем, чем заканчивали претенденты на это.

Что показал этот анализ процесса становления и развития, а также современного состояния духовной жизни США? Он показал, что страна, претендующая в настоящее время на роль управителя всей земной цивилизацией, представляет собой духовно и нравственно ущербное государство с угасающей экономикой, но огромной вооруженной силой и ядерным оружием. Эта военная мощь и, безусловно, серьёзное влияние на мировую политику создало у правящего класса Америки иллюзию её всемогущества и вседозволенности. Причин этой иллюзорности власти США не осознают и осознать не могут, ибо оскудели духовно и нравственно и погрузились в идеологию сатанизма, сионизма и масонства, идеологию человеконенавистничества, злобы, жестокости и страха. Вывести их из этого состояния, как показывают события на Украине, невозможно. Они сегодня не слышат и не понижают слова правды, ибо их истиной стала ложь, ей они и служат. Борьба с ними есть борьба с антихристом, и эта борьба будет нелегкой, жестокой, и не скорой будет наша победа. Но она будет.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ЧЕТВЁРТЫЙ РЕЙХ?

Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН 21 ноября принял резолюцию России о борьбе с героизацией нацизма. За документ проголосовали 115 из 193 государств — членов ООН. Три страны высказались против — Канада, США и Украина. Еще 55 делегаций, в том числе страны Европейского союза, воздержались. Можно сказать, что такой расклад голосов был вполне прогнозирован. Давайте подробно рассмотрим, почему Канада, США и Украина высказались против.

Не является секретом то, что власти Канады первыми в мире после Второй мировой войны разрешили проводить бесчеловечные опыты над своими жителями без их согласия. Историку Яну Мозби удалось вскрыть факты алиментарного эксперимента, который проводился федеральными чиновниками на индейцах Канады. В общей сложности под действие эксперимента попало 1300 коренных жителей из населенных пунктов в Порт-Олбэни, Британской Колумбии, Кенора, Онтарио, Шубенакэйди, Новой Шотландии, Летбридж, Альты, большинство из которых были дети. Такие опыты ставились нацистами в концлагерях. Когда эти ма-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

териалы вскрылись, то жители Канады были возмущены поступком властей. Ассамблея Первых наций, которая представляет интересы коренных народов Канады, потребовала от правительства обнародовать всю информацию об этих и других аналогичных исследованиях. Пресс-секретарь министра по делам коренных народов Бернара Валькура назвал все эти эксперименты мерзкими. Сегодня власти Канады также первыми в мире разрешили ставить опыты над детьми: проводить электрошок, лоботомию и стерилизацию. В основном они проводятся на детях, которых ювенальная юстиция забрала у родителей. Кстати, Канада одна из первых стран в мире, которая стремится легализовать педофилию.

Теперь рассмотрим США. И здесь не является большим секретом то, что идеология третьего рейха после Второй мировой войны была на службе этого государства. Американский публицист Джим Маррс в своей книге «Восход четвертого рейха — секретные общества, которые угрожают захватить Америку» утверждает, что «во Второй мировой войне были развиты немцы, но не нацисты, и после войны многие тысячи из них прибыли в США в рамках секретных программ». Кроме того, напомним, что в 2010 году в США был опубликован доклад «Тень Гитлера: нацистские военные преступники, американская разведка и холодная война», в котором рассказывается, как после Второй мировой войны американская контрразведка вербовала бывших офицеров гестапо, ветеранов СС, нацистских и украинских коллаборационистов, а также и о не последней роли во всем этом руководстве католической церкви. В конце октября 2014 года в США вышла книга лауреата Пулитцеровской премии журналиста The New York Times Эрика Лихтблау «Нацисты по соседству: как Америка стала убежищем для людей Гитлера», где подробно рассказывается о нацистах на службе у Госдепартамента США.

Информация о связях американских властей с гитлеровцами стала появляться в прессе еще в 70-е годы прошлого столетия, но только сейчас открывается истинный масштаб этого сотрудничества. Бывший директор ЦРУ Аллен Даллес пытался скрыть всю информацию о том, что банкир Прескотт Буш (отец и дед двух президентов США) был банкиром нацистов. Замечу, что сами американцы говорят о том, что существуют два ЦРУ. Одно фашистское с Джорджем Бушем-старшим и другое с честными сотрудниками, патриотами своего государства и народа. Деятельность ЦРУ была публично разоблачена самими же ее сотрудниками, недовольными тем, что она превратилась в настоящего монстра.

Сами американцы возмущены поступками своих властей. Приведу еще один пример, когда личного назначенца Гитлера и главного стратега поверженного третьего рейха, А.Хойзингера, чудесным образом избежавшего Нюрнбергского процесса, поставили возглавлять военный комитет НАТО в 1961 году (его офис в Пентагоне за номером 3-Е 180 располагался среди офисов самых высокопоставленных чинов Вооруженных сил США), многие американцы поняли зловещий символизм такого назначения. Сенатор-демократ от штата Орегон Уэйн Морс говорил: «...пусть Государственный департамент хорошенько поймет, что я не убежден их доводом в том, что мы можем оправдать назначение нацистского генерала на военный пост в НАТО, на котором он будет иметь влияние, полномочия и власть в определении совместной военной политики, касающейся в том числе и Соединенных Штатов. Этот нацистский генерал, без всяких сомнений, должен нести свою долю ответственности за все смерти, в том числе и тысячи американских парней... Куда делась наша с вами память? Неужели она так коротка?»

Норвежский же политолог и философ Харальд Офстад охарактеризовал США как систему международного фашизма в мире: «Самое простое объяснение происходящих событий в современном мире то, что Гитлер выиграл войну и дирижирует теперь миром из секретного командного центра... Геринг знал, что говорил во время Нюрнбергского процесса, когда заявил, что США продолжат борьбу нацистов в мире...» Кстати, отмечая сороковую годовщину окончания Второй мировой войны, президент Америки Рональд Рейган 5 мая 1985 года возложил венки на могилу войск СС «Ваффен» на кладбище Битбург в Германии.

Что же касается Украины, то мы с вами сами стали свидетелями того, что произошло там за истекший год. И чтобы лучше понять многие процессы, которые происходят в Украине, стоит вспомнить некоторые положения Политической программы ОУН, принятой II Большим съездом украинских националистов в августе 1939 г., которые реализуются сейчас. Польский журналист Марианн Калуски в своей статье «Поговорим об Украине откровенно» (*Wirtualna Polonia*, 18 марта 2005 года) написал: «...К власти в Киеве пришли настоящие украинские националисты, к числу которых принадлежит и сам Ющенко, при этом необходимо помнить, что это примитивный и чрезвычайно агрессивный национализм XIX века. Этому национализма справедливо опасаются все проживающие на Украине национальные меньшинства». Мирослава Бердник (журналист, публицист) в одном из сво-

---

их публикаций в 2005 году писала: «...если мы будем пассивно наблюдать за прорастанием на Украине «внутренних фашистских сетей», то через 20 лет наши дети будут возлагать цветы не к памятнику освободителю Киева генералу Ватутину, а к постаменту его убийцы Климу Савуру».

Хотелось бы немного уделить внимание психотропным препаратам, которые применялись и нацистами как инструментами манипуляции общественным сознанием, так и их последователями. Нацистские доктора снабжали своих солдат таблетками, чтобы они воевали, не нуждаясь в отдыхе. «Идея была в том, чтобы превратить обычных солдат, моряков и летчиков в роботов, обладающих сверхчеловеческими способностями», — отмечает фармаколог Вольф Кемпер, автор исследований об употреблении наркотиков в третьем рейхе. Использовать первитин Гитлеру предложил глава Института физиологии Берлинской академии военной медицины Отто Ранке. За время Второй мировой немецкие солдаты приняли 200 млн. таблеток первитина. Нацистские доктора до последних дней войны пытались улучшить своё «секретное оружие», разработав новый состав на основе первитина и кокаина. Эксперименты проводили на заключенных Заксенхаузена (нацистский концентрационный лагерь), которые после приема наркотика в течение нескольких суток ходили по кругу с 20 кг камней за плечами (здесь же проводились эксперименты с галлюциногенным алкалоидом мескалином).

Именно США продолжили в этом направлении разработки нацистов. Было принято решение использовать эти наркотики не только для стимуляции своих солдат (во время Вьетнамской войны армия США использовала 225 млн. таблеток первитина), но и для управления массового общественного сознания. Так, уже в 1951 году ЦРУ провело эксперимент с массовым применением ЛСД над жителями французского городка Понт-Сент-Эспри, в результате которого 5 человек погибли, а оставшихся 500 жителей охватила вспышка массового безумия. В «революционном» 1968 году ЛСД добавляли уже в систему водоснабжения Вашингтона. Надо отметить, что и в наши дни в водопроводной воде в США независимые исследователи и правозащитники обнаруживают антидепрессанты...

В одной из своих статей Андрей Ваджра цитирует врача из киевской больницы, у которого проходил обследование один из «полевых командиров майдана». У него оказался полный клинический набор хронического наркомана: от серьезного нарушения проходимости вен до гепатита. При этом в украинских силовых структурах хорошо знают, что экс-боксер

Кличко под видом спортивных препаратов, мешками возил на «майдан» этизон, кстати, боевой психостимулятор армии США (входит в аптечки спецподразделений). Также в Украине широко использовались «наркотики изнасилования» — гамма-гидроксibuтират (ГНВ), вызывающий спутанность сознания и кратковременную потерю памяти. Нацисты проводили эксперименты с зажигательными смесями и с химическими ядами с ноября 1941 г. до января 1944 г. в концентрационном лагере Бухенвальде. Такие же смеси, только «улучшенного варианта» уже применялись в Украине, в том числе и в Одессе.

Вторая мировая война была самой кровавой, ставшая крупнейшим вооружённым конфликтом в истории человечества. Это единственный конфликт, в котором было применено ядерное оружие. В ней участвовало 62 государства из 73 существовавших на тот момент (это примерно 80% населения всего земного шара). Унесшая жизнь от 60 до 65 млн. человек. Больше всех в этой войне погибло граждан СССР — 27 млн. человек. Результат голосования по резолюции России Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 2014 года говорит о том, что маски сняты и публично мир узнал, кто есть кто. История повторяется. И опять нашему народу выпала доля вместе с союзниками (подписавшими резолюцию) уберечь человечество от наследников третьего рейха.

МАТЬ

РАССКАЗ

На кладбище, даже если ни о чём не думаешь, всё одно будто в помрачении чем-то загружен. Сколько людей нарождается, видеть не дано. А с какой скоростью засеваются кладбищенские гектары, зримо каждый день. Ощущение мимолётности утлого бытия обременяет восприятие живой действительности, кручинит, гнетёт подспудно. На погосте песни не запоёшь. И среди поминального многолюдья чувствуешь себя неприкаянной былинкой.

— Не подскажите ли?..

Николай успел пройти мимо, прежде чем сообразил: обращались-то к нему.

— Извините, затуманился малость. Вы о чём-то спрашивали?

— Случайно не знаете, как избавиться от муравьёв?

Много лет проходил мимо этой могилы, она всегда была любовно ухоженной. А вот кого-либо встретить здесь не доводилось. Знать, не совпадали посещения. И то сказать,

ПРОЗА

место не для праздных знакомств: когда-то мог столкнуться, но в памяти не обозначить. Женщина ничем особенным не выделялась, могла не отметиться в сознании.

Николай некстати ухмыльнулся: нашла, где отягощаться какими-то муравьями. А на него смотрели так открыто и так скормно, что он забыл о своём раздражении.

— Рад бы помочь. Но вряд ли гожусь в советчики: травить муравьёв не приходилось.

— И всё же...

— На самом деле не знаю, что предложить... Может, стоит попробовать какую-нибудь пахучую травку. Полынь, например... Раз спрашиваете, значит, имеете собственный опыт. Так ведь?

Уведя взгляд, женщина ничего не ответила. Видно было, как нервные тики корёжили её лицо.

— Где же вам муравьи так надоели?.. Дома?.. На даче?.. Или где ещё? — Пытаясь хоть как-то понять суть просьбы, Николай выискивал догадки.

— А вот, смотрите.

То, куда указывали, и вовсе лишило его всякого разумения. У ног не сразу удалось заметить блукавших по земле мурашей. Чем они могли помешать, кладбище ведь? И уж чего Николай не ожидал, так бурных слёз: захоронение-то давнее, оплаканное — боль должна бы присмиреть. Рыдания неужемно трясли женщину, пришлось помочь ей зайти в оградку и усадить на скамеечку. Сел и сам рядом: человеку плохо, одного не оставишь.

— Я вас по телевизору видела: вы врач. Вы не сочтёте меня сумасшедшей... Ну, право же, от муравьёв чисто в других местах, только тут... В могилу спровадили, и здесь не отступаются...

Пока она освобождалась от слёз, Николай отстранённо глядел на золочёную надпись по белому мрамору: «Юрочка 30.04 — 2.05.1961».

Неблизкие три дня... Время минуло, а горе далеко не отодвинулось. Не иначе, был желанный единственный ребёнок... Одно странно: на надгробии отсутствуют обычные в таких случаях слова скорби, нет и фамилии усопшего. Непонятное небрежение.

Николай воздержался от каких-либо вопросов, нечаянным словом боясь подтолкнуть к непредсказуемо близким слезам. Женщина понемногу успокаивалась, через минуту-другую можно было оставить её одну. Но ей понадобилось выговориться:

— Не знаю уж почему, первый раз в жизни чужому человеку хочется обо всём рассказать... Как вас зовут?

— Николай. Николай Степанович.

— А я Валентина... Можно без отчества... Я домохозяйка, не привыкла величаться.

Найдёнышу медсёстры дали имя, Юрочкой назвали в честь Юрия Гагарина. Тогда вся страна ликовала, все жили счастьем Гагарина. Вот и Юрочку хотели осчастливить... Но эти муравьи...

У Валентины перехватило дыхание. Угнувшись, она какое-то время перемогала своё состояние.

— Что-то я сегодня расклеилась, извините, пожалуйста... Чтобы было понятно, наверное, надо начать не с Юрочки... Муж мне попался военный, его то и дело переводили с места на место, чемодан и тот истёрся от частых переездов. Бараки, чужие углы — стояли, можно сказать, на одной ноге — не до малышей. Признаться, в то время особо-то и не хотела разводиться лялькой. Думала: сначала нужно налюбоваться вдоволь. Когда, наконец, осели, оказалось, что детей-то у нас может и не быть. По-женски я вроде не болела, мой Василий тоже не квёлый — и на тебе. Прошли обследование, оба были здоровы, а беременности нет и нет. Сколько раз себя ругала: надо было не оглядываться на обстоятельства. Я же всё откладывала и откладывала, выгадывала, как лучше, вот Бог и наказал.

Николай Степанович, как врач вы способны понять моё состояние, но прочувствовать, что творилось в моей душе, вряд ли сможете — вы мужчина. Представьте на минутку: вы молоды, а жизнь остановилась, и впереди ждать нечего. Так стало томно, так всё стало иным, где ты уже не нужна. Тело у меня было сбитое, упругое, я долго бюстгальтер не знала. И вдруг начала замечать ненадобность своей упругости: в Васиных руках уже не было прежней жажды. Муж — человек терпеливый, порядочный, худым словом не обмолвился, но я же чуяла: ему со мной не жарко, как раньше. Не заметила, как стала бестолковой, раздражительной, сама с собой готова была лаяться. Кипяток кипятком не остужают. Спасибо, Вася не включался в мой распыл, иначе собственными руками я точно развалила бы семью.

Слава богу, к тому времени обзавелась подругой. Она работала детским врачом в здешней больнице и надоумила приглядеться к брошенным деткам, которые нередко попадали к ним на лечение. Я было оторопела. А она: «Пустая баба годится лишь по праздникам, на будни нужна мать с детьми».

Смирилась не сразу, боялась открыться Васе, а он тут же согласился на усыновление. Единственно, чего опасались, убе-речь бы от пересудов будущего ребёнка, что он неродной, ему лучше этого не знать. Чтобы скрыть тайну, решили изобра-жать беременность. Стала наращивать живот. Изобретала всякие накладки, беспокоилась о естественности положения. Продолжала бы мудрить. Но однажды в автобусе от рывка, теряя равновесие, мужчина ткнулся мне в живот, рука его утопилась в моей обманке. Он почему-то усмехнулся, пока-залось, догадался о пуховике. Дома распеленалась. Глядя на своё неизрасходованное тело, готова была зеркало разбить: так я себя возненавидела. Лучше бы тряпкой всё висело, да были бы дети. Обманку больше не городила. Думалось, пока буду хитрить с животом, в больнице, глядишь, появится и нужный малыш. Хорошо, что вовремя прекратила свою за-тею: долго некого было усыновлять. Дома рассудили, если такое случится, уедем отсюда куда-нибудь подальше, где никакой худой слух не достанет.

Подруга договорилась с коллегами из Дома ребёнка, что-бы у них я кого-нибудь приглядела... Не побывав там, невоз-можно представить весь ужас сиротского дома. Нет, нет... Не обстановка, не нищета. С этим как раз всё в порядке. Всё такое яркое, красочное, кругом ковры и всякий обиход, не в каждой семье встретишь. Там, как бы это сказать?.. На све-жего человека там наваливается какая-то удручающая тя-жесть, безысходность, сиротский дух, что ли, не знаю, как это назвать. От порога и двух шагов не сделала, а уже все мордашки ко мне повернуты. Кажется, малышки, что они понимают?.. Каким-то особым звериным чутьём детишки мгновенно узнают: явился новый человек. Вдруг это мама?... Глаза печальные, будто на похоронах. Как они глядели, как глядели, господи... Сердце разрывалось: выбирать кого-ни-будь, как в магазине выбирают, показалось бесчеловечным. Если уж брать, то брать всех, иначе остальные глаза будут гнаться за тобою. Потом несколько ночей не могла заснуть. Снова туда пойти духу не хватило. Вася уговаривал, убеж-дал, что это у меня от нервов, собирался сопровождать меня, всё равно же решать вместе. А я как представлю десятки этих голодных глаз, в голове мутится.

Гостили у Васиной сестры. Бывало, с ней говорим, не на-говоримся, в этот раз она улыбку явно рисовала, и всё боч-ком, бочком. В чём дело — не понимала, пока случайно не подслушала, как она обрабатывала моего Васю: «Валька твоя — пустоцвет... Сколько можно ждать?.. Не будь рох-лей... Давно бы развёлся...» Лучше бы не слышать этого. Вася

хоть и огрызнулся сестре, но после посмурнел, как-то отдалился. Недогостили, уехали домой. И такая беспросветная темень, в пору мот на шею. Жалко было и себя, и Васю. Почему-то особенно Васю. Собралась уже сказать: пусть находит другую женщину, заводит нормальную семью. Наметила этот разговор, но пришлось отложить. У Васи подпала командировка, перед отъездом язык не повернулся разор устраивать. Вася уехал, а мне стало так страшно, так невыносимо и одиноко, не взвидеть белого света. Как мне без Васи? Он же меня не бросил, почему я дурью маюсь. Если что, пусть сам решает, соглашусь, что бы ни предложил. Я не выставляюсь, я вправду так думала, за Васю мне всегда было больнее...

Студентом Николай вычитал в учебнике, что болезнь — это изменённая форма жизни. Показалось, известный учёный слишком перемудрил. Разве жизнь — то же, что и болезнь, хотя и в изменённом виде? Болезнь — это патология, а остальная жизнь — норма и ничто иное. По молодости не уразумел, что любая жизнь — как история болезни, каждому есть на что пожаловаться. Было бы кому слушать. Похоже, Валентине некому было разгрузиться, коли отважилась довериться незнакомому человеку.

— Васи нет, а у меня мрачные думки одна чернее другой. В мыслях десятки раз побывала в разводе. Не знаю, как это я в психушку не попала. Спасибо подруге, навещала часто. Она то и рассказала про Юрочку... Нашли в чемоданчике из-под патефона... В парке, что вдоль реки... Парень с девушкой в чашобе набрали... Меня как что толкнуло, кинулась упрашивать подругу, чтобы провела посмотреть. А она отговаривать: «В обморок упадёшь... Там глядеть не на кого. Изъеден муравьями, красный, как варёный рак...»

— Господи, вспоминать страшно... Живое мясо... Кожа сплошным волдырём... Да что вам рассказывать, как врачу вам, возможно, и не такое доводилось встречать... Чемоданчик тот был застёгнут, иначе бы звери... А вот земляная нечисть щели разыскала... Муравьи проклятые. Видеть их не могу. Меня колотит всю, понимаю, пора освободиться от неприязни, не в них дело, в конце концов. И всё равно муравьи эти засели в памяти, где ни встречу, сразу представляю Юрочку...

Забыла себя... Двое суток пробыла с Юрочкой... Капельницы, уколы, перевязки делали при мне. Слава богу, не отгояли, видно, подруга упросила. Я тогда ни о чём не думала. Одно на уме: лишь бы Юрочка остался жив, мой сыночек будет, никому не отдам. Он же ни разу не пискнул, не шелохнулся. А я с каждым уколом ждала: ну вот сейчас, сейчас

вздрыгнет, отзовется на боль, расплачется ... Не знаю, что бы отдала, что угодно вырвала бы из тела, лишь бы помочь ему... Был момент, я чуть не закричала от радости: Юрочка открыл глазки. Глазки синенькие-синенькие, прямо кусочек ясного небушка. Что произошло дальше, догадалась не сразу. Слезка выкатилась, и синева куда-то делась, я видела, как она быстро истаяла, на месте зрачков разрослись чёрные ямы... Тут-то всё поняла. Это ж Юрочка глянул на меня, чтобы попрощаться... Он меня, должно быть, чувствовал, не мог не чувствовать.

Валентина умолкла. Молчал и Николай. Женщина могла вот-вот расплакаться: переживания — не приведи господь. Ни расспросами, никаким разговором вмешиваться не стал. Врач всегда остаётся врачом: пусть женщина, насколько можно, самостоятельно освободится от тяготы: когда болит душа, лучшего лекаря, чем сам человек, не бывает, и тут главное — не навредить. Обошлось без слёз, и Валентина продолжила свою историю:

— Три раза меня вызывал следователь, допытывался, какое отношение имею к умершему ребёнку. Им всё было известно: и что в больнице двое суток пробыла, и что потом на кладбище выслеживала могилку, в какую Юрочку похоронят. Направляли на экспертизу: не было ли у меня недавних родов? Там же у следователя столкнулась с молодой парой. Те, которые в парке нашли патефонный чемодан. Господи, с какой ненавистью они на меня глядели. Как на преступницу... Из-за меня неприятности и у главного врача, и подруге объявили выговор за нарушение больничного режима. Так напугали, всего стала бояться. Долго не могла прийти в себя. Лишь на пятом годочке образила могилку, заказала памятник. Появлялась здесь ближе к вечеру, хоронилась от посторонних, не хотела, чтобы кто-нибудь лез в душу.

Юрочка для меня — что родной сын. Около него я почувствовала себя матерью. И без детей уже не представляла свою жизнь... Юрочка — всегда в сердце. Я почему-то уверена, что он обо мне молится, он ведь безгрешен, его молитва — прямо к Богу. Всё, что со мной потом произошло, не иначе как его подарок. Ну, посудите сами. Девять лет не беременела. Вася мой по службе ни с радиацией, ни с ракетным топливом не сталкивался, вблизи не был ни с какой химией, здоров, такого здоровья, дай бог каждому. И я ни на что не жаловалась. Не было ведь никакой причины, но девять лет не могла забеременеть. И вдруг жду ребёнка, такая радость, такая радость... Будь крылья, летала бы земли не ка-

---

саясь... Это же по Юрочкиным молитвам! И то, что он в последний миг глянул на меня, тоже знак: дал понять, не оставит без надежды...

Неожиданно Валентина ринулась в рыдания. Ничего же не предвещало такого поворота. Наконец-то беременность, о которой мечтала. Плакать вроде бы ни к чему.

— Простите, Николай Степанович. Без слёз не могу вспоминать... Выкидыш в семь недель... А ведь я его уже любила... Мысленно баюкала... Купала... Чтобы не потревожить, остерегалась лишний раз глубоко вдохнуть, не то что чихнуть или кашлянуть. И не уберегла...

Что ни говори, а чужое горе и есть чужое горе. Не своё. Сердце у врача не глухое, так или иначе, проникаешься чужим страданием, сочувствуешь, но всё одно воспринимаешь не то, что сам пациент. Медицина ведь сплошь из страданий. И всяко бывает. Вот как у Валентины, когда враз всё рушится. И тут со стороны всю глубину потрясения представить невозможно.

— На какое-то время изничтожилась до дна. Такая ненависть к себе: жить не хотелось. И увидела Юрочку во сне. Увидела мельком, неясно, будто издали. Но твёрдо знала, что это Юрочка. Думала, думала и догадалась: это же он за меня продолжает молиться. Что же я?.. На расправу мы такие жидкие, веру так легко теряем, так покорно малодушничаем. Только и требуем: дай сегодня, дай сейчас, а если завтра, то уже и разуверились... Мало-помалу пришла в себя, если уж один раз забеременела, может, и ещё Бог даст. Хоть не скоро, но сыночка-таки родила. От Юрочки далеко не отошли, назвали Георгием... Деток больше не дождалась, а так хотела. Стало понятно: не будь Юрочки, вообще никого бы у меня не было. Спасибо Юрочке, вместо себя он послал нам Георгия, надемся и внуков помянчить.

Николай Степанович, это же я ещё не вся... До сих пор Жорочке ничего не рассказала про Юрочку. Пока был маленький, не сходила с ним на могилку, не приучила, а подрос, я и растерялась. Вдруг подумает: мать у него сумасшедшая, убивается на чужой могиле, помешалась, родного сына назвала почти тем же именем. Кто его знает, что придёт ему в голову... Оттолкнуть, потерять Жорочку... Я не переживу... И как поступить, ума не приложу...

Валентина долго молчала. И Николай понял, от него ждут совета:

— Не запечатывайте себя. С мужем, например, или с подругой постарайтесь делиться своими переживаниями. Вот ведь с сыном создали проблему ни на чём. Откуда вы взяли,

---

что он не поймёт вас? Чего бы проще, всё рассказать Георгию так же, как мне рассказали. На сына, как я понял, не жалуетесь. Нормальный парень?

— О-о, Жора — сокровище, он такой нежный.

— Ну вот, видите. И сокровищу не помешало бы узнать, чего он матери стоил. Уверяю вас, от такого разговора вы стали бы сыну ещё ближе. И разом бы избавились от хлама в мыслях... В общем, всё у вас совсем неплохо сложилось, так что киснуть нет никакого резона. Радуйтесь тому, что есть.

Уставившись долу, сидели у могилки. Скосив взгляд, Николай наблюдал, как Валентина медленно поднимала длинную травяную былинку и бегущего по ней муравья. Когда бежать было уже некуда, муравей капелькой завис на кончике былинки, в испуге завертел глазастой головой. Валентина осторожно опустила травинку и ссадила муравья на спокойную землю... Мягкое сердце...

Анна ПЕРЕВОЗОВА

ЧТО ТЕБЕ СНИТСЯ?..

* * *

Готова плакать и смеяться,
Разлукам руки целовать,
Звонков подолгу дожидаться
И от дождей не уставать.
Парить над буднями готова,
Не сокрушаться, не стареть,
Чтоб только снова бы, и снова
В глаза любимые смотреть.
Как в первый раз и как в последний,
Смотреть, желанья не тая, —
День будет зимний или летний,
Безгрешной, грешной буду ль я, —
Смотреть, как будто без пощады
Года и не вели свой счет,
Как будто всё, чему мы рады,
У нас еще произойдет.

ПОД ЗЛЫМИ РУКАМИ ВОЙНЫ

Снова с обидою брат нападает на брата.
Снова у грешного Каина руки в крови.
Снова от взрыва, как будто во всём виновато,
До глубины содрогается тело Земли...
Мы рождены улыбаться друзьям и дорогам,
Долго по жизни идти и идти рождены.
Так почему же сгорают надежды до срока,
Гибнут надежды под злыми руками войны?

Сколько деяний слепой совершается волей —
Волей людей, потерявших и совесть, и стыд!

Сколько сердец безутешным охвачено горем!
Сколько имён под плитою «Никто не забыт...»!
И без того неизменно летящие годы
Нас разлучают навеки, желей, не желей.
Так почему, вопреки всем законам природы,
Матери, плача, должны хоронить сыновей?

Сотни семей о своём сокрушаются крове.
Сотни домов навсегда превращаются в прах.
Не сосчитать кораблей, что покоятся в море.
Не сосчитать обелисков, что тонут в цветах...
Мы рождены наслаждаться покоем рассвета,
Радовать мир добротою своей рождены.
Так почему же веками страдает планета,
Стонет планета под злыми руками войны?

ФЕНИКС

Я — Феникс. Я дружу с огнем.
Я ухожу и возвращаюсь.
Я властна над погасшим днем
И о прошедшем не печалюсь.
Я — возрождение всего
И потому всему предтеча.
На крыльях сердца моего —
С предсказанной любовью встреча.
Моя обитель — Антарес.
Дорога в небо так полого!
И так легко мне без чудес
Смотреть и вслушиваться в Бога.
Вы, обвинители огня
И толкователи предчувствий,
Не забывайте про меня
В своем веселии и грусти!
Я — Феникс. Никому из вас
Моя тревога не знакома.
Когда огонь почти погас,
Я снова возвращаюсь к дому
И, пламя захватив крылом,
Вам отдаю без промедленья...
Я — Феникс. И права я в том,
Что ухожу для возвращенья.

ПОЛОТНО ВРЕМЕНИ

Не думай о времени, будто оно
Тебя принимать будет с радостью вечно.
Его благоденствие не бесконечно,
Тускнеет живое его полотно.

Теряют свою повседневную власть
Цветные узоры недавних событий...
И крошатся переплетенные нити,
И не различить: где привычка, где страсть...

Душа не толкает, а просто ворчит,
Забыв, что была беспокойной и хваткой...
И сладость любви нам не кажется сладкой,
И горечь разлуки уже не горчит.

Палитрою осени окружены,
Ее быстротечности не замечаем.
И сами себя, и друг друга бросаем
В объятия скупой черно-белой зимы...

Не думай о времени, будто его
Роскошные ткани всегда будут ярки.
И лучшие чувства храни, как подарки,
Чтоб дольше не выцвело их волшебство.

* * *

За скольких были мы в ответе!
Как много пережили мы!
На всеобъемлющей планете,
Во всё живое влюблены.

Поборники добра и счастья,
Как часто ошибались там,
Где всё, казалось, в нашей власти,
Согласно занятым местам.

Нам белое глаза слепило,
А черное вгоняло в страх.
И только годы научили
Нас видеть жизнь в полутонах,

Радужно принимать удачу,
Спокойно принимать отказ

И даже перед болью алчной
Не отводить упрямых глаз.

Нас научили плакать годы
От озарений и любви,
Чтоб мы секрет своей свободы
Открыть потомкам бы смогли.

ПРОШУ..

У леса, вросшего в эту землю,
У неба, вросшего в этот лес,
Прошу по первому озаренью
Я ливней — с радугами и без...
Прошу цветов — полевых, живучих,
Дорог, размытых движеньем рек,
Лучей бессонного солнца жгучих,
Жилья, где ждет меня человек...
Прошу в нахлынувшем дне грядущем
Покоя духа на злой упрек...
Прошу о друге, ко мне идущем:
Чтоб его ангел в пути берег.
Прошу для пойманных — вольной воли,
Для одиноких — счастливых встреч...
И чтобы людям в горячем споре
Негодились бы щит и меч...
Чтобы повсюду на свете белом
Мне открывался бы мир Творца
И восхищенное сердце пело
От совершенства Его лица...
Я всё предвижу и всё приемлю,
Вбирая силу, как Ахиллес,
От леса, вросшего в эту землю,
От неба, вросшего в этот лес.

МНЕ СНЯТСЯ ГОРЫ

Отцу

Мне снятся горы... Я лечу
И синих туч едва касаюсь,
Подобно лунному лучу,
В родном ущелье растворяюсь.

Такая близкая, внизу
Вершина снежного Чегета
Мелькнет сквозь неба бирюзу,
Моим дыханием задета.
А вот сверкающей дугой
Шумит Баксан, как бьется сердце, —
Мой старый друг, мой друг седой,
Хранитель золотого детства.
Мне снятся горы... Я опять
Могу поддаться вдруг порыву:
Упасть в траву, в ладонях смять
Ее таинственную силу,
Прижаться к теплomu со мхом
Знакомому большому камню
И плакать, обманувшись в том,
Что я всё это не оставлю...
Качнется небо... Я проснусь...
А на губах моих не высох
Нарзана сладковатый вкус
С горчинкой ягод барбариса.

* * *

Что могу сказать тебе, смеясь,
Вновь и вновь за плечи обнимая?
Что я слишком поздно родилась?
Что тебе нужна была другая?

Посмотри на звезды вдалеке.
Разве о годах они толкуют?
В этот мир пришла я налегке
И ничем, любимый, не рискую!

Отгорит последняя листва...
Ты запомнишь голос мой манящий.
Ты запомнишь искренность тепла
Рук моих, с тобою говорящих...

День утомился и затих,
Отдаваясь нашему покою.
Разве много нужно для двоих,
Утомленных жизнью городской?

Это царство улиц и мостов
Захватила пламенная осень,

Ласковая с нами лишь за то,
Что ее мы ни о чём не просим.

* * *

Что тебе снится под занавес осени:
Дикие лебеди, глянец озер?
Или поляны с обильными росами
И до рассвета горящий костер?

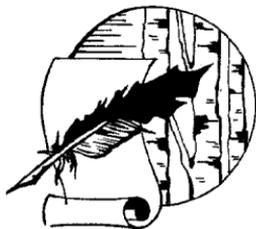
Что тебе снится в погоду суровую
Там, где зима города замела?
Те одуванчики белоголовые,
Юность которых давно отцвела?

Что тебе видится, мой опрометчивый,
Мой неприкаянный и дорогой?
Разве немало взвалили на плечи мы,
Споря со звездами над головой?

Было и будет цветение радуги.
Было и будет кружение выюг..
Мы друг за друга держаться и рады бы,
Да не избавиться нам от разлук.

Что тебе снится: моя неизведанность,
Руки, и губы, и пряди волос?
Или слова, излучавшие преданность, —
Те, что уверенно ты произнес?

Краснодарский край

Борис ОРЛОВ

ЧИСТЫЕ ДОРОГИ

* * *

Струится дым из чёрных риг,
Ольха в реке листву полощет.
Сентябрь подкрался, словно тигр,
И незаметно прыгнул в рощу.

Как будто кровь, зарю лакал,
Клыки дождя точил о камни.
И в роще вымокшей мелькал,
Качая пёстрыми боками.

Полнеба тучами затмил,
Листву к реке погнал по склону.
Его я клюквой покормил
Сладони — он меня не тронул.

* * *

Жизнь идёт от порога к порогу,
Находя утешенье в ходьбе.
Мама искренне молится Богу
Пред иконою в русской избе.

Утром дерево детского роста
Стелет ковриком тень на крыльцо.
Всё таинственно, мудро и просто.
У всего есть душа и лицо.

Палисадник, заросший цветами,
Зелень прутиков около пней.
Мама меряет жизнь не годами,
А моими приездами к ней.

---

* * *

Ещё кадит последняя надежда
И прошлое не надо ворошить.
Но возраст мой таков, когда одежда
Меня спокойно может пережить.

Не завершил своё земное дело —
Свою судьбу не до конца постиг.
Одежды хватит на больное тело,
А для души куплю немного книг.

И воином бывал, и миротворцем...
Сгорело сердце угольком в груди.
А свечку пред Николой Чудотворцем
Поставлю за грядущие пути.

* * *

Тропинка бежит со двора
Заглавную строчкой анкеты.
А мама добра и стара —
Исполнилось семьдесят летом.

У мамы на окнах цветы.
Под окнами старый колодец.
Соседи, как правда, просты.
Один я здесь, как инородец.

Солятся в бочонке грибы,
И вялится рыба под крышей.
В игре бесприютной судьбы
Я детство домашнее слышу.

Шурша облетает листва —
С ней ветер вступает в беседу.
Я счастлив, что мама жива.
Мне жаль, что отсюда уеду.

* * *

Летит под колёсами трасса
Молитвой к святому Сергию.

Энергия — это масса,
А масса — это энергия.

Мой путь от Волги до Нила
Меж белой и чёрной расой.
Молитва соединила
В себе энергию с массой.

* * *

Кусок луны меж труб блестит, как кремний.
На поле зябко ёжится ботва.
Конец июня. Холодно. На землю
Летит с ветвей зелёная листва.

Цветы завяли... Что же дальше будет?
Подлунный мир трещит и вкривь, и вкось.
Наверно, Бог — его забыли люди —
Немного наклонил земную ось!

* * *

Через чуждые людям реформы
Мы прошли, словно через войну,
По утрам завысили нормы:
Потеряли народ и страну.

Если вырвется память на волю,
Чтоб летать и назад, и вперёд,
Отзовутся фантомною болью
И Союз, и советский народ.

* * *

Где залив — там высились стога.
Кончились на Божью милость квоты.
Подмывает море берега,
Превращаясь в мелкое болото.

И гниёт, и высыхает лес...
Неразумно мы с природой спорим.
Благость не спускается с небес —
Нет её над рукотворным морем.

---

* * *

Отдых от граблей и вил.
Завершился день.
Я упал и придавил
Собственную тень.

Ночь. Кузнечики звенят.
Спит в гнезде бекас.
Согревает тень меня
В стоге, как матрас.

ДЕТСТВО

Румяное утро
Под снегом цветы.
Мороз. Первопуток.
Надежды. Мечты.

Снежок на пороге.
И пар возле рта.
И чисты дороги.
И совесть чиста.

ОТ РОСТА К БАЛАНСУ

Паразитарность процентного капитала

Мир задыхается под гнётом финансового фашизма, главным источником которого стали Соединённые Штаты Америки. Эта страна, сама себя загнавшая в угол, остро нуждаясь в поглощении новых ресурсов, наращивает ареал хаоса на планете.

Рост экономики США и прочих «развитых страны» происходит исключительно за счёт ресурсного и экологического донорства стран развивающихся, закрывая им перспективу

О порочности примитивного роста экономики

Действующая и доминирующая цивилизация живёт под флагом неограниченного роста всего — населения, производства, потребления, комфорта... Но постоянный рост экономики в принципе невозможен на планете ограниченных размеров — это элементарно.

Идея необходимости неуклонного роста рождена процентным капиталом — паразитарными структурами, создавшими мошенническую схему экономики-пирамиды, живущей за счёт заимствования у всего прочего мира и у будущего. Для поддержания этой пирамиды необходимо постоянное взвин-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

чивание производства и потребления. В результате состояние нынешней цивилизации точнее всего определяется словом «агония».

Надо понять — Россию никогда не удастся вписать в цивилизацию Запада, паразитарную ко всему прочему миру. И не удастся спасти страну, оставаясь в рамках действующей модели либерально-рыночной экономики. Невозможно сохранить страну в рамках утвердившегося эксплуататорского подхода к природе, не помогут традиционные призывы к реиндустриализации — они нереализуемы в условиях истощения ресурсов, глобального экологического кризиса. Время вульгарной индустриализации закончилось. Нарастивать далее техносферу самоубийственно. Её вообще не стоило наращивать столь безответственно ради сиюминутных побед, пренебрегая интересами будущих поколений.

Цивилизация подошла к точке фазового перехода. Коренная смена правил жизни или конец — человечество стоит перед таким выбором. Спасение России в том, чтобы свернуть с губельного пути роста в числе первых, пойти другим путём вместе с лучшими людьми мира.

Сегодняшняя задача — чётко сформулировать этот новый путь развития России и мира, преодолевая стереотипы, приведшие мир к пропасти.

Абсолютно нереалистичную, убийственную для человека и природы концепцию непрерывного роста должна заменить идея создания и поддержания стабильного баланса запросов людей и возможностей экосистемы планеты. Здесь нет ничего нового — множество замечательных людей говорили об этом — В.Вернадский, П.Кузнецов, С. Подолинский... Человечество не услышало провозвестников будущего — их голос оказался слаб против соблазнов рынка, предлагающего безграничные удовольствия. Сегодня пренебречь предостережениями лучших умов человечества — уже прямое самоубийство. Повернуть от губельной антропоцентричной цивилизации, где человек следует лишь своим прихотям и игнорирует интересы природы, к цивилизации природоцентричной, где человек ограничивает себя ради жизни будущих поколений, — в этом суть перехода, который мы обязаны осуществить. Без такого принципиального перехода, только путём ремонта существующей системы, накопившиеся проблемы нашей порочной цивилизации не могут быть разрешены.

Гибельный путь

Экономика роста основана на сверхпотреблении — потреблении материальных благ сверх необходимого для поддержа-

---

ния жизни. По сути, существующий мировой порядок и был создан ради сверхпотребления малыми по численности олигархическими кланами. Именно в их среде сосредоточено сверхпотребление для личных нужд масштаба патологического, безумного. Его описание — пособие по психиатрии.

Вызывает шок объём тех ресурсов Земли, которые брошены на золотые унитазы, хрустальные лестницы и прочие фантазии извращенцев. Олигарх в огромном дворце, который необходимо отапливать и освещать, — угроза всему живому на планете.

Виллы и особняки российских олигархов поражают роскошью. Сколько животных убивают ради шуб олигархических фавориток, ради отделки мехом и кожей интерьеров дворцов, салонов частных элитных яхт и самолётов!

Только один пример патологически разнузданного потребления. Легендарная яхта «Кристина» греческого миллиардера Онассиса имеет посадочную площадку для частного вертолета, бассейн, который наполняют шампанским, ванные комнаты, отделанные мрамором, с золочёными кранами, курительную комнату с камином из лазурита, кожаную обивку стен. Стулья у стойки бара обтянуты кожей крайней плоти китов, что давало Онассису повод потешаться над своими гостями, объявляя им, на чём они сидят. Сколько китов было убито ради этих грязных развлечений? После смерти владельца яхта, содержание которой стоит 4 млн. дол. ежегодно, почти четверть века простояла на приколе, ржавея и старея. Сколько ресурсов планеты сгноили наследники миллиардера!

Например, вскрытие кимберлитовой трубки, содержащей алмазы, губит огромные площади дикой природы. Так, не самое большое Ломоносовское месторождение в Архангельской области имеет глубину карьера 100 м (предполагается довести до 400), диаметр воронки — от 4 до 7 км.

После 1991 года российские чиновники устремились догонять олигархов в личном потреблении. Только один пример из длинного списка. А. Хлопонин, полномочный представитель Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе, в бытность губернатором Красноярского края задекларировал месячный доход в 1,4 млн. дол., а также 10 земельных участков в Московской области общей площадью 1,8 га; дом в Московской области в 678 кв. м; две квартиры в Москве — 133 кв. м и 212 кв. м; иное недвижимое имущество в Московской области — 237 кв. м и 351 кв. м. Автомобили: «Ауди А6»; «БМВ-745»; «Ягуар-Даймлер»; «Мерседес-Бенц С600»; мотоциклы «Харлей-Дэвидсон», «БМВ К1200 ЛТ»; катер «Фантом-46». По представленным в ЦИК сведениям, Хлопонину также принадлежат 0,1% акций «Норникеля» и 297,7 млн. руб. на депозите в Росбанке.

Хуже всего то, что потребительское безумие этой небольшой кучки проецируется на весь мир. Правящие элиты растлевают массы, заражают их тягой к сверхпотреблению, которое обеспечивает олигархам сверхприбыли.

Массовая автомобилизация превратилась в психоз. В России с начала 1990-х годов по настоящее время число личных легковых автомобилей на 1 тысячу человек увеличилось втрое.

Личные автомобили сжигают последние углеводороды планеты, дают уже более 30% углекислого газа, загрязняющего атмосферу, производят горы трудноутилизируемого мусора...

Для чего жители больших городов покупают авто? Для того, чтобы стоять в пробках. Но они продолжают это делать, потому что машина сегодня не столько необходимое средство транспорта, сколько репутационная метка, навязанная мода.

Любопытны результаты опроса, организованного сайтом Макспарк на тему: «Как вы предпочтёте доехать из дома на работу, зная, что на метро добираться час, а за рулём автомобиля — три часа». Большинство участвующих в опросе выбрали вариант личного транспорта, объяснив ответ тем, что машина комфортнее. Это означает, что растление людей достигло критической отметки.

С 1991 года в России резко подскочили покупки мехов, в последние годы бум потребления меха захлестнул Китай. Данные о глобальном потеплении, которое сокращает холодный сезон, и о катастрофическом вымирании животных попутателей не останавливают.

Обыватель хочет жить как олигарх — богато и не по средствам. В течение 2011—2012 гг. в России наблюдался бум потребительского кредитования, рост достиг своего апогея в середине 2012-го — 41%, рост ипотечных кредитов — 29%.

Чем богаче живут люди, тем хуже чувствует себя Планета. Но разве многие задумываются о том, что сверхпотребление, навязанное людям паразитами, ведёт цивилизацию к гибели?

Перепроизводство и неравенство

Сверхпотребление порождает перепроизводство, а это — перерасход ресурсов на входе и рост количества мусора на выходе. Нынешняя цивилизация действует в безумном алгоритме тотального перепроизводства. Только один пример — перепроизводство продовольствия,

По данным ООН, в мире производится продовольствия в 1,5 раза больше, чем необходимо для всех людей на планете. Производимого сегодня продовольствия достаточно, чтобы прокормить 10 млрд. человек (прогноз численности населения на 2050 г.).

Но люди с зарплатой менее 2 дол. в день не могут себе позволить покупать это продовольствие — по данным ВОЗ, ежегодно 8,76 млн. человек умирают от голода, голод является причиной трети детских смертей — он убивает до 6,5 млн. детей в год.

Население Северной Америки, Западной Европы и Японии потребляют 140% от требуемого ежедневного количества продуктов питания. А в таких странах, как Мадагаскар, Гайана, Лаос, люди потребляют только 70% продуктов от требуемого количества.

Доклад ООН об использовании продовольственных ресурсов (июнь 2014 года) утверждает, что около трети всех пищевых продуктов, производимых в мире, теряется или используется не по назначению. Около 40% пищевых продуктов, производимых в США, оказываются на помойке, например, отбраковываются и выбрасываются вполне качественные овощи нестандартных размеров.

В Европе ежегодно выбрасывается 100 млн. тонн продуктов (только в Великобритании — 7 млн.), причём более половины из этого количество пригодно к употреблению.

Экологический ущерб от такого расточительства колоссален: площадь сельхозугодий, на которых производится выбрасываемая еда, равна территории Мексики. Вода, идущая на орошение этих угодий, может напоить 9 млн. человек, а 10% выбросов парниковых газов в атмосферу в развитых странах имеют своим источником разбазариваемые продукты. При этом число голодающих в мире достигло 1 млрд. человек.

Неоднородность развития разных регионов планеты — органическое свойство общества потребления. Неоднородность насущно необходима паразитарным структурам, ибо оставшие страны — это резервуар дешёвых (или дармовых) природных ресурсов, рабской рабочей силы, пространство для сбрасывания ядовитых отходов, рынок сбыта продукции стран «золотого миллиарда» (прежде всего устаревшей и некачественной) и старых технологий.

Без такого резервуара экономика развитых стран не может процветать, потому «золотой миллиард» искусственно тормозит развитие целых регионов с помощью колониальных войн или современных методов колонизации — цветных революций

Потребление резко неоднородно в разных странах. Чемпион по потреблению — США. Если поднять уровень потребления до американского уровня по всему миру, понадобится 8 таких планет, как Земля. Потребление неоднородно и внутри стран, включённых в рыночную экономику. В России за

---

20 лет «демократии» децильный коэффициент (отношение доходов самых богатых к доходам самых бедных) вырос от 5—6 в СССР до 30—60. Сверхпотребление в одной социальной группе неизбежно тянет за собой нищету в другой — миллионеров рождает нищета миллионов.

Неоднородность потребления создаёт социальную нестабильность, провоцирует революции, бунты, войны... Всё это исключает устойчивое развитие.

Однако, уходя от сверхпотребления, не следует перегибать палку — потребительский голод в отношении самого необходимого, как это было в СССР, также несёт опасность для сохранения страны и цивилизации. Он не обеспечивает нормальной жизни, чреват социальными взрывами и последующим сверхпотреблением. Хронический дефицит в жизни советских людей, полное презрение властей к их элементарным потребностям оттянули маятник от положения равновесия, спровоцировали его безумный бросок в другую сторону.

Определение разумного уровня потребления, удовлетворяющего нормальные нужды людей и не убивающего природу, равномерное справедливое распределение ресурсов между странами и людьми наделяет цивилизацию способностью к длительному существованию, к устойчивому развитию. Напротив, сверхпотребление возможно только на очень коротком историческом этапе, ибо в кратчайшие сроки убивает природу.

Искусственно созданная неоднородность развития порождает ещё одну тяжелейшую проблему нашей цивилизации — демографический дисбаланс, т.е. вымирание (чаще намеренное истребление) одних народов и лавинное размножение других, превышающее несущую способность планеты. Уйти от решения этой проблемы человечеству не удастся, ибо существующая динамика смертельна для всей цивилизации, и отнюдь не выигрышна для быстро размножающихся народов, как это часто принято считать.

Создатели общества потребления либо сознательно шли на уничтожение человечества, либо их клан состоит из людей настолько умственно неполноценных, что они способны мыслить только категориями сиюминутной выгоды и не в состоянии оценивать даже близкие будущие риски.

Человек, подвисься!

Основа экономики роста — постоянное расширение техносферы, производство всё большего количества вещей. Рыночная экономика, контролируемая только од-

---

нобоким критерием — прибылью, породила огромное количество искусственных потребностей, не являющихся жизненно необходимыми для человека. Созданы целые лишние отрасли.

Самая ресурсоёмкая из них и самая постыдная для человечества — производство вооружения. Невероятный объём этой отрасли — свидетельство нежизнеспособности цивилизации. Если люди не научатся договариваться друг с другом и не остановят гонку вооружений, непосильную для планеты, человечество в конце концов придет к самоуничтожению.

Другая существенно преувеличенная мегаотрасль — производство медицинского оборудования и фармацевтика. Вложенные сюда миллиарды мало влияют на здоровье, ибо борются со следствиями — болезнями. Человек разумный использовал бы эти средства для борьбы с причиной — повреждением экосистемы, загрязнением воздуха, воды, еды...

Стопроцентно лишняя отрасль — профессиональный спорт, в особенности олимпиады, которые проводят каждый раз в разных местах, строя комплексы сооружений, которые затем забрасываются. Сама отрасль и перемещение огромных масс болельщиков зря поедает огромные ресурсы. Следует остановить это умопомрачение.

Перестраивая цивилизацию фундаментально, до основ, надо пересмотреть и систему властных органов. Давно изжила себя представительная демократия, а по сей день действующие парламенты — бессмысленный и ресурсоёмкий институт (содержание корпуса депутатов, больших зданий, парка авто, самолётов, бессмысленное расходование тонн бумаги, обеспечение процедуры имитационных выборов). Это — разбазаривание ресурсов, не дающее позитивного результата для народа. Зачем России Госдума, зачем Европе ПАСЕ? То же самое можно сказать о множестве других декоративных политических институтах, давно изживших себя, нужных только их руководящей верхушке.

Действуют ныне целые мусорные отрасли, потребляющие ресурсы, и ничего, кроме мусора, не производящие, например, реклама, шоу-бизнес, высокая мода, гламур...

Несуразное, ненужное разрастание ареала присутствия человека на планете потеснило дикую природу до такого предела, что возник вопрос о прекращении жизни на Земле в результате экологической катастрофы.

Великий Ганди говорил, что общественный прогресс состоит не в росте потребностей людей, а в добровольном их ограничении. Обуздание навязанных потребностей может сделать людей гораздо счастливее.

Как сломать Кошечью иглу паразитарных кланов?

Олигархи — это те, кто расширяет антропосферу, сокращая время жизни нашей цивилизации. Но почему мир не может ничего противопоставить их всевластью? Потому что почти каждый человек оказывается — пусть невольно — их пособником. Почему так мистически могущественны любые ротшильды? Потому что они стоят на пороках миллиардов людей.

Вспомним девяностые годы, когда сотни тысяч побежали в МММ и прочие пирамиды в погоне за незаработанным богатством. Алчность миллионов породила миллионеров и миллиардеров. И какой смысл жаловаться обманутым вкладчикам — они заплатили за собственные пороки.

Сверхпотребление — источник богатств олигархических кланов. Но одновременно это их Кошечья игла, сломав которую, можно покончить с их всевластием. Сделать это можно только одним способом — исключить из общественного сознания идеологию общества потребления, её главный постулат: успех и счастье есть обладание деньгами и вещами.

Вопрос в том, как совершить принципиальный цивилизационный поворот — от роста к балансу? Ответ — изолируясь от действующей Системы, оказывая ей сопротивление не только в составе партий и движений, но и на индивидуальном уровне.

Посмотрим на себя. Наши квартиры забиты тысячами ненужных вещей, но мы продолжаем покупать то, чем почти не пользуемся.

Каждый, кто купил доллар или евро, поддержал валютный пузырь, созданный финансовым фашизмом. Каждый, кто взял кредит, стал подпоркой финансовой пирамиды, не давая ей упасть, стал спонсором карателей, убивающих Ливию, Сирию, Донбасс...

Что такое лотерея, где один становится богатым за счёт того, что тысячи теряют? Это — стандартная схема возникновения олигарха, основанная на безнравственности — алчной страсти к незаработанному. Но, следуя пропагандируемым образцам, миллионы людей по всему миру готовы разбогатеть, безжалостно грабя ближнего. Именно они делают финансовый фашизм реальной силой, пока непобежденной. То же самое можно сказать про казино, растлевающие людей. Значит, надо казино и лотереи закрывать, их организаторов наказывать, а игроманов лечить и отправлять на принудительные общественные работы.

Нам вбили рабский менталитет, нас приучили к могуществу кого-то наверху и к собственному бессилию. Мы ищем

внешнего управляющего и внешнего виновника. Но в преступлениях финансового фашизма виноват каждый, кто не смог обуздать собственную жадность, кто бегаёт по банкам в поисках большого процента, кто видит в олигархе образец для подражания и стремится к «красивой жизни», скупая машины, бриллианты, меха и тысячи других ненужных предметов...

Мы с готовностью повторяем подкинутае врагами — «от меня ничего не зависит!», потому что так спокойнее лежать на диване перед телевизором. От рабства, трусости и лени мы не можем создать самоуправление, «не лезем в политику». Но «не лезть в политику» — значит отдать управление миром олигархату.

Взять на себя ответственность за всё происходящее, рассчитывать на собственные силы — важнейшее правило рождающейся новой цивилизации.

Это по силам каждому — минимизировать материальное сопровождение жизни, индивидуальное потребление, сокращая тем самым количество исходящего от нас мусора.

Подобные инновации практически невозможно осуществить в рамках одной страны. Все народы мира должны пойти в одном строю, и многие уже идут. Индонезийцы острова Борнео протестуют против вырубки джунглей, русские — против добычи никеля, которая убьёт воронежские чернозёмы. Сотни тысяч человек из 82 стран выходили на акцию «Захвати Уолл-стрит!», которую назвали «Бунтом против банков», проект Avaaz организовал в сентябре 2014 года беспрецедентно массовый (675 тыс. человек в 162 странах) климатический марш, целью которого было принудить ведущие страны сокращать выбросы парниковых газов. Организаторы добились участия в марше Генерального секретаря ООН, 18 профильных министров и большого количества политиков, которым вручили петицию, подписанную 2,2 млн. человек, призывающую мировых лидеров к переходу на стопроцентно чистую энергию. Организаторы марша провели информационно-разъяснительные встречи с министрами экологии и энергетики Франции, Германии, Бразилии и Великобритании.

Усилиями общественности было заблокировано строительство в Аргентине крупнейшего завода по производству генно-модифицированных семян фирмой-монстром Монсанто.

Оказывать сопротивление Системе, создавая Антисистему, можно и нужно. И это реально. Так все вместе мы создадим новую жизнеспособную цивилизацию, девизом которой будет: материальная скромность и духовное богатство.

Золотой век гедонизма на Земле заканчивается. Перепроизводство и сверхпотребление существовали за счёт нефти и других ресурсов Земли. Французский экономист, один из сторонников концепции антироста Серж Лятуш считает: «...когда есть нефть и огромные земельные территории, как в США, на них можно работать, привлекая мало людей и получая огромное количество продуктов, но соотношение потраченной и полученной энергии крайне низкое, в некоторых случаях оно может составлять 500 потраченных калорий на одну произведённую пищевую калорию. Существуют альтернативные системы — агролесоводство, пермакультура и другие. С приложением большого количества рук можно получать достойные урожаи. На национальном уровне это доказали японцы, получающие по три урожая с небольших участков, возделываемых вручную. Учитывая миллионы безработных по всей планете, недостаток рабочих рук не является проблемой для развития системы локального сельского хозяйства, снабжающего население на местном уровне здоровыми сезонными продуктами питания».

Техноцивилизация обеспечила небывалый рост производительности труда за счёт использования машин. Но для создания машин нужен металл, для её работы — энергоносители. Всё это взято у Земли.

Что такое рост производительности труда за счёт механизации? Это перераспределение вкладов человека и природы в единицу произведённой продукции, увеличение вклада природы и снижение вклада человека. Почему такой рост стал возможен? Потому что человек научился более интенсивно грабить природу, сам же стал бездельником. Люди в массе работают всё меньше. Всё чаще они занимаются искусственной непроизводительной деятельностью, например, игрой на бирже, рекламой, охраной, обслуживанием паразитарных структур... Безделье породило целую индустрию развлечений, поглощающую огромные ресурсы.

Доля непроизводительного труда, обслуживающего искусственные потребности, непрерывно растёт, вытесняя труд реальный. Оплата искусственного труда резко превосходит оплату труда реального.

Мы получили виртуальную цивилизацию, где массы людей заняты ненужной работой, потребляя при этом реальные ресурсы Земли и производя массу ненужных вещей.

Став бездельниками-эксплуататорами, не знающими, чем себя занять, люди получили целый букет проблем — массовое падение нравов, пьянство, наркоманию, проституцию, чудовищных размеров разврат, возведённый в государствен-

---

ную политику... От отсутствия необходимости ежедневного продуктивного труда повреждается физическое и психическое здоровье, неврозы, стрессы, шизофрения стали болезнями века.

Ручной труд не в состоянии создать перепроизводство, его рождает механизация — так создаётся паразитарная цивилизация. Жизнь целых стран, в том числе «демократической» России, за счёт ресурсов Земли — это паразитирование, неизбежно ведущее к гибели. Нефтегазовая экономика России — это хищническое отношение к природе, приближающее экологическую катастрофу. Использовать невозполняемые ресурсы надо бережно и только в исключительных случаях, где без этого не обойтись. Мы же «топим ассигнациями», по выражению Менделеева, пускаем достояние планеты на ветер, наполняя карманы олигархов. И даже если перераспределить нефтяные доходы более справедливо между всеми гражданами страны, введя природную ренту, это не исправит потребительского отношения к природе, развратит людей, делая каждого микроолигархом, причастным к уничтожению Земли.

Возвращение там, где это возможно, к малопроизводительному ручному труду, благодаря которому человек берёт удовлетворение своих потребностей в основном на себя, — основа поворота от цивилизации роста к цивилизации баланса. Малое — по-своему прекрасно, оно, как цветок, выращенный в своем саду, превосходит собрата с цветочной плантации.

Лучшее продовольствие, наиболее полезное для здоровья, производится ныне вручную на малых приусадебных участках. Наиболее близкие человеку традиционные национальные жилища строятся почти вручную. С минимальным использованием машин, индивидуально, не на конвейере шьются национальные одежды, не только идеально приспособленные к климату данной местности, но и несущие вековую культуру народа, выполняющие важнейшую воспитательную функцию, сохраняющие нравственность, связь поколений.

Разумеется, сказанное не означает призыв сломать все машины. Их просто следует разумно использовать, но только там, где они крайне необходимы, и реконструировать так, чтобы они минимально повреждали природу. Россия может использовать себе во благо насильственно проведённую деиндустриализацию. Разрушенная западным агрессором устаревшая советская промышленность была недопустимо громоздкой, энергоёмкой, экологически грязной. Провести новую зелёную индустриализацию на базе более высоких принципов и технологий — задача новой цивилизации.

Главные принципы зелёной индустриализации — это ориентация на максимально скромное только необходимое потребление, на минимальное по объёму, максимально щадящее по отношению к экосистеме производство. Реализовать это, несущественно ущемляя интересы человека, можно только на базе инновационных технологий. Основой зелёной индустриализации должны стать заблокированные финансовой олигархией экотехнологии — возобновляемые источники энергии, безмусорные технологии...

Ручной труд невозможен в мегаполисах — этих чудовищных порождениях выродившейся цивилизации. Он невозможен в бетонных небоскрёбах, где оторванные от земли люди мучаются, болеют, сходят с ума. Для создания цивилизации баланса люди должны вернуться на землю.

Зародыши новой цивилизации

Как уйти от агонизирующей цивилизации, если все материальные ресурсы, вся организационная мощь в её руках? Один из путей — уход от глобального уровня, захваченного Системой, на локальный.

Как предполагает жить финансовая мафия в условиях истощения ресурсов? Она стремится сохранить элитарные условия жизни для себя установлением жестокой диктатуры по всему миру. Она опускает в нищету страны и народы, убивает как можно больше людей. Изоляция от паразитарного мирового финансового капитала становится условием спасения государства. О необходимости «герметизации» экономики России, говорит, в частности, известный экономист В.Катасонов.

Самое эффективное — герметизация на государственном уровне, как это сделала, например, Исландия, отказавшись платить по долгам банкирам, создав народный парламент.

Возникают изолированные от глобальной финансовой системы общины в Германии, которые вводят взаимобмен товаров и услуг.

Однако сегодня изоляция экономики от мировой финансовой мафии на государственном уровне проблематична, т.к. руководство большинства стран мира — её агенты влияния. Множество государственных чиновников России, даже низового уровня, имеют активы за рубежом, включая свою страну в мировую финансовую систему. Значит, нужно создать вторую систему жизни в одном государстве, на одной планете.

Сегодня всё больше людей начинают понимать порочность существующего мирового порядка и необходимость изоли-

---

роваться от него. Один из путей — уход из мегаполисов в сельскую местность, который приобретает всё более массовый характер. В англоязычной литературе появился термин «дауншифтинг» — смещение вниз, в менее комфортные условия жизни. Понятие «экопоселение» становится всё более популярным. По всему миру возникают посёлки, не повреждающие окружающую среду, имеющие замкнутый цикл переработки отходов, автономное энергообеспечение за счёт возобновляемых источников, создаются природоохранные, природовосстановительные зоны. Один из примеров: Беловежская Пуща в Белоруссии — не только факт надлежащего сохранения флоры и фауны, но и деятельность центра экологического просвещения.

В своей книге «Стратегия восстановления жизнеспособности России» русский эколог профессор М.Я. Лемешев, известный своим противостоянием авантюрному проекту поворота северных рек, пишет о проекте возвращения граждан России на землю путём создания 50 тысяч современных «экологических деревень» по всей стране. Возражая нынешней политике уничтожения деревень и малых городов, М.Я. Лемешев считает, что в таких экодеревнях надо развивать не только сельскохозяйственное производство, но и другие области деятельности — производство экологически чистых лекарств, работу учёных в области химии, математики, компьютерного программирования и т.п.

Эффективную программу доступного гражданам малоэтажного строительства на селе развивает губернатор Белгородской области Е. Савченко. Застройщики могут получить кредит под 1%, что говорит о создании автономной банковской системы.

Возникающие островки новой жизни должны не просто выживать, но ставить перед собой политические задачи.

Тактика индивидуального «выживания» внутри системы не будет плодотворна, если не решит главной задачи: возникающие локальные островки антироста должны наладить взаимодействие с целью создания сети новой системы. Выработав общую идеологию, общую стратегию и тактику, это, казалось бы, слабое и разрозненное движение может стать силой, способной создать новую цивилизацию. Оно же способно дать новой цивилизации руководящие кадры.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

РАССКАЗ

Впервые за два месяца у Савелия Кузнецова выдался выходной. С раннего утра, позавтракав на скорую руку, Савелий засобирался в район. Нужно было купить карбюратор, да ещё хотел посмотреть рыболовные снасти. Наталья, жена его, быстренько прибрала со стола и, подав супругу кепку, хотела было поцеловать в дорогу, да приподняла брови.

— Откуда у тебя солидол на носу взялся? — спросила она. — Опять в гараж ходил, пока я у плиты крутилась?

Савелий по инерции принялся вытирать нос, заодно посмотрел на ладони. Наталья по-девичьи рассмеялась:

— С первым апреля! Эх, до чего же ты у меня простой, как сапог резиновый, — не в обиду сказала она. — Всему веришь. Пооди, ещё не раз попадёшься. Ну, ступай, с богом! Обои не забудь посмотреть.

Савелий чмокнул жену в губы и поспешил на автобус. То, что он был простым и доверчивым, это Наталья верно подметила. Ещё он был тружеником — презирал лень и пьянство, и в свои сорок два года выглядел крепко, хорошо. Всегда верил в

ПРОЗА

одно: что в этой жизни человек сам куёт своё счастье. Для Савелия этим счастьем были жена и дочурка Лиза, которая сейчас находилась в городе. Училась в Арзамасском педагогическом институте.

В районе Савелий так и не нашёл, что ему было нужно. Карбюратора нигде не было, пришлось заказывать. Жаль, что не на четверг, по четвергам обычно открывался рынок. Уже на обратном пути возле универмага Кузнецов повстречал соседей — Александра и Дарью Колентьевых.

— А вы тут какими судьбами?

— Да вот Дашуля хотела подарок сделать, костюм купила, а он немного великоват оказался, — улыбнулся Александр.

— Приехали обменять, а без чека не принимают, — вздохнула Дарья. — Куда подевался, ума не приложу.

Колентьев, осмотрев хорошенько соседа, прищурил один глаз, о чём-то задумался.

— Слушай, Савелий, а ведь тебе, я думаю, костюм враз будет.

Тут и Дарья, переведя взгляд на Кузнецова, закивала головой.

— Точно. Ты у нас вон какой плечистый будешь.

Кузнецов задумался. Не очень-то он любил все эти костюмы.

— Да куда он мне на старости лет? — в шутку отмахнулся Савелий. — По деревне, что ли, шеголять в нём?

— Зачем по деревне? Лизку замуж отдавать будете, и наденешь, — смекнула Дарья и протянула пакет.

— В самом деле, на свадьбу наденешь, — согласился с женою Александр. — Ты как раз повыше и пошире на размер. Враз должен быть. Коли не подойдёт, заберём обратно. Смотри сам, за деньгами вечером зайдём.

Савелий согласился и принял пакет.

— Ну вот, костюм купил, а нос уже где-то умудрился испачкать.

Кузнецов принялся вытирать нос. И снова его разыграли.

— С первым апреля, — улыбнулась Дарья.

— Не забудь Наталью разыграть, — Александр похлопал Савелия по плечу, и они с женою отправились по своим делам.

«Ох уж это первое апреля, лишь бы пошутить над кем. Дался им всем мой нос. Больше не куплюсь», — подумал Савелий и достал из пакета костюм. Пока осматривал покупку, ему вдруг пришла интересная мысль. Он даже потёр усы и как-то ехидно улыбнулся. В глазах блеснул огонёк. Кузнецов направился в парикмахерскую.

У Савелия на Камчатке жил брат-близнец. У того был свой бизнес, держал несколько магазинов. По большим праздникам присылал Савелию и его семье дорогие подарки. Звал

каждый год в гости, но с работой у Савелия не ладилось, и потому каждый раз поездка откладывалась на следующее лето. Наталья всего-то пару раз и видела мужниного брата-близнеца — на свадьбе да как-то в новогодние праздники с семьёй прилетал на недельку в гости.

Савелий в парикмахерской привёл себя в порядок. Постригся, сбрил усы и даже надушился. Примерил костюм. Действительно, как по нему и был шит. И расплатившись за стрижку, поспешил на автобус.

Наталья развешивала во дворе бельё, когда супруг предстал перед ней в костюме. По дороге Савелий забежал в универмаг и купил ещё под стать костюму шляпу. Сейчас он важно её приподнял, кивнул стриженной головой и снова надел.

— Ну, чего гостя не встречаете, аль телеграмму не получили? — улыбнулся Кузнецов. — Савелий-то где? Небось, на стол накрывает?

— Как? — первое что пришло Наталье в голову.

— Так-так-так, — Савелий забрал у супруги влажную рубашу и повесил на верёвку. — Вижу, не ждали.

— Аркадий?

— Ну, наконец-то, признали.

— Батюшки... Савелий-то как обрадуется!.. Ещё из Дивеева не вернулся, утром уехал за карбюратором. Хотя уже должен быть. Ну, пока все магазины не облазит... — Наталья поставила таз с бельём на землю, поправила на голове платок. — Пошли в дом. Гость прибыл, а я его на улице держу. Во те на. Совсем растерялась.

— Да чему теряться-то, хозяйюшка?

Кузнецова повела гостя в избу. На вопрос обернулась.

— Как чему? Дак вы с ним одно лицо, как зеркальные, только мой усы отпустил. Два года уже как носит. И как тут не дивиться, когда перед тобой муж точно жених нарядный стоит? Я уж и не помню, когда его в костюме-то видела. У вас в городе все так, поди, ходят? — спросила Наталья и сама же ответила: — Ну, в городе да, там и пойти есть куда. А здесь разве что на ферме красоваться.

Наталья, усадив гостя, засуетилась, накрывая на стол. Поставила чайник, нарезала колбасы, сала, хлеба, открыла банку варенья.

— Неудобно прям, с дороги, и угостить нечем, — Наталья, действительно, чувствовала себя неловко, это было видно. — Сейчас суп подогрею, вчерашний, правда...

— Да не нужно, я перекусил.

— Вот Зинка, зараза эдакая, накажу. То письмо затеряется у неё, то про телеграмму забудет.

— У нас с этим в городе строго, — заметил Савелий.

— А у нас кругом разгильдяйство, сам видишь, — Наталья присела за стол, разлила по чашкам чай. Намазала малиновым вареньем хлеб, подала гостю. Савелий был даже рад новому костюму, давненько жена за ним так не ухаживала.

— У меня тут, — Кузнецов достал из кармана небольшую коробочку. — Вот.

— Ой, что это? — Наталья как-то по-девичьи зарумянилась, приняла подарок.

В коробке оказались обычные недорогие женские духи. Конечно, подарок богатого гостя с Камчатки не то что не обрадовал, скорее удивил. Савелий по взгляду жены это понял.

— Представляешь, какой я лопух. На секунду только оставил сумку и вжик — нету, — гость сострыпал печальный вид. — Уволокли.

Наталья сожалеющее покачала головой.

— А там и норковая шуба, и нато... нуто... бук, короче, мини-компьютер. И сотовый телефон для Лизки последней модели. И всё коту под хвост.

Савелий, надкусывая бутерброд, посмотрел искоса на жену. По её расстроенному взгляду он понял, что если бы сейчас он эти слова произнёс не в образе Аркадия, то сковородником по голове точно словил бы. О том, что Наталья давно грезит шубой, он знал. И то, что Аркадий купил бы хорошую норку, Наталья тоже знала.

— Ну, ничего страшного, не было и не надо, — с каплей грусти улыбнулась жена. — Да и где тут в норке расхаживать-то?

— Действительно, разве что поросят смешить, — согласился Савелий. — Баньку, вижу, новую поставили, молодцы!

— Поставили. Чего-чего, а руки у Савелия из нужного места растут.

— Так это же хорошо.

— Хорошо, когда мужик в доме, грех жаловаться. Обидно, что постоянно в работе да в делах, посидеть, поговорить и то время не находим.

Кузнецов промолчал. Отпил чаю, долил в бокал кипятку.

— Савелий говорил, что вы в Париж прошлым летом летали.

— Летали, — без всякого энтузиазма ответил гость.

— Ну, расскажи хоть, как там? — заинтригованно попросила Наталья. — А то всю жизнь живёшь-живёшь, а дальше Нижнего Новгорода нигде и не были.

— Ну, а чего тут рассказывать. Справа француз, слева француз, посередине Эйфелева башня — всё как положено.

— Да-а, — Наталья задумчиво вздохнула. — Не умеешь ты, Аркадий, рассказывать, разве так описывают Париж. Это ведь...

— Чего это?

— Да так. Мы вот тоже каждый год собираемся на море, да всё никак не получается. Ты бы хоть, когда придёт, поговорил с ним. Вразумил бы, что отдыхать — это не значит целыми днями пропадать в гараже. Разок можно с семьёй и на море съездить. А то раскудахтается, как клушка на яйцо: зачем-зачем.

Кузнецов сморщил лоб, посмотрел на жену и жестом руки объяснил, что, мол, не переживайте, хозяйюшка, обязательно поговорю.

— А то как нелюди какие, — вздохнула Наталья. — Ну, а Нюра как поживает, как дети?

— Детишки, слава богу, не хворают. Здоровьем в папку пошли. Всю жизнь организм закаляю, и сыновей с раннего детства приучил к закаливанию. По утрам с ними душ принимаю. Любые беды пережить можно, лишь бы здоровье было.

— Это верно. Здоровье главное, тем более в наши-то годы. Савелий у нас тоже закаливается.

— О как! — улыбнулся Кузнецов не без гордости.

— Не каждый день, конечно, но всё же. Зимой снегом обтирается, летом поутру душ во дворе принимает.

— Молодец какой.

— Был бы сын, так же, поди, как и ты, закалял бы с пелёнок, — Наталья улыбнулась.

— Чего сынишкой-то не обзавелись? — Савелий пытливыми глазами посмотрел на жену.

— Да как сказать?.. Когда Лизку рожала, роды тяжело проходили. Потом всё боялась. Савелий, он, конечно, хочет сына. Я знаю. Да и я о втором ребёнке часто задумывалась. А всё никак не решалась. Вот что-то внутри такое острое сидит, что даже больно об этом думать, — Наталья виновато опустила глаза. — Он имя даже подобрал. Говорит, сын родится, мы его Юрой назовём, в честь Гагарина. Будет и в нашей семье маленький космонавт.

— Может, ещё не поздно?

— Аркадий, я тебя умоляю. Чай, мне не двадцать семь и не тридцать два.

— И в пятьдесят рожают, ничего. Ну да ладно, — Кузнецов потёр загорелой ладонью губы.

— Савелий как обрадуется тебе! Давно всё к вам собираемся, да вот видишь, никак. Вы бы и сами почаще приезжали, коли время свободное выпадает. Он хоть и бубнит постоянно, что нечего у вас там делать, а я-то знаю, что скучает по тебе, переживает. Бывает, ляжем с ним вечером, он про тебя словом замолвится: как, мол, там, интересно, у меня Аркаша поживает? А коли по телевизору покажут, что в ваших краях землетрясение произошло, сам не свой с неделю ходит. Потом на сердце жалуется. Болит. Года-то уже не те. — Наталья помол-

---

чала. — За свекровь, когда умерла, сильно переживал. Виски поседели сразу. Оно и так тяжело, когда кто из близких уходит, а тут ещё, если и вину на себе держишь, вообще невыносимо.

— В чём же он виноват-то перед матушкой был? — У Савелия заблестели от влаги глаза, он нахмурился, достал из кармана папиросу, закурил.

Наталья открыла форточку, принесла пепельницу.

— Да как тут сказать, он, конечно, виноват-то ни в чём не был. Это уж совесть взбудоражилась, издёргала его всего. Так часто бывает, когда дорогих сердцу людей теряешь. Редко последнее время навещали её. Всё времени не хватало заехать в гости. А у неё у самой сил уже не было к нам приехать. Вы с ним на кладбище вдвоём езжайте. Будет о чём поговорить. Не спрашивай только, почему могила без оградки. Он на это сердится. Они с матерью считали, что оградка ни к чему, чай, покойник не заключённый, чтоб за изгородью лежать.

Савелий тяжело вздохнул, выпустил из ноздрей дым и потушил окурочок. В сенях послышались шаги.

— Ну, наконец-то, — обернулась к двери Наталья. — Тут каждая секунда дороже...

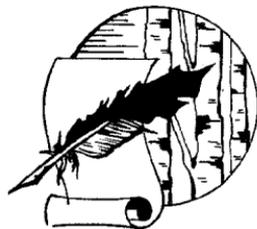
В дверь постучали, и на пороге появилась Дарья Колентьева, которая пришла узнать, подошёл ли костюм. Заприметив соседа нарядным, женщина спросила, нравится ли им одежда и будут ли они брать. Наталья перевела удивлённый взгляд на супруга.

— С первым апреля, — осторожно вымолвил тот и, выйдя из-за стола, медленно пошagal к двери. Уже со двора, закуривая папиросу, Савелий слышал, как Наталья хохотала в избе: «Разыграл всё-таки, поросёнок».

Только самому Савелию было не смешно. Отчего-то разговор с женою встрепенул душу, и хотелось молчать, хотелось думать. И думы эти сейчас наполняли сердце чем-то тёплым и грустным. Непонятное творилось внутри. Вспомнился брат, стыдно стало перед женою за этот нелепый концерт. Каким бы Савелий ни был, а всё же она его любит и переживает за него. Да и для него она самый родной человечек на этой земле. Скрипнула дверь. На крыльце показалась соседка с женою. Дарья, улыбаясь, пошagalа к себе. Наталья присела рядом на ступеньки.

— В июле отпуск будет, у дочки каникулы начнутся, поедем к Чёрному морю, — сказал Савелий. — А то, действительно, дальше Нижнего нигде и не бывали.

Наталья прижалась к мужу, улыбнулась и сказала, что без усов ему намного лучше.

Владимир МОЛЧАНОВ

РАННИЙ ПОЛЁТ

ВОСПОМИНАНИЕ

День прошёл — прошла забота,
Вечер скучен и сердит.
Выйдет мама за ворота,
На скамейке посидит.

В дом вернётся и с порога
Скажет мне, чтоб не дремал:
«Ты, сынок, хотя б немного
На баяне поиграл...»

Стает лучик в стёклах рамы.
И до самой темноты
Я солирую для мамы,
Я пою до хрипоты.

Горницу ласкают звуки,
Песня горлицей летит.
На меня, скрестивши руки,
Мама солнечно глядит.

Всё в былом... И песня спета.
Воздух памяти горчит.
Мамы нет уже на свете,
И баян в углу молчит...

* * *

Н.И. Тряпкину

На минувшей неделе
Были дни неплохи.

Мы с поэтом сидели
И читали стихи.

Замирала округа,
Оживала строка.
Мы втекали друг в друга,
Будто в реку река.

В небе звёзды мигали,
Осыпались в луга,
Чтобы мы раздвигали
Наших душ берега.

Чтоб в расцвете и силе,
Отметая враньё,
Увидали Россию,
Услыхали её...

* * *

Мрак за окном... Луны светильник...
То дождь, то снег, то гололёд.
На подоконнике будильник
Напоминает: жизнь идёт.

И ощущаю всё острее
Я жизнь предчувствием грозы.
И с каждым годом всё быстрее
Идут, мне кажется, часы.

«Тик-так, тик-так!» — будильник бьётся,
Пружинист ход его и крут.
Всё больше в прошлом остаётся,
Всё меньше — будущих минут...

* * *

Не скажу, что жизнь нещадно била,
Хоть и не безоблачной была.
В детстве меня бабка не любила —
Ни одной конфетки не дала.

Нелюбовь её была глубока
И была превыше её сил.

Нелюбовь её была от Бога,
Потому что нехристом я был.

В ней жила до смерти в Бога вера —
От неё её не отвратить.
И меня — подростка-пионера
Всё в неё хотела обратить.

Я ж, язык ей показав с порога,
Убегал, икону сняв опять,
А она вослед: «Побойся Бога...
Бог за это может наказать...»

Лишь теперь узнал я, словно новость,
И мой пыл безбожия угас:
Вера в Бога — это вера в совесть.
Сколько же безбожников у нас?!

И моя душа вдруг загрустила,
Вспомнив мои прошлые дела.
...В детстве меня бабка не любила —
Ни одной конфетки не дала.

ДЯДЯ ВАНЯ

В родном селе — к чему название,
Ведь я храню его в душе,
Живёт садовник дядя Ваня —
Давно на пенсии уже.

Он не всегда, как надо, выбрит,
Зато с соседями в ладу.
Любил по молодости выпить
И спать под яблоней в саду.

Всегда уважит — не откажет.
...И вот опять я с ним стою
И жду, когда же он расскажет
Про грусть нехитрую свою.

А было всё не так уж грустно.
В давно запаятом году
Крепчала хрустящая капуста
И зрели яблоки в саду.

Росли арбузы... Мы же, дети,
Желаньем лакомства полны,
Тянули их к себе за плети
Неописуемой длины.

И пацанячью ту атаку,
Как мог, дядь Ваня отражал,
Но, как мне помнится, собаку
Всегда на привязи держал.

Пришел один — к чему детали?! —
Чтоб застрашать нас на века,
Вслед брызги соли вылетали
Из пасти злой дробовика.

Трёхпалый свист! — аж глохнут уши.
...И вот я думаю с тоской
Про эти «яблони и груши»
И про «туманы над рекой».

И стало явственно виднее,
Что сад, как чуб мой, поредел.
И стал немного я беднее,
Что дядя Ваня не у дел.

Навстречу мне идут селяне,
И я навстречу им иду.
Вот только жаль, что дядя Ваня
Не спит под яблоней в саду..

* * *

Канун весны. Леса опольные.
И поезд грохотом колёс
Пронзает рощу белоствольную
Нераспустившихся берёз.

Река замедлила течение
В разливе поймы луговой,
И в ней колеблется свечение
Деревьев книзу головой.

И галки кружатся над рощею,
Разминка — ранний их полёт.
И ветки робко ищут ошупью,
Откуда солнышко взойдёт...

НА РОДИНЕ

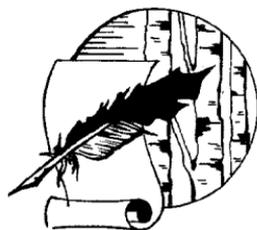
А на родине светло!
Добегу до поворота,
Где осеннее тепло
Обрамляет позолота.

Дом обжитый у реки,
На скамейке, у излуки,
Отдыхая, мужики
На груди скрестили руки.

В облаках над головой
Свет заката утончённый.
Пахнет выжженной ботвой
И картошкой печёной.

Брошу плащ свой на межу,
Землю тёплую поглажу.
Никому не расскажу,
Как я сам с собою лажу.

Как храню, что утекло,
Как о прожитом жалею?!
...А на родине — светло!
А чем дальше — тем светлее.

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА

СВЕТ ОДИНОКИХ ФОНАРЕЙ

* * *

Брат мой кровный, православный, что с тобой?
Между нами словно вспыхнул смертный бой...

Речь твоя от неприязни холодна —
В тёмном омуте обид не видно дна.

Нет ответа на слова душевных треб,
Ты ко мне как будто глух и точно слеп.

Ну а я гневливый взгляд и злой прищур,
Помолясь, тебе, конечно же, прощу.

ЛАСТОЧКИ

Кружась над сонною землёй
В вечернем небе,
Бьёт в окна звонкою волной
Весёлый щебет.

И этот радостный полёт
К закату станет
Крикливой сотней чёрных нот
На нотном стане.

Неровным всполохом пойдёт,
Случайным всплеском,
Влетит в мой дом, как дикий кот, —
По занавескам.

Умрёт в последней из октав
Легко, привычно,
В ночи безлунной потеряв
Свой ключ скрипичный.

---

* * *

Терпко пахнут стены мятою и тмином,
На столе рубинами — ягоды калины.
С кисло-сладким духом зреет на подносе
Крутобоких яблок розовая россыпь.
И плутает в доме с шорохом и смехом
Голосов недавних призрачное эхо —
Оголтело в окна бросится незряче
И, уйдя под крышу, тихо вдруг заплачет...

* * *

В слепом кружении ветров
Весна, как путник запоздалый,
Ища себе покой и кров,
В мой дом настойчиво стучала.

Косым дробящимся дождём
Она в пылу, что было силы,
Сорвав с небес гудящий гром,
По стёклам звонко колотила.

Скользя по скатам чёрных крыш
С весёлым рокотом и шумом,
Она сползла в ночную тишь,
Как в темноту пустого трюма.

У неоткрывшихся дверей
Остановилась и уныло
Свет одноногих фонарей
В бурлящих лужах раздвоила.

* * *

Не сочтите слова мои грубыми или превратными,
Я молчание в жизни стезёю своей не приемлю...
Если плачет мужчина навзрыд слезами квадратными,
Разбивая стеклянные грани о мёрзлую землю,
Значит, рухнул весь мир в одночасье... И не приуменьшена
В этой тягостной боли обида безмолвная. Боже!
Что ж Вы сделали, милая, милая женщина,
Откровением горьким ожоги оставив на коже!...

* * *

Ноябрь. Четвёртый день подряд
Изорванное небо, скорчившись от боли,

Бросает в ярости то дождь, то снегопад
На голый лес и бронзовое поле.
Но на душе ни горя, ни тоски...
Забыты мелочи. И в торжестве покоя
Всё больше кажется, что мы с тобой близки,
Как никогда!
И нас на свете двое.

ЛЮБОВЬ

Бежала прочь сто тысяч раз,
Три миллиона — проклинала!
Но начиналось всё сначала
При встрече глаз...

И я не смела... Не могла,
В удушьё сладком цепenea,
Понять, откуда ты и где я,
И почему сгустилась мгла?

Овал любимого лица!
И словно к солнечной иконе
Тянулись жаркие ладони
Сомкнуться в таинстве кольца.

Слепыми были зеркала,
Ловили радужные дуги,
Когда, расплавившись друг в друге,
Сгорали мы почти дотла...

* * *

Шальная осень!
Листопад сплошным потоком
Всю ночь раскладывал пасьянс у наших окон.
Но ветер гневно разметал в порывах страсти
Красиво брошенный расклад червовой масти.
Не успокоившись на том, без сожалений,
Гонял при свете фонарей ночные тени.
Потом устал и до утра, как пьяный, гулко
По сонным улицам бродил и переулкам.

г. Кострома

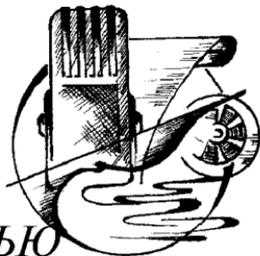

Ирина МЕДВЕДЕВА,
директор Института демографической безопасности

ПОЧЕМУ ПОЯВИЛОСЬ ТАК МНОГО ПСИХОВ?

— *Ирина Яковлевна, Вы говорили раньше, что среда, в которой мы сейчас живем, неблагоприятна для психики, и из-за этого много детей и взрослых находятся в пограничном состоянии, то есть они не больны душевно, и при этом у них есть какие-то небольшие отклонения. Почему наша среда неблагоприятна?*

— Потому что в нашей стране после так называемой перестройки начались попытки произвести культурный слом. Они до сих пор не прекращаются, хотя сейчас они уже не столь агрессивны, как вначале. В моей практике подтверждается открытие величайшего швейцарского психиатра и психоаналитика Карла Густава Юнга о наличии у людей так называемого коллективного бессознательного. Юнг так назвал глубинную память человека, в которой каким-то загадочным образом закодированы основные модели поведения, мироощущение, мировоззрение, свойственное той или иной культуре, в которой живет человек и в которой жили его предки. Если в семье на-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

рушаются фундаментальные нормы русской культуры, то психика ребенка от этого страдает. И напротив, когда мы просим родителей вернуться в воспитании ребенка к нашей культурной традиции, уже от одного этого возвращения к корням его психика может гармонизироваться.

— *В чем состоит наш менталитет и каким образом его ломают?*

— Об этом не скажешь коротко. Один из основных принципов, который пытаются сломать, — это отношение к бедности и богатству. Разве когда-либо в России полагалось относиться к богатству как к главной цели в жизни? Никогда богатство не ставили во главу угла. Никогда богатство не было критерием положительности человека. Потом русская культура общинна. У нас всегда люди любили вместе работать, вместе радоваться, вместе горевать. В Церкви это называется соборностью. В советское время это называлось коллективизмом. В последние десятилетия пытаются человека оторвать от других людей, пытаются внушить ему, что он должен быть сам по себе. Я помню как в первое время, когда в моду вошло выражение «это твои проблемы», оно травмировало слух. Сделано все, чтобы общинный дух ушел из нашей жизни, но он уйти не может, потому что он в генетической памяти все равно есть. Он просто находится в подавленном состоянии. От любого давления происходит какая-то обратная реакция. То есть откуда-то из-под спуда этот общинный дух, не имея возможности выйти на поверхность, подает бессознательные сигналы человеку. Из-за попыток культурного слома страдают и дети, и взрослые. Первый шаг к оздоровлению психики — это перевод бессознательного недовольства, бессознательной тревоги, бессознательного чувства чужеродности того, чему в последнее время приходится подчиняться, и чувства чужеродности псевдоэталонов в сознание. А затем надо сознательно отвергнуть все чужеродное.

— *Что еще идет вразрез с нашим коллективным бессознательным?*

— Традиционная русская культура очень патриотична. Люди за свою землю тут всегда готовы были отдать жизнь. А им, когда произошла перестройка, стали внушать, что у них позорная рабская история, что у них ужасное настоящее, что у них нет будущего, и многие люди на уровне сознания поверили в это, потому что люди привыкли относиться с пиететом к средствам массовой информации.

— *Что еще находится в нашей генетической памяти?*

— Огромную роль играет то, что русская культура очень возвышенна. Она вся обращена в сферу идеального. В рус-

---

ской культуре не принято было придавать большое значение тому, что сегодня называется качеством жизни, — что у тебя на столе, во что ты одет, какая у тебя мебель и так далее. В русской культуре было принято детей как можно раньше обращать к сфере идеального, учить их любить невещественное, а если вещественное, то не то, что можно было купить за деньги, а красоту Божьего мира. Любовь к природе, радость от нее доступны любому человеку, вне зависимости от его достатка. Любить родину, любить друзей, вообще любить ближних, любить настоящее искусство — этому всему придавалось большое значение. Русское традиционное воспитание всегда было направлено на подавление низменного в человеке и на пробуждение и развитие верхних этажей психики.

— *А что мы видим сейчас?*

— В последние десятилетия все делается наоборот. Сфера влечения растормаживается. Человека провоцируют жадные низменных удовольствий. Все время рекламируют какие-то новые сорта йогуртов, шоколада, колбас, сыров, мебели, машин, одежды. Кроме того, происходит растормаживание сексуальной сферы, разрушение стыда — это не просто ошибка, это страшное преступление и перед детьми, и перед взрослыми. Я думаю, что ничего страшнее разрушения стыда вообще не существует, потому что чувство интимного стыда — это один из главных показателей психической нормы. И когда людей призывают к бесстыдному поведению как к эталону и говорят, что нужно отбросить ложный стыд, поскольку что естественно, то не стыдно, фактически их призывают к искусственной инвалидизации психики.

— *При каких психических болезнях у людей нет интимного стыда?*

— Это самые тяжелые психиатрические заболевания. Например, некоторые виды шизофрении в стадии дефекта. Стадия дефекта — это последняя стадия любого заболевания. Шизофрения в стадии дефекта — это полный распад личности. Это тяжелая психическая инвалидность. И фактически массу нормальных людей призывают подражать поведению тяжелобольных.

— *Если нормальный человек будет жить с отсутствием интимного стыда, это как-то может сказаться на психике?*

— Я просто уверена, что это не может не сказаться. Это не значит, что здоровые люди заболеют шизофренией, но какие-то отклонения — те или иные — рано или поздно, явно или скрыто, конечно, появятся.

— *Какое сейчас психологическое состояние людей?*

— Конечно, у части людей оно не в лучшей форме, потому что многие стараются идти в ногу со временем, стараются подчиниться новым стереотипам, и, будучи нормальными, имитируют поведение душевнобольных. Ведь навязываемые сейчас стереотипы очень напоминают психиатрические симптомы. Сейчас масса неправильных диагнозов, потому что нормальные люди могут вести себя как душевнобольные.

— *Вы не могли бы привести примеры поведения, которое имитирует поведение психически больных людей?*

— Можно привести в пример агрессивное поведение, которое демонстрируется в триллерах, когда главный герой все крушит и ломает на своем пути, выбивает двери, окна, прыгает с двадцатого этажа, а попутно по дороге с абсолютно холодным сердцем, не в состоянии аффекта, а потому что какие-то люди ему мешают, убивает их. Здесь имитируется поведение гебоидного шизофреника. При гебоидной шизофрении в человеке сочетается подростковая агрессия и подростковая безответственность с абсолютно каменным сердцем. То есть такой пациент не от своей горячности набрасывается на людей и вышибает двери и окна, а от полного безразличия к окружающему.

— *Еще какие бывают навязываемые модели поведения, которые являются симптомами психических болезней?*

— Скажем, когда взрослые люди рекламируют какие-то новые сорта продуктов, обливаясь и сладострастно закатывая глаза, они имитируют поведение душевнобольных. Взрослые люди, которые с таким сладострастием относятся к еде, что готовы обо всем на свете забыть, если им хочется достать что-то вкусное, и у которых еда становится сверхидеей, так что они уже не могут ни о чем ни думать, ни говорить, называются шизоидными инфантилами. А бесстыдство, которое многие люди, особенно молодые, считают проявлением здоровой раскованности, свойственно не только пациентам с шизофренией, но еще и больным, которые страдают истерическими заболеваниями, например, истерическим психозом.

— *А то, что многие женщины летом ходят в полуголом виде, является симптомом какой-нибудь болезни?*

— Обнажение на людях называется в психиатрии эксгибиционизмом. До поры до времени психика таких женщин может быть сохранна — пока они себя заставляют в силу моды надевать такую одежду, пока совершают над собой некоторое насилие. А потом, когда это уже начинает нравиться, надо ставить вопрос — все ли у них в порядке с головой? Люди,

---

которые смотрят всякие непристойности, например, реалити-шоу, ведут себя как психиатрические больные, страдающие заболеванием под названием вуайеризм. Такие пациенты обычно подглядывают в замочную скважину, в чужие спальни, в туалет. Фактически к такому поведению сегодня располагают нормальных людей.

— *А можно что-то сказать о юмористических телепередачах?*

— Здесь индуцируется вторичное слабоумие. Когда люди каждый день смеются над тем, над чем даже обезьяны не стали бы смеяться, их как бы заражают слабоумием. Собственно, появляются вопросы и к современным названиям точек общепита: «Картошечка», «Ням-ням». Ням-ням — это же лепетная речь. Так говорят дети до года. Зачем такая вывеска на ларьке? Чтобы взрослые люди деградировали.

— *Про тех людей, которые смеются во время просмотра юмористических передач, можно сказать, что у них слабоумие?*

— Нет, так сказать нельзя, но, конечно, о какой-то деградации или инволюции приходится говорить. И я не знаю, так ли легко этих людей будет вернуть в нормальное состояние, если из людей перестанут делать идиотов.

Беседовала Алла Тучкова

ОНИ ЭТО СДЕЛАЛИ: ОБРУШИЛИ РУБЛЬ

Когда наметился успех ополченцев...

Очевидное несовпадение позиций либералов и силовиков на развитие ситуации в Донбассе переросло в растущее взаимное раздражение, усиленное санкциями. Руководители ЦБ РФ однозначно заняли либеральную сторону в этой бульдожьей схватке под кремлевским ковром. Перейдя от слов к делу, они начали умышленно раскачивать финансовую устойчивость России, вынув из-под сукна проект «таргетирования инфляции». Про свои основные задачи — стабилизацию курса национальной валюты, борьбу за обещанный уровень роста цен в 4%, стимулирование роста ВВП — в ЦБ просто забыли. Как школьники — вторую обувь и дневник. Набиуллиной, в общем, простительно, она ведь новенькая, в банковской сфере и на финансовом рынке никогда не работала, ее кредо — в министерствах и Кремле складно писать разные, чаще всего несбыточные прогнозы. Поскольку еще Бродский верно заметил, что современные деньги являются одной из стихий, укрощать ее, управляя,

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

по сути, своеобразным ядерным реактором, надо уметь. Поэтому не одна Эльвира Сахипзадовна получила жирную пару за непрофессионализм, но целый консилиум ее новых замов, освященных идеями Высшей школы экономики и конкретными интересами Сбербанка. Мелкие спекулянты не зря сегодня шутят на форумах, что, поручи любому из нас разрулить ситуацию, имея на руках в августе тот набор карт, которым располагал ЦБ, даже при осеннем снижении нефтяных цен на четверть, приручить рынок и показать, кто у рубля хозяин, вполне мог и не обласканный президентской милостью, простой здравомыслящий субъект.

Прошу теперь обратить внимание на то, когда был выбран момент для первого заявления зампреда ЦБ Ксении Юдаевой о скором переходе на плавающий валютный курс, расширении границ существующего и уменьшении интервенций. Отмотаем пленку на 15 августа 2014 года. Санкции Западом России уже объявлены. Курс рубля совершенно стабильен, нефть еще достаточно устойчива. Рынок правят внешнеполитические риски, которыми уже трудно было удивить, учитывая приобретенный рынком опыт во время крымского кризиса. Спекулянты не сомневаются в явных и скрытых возможностях ЦБ. Время боев под Иловайском, чаша весов в Донбассе качается из стороны в сторону, только ленивый не вспоминает в СМИ о столетнем юбилее начала Первой мировой войны.

Не правда ли, очень государственный подход демонстрирует «независимый» ЦБ, в такой момент устраивая эксперименты с курсом, выбирая сомнительный набор рецептов, когда даже ребенку понятно, что у начинающейся эпидемии совсем другие геополитические симптомы? Скормив рынку первую либеральную пиллюлю, руководство ЦБ не успокоилось. На самом деле раскачать российский валютный рынок не так просто. Учитывая высокое положительное торговое сальдо, рубль естественным образом отыгрывал спекуляции обратно, особенно в период выплаты налогов. Именно тогда, при стабилизации курса, и последовало выступление зампреда ЦБ Сергея Шевцова, раскрывающее планы на отказ от регулирования к Новому году.

Догадайтесь, на какие кнопки снова нажали спекулянты в паре рубль/доллар, если регулятор рынка демонстрирует собственную слабость, как Виктор Янукович на майдане. И за язык Шевцова никто не тянул. Планы любого ЦБ, ФРС США, например, попусту не обнародуют, ведь за каждым словом следит армия тех самых алчных спекулянтов, способных общей массой двинуть рынок, была бы идея.

А идея всем на рынке давно понятна. Шила, как говорит-

ся, в мешке не утаишь. С приходом Эльвиры Набиуллиной в ЦБ обнаружилась странная закономерность, позволяющая структурам ее бывшего руководителя Германа Грефа оказывать главными выгодоприобретателями ее начинаний, связанных с отзывами лицензий у банков. Интересное совпадение: бывший топ-менеджер Сбербанка Юдаева двигает своими заявлениями валютный курс, в то же самое время некий банк имеет возможность без риска валить национальную валюту. Ничего личного, если дилеру этого банка ЦБ приоткрывает свои карты, не правда ли...

Удар в спину

Итак, почти три месяца ЦБ тупо следовал выбранной схеме, сдвигая курс по 5 копеек, вбрасывая по 350 млн. дол., что очень хорошо усваивалось рынком. Стой ЦБ прежним объемом в 1,5 млрд. дол., игроки против рубля могли бы и налететь на «невидимую рыночную руку». В итоге к октябрю, когда смех аналитиков был уже сквозь слезы, общее напряжение почувствовали и в Кремле. Стало очевидно, что без ручного президентского управления опять не обойтись. Очевидно, что в августе и сентябре для Владимира Путина стояла на повестке дня прежде всего внешнеполитическая задача. Она выражалась просто: стабилизировать ситуацию в Донбассе. Парадокс заключается в том, что, проведя переговоры в Минске и выровняв фронт, Путин получил сильнейший толчок в спину от своей бывшей хрупкой помощницы в нелепых очках. Она не только оголила финансовые тылы, но и умело заморочила бывшему шефу голову. В итоге, потеряв естественное равновесие, президент России в октябре делал такие заявления, которые не оказывали практического влияния на рынок. Когда он говорил, что мы «не палим резервы», происходило прямо противоположное — инсайдеры опустошали ЗВР без всякого риска быть наказанными со стороны закрывшего глаза мегарегулятора, поведение которого было подобно «крышующему» незаконную торговлю у метро полицейскому. Меры, которые декларировал ЦБ — всякие красивые слова про аукционы РЕПО, повышение процентной ставки, были обращены, скорее, не к рынку, но именно к президенту России. И опять с целью заморочить ему голову. Даже новичок понимал, что этих мер либо недостаточно по объему, либо сроки их введения искусственно затянуты. За время этого праздника жизни российский ЗВР опустошился более чем на 30 млрд. дол. Что толку было радикально повышать ключевую ставку на 1,5%, разгоняя инфляцию, если сам горе-

---

регулятор не ограничивал турбулентность, доходившую до 7% в день? Ответ прост: чтобы отчитаться за бездействие и завуалировать откровенное вредительство. Чем еще можно объяснить снижение во время спекулятивной атаки на рубль качества бумаг для залога в ломбардном списке, позволяющее банкам в такой момент обращать полученные под «неликвиды» у ЦБ рубли в валюту?

Любопытно сегодня заглянуть и в статистику вывода капитала за октябрь 2014 года — он составил рекордные 28 млрд. дол. Вот на что потрачены почти 10% ЗВР России. Это почти в три раза больше ЗВР проводящей АТО Украины, финансовым властям которой трудно отказать в профессионализме, ведь худо-бедно им удавалось при полном напряжении и истощении экономики контролировать ситуацию даже при таком скудном денежном рационе.

Апофеозом «инфляционного таргетирования» стал красный день календаря 07.11.2014, напомнивший россиянам о «черном» вторнике, когда ЦБ потерял контроль за рынком окончательно и испуганно ждал сигналов от убывшего в Шанхай президента. И было понятно — шутки шутками, но солидная российская «финансовая подушка» ЗВР наряду с армией и флотом стала для Путина предметом гордости как один из инструментов государственной устойчивости. Кстати, в 1994 году Борис Ельцин не простил манипуляций с курсом Геращенко, отправив его в отставку. Через 20 лет хватило оправданий Юдаевой в Госдуме: «Слабый рубль — это плохой рецепт в экономике», — поставившей самый точный диагноз самому ЦБ. Несмотря на гулявшие по рынку слухи о поданном Набиуллиной заявлении об уходе, президент трогать ее не рискнул, выдав публичную индульгенцию на заседании ОНФ. Отвечая буквально на крик души участвующего во встрече кардиолога: «Как теперь лечить больных при нехватке денег на резко подорожавшие лекарства?» — президент напомнил притихшему залу, что спекуляция на валютном рынке не криминал.

Совершенно верно. Но не ему ли как юристу знать, что манипулирование рынком в РФ уже давно уголовно наказуемо.

Привожу пример. 03.11.2014. ЦБ молчит как рыба, соблюдая режим «недели тишины». Спекулянты в напряженном ожидании объявления процентной ставки. В 13.30 на рынок вышел неизвестный продавец валюты с огромным объемом, который сметает все заявки в расчете на повышение ключевой ставки рефинансирования. И она, действительно, радикально повышается до 9,5%. Налицо явные признаки ин-

---

сайдерской торговли, тем более ЦБ заявил, что на рынок не выходил. По СМИ прошли сообщения о начале расследования, которые сам Центробанк и проводит, но быстро исчезли. По всей видимости, его звуки гуляли между кремлевскими башнями, недовольство выплеснулось в топовые программы СМИ и заявления «Справедливой России», в которых явственно проступал фон — атакуют рубль отнюдь не Джордж Сорос со стаей западных акул и пираний, но российские госбанки.

Центробанк против нас

Выдам страшную тайну: главной причиной валютной паники были даже не атаки крупных спекулянтов-инсайдеров, это хорошо видно по динамике и объему торгов, по прогнозам ведущих игроков и банков на курс к концу 2014-го. Никакую панику в конце лета они не нагнетали, не имея шансов в игре против ЦБ. Даже санкции и дешевеющая нефть не объясняют всю глубину падения рубля. Циничным спекулянтам российский Центробанк преподнес уникальный урок, смысл которого поначалу не мог уложиться даже в их головах. Камарилья во главе с Набиуллиной фактически испытывала на прочность реального мегарегулятора — президента России, в то время как на Западе лучшие умы ломали головы над тем, как изобрести рычаг давления на Путина.

Осенью американцам и саудитам, наконец, удалась «разводка» с нефтяными ценами. Но запас финансовой прочности у России еще достаточно был велик, а снижать цену на нефть радикально, чтобы сделать российского президента более сговорчивым, очевидно, не выгодно ни тем, ни другим. Давление на российскую финансовую систему, которое приведет к ощутимым социальным последствиям, при умеренной (не в разы) коррекции нефтяных цен, даже усиленное финансовыми санкциями, было бы невозможным, прояви российский ЦБ устойчивость и профессионализм. Увы, команда Набиуллиной сделала в точности наоборот, продемонстрировав стране и миру слабость и откровенную, можно даже сказать, бытовую глупость, подставив плечо врагам нашего президента, лишив его маневра на переговорах в Китае и Австралии. Имея еще в «августе четырнадцатого» в геополитической игре на руках козырную финансовую карту, обеспеченную не только многомиллиардным положительным торговым сальдо, размером ЗВР, но и устойчивой национальной валютой, Путин уже к «красному» ноябрьскому дню в Шанхае был вынужден отбиваться от вежливых китайских

вопросов: «Что же у вас, дорогой партнер, с рублем?» Российский президент, наверняка не без зубовного скрежета, был вынужден краснеть не только перед руководством КНР, но и перед главой МВФ Кристин Лагард. Чтобы сбить пену последствий от «девятого вала» спекулятивной истерии, одной обходительности было мало. Страшная месть и наказание спекулянтам со стороны ЦБ РФ были обещаны. Главный итог этой блестящей манипуляции Набиуллиной: Путин уверен, что ЦБ делал все возможное и невозможное, но какие-то анонимные «быки» и «медведи» подложили ему свинью не раньше и не позже.

Рублевый фронт, услышав долгожданный окрик хозяина, остановился. Но джинн инфляции уже выскочил наружу. Растерянные россияне привыкают к новым ценам. Зато Виктория Нуланд рукоплещет набиуллинскому «таргетированию инфляции», заявляя в Латвии: «Вы видите, как упал рубль. Видите, сколько денег Москве пришлось потратить на то, чтобы его защитить. Вы видите, как растет инфляция», — делая вывод, что санкции Запада, наконец, попали этим прямым русским по слабому месту, используя на этот раз в нужном месте и в нужное время либеральных шарлатанов и вредителей из Центрального банка Российской Федерации.

Источник: «Завтра»

ОХОТНИЧИЙ БИЛЕТ НА ЧЕЛОВЕКА

В прошлом году СМИ наперебой комментировали шокирующее известие: «Врачи московской городской больницы № 81 незаконно изъяли внутренние органы у 41-летней Олеси Добровольской». Ее с инсультом доставили в медучреждение, где сделали операцию, после которой она впала в кому. Родственников уведомили о том, что шансов на улучшение нет, но пустить их в реанимацию отказались.

Через несколько дней им сообщили, что Олеся скончалась. А ещё через несколько часов анонимный источник из больницы сообщил по телефону, что у ещё живой Олеси врачи пытались изъять внутренние органы. Родственники кинулись в больницу и стали требовать показать им тело женщины, но ни им, ни полиции, которую они вызвали, получить эту возможность не удалось.

Главврач больницы Наталья Верткина по очереди вызывала родственников в свой кабинет для разговора, в ходе которого она заявила, что медработники не будут показывать тело Олеси.

Прибывшие затем сотрудники Следственного комитета и прокуратуры так-

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

же не сразу смогли попасть в морг, а, получив эту возможность, ничего комментировать не стали. Родственники добились направления тела Олеси на экспертизу и требовали правды. У женщины осталось двое детей — семилетний Ярослав и 19-летний Денис.

Затем СМИ значительно расширили картину происшествия:

«По данным криминалистов, тело женщины вскрыли до того, как отправили в морг. Однако данную процедуру следует выполнять лишь на следующий день после смерти».

«Вечером 12 декабря медики констатировали ее смерть и в соответствии с приказом Минздрава изъяли обе почки, поджелудочную железу и печень, которые переданы в институт трансплантологии».

«По российскому законодательству, в случаях посмертной трансплантации действует презумпция согласия. То есть, если родственники заранее не уведомили врачей об отказе на донорство, органы могут быть изъяты. Такая ситуация возникла из-за пробелов в законодательстве, которое можно трактовать по-разному, — заявил ТАСС медицинский адвокат Алексей Тихомиров».

«В столичном департаменте здравоохранения утверждают, что все действия врачей были законными. Об этом ТАСС сообщила официальный представитель департамента Элина Николаева».

«По данному факту следственными органами Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве проводится доследственная проверка. По результатам проверки будет принято процессуальное решение».

А теперь — комментарии.

Эта страшная история — трагическая иллюстрация подступающей реальности и отрезвление для тех, кому кажется, что опасность развития посмертного донорства надуманная.

К сожалению, официальный представитель департамента здравоохранения Москвы прав — действия врачей определяются законами: закон РФ от 22 декабря 1992 года №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», закон от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». А те, в свою очередь, базируются на положениях следующих международных актов: «Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов», «Стамбульская декларация о трансплантационном туризме и торговле органами», «Декларация о трансплантации человеческих органов» (при-

---

нята 39-й Всемирной Медицинской Ассамблеей; Мадрид, Испания, октябрь 1987).

И через призму этих законов каждый из нас — вовсе не человек с его душой, стремлениями, чувствами, мечтами, но — «набор органов на ножках», по умолчанию согласный, чтобы его «разукомплектовали» и направили под заказ в новые руки.

Слишком резко? Но такова, к сожалению, суть принятых в стране норм и реализуемых стратегий.

Вряд ли в 1992 г. в России был кто-то, кто интересовался тем, какие именно законы подписывает президент. А он росчерком пера создал для нас новую реальность, которая называется «посмертное донорство». И стоит она на двух «китах».

Когда мы обсуждаем эту проблему, то привычно обманываемся словом «посмертное». Мол, что там после моей смерти будет — мне уже будет всё равно.

Так-то оно так, но проблема в том, что у нас устарелое понимание этого слова. С 1992 г. в России мёртвым человек считается тогда, когда у него прекращается деятельность мозга, но — внимание! — сохраняется сердцебиение и дыхание.

И тогда «посмертное донорство» выглядит уже совсем по-другому: мёртвый человек — это тот, у кого бьётся сердце и кто дышит. И только мозг у него не функционирует. Временно или навсегда — это, похоже, уже никого и не интересует. И именно в этот момент он становится «потенциальным донором».

И у него — дышащего, с бьющимся сердцем — извлекают органы. Разрезают без наркоза и извлекают сердце, лёгкие», печень, поджелудочную железу, двенадцатиперстную кишку, печень, почки. И ещё так, «по мелочам» — кожу, репродуктивные органы, роговицу глаз...

Смерть мозга приравнивается к смерти человека. Это и есть первый «кит». Авторой «кит» — презумпция согласия, то есть то, что мы все по умолчанию согласны стать посмертными донорами. И даже если мы ничего не знаем ни о том, ни о другом — это ничего не меняет.

А теперь о законности поподробнее.

В 2004 г. в Москве на базе ГКБ №11 создан «Московский координационный центр органного донорства» (Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы №184 «О совершенствовании организации работы городской службы органного донорства»).

Его цель — «изъятие и координация распределения донорских органов в государственные учреждения, оказывающие

трансплантологическую помощь населению»; задача — «выявление, регистрация и динамическое наблюдение потенциальных доноров в отделениях реанимации и интенсивной терапии».

На Центр замыкаются больницы: НИИ СП им. Н.В. Склифосовского, Городская клиническая больница им. С.П. Боткина, ГКБ №№ 1, 3, 7, 13, 15, 20, 33, 36, 64, 67, 68, 71, 81 («Реестр учреждений здравоохранения города Москвы, в которых разрешено проводить заготовку донорских органов после констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга»).

Выездная трансплантологическая бригада Центра (1-2 хирурга, 2—4 операционные медсестры, врач судмедэксперт, врач-невролог) в круглосуточном режиме выезжает в места появления потенциального донора, занимается кондиционированием (спасением) его органов (но не организма!) и ждёт момента, когда можно будет откромсать от живого тела с «неработающим мозгом» облюбованные куски плоти.

И если «потенциальный донор» молод и здоров, и некому вовремя заявить о его несогласии стать им, то участь его предопределена.

Первым в печальном списке учреждений по разборке стоит «Склиф» — и именно туда, что-то, наверное, зная об этом, наотрез отказываются везти своих товарищей после аварий байкеры. А замыкает его ГКБ №81 — та самая, в которой лишили органов красавицу Олесю.

Наверное, когда у неё забирали органы, она была ещё совсем жива и страдала под ножом хирурга, отрезавшего у неё «обе почки, поджелудочную железу и печень» — иначе не было бы этого звонка её родственникам от неизвестного человека.

Страшная трагедия. Но, увы, всё — по закону.

И презумпция нашего общего «неиспрошенного согласия» — как охотничий билет, выданный кем-то кому-то по поводу нас.

А ещё у нас с 2011 г. в законе «Об охране здоровья граждан» сказано: «Реанимационные мероприятия прекращаются в случае признания их абсолютно бесперспективными, а именно: 1) при констатации смерти человека на основании смерти головного мозга» (ст.66 п.6 пп.1).

Лечить невыгодно — выгодно торговать — органами, человеком, совестью.

В январе 2014 года 19-летнюю Алину Саблину в Москве сбила машина на пешеходном переходе. Шесть дней родственники дежурили у находящейся в коме дочери в реанимации ГКБ №1 (смотрим «Реестр учреждений здравоохране-

---

ния, в которых разрешено проводить заготовку донорских органов»), а потом их без объяснений выставили прочь и через сутки сообщили о её смерти. Через месяц они узнали, что у неё изъяты сердце, почки, часть аорты и нижней полой вены, надпочечники и кусок нижней доли правого легкого.

В октябре 2014 г. врачи Люберецкой больницы изъяли почки у пожилого мужчины Анатолия Приходько, оформив его как бездомного и также не известив постоянно дежуривших в реанимации родственников.

Общим для всех этих случаев является то, что от близких намерение изъять органы скрывают, а потом пеняют — вы, мол, не возразили. И как при этом проверить потом, был ли у «донора» шанс выжить?

А в апреле 2014 г. госпожа министр здравоохранения, многоуважаемая Вероника Скворцова пригрозила с высокой трибуны населению, что все, кто откажется быть посмертными донорами, пусть не рассчитывают на аналогичную помощь, если она понадобится.

Кстати, Минздрав готовит новую версию закона о трансплантологии, и уже звучит, что там будет оговорено право частных клиник на пересадку органов...

Молох безжалостно пожирает свою добычу, и снова где-то родственники не могут защитить от людей в белых халатах близкого человека, которого кто-то по своему усмотрению лишает шанса на жизнь.

Лишает тот, у кого есть «охотничий билет». И «всё по закону».

Так, может, всё-таки что-то не так с законом?

ОСТАНОВИТЬ ПРИТЕСНЕНИЯ РУССКИХ!

Понятие «русские» имеет три значения. В узком — имеются в виду все, кто считает себя и записывает русским, независимо от этнического происхождения и страны постоянного проживания. Во время Всесоюзной переписи в 1989 году таковыми себя назвали в СССР 145,2 млн. опрошенных. В расширенном значении русские — три ветви славянских народов: великороссы, малороссы и белорусы. И в самом широком значении русскими называли и нередко продолжают (особенно за границей) называть всех граждан бывшего Советского Союза, независимо от их национальной принадлежности, но цивилизационно причастных к *русскому миру*. Следовательно, понятие «русский народ» в зависимости от конкретного контекста правомерно употреблять как в узком, так и в самом широком толковании.

Можно слышать: поскольку русские давно перемешались с татарами, немцами, угро-финнами, евреями и другими этносами, понятие «русский» давно потеряло смысл. Спрашивают: какой национальности был, например, Пушкин, иногда выражающий желание

РУССКИЙ ВОПРОС

«...покинуть скучный брег мне неприязненной стихии, / И
среди полуденных зыбей, / Под небом Африки моей», / Вздыхать о сумрачной России», то есть жить там, откуда вышел его чернокожий прадед? Но, думается, трудно найти более русского и российского патриота, чем Александр Сергеевич Пушкин или Владимир Иванович Даль с его датскими и немецкими корнями. И.В. Сталин считал себя *русским грузинского происхождения*.

Вместе с тем, русский этнос имеет и не только социально-культурную, но и природную, генетическую основу, присутствующую подавляющему большинству его представителей. Выдающийся антрополог А.А. Башмаков установил, что в рамках этногенеза произошёл расовый синтез, включивший все основные народности на территории России, выражающий органическое единство в многообразии. Русская однородность, доказывает он, самая установившаяся и ярко выраженная во всей Европе». Это подтверждают американские антропологи, показавшие, что вариации в строении черепа российского населения не превышают 5 пунктов на 100, тогда как французское население варьирует в пределах 9 пунктов, а итальянское — 14.

Сформулированный М.В. Ломоносовым принцип сохранения народа — незыблемая основа русской национальной идеи. Демографическое благополучие русских всегда было необходимым условием существования Российской империи, обеспечивающей содружество, безопасность и развитие всех объединённых вокруг неё народов. Одним из важнейших его показателей был темп воспроизводства великороссов, достаточный для поддержания в стране этнодемографической устойчивости.

В первые десятилетия Советского Союза это условие, в основном, выполнялось. В 1930-е годы в РСФСР, где великороссы составляли почти 83%, рождаемость была выше, чем в большинстве других союзных республик, включая Грузию, Азербайджан и Таджикистан, но в последних естественный прирост населения был значительно выше, в чём нашёл отражение тот известный факт, что основные издержки, связанные с коллективизацией и индустриализацией, ложились на плечи великороссов. Они же понесли наибольшие потери по сравнению с другими национальностями во время репрессий 30-х гг. Если интенсивность всех репрессированных (отношение численности репрессированных к численности населения) принять за 1, то интенсивность репрессированных русских, показывает проф. Л.Л. Рыбаковский, соста-

---

вит 1,1 (лишь у белорусов она была выше), тогда как, например, у евреев — 0,81, народов Кавказа — 0,65, и т.д. Стало быть, пишет он, наивно обвинять русских в репрессиях, скорее, они могли бы бросить упрек тем, кто меньше всего им подвергался.

Быть русским, а не только называться, — значит идентифицировать себя с русской культурой, разделять её духовные ценности и традиции, отличающие этот народ от всех других, и, самое главное, следовать им в жизни, проявляя особенности национального характера и нравственности, сложившиеся в течение тысячелетий в силу постоянной борьбы за выживание в условиях сурового климата и необходимости отражения вражеских нашествий с Запада, Востока и Юга. Холодная деловая отвага и паразитическая физическая и нравственная выносливость наших предков, сочетающиеся с великодушием к побежденным, отмечаются во многих источниках, относящихся ещё к I—III тысячелетиям до нашей эры. Важнейшие черты русского характера: открытость, прямота и душевная щедрость, стремление защищать слабых, помогать им, способность поступаться личным интересом ради общественного, повышенная способность стойко переносить и преодолевать тяготы в повседневной жизни и чрезвычайных ситуациях, нестяжательство, стремление к справедливости и равенству, готовность положить голову за други своя. Они удивительно совпадают с нравственными требованиями православия.

Не случайно И.В. Сталин в Приказе от 11 августа 1941 года о формировании до 10 сентября шестнадцати сибирских дивизий, сыгравших в ноябре-декабре решающую роль в спасении Москвы, лично подчеркнул: «Укомплектование дивизий произвести за счёт русских, украинцев и белорусов». И когда он 24 мая 1945 г. на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии поднимал тост за здоровье русского народа как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны, ставшего «той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — фашизмом», и выражал ему глубокую благодарность за доверие Советскому правительству, то, несомненно, имел в виду триединый братский народ. Для такой оценки есть все основания: во Второй мировой войне русские, украинцы и белорусы, составляя в начале 1941 года 69% населения Советского Союза, обеспечили 88% бойцов, а все другие народы, составляющие 22% населения страны, — 12% бойцов. На три славянских народа пришлось 85% безвозвратных потерь на

фронтах, и 15% — на все другие народы нашей страны. Причём, по отношению к общей численности каждого народа болевые потери среди великороссов были примерно на 20% больше, чем среди малороссов, белорусов, татар, казахов, евреев, чувашей, марийцев, и в разы выше по сравнению с многими другими советскими народами. Это явилось не последней причиной сокращения доли великороссов как в населении СССР, так и России. Так, численность населения РСФСР, в которой они составляли более четырёх пятых, выросла в 1989 году по сравнению с началом 1941 года на 33,5%. Численность же населения всех других союзных республик в целом увеличилась за этот период на 63,7%.

На русский народ, особенно его рабочий класс и крестьянство, легли основные тяготы восстановления разрушенного хозяйства и трудности объявленной Западом холодной войны. Партия и правительство предпринимали специальные меры для ускоренного социально-экономического и культурного развития большинства союзных республик, но делалось это за счёт непомерных финансовых дотаций и ресурсов РСФСР, что существенно ущемляло возможности её развития. Известные партийные деятели, предлагавшие устранить эту несправедливость, были в конце 40-х гг. оклеветаны тайными врагами народа и, как известно, стали жертвой так называемого «ленинградского дела». Вопрос о недооценке исторической роли русского народа ставился в 1978 году в письме к Л.И. Брежневу М.А. Шолоховым, но ответом была высокомерно-бюрократическая отповедь.

В конце войны Гитлер пришёл к выводу, что нашу страну можно победить, если русские, украинцы и белорусы будут считать себя друг другу чуждыми народами. Его поучение взяли на вооружение англосаксы, перехватившие эстафету войны за мировое господство. По окончании Второй мировой войны США приютили около 200 тысяч бандеровцев и других украинских нацистов, бежавших из страха перед расплатой за пособничество гитлеровцам и совершённые злодеяния, чтобы использовать их в холодной войне против СССР. Для этого был создан так называемый Американско-украинский комитет. Его сопредседатель Л. Добрянский разработал закон «О порабощённых нациях», принятый Конгрессом США 17 июля 1959 года. Этот акт объявил порабощёнными «русским коммунизмом» не только все нерусские народы Советского Союза, но и не существующей «Казаккии», куда американцы «зачислили» всех жителей Краснодарского и Ставропольского краёв, Ростовской области и ряда других

российских регионов, в том числе мифического «Идель (Волги) — Урала». Согласно данному закону США должны были помочь этим народам избавиться от «русского коммунизма». Следовательно, уже тогда американцы приняли на уровне государственного закона план расчленения нашей страны, в котором упор ставится на противопоставление великороссов всем другим народам.

Мозговые центры и спецслужбы США пристально изучали этнодемографические процессы в СССР и продолжают их изучать в нынешней России. Особо важную роль в этом деле играет входящий в систему Стенфордского университета Гуверовский институт войны, революции, мира. Ещё в 70-е годы его аналитики сделали вывод, что русские, украинцы и белорусы, которые тогда представляли абсолютное большинство кадров в советском военно-промышленном комплексе, быстро сокращают свою долю в населении Советского Союза, а потому концу XX века они составят меньше половины советской армии, и, следовательно, возникнет возможность каждой союзной республике иметь свои вооружённые силы. Учитывая, что РСФСР оказывала другим республикам СССР большую помощь в экономическом, научно-техническом и культурном развитии, они по этому плану будут иметь объективные условия для существования в качестве независимых государств. Следовательно, противопоставляя русских всем другим народам, нужно возбуждать у высших партийно-государственных чиновников стремление реализовать такую возможность. Необходимо признать, что эта задача, в конечном счёте, была реализована.

В 1984 году американские эксперты подсчитали: если существующие демографические тенденции сохранятся, то русское население в СССР сократится вдвое только к 2100 году, а потому в США была развёрнута программа ускорения этого процесса с целью организации геноцида русского народа. В журнале «Москва» №6 за 1990 г. появилась статья М. Бернштама под сенсационным названием: «Сколько жить русскому народу?». Её смысл заключался в том, что русская нация якобы исчерпала свой потенциал, а потому советские люди должны привыкать к мысли о неизбежности её вымирания. Русофобскую пропаганду, нагнетаемую Западом, подхватила и раздула «пятая колонна», пользующаяся попустительством Горбачева.

Одним из главных внутренних факторов абсолютного и относительного сокращения русских в населении СССР и РСФСР является растущее потребление алкоголя. В России

его регистрируемое потребление выросло с 1,9 л. на душу чистого спирта в 1952 г. до 10,5 л. в 1980 году. По оценке ВОЗ, потребление 8 л. чревато вырождением нации. Потому по инициативе ленинградского хирурга академика Ф.Г. Углова и учёных новосибирского Академгородка в начале 1985 г. развернулось мощное народное движение за трезвый образ жизни, поддержанное патриотической частью высшего партийного руководства. Уже в 1987 г. потребление алкоголя снизилось до 3,8 литра. Именно в этот короткий период существенно увеличились рождаемость, естественный прирост населения, при резком сокращении смертности из-за травм, отравлений, ДТП, убийств и самоубийств. Однако такой поворот шёл вразрез как с планами стратегов холодной войны, так и с интересами советской теневой буржуазии. Потому опирающаяся на алкоголизированные слои населения «пятая колонна» с помощью торговой мафии и не в меру ревностных чиновников, стремившихся выслужиться на антиалкогольной кампании, извратила и дискредитировала движение за трезвый образ жизни.

Горбачёвское же руководство вместо устранения «перегибов» в движении за трезвый образ жизни фактически его «закрыло», и все социально-демографические показатели сразу покатились вниз. Одновременно оно дало «зелёный свет» теневому капиталу, стремительно обогащающемуся на одурманивании народа. Вместе с тем СМИ развёртывали рекламу алкоголя и табакокурения, стали насаждать русофобию, пропагандировать «западный образ жизни», нетрудовую наживу, космополитизм и воинствующий индивидуализм, наглость и пошлость, пьянство, проституцию, разврат и сексуальные извращения. Далее всё покатило по известному плану А. Даллеса.

Дискредитация Хрущевым всего, что связано с именем Сталина, переросла в злобный антикоммунизм и в антисоветчину. Потрясающая эффективность этой подрывной деятельности в полной мере выявилась 8 декабря 1991 года, когда в Беловежской пуще ликующий пьяный Ельцин спешил доложить президенту США о прекращении существования Советского Союза. Одурманенный реальными и духовными наркотиками, советский народ встретил эту весть с безмолвием за исключением немногих депутатов Верховного Совета СССР.

В результате сокрушительного поражения СССР и его союзников в Третьей (холодной) мировой войне население России стало неуклонно сокращаться: с 148,7 млн. в 1991 году до 142,0 млн. в 2008-м, несмотря на приток нескольких милли-

---

онов мигрантов из бывших советских республик. Затем население страны начало медленно расти. По скорректированным данным текущего учёта, число россиян за 2009—2013 гг. увеличилось почти на 929 тыс человек. На 1 августа 2014 года в России насчитывалось 146,1 млн. постоянных жителей.

Однако вплоть до 2012 года естественный прирост оставался отрицательным. Достигнутое к 2013 году увеличение численности населения лишь на 7,2% обеспечивалось за счёт естественного прироста и на 92,8% за счёт положительного сальдо миграции. (см. таблицу 1) [5.]. Для того чтобы тенденция роста российского населения была устойчивой, естественный прирост должен быть на порядок больше, чем в 2013 году.

Средняя продолжительность жизни российского населения поднялась в 1987 г. до 70,1 года, но затем начала сокращаться по мере увеличения алкогольного потребления, опустившись до 64,6 года в 1995 г., потом начала медленно расти, поднявшись в 2013 году до 71,8 года. Но во Всемирной книге фактов ЦРУ США, на которую ссылаются многие широко известные зарубежные издания, в том числе ООН, этот показатель в 2013 г. по России был всего 66 лет. Хотя каждый грамотный демограф может, просчитав исходные данные российской статистики, убедиться в том, что указанная цифра соответствует 1996 году, когда наша страна разрушалась по рецептам американских «советников». По данным ЦРУ, средняя продолжительность жизни в Беларуси в 2013 г. составила 70,2 года, тогда как в действительности она равнялась 72,4 года. Это обстоятельство говорит о том, что ЦРУ США выполняет не только разведывательные функции, но и активно участвует в информационно-психологической войне против неугодных им государств, не гнушаясь грубой фальсификацией даже демографической статистики.

Необходимо отметить, что достижение Россией в 2013 г. средней продолжительности жизни 71,8 года лишь относительный успех. Среди славянских стран этот показатель был ниже только на Украине (68,1 года), тогда как в странах ЕС около 80 лет или выше. Преодоление этого отставания возможно только на основе радикальных социально-экономических преобразований в сторону отхода от либеральных догм и резкого усиления планово-государственного начала. Причём особое внимание следует уделить преодолению острейших противоречий в этнодемографической структуре населения.

Русские, по сравнению с другими народами нашей страны, опять оказались в самом неблагоприятном положении.

Сконструированный в мозговых центрах США механизм геноцида русского народа заработал на полную мощность с 1992 года, когда американские «советники» в Москве фактически стали определять политику российского президента и правительства. Численность русских в РФ ускоренно сокращалась, даже тогда, когда в миграционном притоке миллионов абсолютное большинство составляли русские беженцы из бывших советских республик. Под угрозой оказалось физическое существование русского народа (см. таблицу 2).

В 1959 году по сравнению с 1939 г. численность русских увеличилась на 9,1%, а нерусского населения — на 5,4. Видимо, русский народ инстинктивно стремился компенсировать свои самые большие утраты, понесённые в войну. Однако в последующие годы его воспроизводительный потенциал начал быстро ослабевать. С 1939 по 1989 г. численность нерусского населения в целом увеличилась на 47,8, а русского только на 33,7%. Это, по-видимому, связано с тем, что официально учитываемое душевое потребление алкоголя в России возросло за данный период в 5 раз. С 1992 года его дальнейшее увеличение становится первостепенной угрозой для нашей национальной безопасности.

Причём алкоголизацию населения необходимо рассматривать с учётом потребления всех других наркотиков — от табака до героина и ЛСД, вызывающих утрату способности адекватно воспринимать реальность. В 50—70-е годы наркоманы в России были крайне редки. Но в период горбачёвской «перестройки» и особенно с 1992 г. их количество и суммарное потребление стало стремительно расти. .

По данным ВОЗ, в 2010 г. россияне выпили в среднем по 15,1 л. алкоголя в пересчете на чистый спирт — в 2,5 раза выше среднемирового показателя, занимая 4-е место в мире. По оценкам российских экспертов, потребление алкоголя в этом году составляло 18 л. на душу, что является мировым рекордом. В 2000-е гг. от алкоголя в мире умирали 6,2% мужчин и 1,1% женщин, а в РФ — соответственно 20% и 6%. Алкоголь является основной причиной низкой продолжительности жизни российских мужчин.

Вместе с тем, Россия занимает первое место среди стран мира по потреблению героина. На её долю приходится 21% от общего потребления этого наркотика на планете. По данным наркоконтроля, число наркоманов в нашей стране с 1999 по 2009 год увеличилось в 10 раз, составляя около 8 миллионов. Причём, половина из них — люди, которые без наркотиков не могут жить.

Однако любые административные меры по сокращению производства и потреблению алкоголя, табака и других наркотических веществ будут достаточно эффективными только в комплексе с преодолением социально-экономических и социокультурных глубинных причин возникновения у людей потребности потребления.

Приведённые в таблице данные об изменениях численности русского населения в период 1989—2010 гг. требуют уточнения (не говоря уже о показателях 2014 года), ибо они, возможно, связаны, во-первых, с изменением этнической самоориентации части населения, а, во-вторых, с отмечаемой социологами утратой национального самосознания русских, которое у нерусских народов, наоборот, растёт. Можно предположить, что сокращение численности русского населения обусловлено тем, что среди него появляется всё больше людей, безразличных к своей национальной принадлежности или даже стыдящихся её.

Национальное самосознание большинства русских людей крайне низко или противоречиво. Всероссийская научно-практическая конференция, состоявшаяся ещё в апреле 1999 года в Барнауле, констатировала: *«Русские утратили реальный контроль за положением дел в государстве, они практически не оказывают влияния на экономику, национальную, внутреннюю и внешнюю политику. На грань полного краха поставлены наука, образование, здравоохранение, в катастрофической ситуации оказались культура и нравственность. Дух поражения проник в самые широкие слои русского населения страны»*. Алтайская социологическая школа давно и, пожалуй, наиболее основательно ставит на повестку дня русский вопрос, показывая, что нарастание социально-этнических диспропорций чревато развалом Российской Федерации. К сожалению, голос учёных Сибири доходит до Москвы в эпоху информатизации медленнее, чем до изобретения радио.

Согласно результатам общероссийских исследований, проведённых в 2009 году Центром социологических исследований и Институтом социологии РАН, молодые люди ощущают себя представителями своей национальности среди русских только в количестве 10,1%, тогда как среди исламских народов — 26,7%, а среди живущих в России украинцев и белорусов — 30,0%. Однако есть основания и для оптимистических оценок национального и гражданского самосознания русских. Хотя русские люди, по сравнению с другими российскими народами, меньше обращают внимание на национальную принадлежность

как свою, так и других людей, но среди них ощущают себя гражданами Российской Федерации 71,9%, тогда как среди представителей народов, придерживающихся ислама, — 46,7%, представителей малочисленных этносов — 48,9%, а среди проживающих в России украинцев и белорусов только 30,0%.

В этих цифрах получился отражение тот факт, что, во-первых, русским людям присущ повышенный уровень национального самосознания в отношении *всей российской нации*, И, во-вторых, — что русская нация не только *титულიная*, но, самое главное, является *государствообразующей*, консолидирующей все этносы Российской Федерации в единый *российский суперэтнос*, гарантирующий безопасность всех народов нашей страны. К сожалению, наши законодатели почему-то «стесняются» это реальное положение зафиксировать в Конституции Российской Федерации, а, самое главное, принять систему чрезвычайных мер для спасения вымирающего русского народа.

Итак, за 1989—2010 г. численность русских сократилась на 7,5% , а численность нерусских народов в целом, наоборот, выросла на 12,%. Причём, уменьшение количества русских людей за 8 лет в 2002—2010 годы значительно больше, чем за предыдущие 11 лет с 1989 по 2002 г. Следовательно, запущенный американцами ещё в советскую эпоху механизм геноцида работает всё эффективнее и с 1992 года обеспечивает не только относительное, но и абсолютное ускоренное сокращение численности русских в России. В результате русский народ уже к 2010 году уменьшился почти на 9 млн. человек. Заметим, это на треть больше безвозвратных потерь русских в сражениях Второй мировой войны.

Вместе с тем, численность чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев и коми в целом, устойчиво растущая в советское время, уменьшилась с 4648 тыс. в 1989 г. до 3508 тыс. чел. в 2010 году, то есть на 24,6%. Следовательно, эти народы переживают демографическую катастрофу ещё более тяжёлую, чем русские, численность которых за этот период снизилась на 7,4%. Численность татар снизилась с 5522 до 5311 тыс. человек, то есть, на 3,8%. История показывает, что благополучие этих шести народов и русского, с которым они в социально-культурном отношении весьма близки, тесно взаимосвязано. Русские же при сохранении в нашей стране существующих демографических тенденций уже к 2025 году окажутся в своей стране нацменами, а к концу XXI века составят около 5 миллионов. В таком случае не менее трагичная

судьба ожидает те российские народы, численность которых с 1992 г. быстро сокращается. И, наоборот, их возрождение неразрывно связано с возрождением русского народа.

Этнодемографическая ситуация в России характерна множеством противоречий, среди которых главное — в быстром увеличении нерусского населения в целом и ускоренном сокращении государствообразующего титульного русского и некоторых других коренных народов нашей страны. Радикальное разрешение этого противоречия в течение десяти лет, начиная с 2015 г., — задача первостепенного стратегического значения. Без её положительного решения планируемое Западом расчленение России станет неизбежным. Предотвратить такой исход возможно при условии радикального изменения социально-экономического и политического курса государства. Вместе с тем, вполне возможно и необходимо уже в 2015 году принять ряд мер, направленных на Русское Возрождение, зависящих лишь от политической воли высшего государственного руководства.

Русский народ — хребет Российской Федерации, и любое его ослабление ведёт к разрушению нашего государства на радость западным «партнёрам». Потому необходимо зафиксировать в Конституции РФ положение о том, что русские — нация не только *титульная*, но, самое главное, является *государствообразующей*, консолидирующей все народы Российской Федерации в единый *российский суперэтнос*,

Если государство хочет оставаться целостным, оно обязано регулировать динамику этнонациональной структуры населения. К сожалению, ни учёные, ни соответствующие государственные органы пока не располагают необходимой для этого информацией. До 1918 г. в России официально фиксировалась не национальная, а конфессиональная принадлежность человека — «православный», «магометанин», «иудей» и т.п.

В советское время национальность ребёнка записывалась в свидетельство о рождении по национальности родителей, а затем и в паспорт. В тех случаях, когда мать и отец разной национальности — по выбору родителей. Бывало и так, что ребенок, отец которого, например, еврей, а мать татарка, записывался русским. Несмотря на все парадоксы и проблемные ситуации, вопрос о национальной принадлежности человека решался в СССР, в основном, объективно и статистический учёт национальной структуры населения был поставлен с практически достаточной достоверностью. Если в переписи 1989 года практически все жители страны указывали свою национальную принадлежность, то в 2002 году укло-

---

нились от этого 1,46 млн., а в 2010 — уже 5,63 млн. человек.

Устранение в российских свидетельствах о рождении и паспортах графы «национальность» является информационной диверсией, направленной на дезориентацию науки и практики государственного управления в решении национально-этнических проблем, именно тогда, когда они приобретают чрезвычайную остроту.

Некоторые депутаты Госдумы ставят вопрос о возвращении графы «национальность» в паспортные данные, тем более что в Татарстане и ряде других республик РФ уже этот вопрос решён путём специального вкладыша в паспорта. Этот опыт необходимо распространить во всероссийском масштабе. Возражающие указывают, что при необязательности заполнения этой графы такая мера бессмысленна. Как известно, в СССР обязательное указание своей национальности подавляющее большинство граждан воспринимало положительно, не устраивало лишь долю процента населения, тем не менее сумевшую навязать обществу свою волю. Восстановление графы «национальность» в удостоверяющих личность документах и в государственной статистике отвечает интересам абсолютного большинства граждан и задаче обеспечения национальной безопасности российского государства.

Официально указывая свою национальную принадлежность, человек соединяется со своими предками и несёт ответственность за свои поступки не только перед государством, но также перед семьёй, родом и потомками. Потому он духовно растёт. Своей национальной принадлежностью человек может и должен по праву гордиться, если делами уможает лучшие традиции своего народа.

Гласное определение национальности необходимо для утверждения в стране социальной справедливости и подлинной демократии. Например, решающим фактором повышения рождаемости среди русских молодых семей может быть предоставление им социального жилья в размерах, зависящих от числа детей. Однако, если эту меру применять независимо от национальной принадлежности, то результат может быть обратным желаемому.

Как известно, в национальных субъектах Федерации при назначении на руководящие должности или предоставлении возможности открытия самостоятельного дела, различных конкурсах и т.п. приоритетом пользуются лица титульной национальности. Тот же принцип должен применяться в регионах, где живут в основном русские люди. Пока же там, особенно в Москве, всё происходит наоборот.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВСЕМИРНОМ РУССКОМ СОБОРЕ

Перечитал свою давнюю публикацию о XV Всемирном русском народном соборе (2011 г.) и почувствовал глубокую скорбь. Соборы чередуются один за другим, но мало что меняется в их работе. И сегодня участник XV Собора Никита Михалков мог бы повторить свой упрек: «На соборных встречах много слов, но где же дела? Где Победы?»

Каждый раз (и прошлогодний XVIII Собор не исключение) на нас обрушивают океан слов, но дела слабо движутся с места. С сожалением надо признать, что реальное воздействие соборного движения на нашу общественно-политическую жизнь (и на церковную тоже) незначительно или ничтожно мало. Падает и интерес к этим собраниям — в них всё меньше участвуют наиболее авторитетные и влиятельные представители русской национально-патриотической элиты.

Идут годы, а наши тревоги по поводу судьбы народа и государства — лишь возрастают. И их не рассеивают никакие речи и декларации, с которыми с достойным усердием выступали многие (в том числе и известные в стране) ораторы: лидеры думских фракций, государственные чиновники, высокопоставленные руководители учреждений. К слову, таковых было большинство. И это лишний раз доказывает, что обюрокращивание, сползание к номенклатурным критериям в соборном процессе продолжается. Событие это превращается в известное с совдеповских времен официальное мероприятие. Многие политические деятели из числа облеченных

должностями или депутатством говорили о том, что говорят часто, если не всегда... Возросло и число верноподданнических «приседаний», и я все ждал — должно же прозвучать известное с партсоветских времен: «Как указал лично...» Впрочем, чего же еще ждать от номенклатурной дворни.

Сквозь убаюкивающую монотонность избыточных приветствий, поздравлений, напутствий иногда пробивались и резонные мысли. Уже не вызывал споров тезис о планетарном крушении политики мультикультурализма, о диверсионности стратегии «плавильного котла» для народов, о том, что «глобализация зашла в тупик» и т.п. Справедливо было отмечено, что мы живем в «тревожное время» (патриарх Кирилл), в воздухе «пахнет новой войной» (Г.Зюганов), а Россия — в состоянии «войны за свое выживание». Председатель кадетских организаций указал на опасность современной «войны нового типа», так называемой «диффузной войны», «перманентной войны», когда объект нападения воспринимает события неадекватно: «Американцам удалось снять наше восприятие войны». И поэтому «мы войну проигрываем, ибо не понимаем, что идет война». В этой связи возник весьма уместный проект-призыв: для защиты народа надо создавать отряды «муниципального ополчения».

Как и прежде, удручающее впечатление оставляла полная анонимность, отсутствие имен и фамилий, ответственных за события в стране, за политический курс, приводящий к поражениям и неудачам. Не говорит ли это о том, что страх перед властью, многочисленные цензурные табу пересиливают критерии совести, правды и справедливости? Похоже — чем выше должность оратора, тем этот страх сильнее...

Исключением явилось содержательное выступление Николая Бурляева, который назвал виновником «уничтожения русской культуры в Москве» руководителя Департамента культуры столицы г-на С.А.Капкова. Были упомянуты и разрушительные события в бывшем Театре им. Гоголя, ставшем похожим на гей-центр, в Театре на Таганке, пострадавшего от рейдерского налета. Сказал Бурляев и о том, что наболело у многих: надо вывести культуру из рынка и увеличить ее финансирование.

В подавляющем большинстве стиль выступавших был вполне совдеповским: в одном месте из-за некоторых лиц случились отдельные недостатки... Главную тему Собора обозначили так — «Единство истории, единство народа, единство России». Все участники, вызванные на трибуну, как универсальную мантру повторяли призывы к единству — народа и государства, власти и подотчетного населения, со-

---

знания — национального, исторического, культурного и т.д. и т.п. Было много пустословия. Некоторые ораторы свою речь произносили, словно находились на Луне, настолько их суждения выключались из контекста современности. Какое «единение» возможно между олигархами-миллиардерами (их число растет из года в год) и обездоленными русскими крестьянами, между чиновниками с баснословными окладами и изнемогающими от нищеты учителями, врачами, учеными, вузовскими профессорами.

Не очевидно ли, что подлинное, не фальшиво-показное единство — материальное и духовное — может быть достигнуто только в обществе, где господствуют правда, справедливость и закон. У нас — по мнению множества аналитиков — такого общества сегодня нет. И потому звучавшие на Соборе заклинания про «единство» не оказывались ли демагогическим сотрясанием воздуха? Уместно вспомнить давнюю истину: прежде чем объединяться, надо размежеваться.

Сомнительны были упования протоиерея Всеволода Чаплина (сопредседателя заседания) на то, чтобы превратить Собор в «интеллектуальный центр». Многие участники соборов весьма далеки от научного уровня мышления, от понимания идей, терминов, категорий, которыми они пользуются. Из года в год повторяется антинаучный тезис о том, что Россия является якобы «многонациональной и многоконфессиональной страной». С юридической точки зрения данное утверждение ложно: по всем канонам Международного права страна, в которой коренное население составляет более 66%, является мононациональной. Такова сегодняшняя Россия. К примеру, никто не называет Францию или Германию (а в них процент коренного населения ниже, чем у нас) странами «многонациональными».

Однако с упрямством попугаев многие взрослые и порой весьма именитые дяди — с юридическими дипломами и даже степенями — талдычат про «многонациональность»... Не знаешь, что и подумать!

Никак не могут разобраться наши соборяне и с категорией «национализма». Как будто и не было трудов великого И.А. Ильина, посвятившего этой теме большой цикл статей. Напомню одно из его определений: «Национализм — это государственно-структурная политика, направленная на сбережение, приумножение и развитие нации, когда чувство личного самосохранения уступает чувству самосохранения нации, а отношение к ее врагам становится беспощадным». И тогда понятно, почему первое лицо страны признается: «Самый большой националист в России — это я» (дискуссион-

---

ный клуб «Валдай»). Правда не очень ясно, что в таком случае может означать прозвучавшее вскоре на заседании Совета безопасности РФ (20.11.2014) заявление о том, что особо опасный вид экстремизма, с которым надо бороться, — это национализм (?!).

Еще одна проблема, в понимании которой господствует едва ли не анекдотическая неразбериха, — идентичность. По каким критериям идентифицировать национальную принадлежность человека? Эта тема жутко пугает, травмирует и запутывает сознание многих политиков, не говоря об умопомрачениях на низовом уровне — стадах хомячков, ботаников и прочих лузеров... Проблему попытались снять, уничтожив графу «национальность» в наших паспортах. В 1990-е годы снова запретили, не афишируя, использовать в официальных документах и публичных выступлениях слово «русский».

Однако что же говорили на тему идентичности на соборах и около них? Патриарх Кирилл уклонился от дефиниций, лишь подтвердив, что «русские люди сохраняли свою национальную идентичность». Но вот его полпред протоиерей Всеволод Чаплин высказался вполне определенно: главная — религиозная, а не этническая идентичность, т.е. православный — значит, русский. В таком толковании уважаемый протоиерей вполне совпадает с взглядами небезызвестного Анатолия Чубайса, который, например, отрицая опасность завоза в РФ миллионов китайцев, пояснял: мы их сделаем православными, тем самым решим все проблемы, они станут русскими.

Звучали и иные трактовки: русский это тот, «кто владеет русским языком», «кто испытывает чувство общности с другими русскими», «кто сам называет себя русским», «кто связал себя с русской культурой» и т.д. и т.п. В принятой Собором «Декларации русской идентичности» сказано: «Самым очевидным критерием национальности является самосознание». В другом абзаце критерии несколько уточняются: «Принадлежность к русской нации определяется сложным комплексом связей: генетическими и брачными, языковыми и культурными, религиозными и историческими». Но туман остается...

Между тем, не очевидно ли (научно уже давно доказано!), что решающим, главным критерием является критерий этнический. Русским является тот, у кого русские родители, кто имеет в себе русскую кровь; если ее нет, человек не может считаться русским, что бы он о себе сам ни думал или говорил. Заслуживает внимания формула, предлагаемая признанным авторитетом в области этнологии и антропологии А. Н.

Севастьяновым: «В идеале русский человек — это тот, кто имеет по всем линиям только русских предков во всех обозримых поколениях, для которого при этом родным языком является русский, родная культура представлена исключительно произведениями русской национальной традиции в литературе и искусстве, родной историей воспринимается исключительно история русского народа, а многочисленные враги русского народа оцениваются как личные враги».

Это определение подкрепляют многие иные научные выводы генетики, этнологии, евгеники: мотивация в поведении человека на 75—80 % обусловлена его генотипом и лишь на 20—25 % — фенотипом (воспитанием). Так же подтверждена и опасность метисации, т.е. смешанных браков, которые ведут к увеличению числа мутаций, иначе — паталогическим изменениям наследственности.

Мы почти растабуировали слово «русский» (хотя сохраняется страх перед словом «великоросс»). Теперь его произносятся порой все же запинаясь и озираясь вокруг — даже взрослые дяди из правящей чиновной когорты. Не менее важно растабуировать этнический (биологический, по крови) подход в оценке русскости. Тех, кто сопротивляется такому толкованию, еще знаменитый Н.Я. Данилевский называл «европеоидными ублюдками самого гнилого свойства». В этой связи крайне ценным прозвучал призыв одного из ораторов — «русифицировать русское чиновничество».

Глубоко погружившись в словопрения о единстве, идентичности, взаимоотношениях народов, собор в очередной раз оставил за бортом ключевые общественно-политические проблемы русского бытия — снижение жизненного уровня населения, продолжающееся вымирание русских (европейская рождаемость и африканская смертность), нарастающий погром образования, науки, медицины, культуры.

Одновременно с соборной встречей наша Государственная дума принимала бюджет страны. По характеристике некоторых аналитиков во многом — антинародный. На заседании собора никто не вспомнил об этом серьезнейшем событии.

Однако прения по бюджету красноречиво характеризовали политику правительства. К примеру, в бюджете не нашлось средств, чтобы увеличить пособия на детей до 700 рублей в месяц (в ряде регионов РФ оно составляет всего 150 р.), чтобы повысить нищенские оклады учителям, врачам, профессорско-преподавательскому составу вузов, увеличить студенческие стипендии — хотя бы до половины прожиточного минимума. Но зато РФ приобрела на 3 миллиарда долларов

ценных бумаг американского правительства (общие вложения российских средств в экономику США составили уже 118 миллиардов долларов). Выделены 2 триллиона рублей Роснефти, а на развитие сельского хозяйства всего 20 миллиардов. На селе зарплата 3—5 тысяч рублей в месяц, а у глав Роснефти, Газпрома, РЖД — Сечина, Миллера, Якунина — едва ли не миллион в день (см.: «Советская Россия», 2014, 18 ноября).

Собор призывал к единству и солидарности. Но разве Госдума не способствовала социальной розни, укореняя несправедливость и создавая пропасть между новыми «барами» и рядовыми тружениками? Думцы словно не замечают вопиющих противоречий в фактическом распределении доходов, когда сверхприбыли олигархата возникают за счет сверхэксплуатации большинства граждан.

Среди участников Собора распространили «Обращение дискуссионного клуба ВРНС к мыслящим людям России...». В нем указано на то, что «наибольшую угрозу» для страны представляют «не зарубежные геополитические конкуренты», а наше «внутреннее духовное капитулянтство... ослабление национального самосознания». Здесь же была обозначена и ключевая современная опасность, связанная с неизбежной русской драмой — низкого качества центральной государственной власти: «Размывание национальной элиты, выдвижение слоя лидеров, ориентированных на идеалы других цивилизаций, — вот регулярно повторяющаяся в истории первопричина российских катастроф».

Документ справедливо призывает не допускать, чтобы «правящий слой... превращался в проводника воли чужих национальных элит». И разве снова не актуален прозвучавший еще в начале XX века призыв отца Иоанна Кронштадтского: прежде всего «русские люди должны объединиться для борьбы с внутренними врагами».

Некоторые ораторы называли XVIII Собор историческим. В некотором смысле это справедливо. Значительно продвинулся процесс растабуирования слов «русский», «Россия». Более отчетливо, чем прежде, проявилась мысль о приоритетном положении и ответственности русского народа. Она нашла отражение и в заключительном абзаце «Соборного слова», который цитирую с чувством удовлетворения: «Собор призывает всех, кто принадлежит к кругу лиц, ответственных за принятие важных государственных решений, согласиться с тем, что русский народ является важнейшим субъектом национальных отношений в России, и закрепить это понимание в законах и федеральных целевых программах».

Достойно сожаления, что в практике соборов отсутствует сопоставительный анализ деятельности очередного и предшествующих соборов. Иначе говоря, нет отчетов о проделанной работе и ее итогах. Полезно было бы напомнить о невысоком КПД соборных встреч. Я перечитал «соборные слова» предыдущих лет. Возросли трезвость, адекватность политического анализа, актуализация ключевых формулировок. Но все еще многовато и расплывчатого размышленчества, расхожих банальностей и маниловских упований в речах, робости в оценках и предложениях.

А разве Всемирный русский народный собор не является одной из центральных общественных организаций русского народа?! И в качестве таковой не обязаны ли мы не просить, а требовать от правящего слоя безотлагательно решать насущные задачи государствообразующей нации? А для начала потребовать:

1. Четко обозначить в Конституции особую роль русского народа.

2. Создать и принять закон о борьбе с русофобией как опаснейшей формой экстремизма.

3. Отменить в УК статью 282, правоприменительная практика которой имеет антирусскую направленность.

4. Ввести справедливое распределение доходов от эксплуатации природных ресурсов страны.

5. Прекратить политику заместительной миграции, при которой русская земля колонизируется чужеродными пришельцами.

6. Усилить национально-православную компоненту в школьном и вузовском образовании. И может быть, наконец, мы достойно ответим на обозначенную еще великим русским педагогом К.Ушинским «необходимость русские школы сделать русскими».

Впрочем, перечень можно и увеличить.

Еще одна проблема, о которую мы нередко спотыкаемся, — не умеем (или боимся) называть наших врагов поименно, всех тех, кто, например, препятствовал бы выполнению требований Собора. Ибо зло можно победить, только искореняя его носителей.

Необходимо укрепить не только нравственно-религиозное воздействие русских соборов, но и усиливать их общественно-политическое значение. Наша организация — народная в самом глубоком понимании этого определения. А даже в нынешней куцей Конституции прописано (статья 3), что народ является «носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ».

ИМЯ НАРОДА — ЗНАМЯ ЕГО

Народ... Родина... Этих слов нет во многих основополагающих государственных документах о главных вопросах жизни и судьбах России. А без этих слов документы эти духовно обессточены.

Народ — издревле исторически сложившееся единство. Духовное и предметное. Это единство людей, связанных этнической общностью, языком, укладом жизни (лад), преобладающей верой, вековым историческим бытием, культурой, исторически обрётённым пространством («родная земля»), наконец — историческим предназначением. Отсутствие какого-то из этих важных признаков иногда восполняется у человека глубокой укоренённостью в остальных.

Народ — понятие историческое и духовно-сокровенное. Народ нельзя «выдумать» и искусственно «создать», даже если много лет стараться. Тому яркий пример: есть страна Америка, но нет национальности «американец», нет природного американского языка, нет корневого исторического уклада американской народной жизни (лада), нет доминирующей веры, органически одухотворяющей историю страны, нет и не может быть здесь и единой национальной культуры, а есть лишь американская пёстрая цивилизация, характеризующаясь модернизированным вариантом английского языка и типом человека с обострённым практицизмом и деловитостью, направленными на материальное обогащение, комфорт и государственный эгоизм. Есть достижения культуры представителей разных народов (наций), граждан, живущих в Америке. Всё это значит, что Америка как особое государство, внесшее весьма много ценного в развитие научных, технических и цивилизационных достижений в мире, остаётся «пёстрой смесью» народов-наций, соединённых и

объединяемых практическими жизненными интересами и политическими предпочтениями в административно-государственном «цивилизационном котле»...

У каждого истонного народа — свой дух, свой характер и руководящие идеи. Для русского человека — это остро переживаемое чувство совести, сострадания, милосердия, жертвенная готовность стоять за веру, правду-истину, справедливость, за святыни и — убеждённая в окончательной победе правды и добра. Это — идея сплочённости и согласия («лад», «мир»); идея Великой русской земли и единства её народов; идея Православия как школы духовного единения, любви к ближнему, соборности, сострадания, жертвенности, Богослужения; идея стремления к истине («правде-матушке»); идея исторического долга и преемственности поколений (служение отеческой вере, державе, народу); идея семьи, как частицы рода, в которой сливаются мысли и чувства о народе, долге, верности, духовной крепости и чистоте человеческих помыслов); идея святости и почитания святынь и подвижников русской земли и житнетворчества её народов; всечеловечность (антишовинизм, всемирная отзывчивость).

Всё это отозвалось и в русской культуре, отличающейся соборным мирозерцанием; культуре, соприродной Православной вере, любви, состраданию, целомудрию и родным святыням. «Русскость — как начало культурно-духовное — определяется степенью укоренённости, глубинной личностной слиянности с историческим образом народа. Степень такого личностного тождества и определяет почвенность или беспочвенность человека...» (А.А. Корольков).

Россия — государство историческое в самом полном смысле этого слова. Православное крещение осватило её историю. Прославленный в сохранившихся памяти о Древней Руси русских былинах русский князь Владимир Красно Солнышко стал символом начальной православной истории русского народа. Русские князья Олег, Игорь, княгиня Ольга, князь Святослав и их исторические наследники и в южной, и в северной, и в западной, и в восточной Руси участвовали в великом созидании монолита исторической России.

Символизируя сознание державного пространства древней Руси, герой русских былин богатырь Илья Муромец «стоял заутреню во Муроме, // Ай к обедне поспеть хотел он в стольный Киев-град». Мирное достоинство ратной силы, не завоевательной, а охранительной, защищающей, было издревле русской заповедью. Потому и во времена поражений не пропадала у русских вера в свою победу. Не случайна эта вера, потому что укоренено в сознании чувство справедливости.

Этой верой проникнуты слова из эпического «Тараса Бульбы»: «Да разве найдутся на свете такие огни и муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу». Преданностью вере, следованием священной державности, не посягающей на чужое, но твёрдо хранящей «справедливую старину», была славна русская держава. Поэтому её враги пытались «начать» историю России «заново», отвернувшись от её прошлого как тёмного, «подготовительного», «устаревшего».

Первый раз это задумал из благих побуждений Пётр Великий, не порвавший, однако, со всем прошлым, как ненужным и враждебным, а лишь поизуродовавший это «прошлое», но в чём-то и укрепивший Россию. Второй раз это делали инородцы в 1917-м году, а в третий — «перестройщики» в 1991-м. Всех их, однако, объединяло то, что они хотели строить не историческую, а какую-то новую Россию. И под сурдинку этого строительства — незаметно оторвать Россию от корней, от «святой Руси», от глубоких жизнеутверждающих, народных, православных идеалов. И всякий раз препятствием подобному замыслу оказывался глубинный дух народа, «русский дух», национальная духовная субстанция, заложенная в массах народа и в каждом русском человеке, не потерявшем национального облика. «Русский дух» составлял и составляет историческую закваску России. На «русском духе» и возрастал народ русский не как собрание разных лиц, а как историческая общность, имеющая свои особенные природные и глубокие исторические черты и имя.

На русском духе всечеловечности созидалась историческая Россия. Преступно забывать об этом! В чём же состоит наша задача? Вспомним мудрую мысль Ф.М. Достоевского: «Стать русским во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским — значит перестать презирать народ свой». «...Если национальная идея русская есть в конце концов лишь всемирное общечеловеческое единение, то значит, что вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры, до времени, стать поскорее русскими и национальными».

Мы — русский народ!.. Имя наше, имя народное, даёт нам право на полноценное человеческое бытие. Оно выстрадано всей отечественной историей, оплачено кровью многих поколений русских людей, связанных русским языком, характером, верою, обычаями, традициями, русской землёй и культурой. Всё это — не только утверждение и защита достоинства русского человека, русского народа, но и историческая Россия в полноте её многонациональной самобытности.

Народ национален. Без национальности народ — вавилонское столпотворение, сброд, то есть собрание не связанных многовековой исторической судьбой родов. И любой, принадлежащий к такому смешению, — лишь часть сброда — не более.

Национальность — это корневое историческое имя народа. Обретение имени завершает рождение исторического народа из племён и этносов, в нём сплавленных. Это имя самобытной культуры, в лоне которой вырос и которую создавал народ.

Национальность — это корень сознания каждого человека как исторического существа, как личности. Национальность — это не только имя, это — корневая система нашего духа. Вне национальности — нет исторического человека.

Национальность — залог сознания исторического человека, залог определённости и наличия устоев и места в истории человечества; это — хребет исторического человека, причастного своему народу, это — проводник сознания личности, национальной достоинства, национальной ответственности и национального долга. Это имя, данное мне моим родным народом. Отказаться от этого имени или «подменить» его — значит стать предателем; забыть его — значит потерять историческую память, значит идти к историческому небытию. Имя завершает рождение народа и становится его олицетворением. Историческое имя народа — знамя его. Под этим знаменем он совершает свой исторический путь. Историческая национальность, и только она, знаменует национальную идентичность народа! Право иметь имя выстрадано всей историей народа, оплачено кровью многих его поколений.

Единство народа связано с национальной историей, с национальным самосознанием и достоинством. Сознание и самосознание требуют ясного представления об их предмете. Чтобы предмет мог быть осознан, он должен быть назван, должен иметь имя. «Недозревшая до имени вещь собственно и не есть вещь, — пишет один из известных учёных, — она подобна недостроенному зданию, о котором нельзя сказать ничего определённого... Или же она подобна человеку, которого в просторечии называют недоделанным» (А. М. Камчатнов). Неполющенным, ущербным, как бы несуществующим становится явление, которое лишается имени. Лишение имени, несомненно, имеет и сакральное значение. Жизнь народа может полноценно осуществляться среди других народов, если это определённый народ.

Сознание русских людей сегодня глубоко оскорблено, ибо народ, создавший единую Россию, объединивший её исторические народы в историческом и духовном единстве ве-

---

ликой страны, лишён по паспорту нынешними «командирами» своего имени.

Если мы решительно и самоотверженно не будем требовать сегодня вернуть в официальных государственных документах русскому народу имя, то мы своего долга перед ним не выполним. Всякие умолчания, увёртки, «дипломатия» в этом деле — в сущности, антинародны. «Безродность сродни безымянству... Честь имени — одно из проявлений ответственности за самое сокровенное в человеке... имя есть универсальная энергия Божия...» (А.А. Корольков).

Твёрдо стояли на этом наши предки, победившие врага в первой Отечественной войне 1812 года: «Клянусь прахом отцов моих и тобою, Родина священная! — писал И.И. Лажечников. — Клянусь, что честь и Отечество будут везде моими спутниками; и если изгоню их когда-нибудь из моего сердца, если забуду их в пылу битв и мирных хижинах, то пусть недостоен буду имени Русского...». Имя народа и людей, ему принадлежащих, олицетворяло достоинство и связь с великим прошлым.

Вновь и вновь возвращается писатель к этой теме. «Какой народ не любит восстановления своего имени? Какой пленник, оковами отягчённый, не восхищается надеждою свободы? Велик народ, в трудной борьбе с неровными силами сохранивший всю славу своего имени; почтен и тот, который, потеряв имя в бурю политических обстоятельств, при первой благоприятной возможности спешит ополчиться всеми силами и средствами своими для восстановления его...»

Всё это имеет и сакральное значение. Неслучайно после революции иудо-большевики «лишили» русских (на «официальном уровне») родного православного вероисповедания, а ныне последователи прежних духовных насильников лишают нас имени народа — национальности, «забыв» в паспорте на неё указать и пытаясь «сварить» нас в межнациональном котле под названием «россияне». Мы знаем, кому необходим такой «новый порядок». Ведь ещё в 1945 году Аллен Даллес, возглавлявший ЦРУ, обещал организовать в России хаос, а для того намеревался заменить истинные национальные ценности на фальшивые, сделать из русских космополитов.

Вослед Даллесу ныне коварно заговорили о нации как о некоей «мешанине» народов, называя эту псевдонацию «россиянами». Нет такой нации! Есть исторически сложившееся и оправдавшее себя историческое *единство наций* единой России, каждая из которых имеет своё имя, свою самобытную культуру, входящую в единое исторически сложившееся самобытное многоцветье культур народов единой страны — России.

«Надо открыто признать, что Россия есть государство русского народа. — писал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. — В этой простой констатации очевидного исторического факта ни для кого ничего обидного быть не может. Ведь русские же громили псов-рыцарей на Чудском озере в 1241 году, секли полчища Мамая на Куликовом поле в 1380-м, очищали Москву от интервентов-поляков в 1612-м, насмерть стояли на Бородинском поле в 1812-м! Русские же купцы ходили «за три моря», подобно знаменитому Афанасию Никитину, закладывая основы нашей экономической мощи! Русские же священники, иноки и инокини — подвижники Святого Православия любовно пестовали душу народа, вкладывая в неё драгоценные перлы добродетели: милосердия и незлобности, смирения и мужества. Русскими костями на девяносто (да как бы не поболее!) процентов усеяны с нашей стороны поля сражений Первой и Второй мировых войн. Да и сегодня русские составляют более четырёх пятых населения страны. Именно они являются тем цементом, который стягивает государственное строение России: общность якута и лезгина, татарина и вепса поддерживается лишь тем, что они на равных включены в державное тело Руси».

У русского народа есть свойство особой ответственности и жертвенности во дни тяжёлых испытаний. Слышал я, что маршал И.Х. Баграмян говаривал: если, мол, в военном подразделении меньше половины русских, то оно небоеспособно. Слышал я о предвоенном разговоре в марте 1941 года двух уже тогда известных служилых людей. «Война будет» — сказал один. «Что ты, что ты, — отвечал другой, — типун тебе на язык!» «Будет», — повторил первый. «Почему ты так думаешь?» — вновь возразил ему второй. «А потому, что заговорили о русском народе с уважением. Это тогда бывает, когда опасность на горизонте. Воевать-то и умирать будут прежде всего — русские...»

Не будем же ждать грозного часа. Призовём всех помнить, сколько сделал в истории России русский народ, какова его великая доля в строительстве России и её защите от недругов. Вспомним также, что нередко чёрной неблагодарностью платили русским иные, спасённые ими. И признавая всё это, призовём «верхи» вернуть наконец русскому народу и другим народам России, всем россиянам их законные имена! Имя народа — знамя его!

СТРАТЕГ

Работы по дальнейшему сооружению порта, вышедшие на финишную прямую, были приказом губернатора остановлены. Больше тысячи человек местного населения лишились стабильного заработка. Те, кто приехал на стройку, собираясь остаться в поселке Волна, не знали теперь, что делать, а приехали с семьями.

Убытки «Тольяттиазота» превысили семь миллиардов рублей, и это были рубли рабочего класса — коллектива ТоАЗа. Ко всему, корпорация не могла расторгнуть договора с машиностроительными заводами (российскими и иностранными), ибо это потянуло бы за собой колоссальные штрафы.

А ведь через несколько месяцев в бюджет Краснодарского края уже поступало бы по доллару с каждой перекачанной тонны аммиака, и, учитывая, что «Тольяттиазот» производил 15 процентов всего мирового аммиака, можно было представить, каких громадных сумм лишился Краснодарский край.

Окончание. Начало в №1-2 за 2015 г.

ПОДВИЖНИКИ

Однако Александр Ткачев знал, что делает. Он, бывший комсомольский вожак, затем директор комбикормового завода в посёлке Выселки, никогда не упускал своей выгоды. Во время приватизации скупил ваучеры у населения, учредил агрофирму совместно с откормочным комплексом, сумел присоединить к ней других аграрных производителей, и в результате его предприятие стало владельцем многих тысяч гектаров земли, элеваторов и мясокомбината.

Теперь губернатор Ткачёв нацелился на Махляя.

Но у Махляя были защитники, и они не собирались молчать. Среди них — Председатель правления Межрегионального общественного учреждения «Объединенная общественная приемная» Анатолий Александрович Божков. Благодаря ему то, что происходило вокруг уже фактически построенного на Таманском полуострове порта, стало достоянием широкой гласности.

Журналистское интервью с А.А. Божковым:

— Анатолий Александрович, почему именно ваша организация заинтересовалась ситуацией вокруг морского порта у мыса Железный Рог?

— Наша Общественная приемная часто выступает в роли последней инстанции в поисках выхода из тупиковых ситуаций. Так было и в этот раз: к нам обратилось руководство корпорации с просьбой помочь в выявлении причин и условий, способствующих нарушению прав и законных интересов предприятия и его трудового коллектива. Вместе с опытными юристами мы проанализировали документы. Коллегиально было принято решение о проведении более детальной проверки. С этой целью мне и пришлось отправиться в Краснодарский край.

Уже на месте, после множества официальных визитов и неофициальных встреч, был сделан вывод о том, что в настоящее время проблемы корпорации «Тольяттиазот» в Краснодарском крае кроются вовсе не в правовой плоскости. Причины остановки строительства объекта общегосударственного масштаба, имеющего важное военно-стратегическое, экономическое и социально-политическое значение, имеют более прозаические корни. Искать их, на мой взгляд, надо в частных интересах отдельных представителей краевой администрации.

— Каковы основания для подобных утверждений?

— Давайте начнем с самого начала. Ориентировочная стоимость строительства терминалов по перевалке аммиака мощностью 2 миллиона тонн в год составляет 294,8 миллиона долларов США. Естественно, вкладывая в строительство такие

деньги, любой здравомыслящий человек, чтобы избежать возможных осложнений, позаботится и о договоре аренды земли, и о проекте объекта со всеми мыслимыми экспертизами на разных уровнях. Естественно, что ТоАЗ, начиная стройку, имел все необходимые документы, согласованные с администрацией края. Мало того, состоялось рабочее совещание у тогдашнего главного федерального инспектора по Краснодарскому краю и Республике Адыгея полномочного представителя президента России в Южном федеральном округе В. Темникова. Участники констатировали, что данный проект не просто входит в государственную программу возрождения торгового флота России, но призван избавить страну от значительных убытков из-за отправки продукции через порты Украины. Он должен вместе с тем коренным образом изменить жизнь населения самого региона. На этом совещании детально обсудили проблемы реализации проекта, разработали целую программу совместных действий, создали постоянную рабочую группу для оперативного решения возникающих вопросов.

Проблемы начались много позже, после того как руководство корпорации объявило, что в мае 2005 года новый всепогодный, всесезонный морской порт близ мыса Железный Рог примет у своих причалов первый танкер.

Сразу начались организованные выступления экологов и общественности, которые неожиданно озаботились возможными угрозами для нереста рыбы. Затем последовали бесчисленные проверки местных чиновников. И уже потом строители получили удар ниже пояса — в дело включилась администрация края. Первый заместитель главы администрации неожиданно «отрезает» от ранее выделенной территории стройки более 175 гектаров земли... со всеми уже возведенными объектами! И объясняет эти действия туманной формулировкой: «в целях устранения нарушений требований действующего законодательства». Причем в разряд «экспроприированного» попадают все подъездные железнодорожные пути, помещения железнодорожных станций, технологическая эстакада, автомобильная дорога, построенные корпорацией «Тольяттиазот» на свои средства и в некогда чистом поле.

Так началось неравное противостояние инвестора с местными властями, которое уже очень скоро привело строительные работы к параличу. Цитирую: «Вскрыты нарушения проектных решений и нормативных требований, а также отсутствие государственной регистрации в установленном законодательством порядке договора аренды на земельные участки, выделенные под строительство объектов перевалочного комплекса». Это после более чем трехлетнего интенсивного

строительства! Да разве мог Владимир Махлай, крупный хозяйственник, человек, построивший не одно предприятие, расходовать колоссальные средства, задействовать десятки подрядных организаций и не подумать о законном документальном оформлении строительства огромного порта! Такое просто немыслимо!

— Значит, был нужен предлог? Но для чего?

— Для того чтобы взять под контроль имущество, которое уже стоит сотни миллионов долларов, и бросовую прежде землю, ставшую сегодня золотой. Каким образом? Схема есть, она не нова и не раз обкатана на практике. Главную роль в ней всегда играет некая структура под названием «управляющая компания». Вступив в нее, инвестор передает ей все права на управление имуществом. Фактически отдает всё, что имеет. Новоявленные управленцы, как уже случалось, объявляют инвестора несостоятельным и оставляют его не у дел. Хитрость заключается в том, чтобы сделать это до завершения строительства. Чтобы было время обвинить инвестора в неспособности самостоятельно завершить строительство, а новых управленцев объявить спасителями проекта.

— Вы хотите сказать, что корпорации «Тольяттиазот» тоже предложили сыграть в эту рулетку?

— Это не рулетка. Там хоть есть шанс выиграть. Первые предложения последовали еще до остановки строительства, но после распоряжения об изъятии выделенных ранее земель. Согласно схеме, предложенной корпорации, должна быть учреждена управляющая компания «Таманский транспортный комплекс». Определен круг акционеров и единоличный исполнительный орган будущей управляющей компании — генеральный директор, которого выберут по согласованию с администрацией края. **Составлена была даже схема реорганизации и ликвидации предприятия по окончании строительства порта!** Инвестор практически построил порт — и больше не нужен.

Давление на ТоАЗ продолжается. К примеру, неожиданно оказался разобраным стрелочный перевод, принадлежащий корпорации на правах собственности. Пропало имущество на миллионы рублей! Естественно, что заявление о хищении в правоохранительные органы было подано буквально сразу же. И что? Ответ удивительный: в возбуждении уголовного дела отказано «за отсутствием события преступления».

Для тех, кто не знаком с тонкостями законодательства, поясню: отказать в возбуждении дела по таким основаниям можно в следующих случаях. Первое — ничего не было, ни железнодорожной ветки, ни стрелки — вообще ничего. Второе — стихийное бедствие (налетел ураган и все снес в море). Третье — набег

животных. Поскольку и первое и второе исключается, остается только третье: появились некие приматы с разводными ключами, разобрали железнодорожные пути и всё утащили!

Наводить порядок в регионе всё же придется. Для этого совсем недавно мы направили в Генеральную прокуратуру новое заявление, в котором указали конкретных участников хищения железнодорожного оборудования, а также их соучастников. Будем надеяться, перед законом все равны, и статья 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» наконец заработает.

В этой связи наше открытое обращение к президенту, которое было опубликовано в газете «Версия» №7 — не жест отчаяния, а акт доверия: именно он, гарант Конституции и глава государства, может поставить точку в этой затянувшейся и неприглядной истории.

Увы, точки не последовало. А ведь Владимир Махлай за последние три года получил одиннадцать правительственных наград! Среди них Крест-орден I степени «За верность и усердие», Национальная премия им. Петра Великого, орден «Щит Отечества».

Всех, кто знал Махлая, знал о его трудах и наградах, поражала двуличность правительства: вот вам, Владимир Николаевич, орден «Щит Отечества», и защищайтесь, как хотите, от чинимого над вами произвола!

В мае 2005 года строительство порта было вновь остановлено. Либеральные СМИ радостно оповещали:

«Ткачёв положил конец попыткам российского богача Владимира Махлая захватить контроль над богатейшим регионом России! Человеку, явно привыкшему к тому, что любую ситуацию можно «разрулить» с помощью денег, указали на дверь!»

Безнаказанность за все прошлые годы и уверенность в том, что взятки решают всё, — вот что подвело Махлая. Полтора десятка лет он был уверен, что с большими деньгами можно творить что угодно и «кидать» кого угодно — всё сойдёт с рук. И тут вдруг неожиданно выяснилось, что в России толщина «кошелька» перестала являться решающим аргументом!»

Тех, кто это читал, особенно впечатляло, что власть «кошелька» в России кончилась. Впору было строить долгосрочные планы на счастливое будущее.

Сегодня, 9 июля 2014 года, Владимир Николаевич уехал в Цюрих на встречу, которая, возможно, решит вопрос о дальнейшем строительстве порта. Десять лет, как стройка практически остановлена. Десять лет заявлению губернатора Краснодарского края, что порт на Тамани будет построен и без Махлая, но дело не двинулось ни на шаг.

Накануне мы были в новом районе Рейнфельдена. Он на высоком холме, и оттуда можно увидеть горный распадок. Я понимала, что Владимиру Николаевичу хотелось отвлечься от тяжести мыслей, которые донимали его все последние дни: не подарит он никому свой труд, свой гений, свои бессонные ночи! Будет биться за порт!

Я смотрела на зеленые горы, лощины и поражалась:

— Красиво-то как!

— И на Урале у нас не хуже. Тоннели пробить бы в наших горах, пустить, как здесь, электрички, сколько народу со всего света наедет!

Я была там четыре года назад. Горные речки, альпийские луга... Не знаю, есть ли в Швейцарии такие горы, где при подъеме природа меняется несколько раз? У нас есть. Когда поднимаешься на Конжак, сначала реликтовая тайга, затем лесостепь, потом лесотундра, а затем — тундра: мох аж качается под ногами, а все породы деревьев мне по колено. Но что поражает особенно, это когда сразу за тундрой на высоте полутора километров видишь луга с могучими травами, россыпями цветов, с голубым озерком, круглым, как блюдце. Дальше — уже базальтовые каменоломни до самой вершины.

— Что еще вы там видели?

— Много чего. По Тулымскому порогу на Косье сплавлялись экстремалы. Порог в несколько километров, очень бурный и очень страшный.

Владимир Николаевич загорелся.

— Ведь нетрудно сделать наш край краем международного туризма! Построить узкоколейки, подъемники, и чтобы обслуживание по первому классу. И надо, чтобы на станциях жили люди — не просто жили, а чтобы фермерство было: коровы там, козы, бараны, чтобы всё для туристов, всякие там ресторанчики... Посмотрите, здесь, в Швейцарии, всё делается для людей. Обязательно на вертолёт обслеую! Да можно пустить от нас до Широковского водохранилища плоскодонный катер. На выходные с детьми люди смогут поехать... А сероводородные источники еще бьют?

— Конечно. На Мальцевке такой мощный, что от него по горе целый бурлящий поток.

— Нувот! Бальнеологическую лечебницу надо строить! Я знаю, это близко от коксохима, нельзя, но можно же кинуть трубу от источника. Сероводород! Редкая штука. Лечились бы люди.

Я слушала и поражалась его неистощимой энергии, стремлению сделать хорошее, умное... Как разительно он отличался от тех серых промышленных «кардиналов», напроць лишенных творческой мысли и желания воплотить ее в жизнь!

— Приезжайте, — сказала. — Оставайтесь в России.

И понимала, что это для него невозможно: убьют. У нас убивают всех, кто делает доброе дело, а если не убивают, то все равно до могилы доводят. Три года назад была в Ейске Краснодарского края, и вдруг передали по телевизору, что мэр города Ейска, которого жители уважали, ценили, повесился на полотенце в московской тюрьме.

Но... есть возмездие в жизни людей и народов.

Сегодня, сразу же после обеда, пошла в компьютерный зал: может быть, есть какая-то информация о встрече Махлая в Цюрихе с российскими представителями? Открыла интернет. Батюшки! Да что же творится-то!

«Недавно удалось выяснить факты о вероятной причастности условно российских (проживают в Великобритании и США) владельцев «Тольяттиазот» Владимира Махлая и его сына Сергея к финансированию киевского евромайдана и, возможно, к поддержке наёмников, задействованных на юго-востоке Украины. Интересы миллиардеров Махлаев в успехах самопровозглашённой украинской власти очевидны. ТоАЗ — крупнейший производитель аммиака, гигантское количество которого поставляется в США. От завода до Одессы тянется аммиакопровод протяженностью почти в 2,5 тысячи километров, там аммиак попадает на Одесский припортовый завод и оттуда же грузится на суда для дальнейшей транспортировки. Половина аммиакопровода пролегает по территории России, а вторая — через Украину. Случись что с трубой на Украине — и ТоАЗ просто встанет, многотоннажное производство аммиака придется останавливать и терпеть убытки. Так, например, уже случилось в 2012 году, когда украинцы взяли и перекрыли вентиль на своей стороне.

Вот почему аммиакопровод является для «Тольяттиазота» и его хозяев стратегически важным объектом, заполучить который так давно стремились Махлаи. И такая долгожданная возможность представилась, когда к власти стали подбираться новые украинские политики. По всей вероятности, аммиакопровод был обещан Махлаям в обмен на финансирование евромайдана и бойцов Правого сектора. Но на этом история не заканчивается. Как оказалось, Махлаям был обещан не только аммиакопровод, но и еще один стратегически важный актив — Одесский припортовый завод, один из флагманов украинской экономики. За такой лакомый кусок отец и сын Махлаи решили биться не на жизнь, а на смерть. И если ставкой в этой борьбе стало финансирование евромайдана — так тому и быть, тем более что американские партнеры взяли новых украинс-

---

ких политиков под свое покровительство. Судя по информации из Одессы, будущие покупатели завода — Махлаи решают с украинскими властями уже технические вопросы сделки».

Я была в шоке. Как у людей не отвалится руки такое писать? Писать впопыхах, чтобы скорее, скорее успеть опорочить Махлаев. Автор не удосужился даже перечитать статью, а редакторы приняли текст вообще без прочтения. Но если бы прочитали внимательно, то, конечно, убрали бы грубые авторские накладки. То пишет он «по всей вероятности, аммиакопровод был обещан Махлаям», то следом уже заявляет: «как оказалось, Махлаям был обещан не только аммиакопровод». Так все же «по всей вероятности», т. е. по домыслам автора, или «как оказалось», то есть решенный факт? И дальше такие же ляпы: «О вероятной причастности владельцев «Тольяттиазот» к финансированию киевского евромайदानа и, возможно, к поддержке наемников», и тут же «Махлаи решают с украинскими властями уже технические вопросы сделки».

С чего бы решать технические вопросы сделки, если участие Махлаев всего-навсего вероятно? Такие статьи рассчитаны на идиотов, а те никогда не вникают в детали, им общее важно: Махлаи снабжают деньгами евромайдан и военные силы против Донецкой республики, ату их, ату!

Как далеко зашли завистники в злобе своей, я и представить себе не могла. Владимир Махлай даже тем для них виноват, что живёт не в России. И сын не в России. Но что бы вы сделали с ними, останься они в своем государстве, — давно уже оба лежали бы на погосте.

«Я думал, что порт на Тамани мы построим быстро. Ведь это нужно не только «Тольяттиазоту», который платит Украине огромные суммы за транспортировку аммиака в Одессу. Новый порт нужен России. Представляете, мы еще в 2002 году должны были пустить порт в эксплуатацию. Пять лет нам не давали строить. Да еще мне в лицо бросили: вот, мол, пришел на чужую землю. У меня до сих пор душа болит... Огромные потери: и для корпорации, и для регионов, и для России в целом. Порт почти готов, его надо пускать как можно быстрее, тем более что есть решение правительства, которое подписал В.В. Путин. Пока я живой, буду всеми этими делами заниматься. На отказ от проекта я не пойду!» (Владимир Махлай, 2009 г.)

И после такого заявления кидаться на Украину, вбухивать средства в Одесский портовый завод без полной уверенности, что его не отнимут при очередной смене власти?..

Мне плакать хотелось от махровой лжи, захлестнувшей нашу страну. Вспомнилось, как Владимир Николаевич спросил у меня однажды: чем отличается ложь от вранья? Спро-

---

сил, как человека непосредственно связанного с литературой. Ответила, что враньё — это скорей вдохновенное сочинительство. Порой так сочинят, что от правды не отличишь. Поэтому и говорим: «вруша», «врунишка», «врун»... Но ложь, это заведомая неправда, и слово «лжец» — клеймо! Так вот автор статьи о причастности Владимира Николаевича и его сына к евромайдану — сам себя заклеил. Но интересно, как восприняли краснодарские власти его заявление: «*Одесский припортовый завод, один из флагманов украинской экономики*». Выходит, курортный город Одесса не боится, что «сидит на атомной бомбе»? А Украина даже гордится заводом? Так почему же тогда на Тамани совсем иначе?

Расстроенная, я решила идти на улицу. Сходила в свой номер, надела ветровку: дождь моросил.

Шла по старому городу и думала о Владимире Николаевиче: какие нагрузки приходится ему выносить! А впрочем, эти нагрузки не дают ему стариться, не дают уставать, не позволяют гибнуть.

Со мной поравнялась женщина, приветливо улыбнулась и поздоровалась. Как хорошо, что здесь не выносят на люди своё настроение! Может, у этой женщины есть неприятности дома или на службе, а вот не показывает, улыбается. И мне стало легче от ее доброй улыбки, стало светлее в душе.

Зашла в магазин посмотреть, что есть из детских игрушек. Хотелось домой привезти, подарить своим внукам. Нет, из игрушек ничего не было, только товары для школьников. Вернулась на мокрую улицу, дошла до моста через Рейн и двинулась в Дойчланд, то есть в Германию.

В немецком Бадене улицы очень широкие, ходят двухъярусные автобусы, дома тяжелые и большие. На одной из дорожек производили починку — точь-в-точь как у нас это делают. Обойдя несколько улиц, чем-то похожих на нижнетагильские, нашла магазин игрушек, купила электронный экскаватор и электронную летающую тарелку. От такой покупки мой кошелек опустел на две трети. Но до чего же дети обрадуются!

Вернулась в Рейнфельден. (Как замечательно это: хочешь, иди в Швейцарию, хочешь — в Германию! Эх, если бы так во всём мире!) Сейчас под дождем Рейнфельден выглядел скучно, а до чего хорошо тут бывает при солнце! За столиками у стен старинных домов пьют пиво (знаменитый германский пивзавод находится на правой стороне Рейна, как раз напротив нашего санатория), разговаривают вполголоса, чтобы не беспокоить тех, кто живет в домах. По другую сторону улочек бесшумно проезжают автомобили, скрываясь в воротах ратуши, на крыше которой аисты свили гнездо.

Вечером снова тревожные мысли о Владимире Николаевиче: чем для него обернется статья в интернете? Видно, что брошены крупные силы против «Тольяттиазота», как уже было не раз: ложь, провокации, и, как следствие, атаки на головное предприятие. В мае 2005 года, используя сложную для ТоАЗа ситуацию с Таманским портом, «Минудобрения» в Россоши подключились к аммиакопроводу, «не признавая» его собственностью ТоАЗа, назвав свою незаконную перекачку «политической и финансовой победой».

Победа и впрямь была — перекачку своей продукции ТоАЗу пришлось сократить на 30 процентов.

«Общественный обозреватель», 5.11.2014 г.:

«Иногда, чтобы понять происходящее, нужно заглянуть в пучины истории. Сегодня Николай Михайлович Ольшанский — уважаемый депутат Госдумы, член «Единой России», уважаемый и ответственный. Это на взгляд. А начнешь копаться... В 1986 году 47-летний замзаведомо химической промышленности ЦК КПСС был назначен министром промышленности минеральных удобрений СССР, которая после горбачевского «укрупнения» министерств превратилась в Государственную агрохимическую ассоциацию. С этого момента Ольшанский ухитрялся контролировать все внешне-торговые операции всех производителей минеральных удобрений страны. Причём не только до 91—92 года, когда порушилась вся союзная система, но и вплоть до 1997 года!

Лишь два предприятия — в Череповце и Тольятти ухитрились наладить собственные экспортные схемы без Николая Михайловича. А остальные заводы были вынуждены, как рассказывает тогдашний партнёр Ольшанского Григорий Лучанский, делиться — кто отдавал половину, кто четверть. Но отдавал.

В 1990 году на свет появилось уголовное дело, в котором фигурировал Николай Михайлович. Речь шла о 160 миллионах советских рублей. Они, как выяснилось, «растворились» где-то за границей при непосредственном участии Ольшанского. Спасло его от «самого гуманного суда в мире», как ни странно, ГКЧП — после 91 года к «старым» уголовным делам, особенно «экономическим», стали относиться по-другому. Дело замялось.

К 1996 году приватизационные процессы в стране развернулись в полную силу и предприятия — производители удобрений стали потихонечку уходить из-под крепкой руки Николая Михайловича.

До 97 года Николая Михайловича «кормило» посредничество, но предприятия расставались с «десятиной» всё труднее, всё больше производств принадлежало новым «эффек-

---

тивными» собственникам, всё меньше им нужен был Ольшанский. Пришло время собирать собственность, «отбившуюся от рук». Начал Николай Михайлович с любопытной «двухходовки», настолько любопытной, что темой — на целую полосу размером! — заинтересовалась «Российская газета».

Сначала «красиво» обанкротился Уваровский химзавод, что в Тамбовской области: до банкротства он дошёл почти стерильным, у него украли даже цистерны с метанолом. За бесценок производство досталось росошанским «Минудобрениям», с которыми у Николая Михайловича были прекрасные отношения. Настолько прекрасные, что в феврале 98 года он стал председателем Совета директоров «Минудобрений».

В Россоши Ольшанский «укрупнил» акции, оставив за бортом огромное количество миноритарных акционеров, прежде всего, работников предприятия, акции у которых выкупались в 3,5 раза дешевле, чем номинал...

Ольшанский уже не первый раз «сидит срок» в Госдуме, внешне всё выглядит вполне респектабельно и пристойно. Если не считать того факта, что общественная организация политической информации и консультаций «Центр», проводя исследование последствий возможности отмены депутатской неприкосновенности, посчитала Николая Михайловича одним из депутатов, в отношении которых в любой момент могут быть начаты расследования по совершённым преступлениям. В таблице так и указано, чего бояться — «Налоговые и таможенные преступления, неучтенные наличные средства».

Госдума — это не только голосования и дискуссии, но и «депутатские запросы» и прочие лоббистские возможности. А лоббировать Николаю Михайловичу есть чего. Не утихает до сих пор «волна», поднятая Ольшанским вокруг аммиакпровода Тольятти—Одесса. Вообще, в советское время его строили для того, чтобы обеспечить экспорт продукции гигантского производства, построенного на американские кредиты миллионера Хаммера в Тольятти. По пути в аммиакопровод делались «врезки» для того, чтобы селяне областей, по которым проходит аммиакопровод, могли получать дешёвое и эффективное удобрение прямо из трубы.

Когда Ольшанский завладел «Минудобрениями», а уж тем более когда появился в Думе, весь мир узнал, что, оказывается, в советское время планировалась еще одна «врезка» — с росошанского завода. На сей раз не для забора аммиака, а наоборот, чтобы его туда закачать.

Напрасно пытались объяснить проектировщики аммиакпровода, напрасно аргументировали свою позицию на предприятии «Трансаммиак», напрасно выступал тольяттин-

---

ский завод, рассказывая о том, что Украина и так не позволяет полностью перекачать весь производимый аммиак, поверили почему-то Ольшанскому. И аммиак из Россоши потеснил тольяттинский на пути в Одессу, в порт.

У «Тольяттиазота» просто не было другого выхода, как пустить «в трубу» Ольшанского: на другом конце трубы, в Одессе, «сидела» фирма IBE, одним из бенифициаров которой до своей гибели значился Игорь Николаевич Ольшанский (погиб в ноябре 2005 года, возвращаясь с охоты на личном самолете). Но сын за отца же не отвечает?»

Следом за Ольшанским, нанеся огромный урон «Тольяттиазоту», объявился Левицкий, скупивший с рынка почти 10 процентов акций ТоАЗа по заказу «Реновы», выдвинув своих кандидатов в совет директоров («Синтек» Левицкого вместе с «Реновой» Вексельберга вознамерились создать химический холдинг, идеальной основой которого мог бы стать ТоАЗ).

Узнав, что Левицкий едет на собрание акционеров, Владимир Махлай приказал выставить блокпосты прямо перед заводом.

От Левицкого и «Реновы» сумели отбиться, но через неделю на предприятие прибыла группа следователей МВД — изъять данные о собственниках завода и бухгалтерские отчеты. Тут уже ТоАЗ перешел в контрнаступление! Первым делом отправил письмо депутату Госдумы от Тольятти — Анатолию Иванову. На его запрос в Генпрокуратуру выяснилось, что по инициативе депутата Госдумы от Краснодарского края против «Тольяттиазота» возбуждено уголовное дело за уклонение от уплаты налогов. Иванов сразу ему позвонил, и депутат сообщил, что письмо в прокуратуру он написал по просьбе губернатора Ткачёва. Это было стопроцентное рейдерство, когда при захвате возбуждаются уголовные дела. Махлай потом говорил, что кроме омерзения, у него никаких чувств это не вызвало: «Стремление силой, соединенной с хитростью, захватить то, что создавалось десятилетиями, — это порождение новейшего российского времени. Наш коллектив этому противостоял и сопротивляется. И вряд ли его можно перекупить или склонить к содействию тем, кто стоит за всеми этими «масками-шоу».

В том же году якобы владельцем 10 процентов акций завода стала компания «Евротоаз», созданная уроженцем Украины Дьордем Галантаи. Опять ТоАЗу пришлось отбиваться, опять посыпались обвинения на предприятие, судебные иски и прокурорские проверки! А 26 августа 2005 года группа неизвестных, сопровождаемая автоматчиками, проникла в офис корпорации.

Автоматчики заломили охраннице руки, отпихнув ее в сторону, и вся группа спокойно прошла на четвертый этаж. На требование директора по кадрам предъявить документы мужчины, представившийся начальником 38-го отделения департамента экономической безопасности МВД, ответил: «Вы для меня никто!»

В кабинете «Волжско-Уралосибирского регистратора», который занимался ведением реестра владельцев ценных бумаг, захватчики пробыли до двух часов ночи, изъяв документы, компьютерные базы данных и оргтехнику. Изъятие произвели и в помещении «РТС-банка». Якобы у «Тольяттиазота» огромная недоплата на прибыль. Но незадолго до их налёта налоговая инспекция проводила проверку, и не нашла никаких существенных нарушений.

Но не только «Тольяттиазот» страдал в эти годы от рейдеров: не было в России и десяти крупных предприятий, чтобы не подвергались налётам. Даже простой народ уже знал, что услуги одного «бойца» обходятся рейдерам в 200 долларов в сутки, подкуп руководства местной милиции, следственных органов и прокуратуры — до 60 тысяч долларов, а услуги судебного пристава — 10 тысяч долларов. Ключевое звено в механизме захвата — арбитражные суды. Однако ни один судья не подвергся за это уголовному преследованию! Едва предприятию удавалось отбить одно дело, как тут же возбуждались новые. Руководителям предприятий рейдеры говорили открыто: «Что мы скажем судьям, то они и сделают». И не боялись бравировать своей властью!

7 сентября на территорию промышленной площадки завода прорвалось около сорока человек, в том числе с огнестрельным оружием. Это были сотрудники тольяттинского ОМОНа, обеспечивавшие «силовое прикрытие» группе следственного комитета МВД России во главе со следователем по особо важным делам.

«Был обычный рабочий день, — рассказывала потом С. Бикитеева. — Внезапно с высоты восьмого этажа я увидела группу людей, окруженных автоматчиками; они стремительно приближались к проходной. Я бросилась туда же. Весть об омовцах уже облетела цеха, люди бежали отовсюду, образовалась огромная толпа. Пришельцев это не смущало. Назвать свои имена и фамилии они наотрез отказались. Когда омовцы стали приближаться к дверям заводоуправления, я направила на них объектив фотоаппарата, и тут же с криком «прекратите снимать!» ко мне рванул мужчина в гражданской одежде. Я бросила фотоаппарат через решетку, кто-то по ту сторону ограждения подхватил и успел сделать

снимок. Эту фотографию мы поместили в газете «Волжский химик» как неоспоримое доказательство».

Полтора часа коллектив завода удерживал вооруженную группу, не пропуская вперед. Ведь на заводе в хранилищах было 30 тысяч тонн аммиака, 10 тысяч тонн метанола, не говоря о других химпродуктах. Любой случайный выстрел мог привести к катастрофе национального масштаба! Но захватчики рвались вперед и кричали, что Махлай обманывает рабочих, прячет деньги в офшорах, что новый хозяин завода будет намного порядочнее, люди получат гораздо больше, чем имеют теперь...

Разными способами тоазовцы сумели оповестить СМИ — город обязан знать, что происходит на их заводе! Подъехало телевидение, подъехали журналисты и фотографы местных газет.

Толпа рабочих продолжала защищать проходную. Тогда группа омоновцев из 37 человек, перепрыгнув через ворота, бросилась к заводууправлению. Во избежание штурма, руководство ТоАЗа приказало охране их пропустить. По живому коридору прошли сотрудники тольяттинского ОМОНа и московские следователи! К их услугам были предоставлены все документы, какие они потребовали.

Владимир Махлай выступил с гневной статьей в журнале «Босс»:

«До каких пор олигархи, получившие в свое время доступ к огромным финансовым ресурсам, будут стремиться подмять под себя успешно работающее предприятие, а не вкладывать деньги в отрасли, которые действительно требуют развития? В сельское хозяйство, например?»

Меня возмущает, что люди, которые «несут ответственность за благосостояние народа», преследуют компании и создают колоссальные препятствия для развития и повышения эффективности производства, пытаются предприятия перехватить или недружественно поглотить. Мировая история еще не знала подобного — чтобы на взрывоопасное, пожароопасное химическое предприятие совершалось вооруженное нападение с целью захвата! Только благодаря рабочим ТоАЗа не произошло непредсказуемой по своим последствиям катастрофы. И меня поражает, что по данному чрезвычайному событию никто из рейдеров не понес наказания в назидание другим рвачам».

Увы, прокуратура потребовала уголовного наказания для самого Махлая. В основу претензий к нему легли поставки аммиака за рубеж через посредников. Крупнейшим из них была швейцарская компания «Нитрохим». С владельцем этой компании Владимир Махлай сотрудничал с 90-х годов. Его сын, Андрей Махлай, несколько лет заседал в совете директоров «Нитрохима». Следователи выдвинули предположение,

---

что ТоАЗ поставлял компании аммиак по заниженным ценам, а значит, Владимир Махлай в 2002—2004 годах недоплатил 280 млн. рублей налога на прибыль. Кроме того, ему припомнили приватизацию российского участка «Трансаммиака» (изначально строившегося именно для ТоАЗа!) и квалифицировали это как мошенничество.

В федеральных СМИ стали появляться статьи, характеризующие Владимира Махлая как крупного криминального авторитета, фактически укравшего весь «Тольяттиазот», разорившего ряд других предприятий, нарушившего мировой рынок аммиакопродуктов, продавая товар по сверхнизким ценам. СМИ уверяли, что он ведёт незаконное и экологически опасное строительство порта в Тамани, владеет несколькими самолётами и рядом крупнейших объектов недвижимости за рубежом.

Вот тогда Владимир Махлай и вспомнил о судьбе директора «Невинномысского азота», схваченного прямо на дне рождения дочери и посаженного в тюрьму. Для Махлая тюрьма могла закончиться тюремным полотенцем — взял да и удавился от угрызений совести. Он срочно вылетел в Швейцарию, затем в Англию. Вскоре за ним уехал исполнительный директор Александр Макаров. Через месяц обоих руководителей ТоАЗа объявили в международный розыск по линии Интерпола.

Но коллектив завода не мог мириться с таким положением. Все были зрячими и все видели, чем заканчивались захваты других предприятий: их просто грабили, потом расчленили и продавали. Многочисленные митинги протеста «Тольяттиазота» прошли в Тольятти, Самаре, Москве, Нижнем Новгороде — делалось всё, чтобы привлечь к своим проблемам внимание широкой общественности. Одновременно писались письма в Генпрокуратуру и президенту страны.

— Мы не временщики, — бунтовали тоазовцы. — У нас есть своя доля ответственности за жизнь в городе и области! Это — рабочие места и стабильная зарплата, это — социальная инфраструктура, которой пользуются не только наши работники, это — участие в социальных проектах. Это — серьёзная работа по повышению экологических стандартов производства. ТоАЗ — одно из градообразующих предприятий Тольятти и крупнейший налогоплательщик в регионе!

Несмотря ни на что в марте 2006 года снова нагрянула на ТоАЗ группа Следственного комитета МВД РФ. Этот визит моментально осветили либеральные газеты, умышленно искажая факты. Всё было направлено на создание паники в среде заводчан. Но ожидаемого результата не получилось — люди давно уже поняли тактику черных рейдеров и к тому же прекрасно знали, кто они такие.

Тяжело давалась борьба против насильников. Та свобода, о которой мечтали, о которой так много писали в конце восьмидесятых годов, — пришла. Для кого-то она обернулась распушенностью и вседозволенностью, а для кого-то стала достоинством. Достоинство — величайшая сила, согнуть его практически невозможно, это и злило рейдеров, точивших зубы на лакомый кусок.

Владимир Махлай тоже не молчал — в журнале «Босс» выходили его статьи:

«Коллектив, да и меня, пытаются уничтожить, лишив дела, лишив профессии, лишив того, на что вся жизнь положена. А за что и почему? Да потому что мы не уступаем захватчикам, не поддаемся шантажу и попыткам разрушить управление предприятием, отобрать его активы, вывести их в неизвестном направлении. Мне приписывают неуплату налогов и присвоение средств. Но нет в России человека или предприятия, у которого бы я хоть копейку присвоил! Заказной характер фабрикуемого дела виден невооруженным глазом. Проведённые всевозможные проверки и заключения экспертных и контролирующих органов, в том числе государственных, свидетельствуют, что «Тольяттиазот» работал в рамках закона. К сожалению, следствие игнорирует результаты данных проверок и экспертиз, выдвигает всё новые нелепые, ни на чем не основанные обвинения.

Мы на предприятии пережили немало: и попытки силового захвата с участием автоматчиков, и бесконечные выемки документации (которая и сейчас вывозится буквально грузовиками), и скачивание материалов с компьютеров управления предприятием... И что? Государственные средства затрачены, огромное число специалистов трудится над поиском компромата, а толку опять же нет. Его и не будет. Потому что нет у нас того компромата, который ищут. Мы противозаконными делами никогда не занимались. До каких же пор будут нас терзать и продлять так называемые следственные действия? Ведь как только было приватизировано предприятие, уже через несколько месяцев меня вызвали в министерский кабинет в Москву и устроили разбор. А после проведенной проработки спрашивали наутро: как спалось?

«Старые гвардейцы» никак не могут смириться с тем, что их время уходит, что наступает новая жизнь. Разорив множество химических предприятий России, они намерены добраться и до «Тольяттиазота», чтобы, набив собственные карманы, привести и его в плачевное состояние. Для этого они, отчего-то чувствуя вседозволенность и безнаказанность, организуют заказные, сфабрикованные дела, печатают клеветнические статьи и пытаются парализовать работу успешно функционирующих компаний.

Первичный запрос о необходимости проверить схему приватизации «Тольяттиазота» и приданного нам предприятия «Трансаммиак», много лет назад написал некий депутат Госдумы, в глаза нас не видевший. Но мы-то знаем, кому покоя не давали наши активы. К слову, приватизировали мы ТоАЗ и многокилометровый трубопровод в точном соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации. Ведь наш завод без трубопровода — то же, что резервуар без крана. Но для захватчиков главным было найти первый повод, а дальше уже покатилося. И катится до сих пор. Но не само, а с подталкиванием со стороны заинтересованных лиц и структур. Уж больно им наше предприятие нравится. Еще бы! Работаем безостановочно, несмотря на постоянные помехи извне, производство модернизируем, наращиваем...

А обратиться за защитой нам не к кому. Пример — события в окружном арбитражном суде в Казани. Шел процесс по нашему делу, шел не один день. Мы не маленькие дети, видели, что всё идет к решению в нашу пользу. А на завершающем этапе вдруг сменили судью. Как? Что? Почему? На наш взгляд, ответ очень прост: заказ поступил. Другой судья не задал ни одного вопроса по существу дела. И естественно, решение оказалось не в нашу пользу. Интересно, как он спит после этого? Спокойно? Наверное, да, особенно после того как сделал умопомрачительное открытие о наличии у нашего акционерного общества 151% акций.

Как всё это выносить, как терпеть? Я знаю, что люди, заказывающие все эти «спектакли», заявили: мы Махлаю не дадим житья!

Так вот, пользуясь этой публикацией в журнале, хочу им ответить: Махлай один, но всего на заводе — 5 тысяч человек, а в корпорации в целом — 10 тысяч; попробуйте справиться с ними. Это не бессловесные рабы. Они в свое свободное время и в любую погоду выходили на митинги и демонстрации в защиту своего предприятия, своих орудий труда, пытались достучаться до важных персон, от которых зависит стабильная и безопасная работа ТоАЗа. Как же может быть так, что их не слышат чиновники, те, кто живет за счет налогов, которые платит наше предприятие?

Мне уже определенные люди открыто говорят: отдай завод, отдай контрольный пакет акций. Поймите, для меня не принципиально, кому будет принадлежать «Тольяттиазот», для меня принципиально не дать его растащить, разбазарить. Я тут 22 года отработал генеральным директором и не просто так отсидел в руководящем кресле, а модернизировал пред-

---

приятие, запускал новые производства, содействовал росту благосостояния заводчан. Большая часть моей жизни посвящена «Тольяттиазоту». Как отдать на разграбление? К тому же я не вправе единолично решать такие вопросы. Коллектив предприятия многие годы создавал эти ценности собственным трудом, и только он будет решать свою дальнейшую судьбу».

Ни на один день Владимир Махлай не терял связи с ТоАЗом. В Лондоне он был в курсе всех дел корпорации. Каждую неделю проводил телемост с Тольятти, давая поручения подчиненным. В ежедневном режиме принимал решения вместе с Макаровым.

Чтобы не дать нанести ущерб работе «Тольяттиазота», Владимир Николаевич сформировал дублирующий состав управленцев: один состав занимается с проверяющими, другой непосредственно управляет производством.

В декабре было запущено уникальное производство реакционных труб. ТоАЗ стал четвертым мировым производителем этой продукции — наряду с Францией, Германией и США. Идея создания линии по выпуску реакционных труб принадлежала Владимиру Махлаю: реализация этого инновационного проекта, не имеющего аналогов в России, позволяла экономить огромные средства, поскольку каждый трубный пучок заменяется каждые 12 лет, и покупка каждого обходится в 12 миллионов долларов, а если с установкой, то и во все 25 миллионов. В этих трубах нуждался не только ТоАЗ — все нефтехимические и нефтеперерабатывающие предприятиях страны!

Теперь на ТоАЗе готовились к пуску второй установки по производству метанола. Метанол, в отличие от аммиака, не требовал такого большого потребления газа и был очень выгоден. При строительстве первой очереди Владимир Махлай учёл губахинский опыт и постарался внедрить то, о чём в Губахе только мечталось: сделать колонны синтеза не вертикальными, а горизонтальными, — это давало возможность резко снизить металлоёмкость, габариты и давление в колоннах. Проект разработали с Казанским химико-технологическим университетом и швейцарской фирмой «Казале».

Махлай дал интервью тольяттинскому журналу «Хронограф»:

— Владимир Николаевич, вы вынужденно находитесь за рубежом. Как это сказывается на предприятиях корпорации и их управляемости?

— Я держу руку на пульсе и управляю своим хозяйством. Современные средства связи и коммуникации позволяют это делать. Даже время от времени планерки по телевидению possible. Как я был свободен в своих действиях в России, так

свободен и здесь. Другое дело, что какой-то личный дискомфорт, конечно, присутствует. Россия есть Россия, а я русский. Мы родились и хотим прожить жизнь в своей стране. Ради нее мы и трудимся. Жаль, что этого российское руководство понять не хочет. За 40 лет директорства я построил не один десяток производств, приносящих стране прибыль. Сейчас же мне это мешают делать. И еще обвиняют меня в убытках! На Западе ТоАЗу продолжают верить и кредиты дают, но, если бы не нынешнее положение дел, кредиты эти были бы более выгодными и долгосрочными. Вот это тоже большой минус.

— Какие новые социальные проекты «Тольяттиазота» будут осуществлены в городе в ближайшее время?

— Во-первых, мы заканчиваем строительство досугового центра в Комсомольском районе. Там будет фитнес-центр, бассейн, ресторан с новыми сортами пива из нашего пивзаводика, ЗАГС Комсомольского района. Во-вторых, войдут в строй «звездная» гостиница и спорткомплекс для молодежи в районе нашего Дворца культуры. В-третьих, пытаемся осуществить проект, аналогов которому в России совершенно точно еще нет. Для этого мы просим у мэрии сто метров пляжа в зоне отдыха напротив нашего санатория. Площадка будет соединена с ним переходом над дорогой. Хотим построить открытый зимний бассейн из нержавеющей стали. Туда будет весь Тольятти ездить. Горожанам будет предложен широчайший комплекс услуг: сероводородные ванны, все виды массажа. Человек там за одну-две недели сможет серьезно оздоровиться, не предпринимая для этого никаких специальных усилий.

— А что будет нового в производствах?

— Над тем, что мы сейчас делаем, такие страны, как США, Германия и Румыния, бьются уже лет 30—40. Они хотят выпускать те товары, которые очень скоро будем производить мы.

— Это чьи разработки?

— Мои. По традиционной технологии на метаноле необходимо проводить конверсию углерода с кислородом, а для этого делать блоки разделения воздуха, то есть турбины, компрессоры с большим расходом электроэнергии. Мы проработали этот вопрос. Решили подобрать углекислый газ и «затащить» кислород без разделения. Дальше — была задача получить оптимальную себестоимость. За ней и потянулась задумка получать из метанола пропилен, полипропилен и прочее, полезное для реализации или дальнейшего использования. Как раз то, над чем бьются в США и Германии. Выгодно это не только ТоАЗу — всей стране, поскольку из

пропилена можно изготавливать массу товаров широкого потребления. К тому же пропилен, как продукт глубокой переработки, более дорогой для экспорта, а стало быть, и налоги с него пойдут больше, чем с сырьевых ресурсов.

Этим и занимался Владимир Николаевич, находясь в Англии, это и было осуществлением давней его мечты. Всю жизнь он работал над усовершенствованием производственных процессов, имел уже 35 изобретений, научных статей и монографию. Заслуженно получил звание академика, являясь членом-корреспондентом Российской академии естественных наук и действительным членом Международной академии бизнеса. Был удостоен ученой степени доктора *Napogis Causa* Ассоциации «Основные процессы и техника промышленных технологий». Не будь препонов, которые постоянно чинили ему, какую промышленную империю он создал бы на зависть всему миру!

Ввод второго метанольного агрегата был произведен в январе 2007 года. И если до сих пор «Тольяттиазот» являлся крупнейшим в России производителем аммиака, то с вводом обновленного комплекса стал еще и крупнейшим производителем метанола. Кроме того, было построено и уже эксплуатировалось уникальное производство стеклопластиковых труб, срок службы которых составлял 50 лет — хороший подарок химикам и коммунальщикам. На плановую мощность вывели производство базальтового супертонкого волокна, чтобы обеспечить объекты корпорации экологически чистым, высококачественным и негорючим теплоизоляционным материалом, намного превосходящим стекловату. В порту Тамань, где работы шли от одного выигранного суда до другого, закончили строительство всего комплекса железнодорожной станции, запустили в эксплуатацию огромный административно-бытовой корпус.

Борьба тольяттинских химиков против рейдерских атак тоже стала приносить результаты. Высший арбитражный суд встал на сторону тольяттинцев. Это, конечно, еще не гарантировало ТоАЗу победы, но определенную надежду на благополучный исход всё же давало.

В июне 2007 года Владимир Николаевич Махлай стал лауреатом премии «Кремлёвский грант», учрежденной Агентством Национальной безопасности при поддержке Администрации президента РФ и Министерства обороны. Эта премия — общественное признание выдающихся заслуг за вклад в развитие Российской экономики. Кроме неё, в 2006—2007 годах Владимир Николаевич получил еще ряд наград, среди которых орден

«За честь и достоинство», орден «Золотая звезда Отечества», орден «Президентская звезда», орден «За заслуги».

Парадоксально, но жить он при этом был вынужден за границей. Вернись он в Россию, ему грозило обвинение в «неуплате налогов, мошенничестве в особо крупных размерах и отмывании средств, добытых преступным путем», что могло обернуться десятью годами лишения свободы. Судьба Владимира Николаевича Махлая, Почетного гражданина города Тольятти, оказалась схожей с судьбой Василия Никитича Татищева — основателя Ставрополя-на-Волге, переименованного в 1964 г. в город Тольятти. Бесстрашный воин, крупнейший государственный деятель, основатель Оренбурга, Перми, Екатеринбургa, Челябинска, Ставрополя-на-Волге, руководивший строительством десятков горных заводов на Урале, Татищев шесть раз был под судом и даже сидел в Петропавловской крепости — по наговорам на него уральских заводчиков.

Губернатору Самарской области В.В. Артякову:

«Уважаемый Владимир Владимирович! Государственная корпорация «Ростехнологии» рассматривает вопрос создания холдинговой компании при производстве калийных и азотных удобрений. В этих целях «Ростехнологии» осуществляет подготовительные мероприятия в интересах консолидации активов ключевых предприятий отрасли. Перспективным было бы решение вопроса о вхождении в создаваемый холдинг ОАО «Тольяттиазот».

В связи с изложенным прошу Вас поддержать этот проект и дать поручение провести переговоры с акционерами ОАО «Тольяттиазот» на предмет вхождения этого предприятия в создаваемый холдинг, а также подготовить стратегию его развития и план корпоративных мероприятий.

И.И. Сечин».

За этим обращением к губернатору влиятельного вице-премьера России Игоря Сечина последовала очередная налоговая атака на ТоАЗ, хотя и без того за последние два года их было уже сто восемнадцать! Коллектив ТоАЗа снова начал митинги и демонстрации протеста.

— Нас должны в конце концов услышать! Чтобы захватить такое огромное и стабильно работающее предприятие, нужны немалые деньги. Мы, тоазовцы, ведём борьбу против этих денег! За два последних года множество предприятий России поменяло своих руководителей, процесс захватов шел без сучка и задоринки, но не в пользу трудовых коллективов! Мы будем отстаивать свой завод! Мы понимаем, что тем, кто

рвётся к захвату, гласность не нужна, но мы будем добиваться влияния и на судебную систему, потому что судьи, готовые принять решения в пользу ТоАЗа, вдруг начинают принимать совершенно иные решения! Суммы, которые предъявила нам налоговая инспекция в последний раз, мы опротестовали, документально подтвердили свою правоту! Мы хотим стабильно работать под руководством Махлая и Макарова — профессионалов, досконально знающих производство! Мы хотим жить в цивилизованной стране, где правит здравый смысл, а не паутина коррупции!

Ситуация с рейдерскими атаками еще сильнее сплотила коллектив и руководство. 10 тысяч человек подписались под обращением к президенту России — не только работники корпорации, но и жители города Тольятти.

«Уважаемый Владимир Владимирович! Просим Вас вмешаться в ситуацию, сложившуюся вокруг ОАО «Тольяттиазот» при очевидном попустительстве тех, кто призван стоять на защите законности и правопорядка. На протяжении последних двух лет трудовой коллектив вынужден отбиваться от инициаторов и исполнителей так называемого недружественного поглощения, а точнее — от попыток рейдеров захватить одно из лучших предприятий страны.

На территорию режимного завода, опасного по газу, пожару, взрывам, врывались люди с огнестрельным оружием, подвергая смертельному риску жизни тысяч людей и большого города! Фабриковались и фабрикуются уголовные дела. По сомнительным искам, не имеющим под собой правовой основы, идут срежиссированные суды.

На основе произвольных расчетов налоговая служба выдвинула разорительные — на миллиарды рублей! — претензии. Между тем «Тольяттиазот» является добросовестным налогоплательщиком, одним из крупнейших в Самарской области.

Рабочие и инженеры ТоАЗа своими руками, своим трудом и энергией создали современное, динамично развивающееся производство. ТоАЗ по праву называют флагманом химической индустрии России и мира. Здесь осваиваются уникальные производства и технологии, многие из них впервые в России, Европе. Но производственники не могут трудиться в полную силу: фискальные, технические и другие инспектирующие службы парализуют нормальную работу цехов и смен.

На три года (!) заморожено строительство порта на Тамани, начатого по инициативе президента корпорации «Тольяттиазот» В.Н. Махлая. А ведь известно, как нужны порты нашей стране.

Средства предприятия, доходы направляются на создание новых производств, причем не только химических, но и непрофильных, однако очень нужных городу, области, людям для решения социальных проблем. Показательные цифры: в начале 90-х годов на ТоАЗе работало 3 тысячи человек, сегодня в корпорации «Тольяттиазот» работает более 10 тысяч.

Уважаемый Владимир Владимирович! Мы пытались справиться с проблемами, которые обрушились на нас, сами. Однако с нашими протестами, митингами, обращениями в правоохранительные органы не считаются. В ответ на наши аргументированные письма приходят отписки. Мы обращаемся за поддержкой и справедливостью к Вам, Президенту России! Помогите остановить беспредел, не дать свершиться несправедливости. Мы просим Вас направить в наш город и на «Тольяттиазот» своё доверенное лицо, которое выслушает нас!»

Казалось бы, такой вопль отчаяния дойдёт даже до глухого. До президента не дошел. Нападки на «Тольяттиазот» ставновились всё дичее. Чудовищные измышления публиковала газета «Волга-Инфо»: руководством ТоАЗа за бесценнок проданы метанольное производство, агрегат аммиака, хранилище аммиака, оборудование для производства КФК, технологические трубопроводы, подъездные пути, электроподстанции и многое другое. Якобы для того, «чтобы сдавать оборудование в аренду собственному же предприятию, выжимая из него последние средства».

«А ведь когда-то «Тольяттиазот» был гордостью отечественной химии, — негодовала «Волга-Инфо». — Теперь он, расчлененный и распроданный по кусочкам, служит лишь алчности своих зарубежных хозяев. А тем временем Самарская область, недополучающая сотни миллионов рублей налогов, ищет способы залатать бюджетные дыры. В области 10 тысяч детей сирот, тысяча сирот не имеет жилья, дети лишены внимания и заботы, лишены самых необходимых вещей. Прокурорская проверка самарского детского дома №1 и школы-интерната №13 показала ужасающие результаты: территории обоих заведений не благоустроены, ограждение почти отсутствует, около зданий разбросаны шприцы, а вокруг полно мусора и бродячих собак. Сколько еще крупнейшее предприятие региона будет работать на роскошную жизнь зарубежных олигархов, пока тысячи самарских детей остаются без будущего?!»

Казалось бы, при чём тут «роскошная жизнь» Махлая, если губернским властям наплевать на бездомные дети? (Десять тысяч в одной из самых богатых губерний страны!) Но клевету подхватил интернет и с десяток российских газет, ста-

---

ты в которых были оплачены Ровтом. Захватить «Тольяттиазот» стало его идеей фикс. К захвату рвался и Дмитрий Мазепин — владелец холдинга «Уралхим»: ТоАЗ был единственным в России независимым химическим предприятием и при этом успешным.

В середине января 2008 года Владимир Николаевич Махлай был награжден орденом «Святого Александра Невского», а 28 января в санаторий «Надежда», где отмечали десятилетний юбилей учреждения, ворвалась вооружённая группа омоновцев, сопровождавшая старшего следователя при ГУВД по Самарской области и оперуполномоченного МВД России. Всеходы и выходы здания были ими уже перекрыты.

Следователи прошли в банкетный зал, внимательно изучили лица гостей, и, не найдя среди них Махлая, велели охране санатория предоставить записи камеры наружного наблюдения. Не верилось, что Махлай не приехал на юбилей своего любимого детища — десятиэтажного красавца посреди соснового леса. Да тут же, на юбилее, коллектив бы и поздравил его с правительственной наградой...

Вскоре судье города Тольятти Елене Валявиной позвонил сотрудник администрации президента Валерий Боев и потребовал пересмотра итогов приватизации «Трансаммиака», намекая, что в случае отказа, её полномочия как судьи не продлят. Одновременно следственный комитет МВД потребовал экстрадиции Махлая и Макарова из Великобритании, выставив неоспоримым документом отчет двух высокопоставленных милиционеров, которые посчитали, какой ущерб нанес стране Махлай, продавая аммиак по заниженным ценам через аффилированные компании.

Вестминстерский магистратный суд расценил эти расчеты как «весьма наивные». Принимая решение об отказе в экстрадиции, суд учел и показания экспертов, рассказавших о том, что в силу особенностей российского правосудия по возвращении на родину Махлай может стать жертвой режима и потерять собственность.

Осенью того же года Мазепин, приобретя у «Реновы» акции ТоАЗа, нагло обратился через своего связного к Владимиру Махлаю: пусть продаст «Уралхиму» ТоАЗ!

— Никакому Мазепе я завод не отдам! — взорвался Махлай.

Наступивший вскоре кризис заставил Мазепина на время забыть о приобретениях — надо было спасти собственный холдинг. Чтобы поправить дела, бизнесмену пришлось заложить Сбербанку не только свои химические активы, но и принадлежащие ему акции «Тольяттиазота».

В сентябре 2009 года на заводе побывал Николай Иванович Рыжков — фигура для России знаковая. От инженера на

«Уралмаше» — до председателя Совета Министров СССР. Он единственный из руководителей страны выступал в своё время против перестройки, затеянной Горбачёвым! Теперь он возглавлял Комиссию Совета Федерации по естественным монополиям. Когда его спрашивали, чего, на его взгляд, не хватает российскому обществу, он отвечал: «Продуктивной идеи, вокруг которой могло бы объединиться всё общество. У нас же, куда ни посмотри — везде деньги, деньги, деньги! Превратившая советская идеология, что бы о ней ни говорили, была сильна своей социальной составляющей. И лечили, и воспитывали, и образовывали. А что мы сегодня имеем? Мы имеем установку: делай, что хочешь, выживай, как можешь! Аморальность, обман, несоблюдение каких бы то ни было нравственных норм в отношениях между людьми стали само собой разумеющимися. Особенно опасно это для молодого поколения, которое будет определять в не таком уж далеком будущем лицо России. Молодежь надо заниматься, заниматься и заниматься! Не только объяснять, что в России всегда в цене была духовная составляющая жизни, но и делать всё возможное, чтобы так было в реальной жизни».

Николай Иванович давно слышал о «Тольяттиазоте», вокруг которого сложилась беспрецедентная обстановка: четыре года ни на один день не прекращалось давление недружественных структур. С уважением относился к тоазовцам, которые, как один, встали на защиту своего предприятия. Казалось бы, и исками завод обложили, фактически парализовали, и первых лиц заставили Россию покинуть, но нет, не сдавался химический гигант, боролся, работал, развивался. Даже, несмотря на кризис, строил новые дома, осваивал новые технологии, развивал социальную сферу, вёл набор новых сотрудников.

Обойдя всё предприятие, познакомившись с опытными и молодыми работниками, вникнув в каждый узел, Николай Иванович признался, что очарован заводом и людьми, которые на нем трудятся!

— Производство современное, высокотехнологичное. А люди знают, за что работают.

Тут же прошла в прямом эфире беседа с Владимиром Махлаем. Владимир Николаевич благодарил за визит, за то, что Николай Иванович лично познакомился с ТоАЗом и его тружениками.

— У вас тут замечательный народ, — ответил Рыжков. — Я обратил особое внимание, что много молодежи и в руководстве, и на производстве. Увидел ваш санаторий «Надежда» и прекрасную заводскую поликлинику. Печально, что Вам приходится управлять на расстоянии.

— Да, рулить на расстоянии тяжело.

— Но у вас и это получается. Хотя я представляю, насколько больше вы сделали бы на месте. Верю, что в конце концов все эти рейдеры, все пираты отступят. Ваше честное имя ничем не запятнано. Когда я ехал сюда, даже не ожидал увидеть подобных масштабов! Ваше многопрофильное предприятие — одно из самых выдающихся в химической промышленности. Взять хотя бы производство реакционных труб на ТоАЗе: такого у нас в России еще не было, сейчас мы полностью обновляем машинный и станочный парк.

— Время жизни, увы, ограничено, а хотелось бы еще так много сделать! Я не понимаю людей, у которых только одно желание: отнять! Ну что они накинулись на ТоАЗ, ему уже тридцать лет. Купите землю в Тольятти или в другом месте, согласуйте документацию, и я вам построю завод еще лучше ТоАЗа! Сегодня такие технологии в мире, что большой завод может обслуживать всего двадцать пять человек. Это ли не выгода?

— Недавно в правительстве обсуждался срок введения норм на бензин «евро-3». Из двадцати семи нефтеперерабатывающих заводов только три имеют возможность выпускать продукцию, соответствующую европейским стандартам.

— Так в наших верхах даже не упоминают слово «химия»! Большой химией в стране 25 лет никто не занимается. Существует предубеждение, ни на чем не основанное, что химия — это что-то вредное. Его некоторые нынешние безграмотные руководители страны, видимо, со школьной скамьи вынесли. Зато газопроводы и нефтепроводы идут на восток и север, на юг и запад! Сердце кровью обливается... А что творится с нашим портом на Тамани! Пять лет потеряно! Как можно?! Ржавеет оборудование на миллионы долларов. Да еще мне в лицо бросают: нечего делать на чужой земле! Как будто я к американцам пришел...

— До сих пор нет разрешения?

— До сих пор. Правда, «отпустили» немного — как бы не замечают, что мы там возимся.

— У вас неиссякаемая энергия!

— Спасибо, Николай Иванович. Я своему коллективу сказал: насмерть будем стоять, но бандитам завод не отдадим!

По итогам своей поездки на «Тольяттиазот» Николай Иванович Рыжков дал интервью газете «Трибуна»:

«Директор на ТоАЗе — кремень. Каждый день по телемосту ведёт оперативки из Лондона. И это уже на протяжении четырех лет! Только в нашем сумасшедшем доме могут происходить такие вещи. А всё почему? Потому что для кого-то завод — лакомый кусок, надо во что бы то ни стало его прогло-

---

тить! Это было бы невозможно, будь у нас в стране уважение к частной собственности и нормальная правовая система. А так сверхусилиями приходится доказывать свою правоту в самых разнообразных инстанциях, несмотря на то, что правота эта очевидна всем и каждому, даже без глубокого разбирательства. Иначе коллектив не стал бы так защищать своих руководителей, а главное, продолжать работать, несмотря ни на что, и работать хорошо. Дай бог им выдержать всё! Мы же со своей стороны будем помогать всем, что в наших силах».

Голос Николая Ивановича Рыжкова был заглушён клеветнической информационной лавиной, оплаченной Ровтом и Мазепиным.

Корпорацию добивали планомерно. Коллектив месяц за месяцем вел борьбу — как лягушка из сказки, попав в горшок со сметаной, но до конца барахтаясь лапками, взбив наконец из сметаны масло. Первого апреля 2010 года Следственный комитет при МВД РФ прекратил уголовное дело против руководителей «Тольяттиазота» — за отсутствием в их действиях состава преступления. (Годом раньше Следственный комитет при МВД РФ снял с Владимира Махлая и Александра Макарова все другие обвинения, в том числе и в хищении акций). Уголовное преследование руководителей «Тольяттиазота» было прекращено и оба полностью реабилитированы.

Депутат Госдумы Анатолий Иванов, внесший немалый вклад в защиту Махлая и Макарова, поздравил тоазовцев: «Это позитивное событие! Оно упростит отношения предприятия с банками». Действительно, шум, поднятый фискальными органами вокруг завода, оттолкнул от ТоАЗа инвесторов и кредиторов, деловая репутация завода была безосновательно подорвана.

Эксперты пока не советовали Макарову и Махлаю возвращаться в Тольятти: в разделе «Розыск» на сайте Интерпола, несмотря на реабилитацию обоих руководителей, еще месяц висели их фотографии, а милиция продолжала интересоваться ТоАЗом.

Лето 2010 года выдалось на редкость засушливым, жарким, Москва почернела и задыхалась от дыма горящих торфяников, в некоторых губерниях змеи от жара массово кидались в речки. Горели сёла. На севере Урала выгорела реликтовая тайга, спалило огнем несколько посёлков. В Тольятти пострадал лес.

У рейдеров в воспаленных от жара мозгах явилась идея обвинить Махлая и его сыновей в поджоге лесов возле Тольятти:

«Захвативший криминальными способами власть над предприятием «лондонский дед» Владимир Махлай в настоящее время отсиживается в Великобритании, но дело его живет. Завода по производству аммиака «деду» и его сыновьям мало — хочется контроля над городом.

Казалось бы, что проще? Развивай предприятие, предоставь рабочие места, зарабатывай деньги, повышай эффективность управления. Но это слишком просто для привыкших к методам работы по «жигулевским раскладам»: Махлай идет напролом. Горячие головы. И горящие леса.

Тольятти, находящийся в центре лесного насаждения, после «случайного» возгорания получил пустые пространства. Лес горел одновременно в трех местах. Пресса и общественные деятели даже не сомневались, что за «случайным» пожаром стоит неслучайный криминальный интерес.

Весь город знал, что слухи о намеренном поджоге имеют веское основание. Лес горел почти месяц! Только через несколько недель после начала пожаров был введен режим ЧС. Общественные деятели и журналисты с самого начала били тревогу, но их просто никто не слушал, поскольку вступать в криминальные разборки с жигулевско-лондонской семьей себе дороже. Смелчаков не нашлось, и это можно понять — никто не хочет пролитой крови. Тем более своей. «Лондонский дед» и его семья хотят строить в Тольятти дома системы таунхаус и коттеджи. Успех очень близок — территория готова к постройке, рабочая сила под рукой, из многотысячного города несколько сотен человек точно согласятся поработать в качестве строителей. Дело остается только за малым: разрешительным документом под строительство. В Тольятти никто не сомневается, что получить его для «деда» дело времени».

Тольяттинская администрация даже не подумала пристыдить угорелых клеветников, хотя служба чрезвычайных ситуаций города непосредственно подчинялась мэру, а значит, клевета обрушилась на него. А может быть, и не клевета, а самая настоящая правда о том, что лес горел почти месяц, но режим ЧС не был введен?..

Почему же родное губернское правительство не защитило Махлая? Столько, сколько он помогал сельскому хозяйству области, никто никогда не помогал... Правда, губернатор, когда Махлай ему рассказывал о планах и перспективах, заявил: «Да кому это нужно?»

То, что Артякову не нужно, это Махлая не волновало. Нужно было людям. У Артякова были другие интересы, о чем он однажды высказался напрямик: «Продайте свой бизнес тем, кому он нужнее». «ТоАЗ не торговая точка на рынке!» — отрезал Махлай.

Объявились экологи и «зелёные», заказанные Мазепиным. Какие-то жители Тольятти указали им на свалку «радиоактивных отходов» в нескольких километрах от Автозаводского района. Почему радиоактивных, потому что там странная пыль зеленого цвета. Результаты лабораторного исследования, заказанного экологами, показали: в земле находятся осадки гидроксида хрома и хромового ангидрида с включениями оксида алюминия.

Расследуя инцидент, экологи пришли к выводу, что первоначально в земле появились именно радиоактивные отходы, а уже затем на это же место были свалены тонны химикатов: *«Нет сомнений, что захоронения химикатов производил «Тольяттиазот»*. Кто захоронил радиоактивные отходы, экологов не заинтересовало.

«Патрульные» подали заявление в управление Следственного комитета России по Самарской области. Затем несколько жителей Тольятти за 5 тысяч рублей вознаграждения обратились с письмом в тот же Следственный комитет, сообщая, что ТоАЗ находится в критическом состоянии: все агрегаты требуют капитального ремонта, нарушается промышленная безопасность, участились несчастные случаи, износ средств контроля управления, сигнализации и противоаварийной защиты превышает 80 процентов! Уверяли, что «Тольяттиазот» стал реальной угрозой безопасности города и области.

Перед заводом «зеленый патруль» устроил показательную акцию с забором проб атмосферного воздуха. Когда у этих молодых людей спросили, какими приборами они собираются производить замеры, откалиброваны ли они, ответа не последовало. Что они измеряли, осталось тайной за семью печатями. О профессионализме «патрульных» красноречиво говорило уже то, что воздух они «нюхали» с наветренной по отношению к заводу стороны, так что единственное, что могло оказаться во взятых ими пробах воздуха, — выхлоп проезжавших мимо автомобилей.

Давно испытав на себе «прелести» российского бизнеса, коллектив ТоАЗа был уверен — давление на предприятие не прекратится. Впереди ожидают годы судов, проверок, налоговых претензий, а на руководителей могут быть заведены очередные уголовные дела. Но надо держаться, надо выстоять!

В начале 2011 года акционеры «Тольяттиазота» утвердили рекордные для компании дивиденды: 3 миллиарда рублей из расчета 6,76 миллиона рублей на обыкновенную акцию. Сопоставимые дивиденды «Тольяттиазот» выплачивал только в докризисном 2007 году. В марте Владимир Николаевич Махлай передал полномочия по управлению корпорацией свое-

---

му сыну Сергею, хорошо зная его упорство, деловые и руководительские способности. Сергей 20 лет проработал бок о бок с отцом.

Воспитанием своих сыновей Владимиру Николаевичу почти не приходилось заниматься, но они как-то сами впитывали в себя всё то, чем он жил, к чему он стремился. «Акулу капитализма, вспухшую на быстрых деньгах 90-х годов», как называли Махлая либеральные СМИ, сыновья видели за постоянной напряженной работой. И эта «акула» в страшные для страны годы, когда в союзных республиках захватывали власть американские марионетки, когда к русским военным относились уже как к заклятым врагам, палец о палец не ударила, чтобы «отмазать» Сергея от службы в армии.

Воспользовавшись тем, что у корпорации новый руководитель, Владимир Евтушенков, владелец АФК «Система», обладатель личного состояния в 7,7 миллиарда долларов, вознамерился создать собственный химический холдинг, где стержнем бы стал «Тольяттиазот». К губернатору Самарской области Артякову дорога была накатанной. Появился документ, выдержки из которого опубликовало агентство «Росбалт»: Артяков просил замминистра внутренних дел РФ Евгения Школова организовать проверку незаконной, по его мнению, деятельности «Тольяттиазота».

Самое безобразное в этом деле было то, что Евтушенков являлся членом правления Торгово-промышленной палаты РФ и членом Совета по науке и высоким технологиям при президенте России. (16 сентября 2014 года Евтушенков был помещен под домашний арест по делу о хищении и легализации акций компании «Башнефть».)

Газета «Московский комсомолец», 25 июля 2011 г.:

«В последнее время ведущие СМИ снова заговорили о крупном отечественном предприятии химпрома — корпорации «Тольяттиазот». По данным журналистов, завод, от которого зависит благополучие целого региона — Самарской области, опять подвергся атаке. Захват начался в мае с запроса ГУ МВД по Самарской области, которое истребовало у «Тольяттиазота» всю (!) документацию о финансово-хозяйственной деятельности за последние три года. Это требование местных полицейских не вполне согласовывалось с требованиями закона и чуть не парализовало деятельность огромной корпорации, в которой работают 10 тысяч человек. Через месяц сотрудники самарского ГУ МВД уже лично прибыли на «Тольяттиазот», чтобы провести выемку документов. А еще через несколько дней все до единой компании,

---

входящие в корпорацию, подверглись налоговому проверкам.

Сразу, как стало известно о полицейском запросе, в прессе появилась версия о начале новой рейдерской атаки на тольяттинское предприятие. «Тольяттиазот» успешно работает многие десятилетия и даже в кризис демонстрировал стабильные показатели, поэтому неудивительно, что привлек внимание Евтушенкова.

Примечательно, что обращение губернатора Артякова к Евгению Школову с просьбой организовать проверку незаконной, по его мнению, деятельности «Тольяттиазота» датировано 21 апреля, а запрос самарского ГУ МВД появился в начале мая. Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным. А оно, как выяснили недавно федеральные издания, таковым и не было: газеты прямо указывают на многолетнюю дружбу Евтушенкова со Школовым, на значительную роль замминистра Школова в организации «наездов» на «Тольяттиазот», а также на его причастность к другим корпоративным конфликтам.

Глава МВД Рашид Нургалиев, сейчас активно чистящий полицейские ряды от коррупционеров, узнав о «подвигах» своего зама, не стал изменять принципам и отправил в отставку Евгения Школова, до этого прошедшего, кстати, перепроверку.

В России переделы собственности часто сопровождаются поддержкой высокопоставленных полицейских, и этим сегодня никого не удивишь. Любопытно другое — почему именно губернатор Самарской области выступил обвинителем? И это несмотря на то, что «Тольяттиазот» только в прошлом году оправился от попытки рейдерского захвата, которая длилась шесть лет и была организована коллегой Евтушенкова по олигархическому цеху. Тольяттинский комбинат отстоял свою правоту, дойдя до Высшего Арбитражного суда РФ, а многочисленные дела, возбужденные в середине 2000-х в отношении компании и ее топ-менеджеров по уголовным и налоговым статьям, были прекращены — все обвинения были сняты за отсутствием состава преступления. Однако тольяттинцы радовались недолго — обращение Артякова снова запустило маховик полицейских репрессий».

Владимир Артяков был снят с должности губернатора, хотя преподнес это жителям области как собственное нежелание оставаться дальше на своём посту. Рейдеры на время утихли, но вскоре опять возобновилось давление на «Тольяттиазот» — теперь это была информационная война. Делалось всё, чтобы расшатать коллектив и посеять панику в жителях города.

Огромные баннерные полотна появились на московских шоссе, пороча честь и достоинство председателя совета директоров «Тольяттиазота» Сергея Махлая. Информация об этих объявлениях наружной рекламы тотчас появилась на ряде сайтов, которые регулярно размещали клеветнические материалы о ТоАЗе. Но как только выяснилось, что размещенная на щитах информация недостоверна и идёт вразрез с нормами действующего законодательства, щиты поспешно убрали.

В одно прекрасное утро жители Тольятти увидели расписанные ужасающими пророчествами подъездные двери, стены домов, лавочки и даже заборы. Неизвестные пророки оповещали о конце света по милости ТоАЗа. Мазепин не оставался ни перед чем.

Не только Сергей Махлай подвергался оголтелой травле, но и Владимир Махлай, — олигархи слишком хорошо знали, что он до конца своих дней будет рядом с родным заводом и сделает всё, что ещё в его силах, чтобы ТоАЗ работал стабильно. Но главному заступнику «Тольяттиазота» — правительству страны было некогда посмотреть в его сторону...

Сегодня Владимир Николаевич вернулся из Цюриха. Мы встретились во время завтрака, спрашивать я ни о чём не стала, а он молчал. Впрочем, по его суровому виду было понятно, что ничем утешительным переговоры о дальнейшем строительстве порта не кончились. Созидателем может быть только тот, кто верит в будущее, а у нынешнего правительства России этой веры, выходит, нет.

Дорогие наши читатели!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2015 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге Роспечати подписной Индекс «МГ»: для индивидуальных подписчиков — 70544; для предприятий и организаций — 72474.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА С «МОЛОДОЙ ГВАРДИЕЙ»

Когда я закончил Высшие литературные курсы при Литинституте, меня пригласил на беседу в «Молодую гвардию» заместитель главного редактора Вячеслав Горбачев и предложил мне должность заведующего отделом критики. К тому времени я уже опубликовал в разных журналах несколько критических статей, и меня в «Молодой гвардии» знали. Это было в марте 1990 года. Еще существовал Советский Союз, а журнал был органом ЦК ВЛКСМ. Согласно тем порядкам мне на этой должности нужно было получить одобрение в комсомольском ЦК. Но прошел месяц, второй, а оттуда — ни слуху, ни духу. И, не получив никакого ответа, на свой страх и риск главный редактор Анатолий Иванов самовольно ввел меня в состав редколлегии. Мы не знали, что высоким комсомольским чиновникам было уже не до нас, они уже тогда, в 1990 году, участвовали в делёжке государственной собственности. Им заранее была известна судьба СССР.

Коллектив «молодогвардейской» редакции оказался многолюдным и очень разношерстным. Мы занимали целый этаж в журнальном корпусе одноименного издательства. А тираж журнала в 1990 году был 700 тысяч.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Я принялся расчищать «авгиевы» завалы материалов отдела критики после уволенного за безделье А. Фоменко. И наткнулся на статью поэта Ивана Лыцова «Убийство Есенина», поступившую в отдел еще два года назад. В ней подробно, откровенно и доказательно говорилось о том, кто травил, преследовал и кто в прямом смысле убил великого русского поэта. Я отредактировал статью и подготовил ее для печати. Анатолий Иванов меня сразу же поддержал и даже попросил написать послесловие от редакции, в котором мы обращались к МВД и КГБ СССР с предложением нового, объективного расследования обстоятельств гибели С. Есенина. В том же 1990 году статья была опубликована, однако, естественно, никакого нового расследования, согласно нашему обращению, со стороны властей не последовало. Более того, т.н. «перестроечная» пресса обрушилась на журнал и на автора, И. Лыцова, с обвинениями в домыслах и клевете. Тем не менее это была первая в советской печати публикация, в которой опровергалось самоубийство Есенина. (В 1994 году Иван Лыцов погиб при невыясненных обстоятельствах.)

Я стал активно привлекать известных русских авторов патристического направления к сотрудничеству с журналом. Это было время надежд на изменения к лучшему в стране, и сам я был полон сил и энергии, а журнал имел огромный интерес у читателей, пользовался спросом сотен тысяч наших людей. (Я получил право готовить к печати не только литературно-критические, но и публицистические статьи.) Авторами журнала стали сильнейшие на то время русские критики и публицисты: Аполлон Кузьмин, Михаил Лобанов, Галина Литвинова, Татьяна Глушкова, Всеволод Сахаров, Михаил Лемешев, Олег Платонов, Владимир Юдин, Виталий Канашкин, Юрий Власов, Владимир Васильев, Марк Любомудров, Эдуард Володин и даже Вадим Кожинев, хотя вскоре он переключился на «Наш современник», куда главным редактором пришел Станислав Куняев.

В том же году я начал публикацию в журнале статей А. Кузьмича (Анатолия Кузьмича Цикунова), которые произвели ошеломляющее впечатление раскрытием тайных планов международной мафии в отношении России, пророческим трагизмом, глубиной и ясностью мышления и своей документированностью. Его статьи ставились в номер без промедления. «Рынок России в свете нового законодательства», «Хлебная карточка или петля на шее», «Почему финансы не поют романсы», «Как нас грабят ценами» и другие — били в цель одна за другой, как тяжелая артиллерия, и вызвали настоящий шок у архитекторов и прорабов катастрофы. Их ждали, они перечитывались и перепечатывались в других изданиях — в газетах «Русский Вестник», «Воскресение», «Домострой» и т.д. Эти материалы, конечно, уже не могли остановить набравший силу разрушительный поток, но их автор стал крайне опасен предателям, находившимся у власти в стране. Во время командировки в Нижневартовск 20 мая 1991 года он был найден в гостиничном номере мертвым.

В первом номере «МГ» за 1991 год я напечатал свою статью «О лжепоэтах и русской поэзии», вызвавшую громкий резонанс. Статья эта, с одной стороны, поднимала на шит, открывала талантливых, но малоизвестных в то время русских поэтов, а с другой — низвергала с поэтического олимпа баснословно раскрученных кумиров советской поэзии, которым поклонялись миллионы читателей: Евтушенко, Вознесенского и Ахмадулину. Журнал «Юность», «Независимая газета», «Московский комсомолец» злобно огрызнулись, а так называемая «либерально-демократическая общественность», насквозь антисоветская и русофобская, четко приметила и взяла на заметку автора статьи... Журнал наш явно действовал ей на нервы.

Определенные, а вернее говоря, известные силы поставили цель поменять руководство журнала. Они попытались использовать для этого упомянутую выше разношерстность сотрудников редакции, среди которых были и случайные люди, и скрытые антагонисты журнала, и молодые амбициозные карьеристы, желавшие быстрого служебного роста. Кто-то их надоумил, что пришло время отодвинуть в сторону «устаревшее» руководство, не отвечающее веяниям времени...

В феврале 1991 года, сговорившись, они рискнули устроить в редакции переворот. ЦК ВЛКСМ на нас уже не обращал никакого внимания. Воспользовавшись идеологической неразберихой, царившей в стране, экономическим хаосом и повсеместной клановой борьбой за власть, они решили провести экстренное общее собрание редакции, чтобы смести со своих должностей А.С. Иванова и его заместителя В.В. Горбачёва.

Я в это время находился в отпуске — в подмосковном Доме творчества «Малеевка». По телефону меня срочно вызвали в редакцию. Когда я приехал, Вячеслав Горбачев позвал меня в свой кабинет и огорошил вопросом: «Ты знал, что в журнале готовился переворот?» Мое искреннее удивление, видимо, оказалось доходчивым ответом.

Переворот сдудся оттого, что один из «заговорщиков», струсив и поняв провальность этой авантюры, сдал Иванову всех нетерпеливых охотников «быстрых перемен». Всех их обязали написать заявление об увольнении. Среди них был и зав. отделом публицистики И. Дьяков.

Анатолий Иванов попросил меня помимо отдела критики временно возглавить и отдел публицистики. Но, как известно, всё временное неизбежно становится постоянным. Отделом публицистики «Молодой гвардии» я заведовал до 1999 года, когда стал заместителем главного редактора.

И вот наступил август 1991 года. В начале месяца подписчики и читатели получили №8 «МГ», где стояла моя статья «Откройте глаза!!!» (тогда же она вышла в «Русском Вестнике»), в которой давался анализ жуткой моральной и экономической ситуации в стране и были предсказаны события ближайших лет. Как гово-

---

рили мне знакомые, этот номер они прятали от посторонних глаз, чтобы, не дай бог, кто-то не донёс на них в следственные органы как на читателей «антиперестроечной» прессы...

Утром 19-го я собирался на работу в редакцию. И вдруг по радио услышал сообщение о введении в стране чрезвычайного положения, о вводе военной техники в Москву и об отстранении М. Горбачева от должности президента. Сердце мое радостно встрепенулось: «Слава богу!..» Казалось, что теперь-то горбачевский бардак будет остановлен.

В редакции «Молодой гвардии» в тот день все мы пребывали в приподнятом настроении и ожидали ареста Ельцина. Однако прошел первый день ГКЧП, истекла смутная, полная больших ожиданий ночь, но ничего не происходило. На следующий день толпы ельциноидов полезли на танки и бэтээры, бесцельно стоявшие в центре столицы. Я был там и видел это своими глазами. Вот тут в меня закралось сомнение в происходящем. А когда эти же толпы стали собираться у Белого дома и перед ними развязно и самоуверенно выступил пьяный Ельцин, окруженный своими мерзкими прихлебателями, я понял, что всё рухнуло, что гэкачеписты ни на что не способны. Вечером 21-го они были арестованы.

Помню состояние жуткой душевной подавленности и безысходности. Уже в тот день мне было ясно, что прежней стране пришел конец. Такое же состояние испытывали почти все мои знакомые и тысячи патриотов по всей России. А жулики, подонки, русофобы и все аферисты, объединенные одним названием «демократы», нагло и вызывающе праздновали свою пиррову победу.

Нашему журналу со всех сторон посыпались угрозы, в том числе и с экрана ТВ. Кто-то из соседних «либеральных» изданий нашей 20-этажки прилепил на стене редакции «МГ» листовку с требованием убираться из здания подобра-поздорову. (В ближайшие несколько лет они сами все позакрывались и разбежались по экономическим причинам.) Анатолий Иванов вызвал меня к себе и поручил подготовить материал с ответом на эти угрозы и с объяснением произошедшего в стране нашим читателям. Буквально за один день я написал статью «Ответ погромщикам», которая тут же была поставлена в ближайший номер.

Всеобщий хаос, хозяйственный развал и разрушение государства, описанные в статье «Откройте глаза!!!», после спланированного августовского государственного переворота уже были видны и понятны всем, способным видеть и думать. Наш журнал в каждом номере публиковал жёсткие, прямые публицистические статьи, разоблачавшие вражеские силы, захватившие власть в стране. «Молодая гвардия» стала одним из главных форпостов борьбы за Россию с распоясавшейся русофобско-демократической эпидемией. Помню, поставил я в номер удивительную по глубине мысли, откровенности и пониманию сути происходящего беседу Татьяны Глушковой и Николая Дорошен-

---

ко. Два писателя подняли в ней для обсуждения и предопределили проблемы, которые до сих пор остались главными и неразрешимыми в современной национально-патриотической мыслительной работе.

В декабре 1991-го Советский Союз распался. В 1992 году во главу правительства Ельциным был поставлен Гайдар. Началось баснословное, нескрываемое разграбление России, а вся наша жизнь подверглась «шоковой терапии». Страну безжалостно впихнули в дикий рынок. Цены абсолютно на всё росли практически каждый день ускоряющимися темпом. От нас отпали союзные республики, закрылись сотни тысяч библиотек, а народу навязали другие — антикультурные и антимиоральные «ценности». Многие люди потеряли работу и обнищали. Им стало не до подписки на серьезные журналы. Тиражи всех литературных журналов катастрофически обрушились, даже еврейско-либеральных, поддерживаемых Соросом и новой властью. Нам не помогал никто, кроме самых верных и самых стойких подписчиков, желавших знать правду.

Вот в этой обстановке морального угнетения, политического раздора и экономического упадка 20 лет назад журнал отметил свое 70-летие. Анатолий Иванов в юбилейном майском номере за 1992 год писал в обращении к читателям под заголовком «Праздник горечи и надежд»: «Наша Родина, еще недавно могучая и великая, в том числе и литературными традициями, ныне лежит в страшной разрухе. До катастрофического положения доведены многие периодические издания, среди них и наш журнал. Искусственно вздутыми ценами на бумагу, на полиграфические работы (в 100 и более раз) правители-«демократы» толкают журнал на край пропасти. Но о себе ли нам беспокоится, когда народ обобран до нитки?.. Таково положение в стране, в которой «Молодая гвардия» остается одним из немногих изданий, осмеливающихся говорить суровую и горькую правду о нашем прошлом и нашем настоящем». Тогда же в своем поздравлении с юбилеем нам писал Юрий Бондарев: «Я люблю журнал «Молодая гвардия» — самый серьезный из нынешней периодики — за совестливость, отважную позицию, верность убеждениям и неиссякаемую молодость чувств». И Михаил Алексеев, главный редактор «Москвы», признавался: «Журнал-юбиляр и в свои 70 годков молод, по-молодому, бойцовски бесстрашен, дерзок и смел в защите самого дорогого и бесценного, что может быть у человека, — его Родины, его Отечества».

Каждый номер «Молодой гвардии» был как глоток свежего воздуха для русского читателя-патриота. А для разрушителей и врагов страны каждый номер был все эти годы как настоящая бомба. Просматриваешь материалы, публиковавшиеся в них в начале 90-х годов, и видишь, как фактически на всех стоит печать трагизма. Это состояние не могло длиться бесконечно, безысходно, что-то должно было произойти, какие-то действия должны были прорваться сквозь накопившиеся внутри русских людей обиды, злость и проклятья к лжецам и наделенным влас-

---

тью проходимцам. Русское восстание вызревало и в сентябре 1993 года прорвалось в центре Москвы, на Красной Пресне. Вслед за восставшим Верховным Советом восстал народ.

Все эти двенадцать дней противостояния с ельцинско-гайдаровской нелюдью я находился у Дома Советов. Я был и свидетелем и участником этой великой, хоть и неудавшейся русской революции. Затем, после расстрела Белого Дома, всё, что я видел и знал, всё, что пережил и о чем думал в эти дни, я описал в двух статьях: «Москва, кровью умытая» и «Ритмы расстрела», которые вышли к читателям в «Молодой гвардии». Затем в течение целого года мы в каждом номере давали статьи, очерки, письма, стихи, рассказы под рубрикой «Чёрный октябрь».

После событий 3—4 октября над русской прессой вновь нависла опасность разгрома. С экрана ТВ т.н. «демократы» с перекошенными от злобы лицами требовали «раздавить гадину» и ликвидировать патриотические газеты и журналы. С аналогичным обращением к Ельцину они же выступили в газете «Известия». Под этим расстрельным письмом стояли сорок две известные фамилии. Многие русские газеты действительно были закрыты.

Однако русская печать не дрогнула, более того — она стала еще смелее и прямее. Все вещи и всех мерзавцев она еще упорнее стала называть своими именами, несмотря на оскорбления, угрозы, доносы, провокации и прямые воздействия наших идейных врагов и русофобов. Переходя из номера в номер, в «МГ» печатались совершенно уникальные для своего времени произведения, приковывавшие внимание многих тысяч русских людей, — духоподъемные работы митрополита Иоанна (Снычева), документальные повествования Николая Кузьмина «Возмездие» и «Чёрные тюльпаны перестройки», главы романа Владимира Успенского «Тайный советник вождя», яркие литературные портреты современников, созданные Владимиром Цыбиным, Феликсом Чуевым, Станиславом Золотцевым, хлесткие публицистические статьи Валентина Распутина, Эдуарда Володина, Анатолия Ланщикова, Николая Федя, Эдуарда Хлысталова, Виктора Илюхина, Николая Коняева, Сергея Семанова, Юрия Воробьевского, Михаила Антонова и многих других известных русских писателей. Это была истинная Гвардия лучших представителей народа, сражавшаяся на переднем фронте с коварным и жестоким противником.

Знакомые поэты не раз говорили мне: «Ведь ты же поэт, у тебя такая лирика!.. Зачем ты тратишь силы и невосполнимое время на борьбу? зачем воюешь с этими уродами? зачем нарываешься на неприятности?..» А кто-то удивлялся: «Странно, почему ты работаешь в отделе публицистики, а не в отделе поэзии?» Удивительно мне было сталкиваться с этим непониманием. Только и оставалось ответить им словами Некрасова: «Не может сын глядеть спокойно на горе матери родной...» Видимо, в силу своего характера я не мог оставаться в стороне от мыслительной деятельности нашего времени. Я видел, знал, чувствовал всем серд-

---

цем, где правда и где ложь. И мне было что сказать русскому читателю. К тому же публицистика в эти годы стала главным литературным жанром для пишущих и думающих людей. Мои статьи и стихи выходили в журнале практически через номер.

Разумеется, «либерально-демократические» СМИ остревенело поносили нас на чем свет стоит, приклеивая ярлыки «маргинального», «антисемитского», ну и, конечно же, «фашистского» издания. В №9 за 1994 год я опубликовал в «МГ» свою большую работу под названием «Сатанизм демократии, или Дети погибели». Это было своеобразное религиозно-философское исследование о корнях, о происхождении интернациональной, коммуно-демократической идеологии, вышедшей из древних иудейско-масонских представлений и установок на захват власти над миром. Для этого мне пришлось на целый месяц отправиться для работы в Малеевку, перелопатить массу соответствующей литературы и углубленно перечитать Библию. Само собой, публикация этого исследования не могла пройти бесследно. Коллективный донос в Генеральную прокуратуру не заставил себя ждать. Уголовное дело по ст. 74 (по старому УК — за разжигание национальной и религиозной розни) было Бутырской прокуратурой возбуждено даже без встречи со мной. Узнал я об этом из заметки в «Московском комсомольце», радостно сообщавшем: «Ну наконец-то! Наконец-то этого ксенофоба будут судить!» Полтора года мурыжили меня следователи прокуратуры. Полтора года я объяснял им, для чего я писал эту работу и о чем хотел в ней сказать. Пришлось потребовать независимой экспертизы текста статьи, с помощью которой это дело в конце концов было прекращено за отсутствием состава преступления. «Вечерняя Москва» по этому поводу разразилась злобным опусом А. Кабакова о том, что, мол, прокурор, подписавший постановление о закрытии уголовного дела, является «поклонником творчества В. Хатюшина»... И все же Министерство печати вынесло журналу предупреждение.

1999 год стал для коллектива нашей редакции в прямом смысле трагическим. В мае не стало А.С. Иванова, а в октябре ушел из жизни заменивший его А.А. Кротов. Этот тяжелый моральный удар мог переломить направление и всю работу журнала. Нужно было брать груз ответственности на себя, чтобы сохранить влияние «Молодой гвардии» на общественное сознание России и не потерять связи с нашими испытанными, авторитетными авторами, чтобы не уронить высокой планки профессионализма в творческой и редакторской работе журнала. На собрании редакции я предложил избрать на должность главного редактора Евгения Юшина, а сам стал его заместителем.

Финансовое положение журнала к тому времени было очень трудным. Денег от подписки уже не хватало на выпуск ежемесячных номеров, на выплату зарплаты, за аренду кабинетов и коммунальные услуги. Мы, новое руководство, вынуждены были пойти на кардинальные действия и серьезные изменения в работе,

---

потому что иначе журнал прекратил бы свое существование. Пришлось отказаться от выплаты гонораров, пришлось приступить к выпуску двоянных номеров, пришлось ужаться до минимума, оставив редакции лишь два кабинета на этаже, который мы занимали, ну и, само собой, пришлось сократить рабочий коллектив. Это дало нам возможность устоять, не рассыпаться в удушающей атмосфере того экономического и морального гнёта, при котором нас в прямом и в переносном смысле очень хотели задушить. Погубить журнал нашим недругам не удалось. И самое главное, мы удержали поднятый вес национального издания, мы не отступили ни на шаг от ранее выбранного пути.

Десять лет проработал я заместителем главного редактора «Молодой гвардии». Это было время невероятных жизненных и нравственных испытаний для нашего народа, для страны и для русского национального движения. Журнал наш ни разу не дрогнул, не поступился верностью русским интересам и не пошел на службу олигархической власти, как бы нам ни было трудно все эти годы. В 2009 году я стал главным редактором боевого и ставшего мне родным патриотического журнала, сохранившего традиции русской классической литературы.

В 2012 году «Молодой гвардии» исполнилось 90 лет. Основанный в мае 1922-го, наш журнал, пройдя вместе со страной героический путь побед, взлётов и трагических испытаний, достиг высокого возраста. Из всех существующих ныне литературных журналов старше нас нет никого. Возможно, и мой личный опыт войдет в эту большую, необыкновенную историю.

И новые испытания преподносит нам современная жизнь. Весь прошлый 2014 год, как и прошедшие месяцы нынешнего года, мы вместе со всем нашим народом переживали события, происходившие на земле Украины и Новороссии. В каждом номере журнал освещал самые значимые перипетии реальной действительности: пылающий майдан, государственный переворот в Киеве, возвращение Крыма, антироссийские санкции, трагедию Донбасса, кремлёвское малодушие, экономический кризис, сильно ударивший, в том числе, и по периодическим изданиям страны. Читателям стало еще сложнее подписываться на любимые газеты и журналы. Да и выход в свет этих изданий стал намного проблематичнее — цены подскочили абсолютно на всё: на почтовую доставку, на бумагу, полиграфию, арендную плату, коммунальные услуги и т.д. Но я верю, что и это препятствие мы вместе преодолеем и сохраним один из острейших и актуальнейших журналов современности.

У нас с вами, дорогие читатели, есть благородная цель: воспитать патриотическое поколение, идущее вслед за нами, и отметить 100-летие «Молодой гвардии»!